

83.3^{кр}(2=Русь)7-8

0-118

1

**О, Русь,
ВЗМАХНИ
КРЫЛАМИ**

Новое о Есенине

1

1373845-кв

расписана

кР

кР

83.3(2-А)с)7-8

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. Горького

0-118

1

О, Русь, взмахни крылами

Есенинский сборник

Выпуск

I

1373845

ЯЗЫЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

16

МОСКВА
"НАСЛЕДИЕ"
1994

4

Издание осуществлено за счет средств, выделенных
Российским фондом фундаментальных исследований

Ответственный редактор
кандидат филологических наук Ю. Л. ПРОКУШЕВ

Редактор-составитель
М. В. Стахова

Оформление выполнено на общественных началах
художником Е. К. Самойловым

Рецензенты:

доктор филологических наук Л. Д. Громова-Опупльская,
доктор филологических наук А. М. Крюкова

О, Русь, взмахни крылами... Есенинский сборник.
Вып. I.— М.: Наследие, 1994 — 267 с.

В первый сборник-спутник Академического собрания сочинений С.Есенина, выпускаемого к 100-летию со дня рождения поэта Институтом мировой литературы, включены материалы XIV Есенинских чтений.

Статьи и исследования, помещенные здесь, содержат новые взгляды на творческое наследие поэта, документы и факты, касающиеся биографии Есенина и его литературного окружения (Н.Клюев, И.Приблудный, П.Радимов и др.).

В книге также впервые публикуются неизвестные ранее архивные документы и фотоиллюстративные материалы.

Сборник обращен к широкому кругу читателей.

ОТ РЕДАКЦИИ

Это первый из сборников-спутников, подготовленный научной группой ИМЛИ в процессе работы над академическим собранием сочинений С.А.Есенина.

В основе сборника — материалы XIV Есенинских чтений, которые состоялись в ИМЛИ в сентябре 1992 г. Среди 170 участников чтений, приехавших в Москву из 45 городов России, Украины, Литвы, Грузии, Азербайджана, Узбекистана, а также из Англии — известные исследователи творчества Есенина, преподаватели ВУЗов, научные сотрудники, писатели, художники, журналисты, библиографы, краеведы, учителя. На чтениях, в ходе живой дискуссии и обмена мнениями, получили освещение как важнейшие концептуальные проблемы, так и частные вопросы современного есениноведения. В докладах и сообщениях, как правило, содержались новые сведения и документальные материалы о жизни, творчестве поэта, его литературном окружении.

Все это нашло свое отражение в сборнике. Авторы его излагают свои взгляды, полемизируют с оппонентами, выдвигают различные аргументы при рассмотрении той или иной из проблем, вводят в оборот ранее неизвестные факты. При этом по ряду проблем и вопросов высказываются такие точки зрения, с которыми порой бывает трудно согласиться. Но ведь только в противоборстве разных мнений, в научной дискуссии, можно приблизиться к истине.

Сборник “О, Русь, взмахни крылами...” включает четыре раздела: “За круглым столом” (Проблемы, взгляды, вопросы), “Поиски, находки, открытия” (Сообщения и публикации), “На разных широтах и языках” (Текстологические разыскания и биографические обзоры), “С думой о Есенине” (Слово поэта).

Несомненный интерес представляет иллюстрированный материал, завершающий сборник. Большая часть фотодокументов публикуется впервые.

Настоящая книга — первая в серии сборников-спутников академического собрания сочинений С.А.Есенина, призванная объединить усилия исследователей творчества поэта — ученых, библиографов, историков, краеведов. Участниками сборников могут стать авторы, располагающие ранее не опублико-

вавшимися или малоизвестными материалами: рукописями, письмами, документами, воспоминаниями,— а также исследователи, чьи работы отражают новый подход к постановке и решению научных проблем и могут содействовать решению задач, возникающих в процессе подготовки академического издания великого поэта России.

І. ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ

Проблемы, взгляды, вопросы

Ю.ПРОКУШЕВ

БЕССМЕРТНАЯ ДУША РОССИИ

Есенин сегодня, завтра и всегда

Но за мир твой, с выси звездной,
В тот покой, где спит гроза,
В две луны зажгу над бездной
Незакатные глаза.

Сергей Есенин

Мы переживаем сегодня, может быть, один из самых трагических периодов в жизни России, нашей отечественной культуры и государственности. При этом с каждым днем мы убеждаемся все больше и больше, что любая экономическая реформа без духовного возрождения России — бесперспективна и фактически — тупикова. И когда мы *говорим о Есенине сегодня и завтра*, то можем без преувеличения сказать: его поэзия, озаренная немеркнущим нравственным светом и негасимой любовью к Родине, это — духовный цемент русской нации. Вместе с тем, Есенин дорог и близок народам, веками разделяющим свою судьбу с Россией. Отсюда — и та колоссальная, подлинно всенародная любовь к Есенину, и неуклонно возрастающий в обществе неподдельный интерес к творчеству и личности поэта, а в последние годы — обострившееся внимание к дням трагической гибели Есенина, к “легендам” и “версиям”, касающимся его смерти.

Не за горами столетие Есенина — девяносто пятый год. Ныне, на излете века, все очевидней становится та истина, что Есенин, несомненно, был и остается одним из гениальных поэтов двадцатого столетия. Этим прежде всего определяется его первостепенное место и пророческое предназначение в духовной жизни не только России, но и мира, особенно — славянского.

1. Прозрение гения

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветь и умереть.

Сергей Есенин

Гениальный художник — это всегда бескомпромиссная, несгибаемая, совестливейшая правда: правда чувств и мысли, правда истории и современности. Гений — всегда народен. Для него на земле существует лишь один Бог — Истина.

В поисках истины он *может* заблуждаться, ошибаться, отрицать самого себя, вчерашнего, сжигая за собой мосты, уничтожать свои рукописи...

Не может — только одного: изменить своей Родине, своему народу, даже в самые драматические и трагические для него дни.

Всем родом человеческим, равно как и своим народом, на него каждый раз возлагается священная миссия: быть совестью и пророком своего времени, врачом и летописцем народной души.

Сердце гениального поэта испытывает воистину космические эмоциональные, нравственные перегрузки. На совесть его неодолимо ложатся тревоги, заботы Отчизны, людские слезы и печаль, светлые и радостные мгновения счастья народного.

Жизнь его — пророческий духовный подвиг.

Судьба Сергея Есенина — блистательное тому подтверждение. В его стихах и поэмах есть и беспощадный нравственный счет к своим ошибкам и заблуждениям, и кричащие противоречия, отражающие объективные противоречия самой действительности, равно как и субъективные противоречия во взглядах самого поэта.

Нет во всем творчестве Есенина, в его жизни, гражданской поэзии одного: ухода, отстраненности от самых жгучих, самых животрепещущих, самых сложных социально-классовых, политических, моральных, нравственных, этических проблем, которые встали перед Родиной поэта, его народом в "суровые, грозные годы".

С потрясающей глубиной и художественной силой Есенин рассказывает не только о своем времени, не только хранит его в Слове для потомков. Пророчески провидя будущее, поэт близок нашему времени, нашей жизни, нашим думам и чувствам, радостям и болям.

Еще закон не отвердел,
Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.

Россия! Сердцу милый край!
Душа сжимается от боли.
Уж сколько лет не слышит поле
Петушье пенье, песий лай.

Страну родную в край от края,
Огнем и саблями сверкая,
Междоусобный рвет раздор.

Более шести десятилетий тому назад родились в душе поэта эти пронзительные кровоточащие строки, а кажется — все это о нас, о трагических днях, переживаемых нашей родиной, Россией, сегодня!

Подчеркнем с особой гордостью: любовь к Родине, верность России Есенин с юных лет сохранил и пронес в сердце, стихах через всю жизнь, через все тернии и испытания, уготовленные ему судьбой!

Пронес через злобную клевету и хулу всякого рода литературных карликов и кликуш; через травлю в печати и провокационные доносы властям; через чудовищно-несправедливые обвинения в национализме, антисемитизме, шовинизме; через милицейские допросы, судебные угрозы и преследования; через домогательство охочих до чужой славы и кармана различного рода литературных прилипал; пронес через многие другие нравственные испытания, через унижения, оскорбляющие честь и достоинство.

Нетрудно представить, какого мужества стоило все это Есенину — поэту и человеку, — чтобы выдюжить, сберечь в душе и сердце тепло доброты и милосердия к людям и навсегда сохранить негасимую любовь и безграничную веру в Россию.

Сегодня это очевидно, как никогда. Также, как и то, что нравственные потрясения, испытания, невзгоды на поэта обрушило не столько его трагически-противоречивое время, сколько — и прежде всего, в первую очередь — те из стоящих в ту пору на вершине власти “идеологов”, которые в своем вульгарно-догматическом, воинствующем, “революционном” сектантстве были, по сути дела, напрочь лишены святого патриотического “чувства Родины”: тревоги, боли, радости за судьбу русского народа, России. При всей “революционности” на словах, на самом деле, по существу, Россия с ее героическим прошлым, неповторимо-самобытной национальной культурой, духовностью и соборностью, народной

болью и совестью всегда была им чужда и негодна, если не сказать более!

Именно в этом было *главное духовно-нравственное и гражданско-национальное противостояние* между ними и великим поэтом России: всеми этими бухаринскими, троцкистскими, сосновскими, волиными, авербахскими...

Есенин, его ярко национальная и глубоко общечеловеческая поэзия, проникнутая животворным светом надежды и сострадания, нравственно, духовно, этически взрывала их космополитически-сектантский, бездуховный "интернационализм", которому, к великому сожалению, было едва ли ведомо чувство национального достоинства и любви к Родине, в данных исторических условиях — к России.

При этом многие из них, охваченные неприязнью и злобой к Есенину, стремились самым бессовестным и наглым образом оклеветать поэта публично, приписать антисемитские настроения и взгляды, очернить его светлое имя в глазах народа. Достаточно вспомнить клеветнические выступления о Есенине в печати того же Л.Сосновского¹, или печальной памяти "Злые заметки"² тогдашнего главного "теоретика" и редактора "Правды" — Н.Бухарина, "руководящего" утверждающего, что "идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого "национального характера": мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще". При этом особо подчеркивалось, что "наше рабское историческое прошлое, еще живущее в нас", "воспеваётся, возвеличивается, ставится на пьедестал лихой и в то же время пьяно рыдающей поэзией Есенина и его многочисленных подражателей и подражательниц"³. Как говорится в таких случаях, комментарии излишни!

Самое же главное — и этому не может быть никаких оправданий ни сегодня, ни завтра — это то, что в "сочинениях" Бухарина, Сосновского и К^о грубо искажалось или вовсе игнорировалось беззастенчивым образом главное, решающее обстоятельство: *само творчество Есенина — стихи, поэмы, проза, — начисто лишённое каких-либо националистических устремлений и мотивов. Они просто "не замечали" Есенина как великого народного, национального поэта!*

Иначе разве мог бы, к примеру, Сосновский вскоре после смерти Есенина, явно оскорбляя память поэта, в издевательских тонах, не скрывая своей "радости", писать о том, что "уже прошел первый угар, вознесший этого свихнувшегося талантливого неудачника чуть ли не в великие национальные поэты. Уже вышел первый сборник статей против "есенинщины"⁴. Вот так, не более — не менее: не великий поэт, а всего лишь "свихнувшийся талантливый неудачник". Утверждалось

все это прямо-таки “прокурорским” тоном. Невольно вспоминается бессмертный Грибоедов: “А судьи кто?..”

Самое досадное, печальное и, если хотите, — дикое: что и в наши дни не перевелись такие маленькие “современные” сосновские и бухарины, такие же самоуверенные и недобросовестные в своих суждениях о Есенине. Так, один из нынешних шустрых “бухаринцев” в борьбе с якобы “благодетным” образом Есенина попытался даже реанимировать бухаринские “Злые заметки”. Не краснея от стыда, он публично утверждал, что в них дана “недоброжелательная, но во многом точная характеристика поэзии Есенина”⁵. Куда уже дальше!

Опираясь на такой “фундамент”, как “Злые заметки”, сей критик-“демократ” делает еще одно “открытие”. По его мнению, “неимоверная популярность Есенина была обусловлена не столько поэтикой, которая не должна была бы сулить массового признания, сколько судьбой”⁶. И далее, без тени смущения, беззастенчиво заключает, что именно Есенин стал в русской поэзии “подлинным поэтом угрюмого и самоубийственного разгула как образа жизни, противостоящего всему — Богу, морали, праву, труду, женщине, семье”⁷. Как говорится, и я его лягну, пускай мое... “копыто” знает. И “лягает”: и не только Есенина, но и Алексея Толстого, и других. Одним словом, размахивает критической геростратовой палицей во все стороны: раз... зайдитесь, а то голову снесу! Одно при этом забывает господин Боровиков: что в своей попытке переиначить историю нашей литературы, включая Есенина, на свой манер, он далеко не оригинален. Все это уже было, и — не однажды, особенно по отношению к Есенину. И каждый раз заканчивалось для разного рода “обличителей” и “ниспровергателей” Отечественной словесности, включая поэзию Есенина, полнейшим крахом их бредовых идей, равно как и полным забвением — со временем — их имен в памяти народной.

Обратимся вновь непосредственно к Есенину. Конкретно к тому, что прежде всего определяет непревзойденное значение его поэзии, ее благотворнейшую роль в нашей духовной, нравственной жизни: и сегодня, и завтра — в будущем! Наконец, в чем же, действительно, секрет “неимоверной популярности” Есенина, и более того — всенародной любви к поэту, его стихам.

* * *

Подобно живой жизни, поэзия — всегда в вечном и неустанном движении к идеалу добра и красоты, в постоянном настойчивом стремлении запечатлеть в Слове неповторимый Лик родной земли.

“...Моя лирика жива одной большой любовью: любовью к Родине. Чувство Родины — основное в моем творчестве”. Есенин был убежден: “нет поэта без родины”. Убежден с юношеских лет, с первых своих шагов в русской поэзии.

В самые трудные, самые тяжелые для родины дни, в самые черные часы жизни, когда, казалось, невозможно найти ответа на мучительно-неотступный вопрос: “Куда несет нас рок событий?”, — главная боль, главная дума Есенина — о судьбе России, о ее настоящем и будущем. Вспомним знаменитый есенинский триптих о Родине, его “маленькие поэмы”: “Русь уходящую”, “Возвращение на родину”, “Русь советскую”. Сколько в них любви к Родине, тревоги за ее благополучие в году суровых революционных бурь и потрясений. Как исповедально звучит рассказ поэта о возвращении после странствий по свету в “родимый край”. Жизнь в его Константинове после пожара гражданской войны и разрухи начинала входить в мирные берега. Сможет ли он *петь* об этой новой жизни? Будет ли *понят* молодым поколением? *Нужна* ли им его поэзия?

Вопросы, вопросы, вопросы...

Все эти далеко не однозначные, противоречивые мысли, эти тревожные раздумья озарены одним-единственным светом — чувством родины.

Даже тогда, когда “чужим” начинает казаться “язык сограждан” и все больше одолевает неотступное одиночество, — даже тогда никто и ничто не в силах оборвать, оторгнуть от народа выстрадавшую “всем существом в поэте” бессмертную песнь о России:

Ну что ж!
Прости, родной приют.
Чем сослужил тебе, и тем уж я доволен,
Пускай меня сегодня не поют —
Я пел тогда, когда был край мой болен.

Приемлю все.
Как есть все принимаю.
Готов идти по выбитым следам.
Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.

Я не отдам ее в чужие руки,
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она свои вверяла звуки
И песни нежные лишь только пела мне.

Цветите, юные! И здоровейте телом!
У вас иная жизнь, у вас другой напев.
А я пойду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирив.

Но и тогда
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким "Русь".

Это стихи двадцать четвертого года!

И так до последних дней жизни, до последних шагов по Земле, последнего вздоха: вопреки всем обидам и превратностям судьбы, — неисчерпаемая, святая любовь к Родине.

Чувство родины в стихах народного поэта не подвластно времени. Оно бессмертно и вечно. Каких бы глубинных вопросов сегодняшней действительности мы не коснулись, вновь и вновь убеждаемся, что о многих из них *впервые* размышлял Есенин, размышлял неотступно, порой мучительно и трагично.

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поездов?

А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

Кто сегодня не знает этих стихов, впервые прозвучавших в русской поэзии еще в начале двадцатых годов? Чью душу и сердце не заберет в полон образ есенинского красногривого жеребенка, трагически-беззащитного перед железной силой века? Могут ли эти стихи оставить кого-нибудь равнодушным?

На глазах у поэта умирала старая, патриархальная Русь. Что придет ей на смену? Что ждет Россию в будущем? Сумеют ли люди будущего сохранить красоту природы? Любовь к Земле? А значит, сохранить и себя, и весь род Человеческий!..

Тревожны раздумья поэта. Вот почему его стихи о “красногривом жеребенке” будут, несомненно, волновать и тех, кто придет за нами. Можно сказать по праву: это — стихи века.

* * *

Противоречивые, сложные процессы происходят в наше время в духовной жизни мира: с одной стороны, растет национальное самосознание народов, их стремление к суверенной независимости и государственности, с другой, — происходит размывание национального, особенно в области культуры, родного языка, духовной жизни. Идет мощное, целенаправленное наступление массовой культуры на корневые, национальные традиции народной жизни.

Если говорить по отношению к России, то Есенин в свое время острее, трагичнее, чем большинство его современников, чувствовал опасность национального нигилизма, неизбежно ведущего к утрате чувства родины и национального достоинства.

Великий русский поэт прекрасно сказал об этом в стихах о подвиге 26 бакинских комиссаров, о любви к грузинскому народу и Грузии. И он же, Есенин, не мыслил себя, своей жизни без России:

Но более всего
Любовь к родному краю
Меня томила,
Мучила и жгла.

История, опыт отечественной и мировой поэзии свидетельствуют неоспоримо: чем сильнее, глубже в них национальное начало, тем они общечеловечнее, а значит — ближе, желаннее, роднее другим народам. Отсюда неразделимость, слитность в стихах Есенина судеб России и мира; отсюда предельная озабоченность поэта завтрашним днем всего человечества:

Я думаю,
Как прекрасна
Земля
И на ней человек
И сколько с войной несчастных
Уродов теперь и калек!
И сколько зарыто в ямах!
И сколько зароят еще!
И чувствую в скулах упругих
Жестокую судоргу щек.

Удивительно современные стихи!

Кажется: они родились в наши дни, когда с космических высот, в голубом ореоле, такой прекраснейшей видится Земля — наш общий дом; и когда, вместе с тем, угроза — прежде всего экологической и атомной катастроф — создает жуткую, реальную возможность гибели рода человеческого. Такова сила прозрения гениального художника. Его поэзия всегда с заглядом в будущее, всегда философски пронизательна, мудра, дальнзорка, в высшей степени человечна!

Есенин пророчески стремится заглянуть в будущее Человечества. “Пространство будет побеждено, и в свой творческий рисунок мира люди, как в инженерный план, вдунут осязаемые грани строительства. Воздушные рифы глазам воздушных корабельщиков будут видимы так же, как рифы водные. Всюду будто расставлены вехи для безопасного плавания и человечество будет перекликаться с земли не только с близкими ему по планетам спутниками, а со всем миром в его необъятности”.

Сказано это было в... 1918 году.

Чем больше размышляешь о космизме Есенина, его поэзии, тем больше поражаешься ее вселенской глобальности, которая органически слита в его стихах с предельным реализмом земной романтики. Вспомним хотя бы такие ранние стихи поэта, как “Звезды”, “Голубень” и особенно стихотворение “Там, где вечно дремлет тайна...”, написанное Есениным в 1916 году.

А вторая, “космическая” часть поэмы “Русь”: “Понакаркали черные вороны...”? Я уже не говорю о сплошь вселенских стихах и поэмах Есенина первых лет революции — “Отчаре”, “Преображении”, “Иорданской голубице”, “Июнии”, “Пантократоре”, “Небесном барабанщике”. В них поэт как бы на “ты” со всей Вселенной.

И так — на всю жизнь.

Чего стоит только одна поэма “Цветы”. “Это философская вещь”, — так определил ее суть Есенин, заметив, что прежде чем ее читать, “нужно... подумать о звездах, о том, что ты такое в пространстве и т.д., тогда она будет понятна”.

Человек — дивное творение природы, прекрасной, неповторимый цветок живой жизни, единственный во всей Вселенной, и вместе с тем — необъятная Вселенная своей души. В поэме “Цветы” Есенин сумел обо всем этом сказать по-своему, в высшей степени художественно, впечатляюще и самобытно.

“Человек и Вселенная” — вечная тема, которая в современной поэзии по-настоящему только “проклевывается”. У Есенина она была одной из главенствующих. Ради истины заметим: достойно, по-есенински, она звучит в наши дни в

стихах выдающегося русского поэта Василия Федорова — особенно в его поэме “Седьмое небо”.

Что же касается самого Есенина, то он на связь человека с Вселенной посмотрел как бы из будущего... из XXI века, когда человечество “будет переключаться... со всем миром в его необъятности”.

И еще заметим: сколько у Есенина в стихах сердечного тепла и душевного умиротворения, которых более чем когда-либо явно не хватает сегодня в нашем Отчем Доме — России, и далеко не в избытке на всей Планете.

Бесконечно благодарны мы поэту, столь щедро одарившему мир и каждого из нас своим мудрым вещим Словом.

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым,
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвезть и умереть.

Такие стихи — до спазмы в горле. Они переворачивают душу. Когда их слышишь, особенно впервые, то невольно думаешь: чтобы написать такие стихи, надо, образно говоря, прожить не одну жизнь — столь глубоко, благословенно в них ни с чем не сравнимое ощущение радости, счастья жизни и благодарности судьбе за то, “что пришло процвезть и умереть”. Казалось, только человек, за плечами которого — долгие, долгие годы жизни, перед своим уходом в мир иной бывает в силах встретить так умиротворенно и благословенно свой смертный час. Поначалу даже как-то трудно представить, что эти гениально-простые, божественно-мудрые стихи написаны еще совсем молодым человеком, которому едва исполнилось двадцать пять лет! Все больше открывается та истина, что подлинная поэзия — всегда чудо и “нечаянная радость”.

Мир человека и мир природы Есенина един и неделим. Отсюда прозрение, нравственная высота его поэзии. Есенин прекрасно осознает, что отстранение человека от природы, а тем более конфликт с ней, приносят непоправимый урон и нравственный ущерб. Потому-то Есенин столь открыто и бескомпромиссно встает на защиту “красногривого жеребенка”. Потому-то, будучи за границей, поэт столь остро почувствовал окружающую его атмосферу бездуховности, во многом порожденную “философией” прагматизма, вещизма и долларовой “лихорадкой”.

“Родные мои! Хорошие!

Что сказать мне вам об этом ужаснейшем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом?” — писал Есенин в Москву из Германии в июле 1922 года.

И далее, с нескрываемым удивлением и явной озабоченностью, замечал: “Человека я пока еще не встречал и не знаю, где им пахнет. В страшной моде господин доллар, на искусство начхать — самое высшее музик-холл”.

Сопоставляя обстановку в “благополучной” Европе с жизнью в России, едва встающей на ноги после военного лихолетия, Есенин отмечает, что “со стороны внешних впечатлений после нашей разрухи здесь все прибрано и выглажено под утюг”. Но видит поэт и другое, сравнивая внутреннюю духовную жизнь европейцев и своих соотечественников:

“Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь за ненадобностью сдали в аренду под смердяковщину”.

Беззащитность человека и природы перед “сильными мира” поэт особенно остро почувствовал в Америке, где довольно скоро убедился, что при всей, казалось бы, “святости” американцев, душа человеческая как таковая здесь по существу мало кого интересует. “И правда, на кой черт людям нужна эта душа, которую у нас в России на пуды меряют, — с горькой иронией писал Есенин на родину из Америки. — Совершенно лишняя штука эта душа...”:

Места нет здесь мечтам и химерам,
Отшумела тех лет пора.
Все курьеры, курьеры, курьеры,
Маклера, маклера, маклера.
От еврея и до китайца,
Проходимец и джентельмен,
Все в единой графе считаются
Одинаково — business men.
На цилиндры, шапо и кепи
Дождик акций свистит и льет.
Вот где вам мировые цепи,

Вот где вам мировое жулье.
Если хочешь здесь душу выразить,
То сочтут: или глуп, или пьян.
Вот она — мировая биржа!
Вот они — подлецы всех стран.

Эти строки из пьесы Есенина “Страна негодяев”, написанные в Америке, датированы поэтом “Нью-Йорк, 14 февраля 1923 года”. Впервые они были напечатаны в двадцать пятом году. Ранее, осенью двадцать третьего года, Есенин опубликовал в “Известиях” свой зарубежный очерк “Железный Миргород”. Делясь впечатлениями об Америке, поэт обращает особое внимание на один, как ему представляется, весьма характерный момент в мировосприятии жизни американцами. “Владычество доллара, — подчеркивал Есенин, — съело в них все стремления к каким-либо сложным вопросам. Американец всецело погружен в “business” и остального знать не желает. Искусство Америки на самой низшей ступени развития”.

Кое-кто может заметить: сегодня не двадцать третий, а девяносто третий год, мир — изменился, и Америка не та — другая.

И да, и — нет!

Да! Соединенные Штаты Америки — ныне могучая сверхдержава, со всеми положительными сторонами жизни ее народа. Очевиден вклад американцев за последние полвека в мировую экономику и науку.

Но бесспорно и то, что в наши дни “господин доллар” во сто крат приумножил свою силу, и не только в Америке. Он стремится управлять миром повсюду. Ныне долларовые кредитно-долговые цепи напрочь сковали экономику многих латиноамериканских и африканских стран, да и не только их одних.

Трудно было во времена Есенина, да и позднее, даже представить себе, что “господин доллар” когда-нибудь доберется до нашей Родины.

Будем надеяться, что “господин доллар” пока еще не смертельно ранил русскую душу, что Россия, давшая миру таких титанов духа, как Пушкин, Лермонтов, Есенин, все же выдюжит, особенно нравственно, духовно. “Если вы хотите сохранить свою оригинальность, бросьте это рабское подражание Западу, пусть теперь прославится ваш собственный творческий дух. Слава Богу, вы им богаты! Итак, смело вперед!” и еще: “Жалкое подражание их неистовым крикам и кривлянию перед микрофоном является нелепым и уродливым. На западе высоко ценят русскую прекрасную музыку, русские народные песни и пляски, в которых отражается русская душа”⁸. Необратимый духовный кризис уже давным-давно на Западе стал горькой реальностью.

Отсюда все более настойчивые дружеские пожелания из-за рубежа, как наиболее дальновидно мыслящих европейцев, так и американцев, сохранить, не растерять в нынешней критической ситуации бесценное духовное богатство и складывающееся веками культурное национальное наследие России — сохранить для благополучия не только своих соотечественников, но и других народов.

* * *

Есть еще одна немаловажная проблема, когда мы говорим о Есенине сегодня и завтра, самым непосредственным образом связанная с пребыванием поэта в Европе и Америке: встречей “лицом к лицу” с русской эмиграцией — и прежде всего, с возникшим на Западе после Октября 1917 года русским литературным зарубежьем. Это — “Москва кабацкая”.

Сегодня, когда появляется все большее число публикаций авторов русского зарубежья, и среди них немало разнообразных материалов о Есенине, зачастую между собой полярно-противоречивых: от Бунина и Гиппиус до Романа Гуля и Кусикова, — разговор о том, что *прежде всего* побудило поэта к созданию “Москвы кабацкой”, как рождался этот цикл, как развивался и окончательно сложился в отдельную книгу; наконец, оценка “на расстоянии” своеобразия “Москвы кабацкой”, ее истинной сути, духовных, нравственных “координат” этого цикла в мире поэзии Есенина, — становятся все более настойчиво необходимыми и очевидными. Теперь об этом несколько подробней.

Замысел “Москвы кабацкой”, как мы знаем, возникает у Есенина во время пребывания за границей. И не только замысел: именно здесь, находясь в Берлине, Есенин впервые публикует первые стихи “Москвы кабацкой”. Вскоре после приезда на родину поэт выступает в Политехническом музее. Он читает новые стихи. Среди них — “Москва кабацкая”. Затем они появляются в имажинистском журнале “Гостиница для путешественников в прекрасном”. Летом 1924 года “Москва кабацкая” выходит отдельным сборником. Ни одно из прижизненных изданий Есенина (а их было около тридцати) не вызывало такого непримиримого, отрицательного отношения, как “Москва кабацкая”. Критики различных эстетических убеждений и групповых пристрастий — все, словно сговорившись, буквально предавали “Москву кабацкую” “анафеме”!

“Москва кабацкая” — опозтизирование кабацкого пропада и неизбежности самоубийства”; “Есенин как поэт жил и умер в Москве кабацкой. Иной Москвы он не заметил”; “Итак, ничего, кроме пьяного угара да пьяных слез, и не увидел в городе Есенин”. Из подобных крикливо-обывательских до-

мыслов, из оскорблений и злобных поношений поэта “сочинял” свои пасквильные книжонки о Есенине А.Крученых⁹, который был в восторге от бухаринских “Злых заметок”, заявляя открыто, что присоединяется к ним целиком¹⁰.

Еще одно не менее отрицательно-тенденциозное высказывание о “Москве кабацкой”: “В стихах Есенина о кабацкой Москве размагниченность, духовная прострация, глубокая антиобщественность, бытовая и личная расшибленность, распад личности — выступают совершенно отчетливо. <...> Это висельные, конченные, безнадежные стихи”.

Трудно поверить, но это известный литератор, редактор солидного толстого журнала “Красная новь” — А.Воронский. Не однажды он печатал в своем журнале стихи Есенина, отмечая его талант. К сожалению, “Москвы кабацкой” он абсолютно не понял, не разглядел ее глубинной сути.

Особенно досадно и несправедливо по отношению к Есенину, что А.Воронский свое крайне одностороннее негативное суждение о “Москве кабацкой”, так же как и о “Черном человеке”, повторил почти дословно во вступительных статьях к первому и второму томам “Собрания стихотворений” Есенина, увидевшего свет после смерти поэта, в 1926 году.

Кое-кто может подумать, а то и сказать: стоит ли ворошить, вспоминать прошлое, да еще такое, которое пробуждает в душе отнюдь не радужное чувство, а скорее наоборот: оставляет горестный осадок.

По меньшей мере два существенных обстоятельства, два момента сегодня побуждают и подвигают к такому разговору о “Москве кабацкой”.

В наши дни нелегко представить, и кажется просто невероятным, что именно “Москва кабацкая”, а также “Сорокоуст”, “Исповедь хулигана” и особенно “Черный человек” в первую очередь приводились в прошлом всякий раз для доказательства “мелкобуржуазного индивидуализма”, “упадничества” Есенина; “хулиганства”, “безнравственности”, “пьяных дебошей” поэта, мотивов “отчаяния”, “безысходности” в его творчестве. Так было при жизни поэта. Так продолжалось — и не один год — после смерти Есенина...

Второе, столь же существенное обстоятельство, связанное во многом с первым, заключается в том, что и сегодня среди исследователей Есенина, не говоря уже в более широком плане, о современной критике, пока нет еще единого взгляда, единой оценки “Москвы кабацкой”.

С одной стороны, наблюдается попытка реанимировать и как бы “узаконить” бухаринско-крученыховские вульгарно-субъективистские оценки и взгляды на творчество поэта, особенно на “Москву кабацкую”.

С другой стороны, в современном есениноведении все очевиднее выявляется и утверждается та объективная истина

(и это — главное), что “Москва кабацкая”, равно как и “Сорокоуст”, “Исповедь хулигана”, “Черный человек”, — это произведения столь же новаторски дерзкие и по-своему гениальные, как и “Анна Снегина”, “Персидские мотивы”, “Письмо к женщине”, “Отговорила роща золотая”; они столь же нравственно чисты, полны неисчерпаемой любви, милосердия, сострадания к людям, как и вся есенинская поэзия.

Остается заметить, что именно подобный взгляд на “Москву кабацкую” обосновывался и отстаивался нами, и не только в последние годы¹¹, а значительно ранее. Еще в начале 1984 года журнал “Москва” печатает мой очерк о “Москве кабацкой”, написанный на основе многолетнего изучения этого цикла, его творческой истории¹².

Впервые же “Москва кабацкая” была рассмотрена и проанализирована в лекциях моего спецкурса “Жизнь и творчество Сергея Есенина”, прочитанных в 1958 году студентам-филологам Государственного педагогического института имени В.И.Ленина в Москве¹³. В процессе изучения “Москвы кабацкой” уже тогда, в пятидесятые годы, удалось разыскать воспоминания поэта Александра Кусикова, относящиеся к концу 1925-го — началу 1926 годов. В них он рассказывает о встречах с Есениным в Берлине, совместной поездке в Париж и о том, когда и где были написаны первые стихи “Москвы кабацкой”: “Были у Горького. Сережа читал. Горький плакал. А вскоре, после долгих бесед в ночи, под гитару мою, писал “Москву кабацкую”.

Пой же, пой. На проклятой гитаре
Пальцы пляшут твои вполукруг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
Мой последний, единственный друг.

Далее, говоря о судьбе Есенина, его отношении к России и Западу, Кусиков отмечает: “...Берлин, Париж, Нью-Йорк — затмились. Есенин увидел “Россию зарубежную”, Россию без родины:

Снова пьют здесь, дерутся и плачут
Под гармоники желтую грусть.
Проклинают свои неудачи.
Вспоминают Московскую Русь.

Многое тогда открыли мне эти и другие мемуарные источники, а также письма Есенина из-за границы. Стало очевидно: нельзя ставить знак равенства и видеть в “герое” “Москвы кабацкой” чуть ли не автопортрет поэта, как это пытались утверждать в разные годы многие литераторы, пишущие о Есенине, — это, по существу, была попытка граждански “убить” поэта. Иные из “критиков”, такие, как Сосновский,

“авторитетно” утверждали, что стихи Есенина, особенно “Москва кабацкая” — это “лирика взбесившихся кобелей” (!!!).

Они сделали свое “черное дело”. Чистый небосвод поэзии Есенина был на долгие годы замутнен ядовитыми критическими “выбросами” крученных и сосновских.

Между тем гражданская позиция Есенина в вопросе, который тогда вставал перед каждым его соотечественником — за революционную, восставшую Россию или против нее — даже в самые драматические моменты личного бытия в корне отличалась от общественного поведения “героя” “Москвы кабацкой”.

Характерно в этом отношении свидетельство близко знавшего Есенина поэта Ивана Грузинова, который рассказывает:

“Перед отъездом за границу Есенин спрашивает А.М.Сахарова:

— Что мне делать, если Мережковский или Зинаида Гиппиус встретятся со мной? Что мне делать, если Мережковский подаст мне руку?

— А ты руки ему не подавай! — отвечает Сахаров.

— Я не подам руки Мережковскому, — соглашается Есенин. — Я не только не подам ему руки, но я могу сделать и более решительный жест... Мы остались здесь. В трудные для родины минуты мы остались здесь. А он со стороны, он издали смеет поучать нас”¹⁴.

Тогда почему же возникает “Москва кабацкая”?

Есенин отвечал сам на этот вопрос, и прежде всего своим творчеством. При этом он подчеркивал, когда его спрашивали о “Москве кабацкой”:

— Я это видел, я это по-своему пережил, я должен был рассказать об этом в стихах.

Поэт-гуманист, чье сердце наполнено милосердием к людям, не мог оставаться равнодушным к трагической судьбе соотечественников, которые оказались после революции на чужом, эмигрантском берегу людьми без Родины, как перекапти-поле.

Есенин ощутил горький и неизбежный конец их судьбы в ту пору, когда еще многим русским эмигрантам верилось, что скоро на их родине все вернется на “круги своя”, что большевики вот-вот “падут”.

С особым рвением на это рассчитывали белоэмигрантские “Верхи”. Но “мечты” эти были по меньшей мере иллюзорно-несбыточными, как мираж в пустыне. На самом деле, в действительности, многие из них уже в те годы все неотвратимее сползали на дно беспросветной эмигрантской жизни. “Все эти люди, — писал Есенин на родину из Германии в июле 1922 года, — которые спуют быстрее ящериц, не лю-

ди — а могильные черви, дома их гробы, а материк — склеп... все они здесь прогнили за 5 лет эмиграции”¹⁵.

Все безысходней, все чаще надсадно-горько в угарном ресторanno-кабацком чаду звучали их охрипшие, пьяные голоса: “Ты, Рассея моя... Рас-сея... Азиатская сторона!”. Распад души ощущался все острее. Безнравственно относились они теперь к “святая святых” — женщине, ее духовной красоте.

Сложная, противоречивая гамма чувств в душе поэта, его стихах, отражала по-своему драматизм послереволюционной действительности, и, в частности, судьбы русских людей, оказавшихся на чужбине. Все это отозвалось не одной печальной, трагической нотой в поэзии Есенина, наполненной светом доброты, сострадания, милосердия к людям.

Особенно горько-правдивы, порой сурово-беспощадны и вместе с тем всегда озабоченно-человечны те немногие стихи, что были написаны поэтом за границей. Четыре стихотворения: “Снова пьют здесь, дерутся и плачут...”, “Сыпь, гармоника. Скука... Скука...”, “Пой же, пой. На проклятой гитаре...”, “Да! Теперь решено. Без возврата...” — впервые были напечатаны Есениным как своеобразная “маленькая поэма” под единым названием “Москва кабацкая” в сборнике “Стихи скандалиста”. Он вышел в Берлине в 1923 году. В кратком “Вступлении” к сборнику Есенин подчеркивал: “Я чувствую себя хозяином в русской поэзии и потому втаскиваю в поэтическую речь слова всех оттенков, нечистых слов нет... Слова — это граждане. Я их полководец. Я веду их”.

Подчеркнем еще раз: горек, суров, трагичен пафос “Москвы кабацкой”, особенно тех ее стихов-завязей, что родились на чужбине.

Что говорить! Сколько мятущихся русских душ потеряли себя за годы революции в заграничных скитаниях, скольких соотечественников поэта навсегда поглотил черный эмигрантский омут...

Есенин вернулся из зарубежной поездки, когда в стране в полном разгаре был НЭП со всеми характерными для него приобретениями и потерями.

Случилось так, что настроение безысходной тоски и разочарования, отстранение от социально-значимых проблем, потеря веры в себя и безоглядного “прожигания жизни”, столь свойственное для “героя” “Москвы кабацкой”, оказались в годы нэпа по-своему, в чем-то психологически созвучным и близким тем, во-первых, кто все еще надеялся на возрождение старых буржуазных порядков в России, а, во-вторых, части молодежи, особенно учащейся, студенческой, которая явно терялась перед неизбежными объективными контрастами и противоречиями действительности тех лет.

Наконец, истины ради заметим, что были в то время и такие люди, которые люто ненавидели Советскую власть. Они таились до поры до времени в своем духовном подполье. По существу, это были внутренние эмигранты, ожидающие своего часа.

Что же касается Есенина, то для поэта-гуманиста было важно не только и не столько нравственное “падение” его лирического героя в “Москве кабацкой”, сколько его духовное возрождение, пробуждение и утверждение в его душе и сердце вновь светлого чувства любви и надежды.

Так появляется вторая, центральная часть книги “Москва кабацкая” — цикл стихов “Любовь хулигана”. Он был создан Есениным во второй половине 1923 года. Поэт посвятил его актрисе Камерного театра Августе Миклашевской, с которой познакомился после возвращения из-за границы.

“Любовь хулигана” включает в себя такие ныне широко известные лирические стихи Сергея Есенина, как “Заметался пожар голубой...”, “Ты такая ж простая, как все...”, “Пускай ты выпита другим...”, “Дорогая, съдем рядом...”, “Мне грустно на тебя смотреть...”, “Ты прохладой меня не мучай...”, “Вечер черные брови налил...”.

Поэт как бы заставляет героя “Москвы кабацкой” пройти один за другим круги своеобразного Дантова ада, по которым он, в конце концов, настойчиво преодолевая в своей душе все чуждое, наносное, поднимается на ту духовную высоту, с которой счастливо открывается суть человеческого бытия, жизни и смерти, добра и зла, вечности и бессмертия. Не случайно Есенин завершает “Москву кабацкую” стихотворением “Не жалею, не зову, не плачу...” — несомненно, одним из выдающихся в отечественной и мировой лирико-философской поэзии.

Когда думаешь о нравственном, этическом, гуманистическом пафосе “Москвы кабацкой”, вновь и вновь размышляя о нелегкой судьбе ее лирического героя, о несказанном свете любви, просыпающейся в его сердце, радостно отогревающей его душу, о возрождении в нем Человека, — начинаешь все неотступнее вспоминать о Достоевском, многих его героях, их падении на дно жизни, страдании и раскаянье, очищении духовном.

И не только о Достоевском.

Думаешь о духовном воскресении героев Льва Толстого, о всемирно известной горьковской пьесе “На дне” с монологом Сатина “Человек — это звучит гордо”; думаешь о “хождении по мукам” героев Алексея Толстого: Даши и Кати, Телегина и Рощина, которым любовь помогает вновь обрести, казалось бы, навсегда утраченное чувство родины.

А героиня поэмы самого Есенина, Анна Снегина — что позволяет ей не потерять себя окончательно в эмигрантских

потемках? Любовь! Вспомним ее письмо с “лондонской печатью” в Россию, письмо-исповедь к человеку, который когда-то ее любил и о котором она теперь думает с особой теплотой и надеждой:

Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна.

Конечно, у каждого из героев, о которых говорилось выше, был свой путь в жизни, своя, порой далеко не простая, судьба, свои духовные драмы, взлеты и падения, наконец — часы нравственного пробуждения. Но каждый из них к добру, свету, надежде, неповторимо, по-своему был подвигнут любовью! Уже в наши дни справедливо было сказано поэтом: “По тому, как людям любится, здоровье мира узнают”.

* * *

Теперь о Есенине, его литературном наследии сегодня и завтра, несколько в ином плане — *историческом*.

Что бы ни пытались сильные мира сего в разные времена вытворять с историей и “перекраивать” ее на свой лад ради корыстных расчетов и интересов; кто бы и как бы ее порой ни искажал, ни очернял, или, наоборот, — не приукрашивал, она — история — предстает перед потомками рано или поздно такой, какой была на самом деле. Никому не дано повернуть вспять ход истории. Он неодолим и вечен.

Каждому новому поколению зримо представить прошлое своего Отечества, проникнуть в суть тех или иных исторических событий, наконец, полнее ощутить народные нравственные устои и духовные идеалы предыдущих поколений помогают не только и столько ученые-историки разных школ и направлений или общественные деятели различных взглядов и партий, — сколько великие художники, истинные властители наших дум и сердец. Именно они наиболее достоверно и объективно свидетельствуют своими книгами, картинами, музыкой, какой она — история — была в своих главных, характерных чертах, в своем истинном значении, в ту или иную из прошлых эпох.

Так, наиболее полную, правдиво объективную картину русской истории, русской государственности, русской жизни первых десятилетий XIX века дает нам Пушкин. Для современников, не говоря о потомках, один его роман “Евгений Онегин” стал подлинной “энциклопедией русской жизни” — дальновидными на этот счет оказались суждения Белинского. А пушкинский “Медный всадник”, “Борис Годунов”, “Полтава”, “Пиковая дама”, а стихи, проза, исторические труды поэта! Воистину велик и всеобъемлющ художественный мир

Пушкина. Это океан народной жизни, океан духовности России, многовековой ее истории, ее современности и будущего.

Сколько гроз отшумело над родиной Пушкина за прошедшее столетие! Сколько буйных ветров пронеслось за эти годы над непокорной головой России! Сколько исторических потрясений — и каких! — пережила она с той поры! А мы все идем и идем — вперед, к Пушкину.

Спустя сто лет по-пушкински, впервые в русской литературе, зазвучали ныне широко знаменитые стихи: “Село, значит, наше — Радово...”. То была классическая “Анна Снегина”. В первой четверти XX века эта поэма Есенина, как и все его творчество, подобно пушкинскому “роману в стихах”, стали своеобразной художественной энциклопедией народной жизни, особенно русского крестьянства, в эпоху революционных бурь и потрясений России и всего мира. Так же, как в произведениях Пушкина, в поэзии Есенина перед нами предстает правдивая, сложная, противоречивая, многоликая, героическая и трагическая картина исторических событий его времени, его эпохи.

В высшей степени точны и справедливы слова поэта, сказанные им незадолго до смерти: “В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном”.

Есенин словно предчувствовал, что его современники, не говоря о потомках, будут пытаться то “отлучить” поэта от революции, утверждая, что он был ей “чужд” и “несроден”, то, впадая в другую крайность, представлять его чуть ли не восторженным “певцом” революции.

Долгое время эти “крайности” давали о себе знать, когда заходила речь об отношении Есенина — поэта и человека — к революционным событиям, происходящим на его родине. Возникают они порой и сегодня.

Подобные крайности весьма далеки от истины, что в наши дни все более очевидно.

Чтобы наглядно убедиться в этом, достаточно мысленным взором обратиться к наследию Есенина, особенно к его большим и “маленьким поэмам”: от “Товарища”, “Отчаря”, “Иорданской голубицы”, “Инонии”, “Сорокоуста”, “Пугачева” до “Возвращения на Родину”, “Письма к женщине”, “Руси советской”, “Руси уходящей”, “Поэмы о 36”, “Ленину”, “Руси бесприютной”, “Черному человеку”, наконец, до “Страны негодяев”, “Песни о великом походе” и “Анны Снегиной”.

Поэт — не историк. Он никогда не стремится к последовательному изложению тех или иных исторических событий. Для него главное — “схватить” и художественно выразить дух времени, те наиболее характерные, по его мнению, черты

эпохи, которые дают нам, читателям, наиболее яркое и целостное представление о ней, делают нас как бы соучастниками исторических событий, о которых рассказывает поэт.

Именно таким *духом историзма* проникнуто творчество Есенина, особенно его эпические произведения. При этом подчеркнем: драматизм, трагедийность, противоречивость, надежда и вера в судьбу России во взглядах и творчестве Есенина были порождены в первую очередь теми объективными историческими условиями, в которых он жил и создавал свои стихи и поэмы. Вот почему недопустимо пытаться сглаживать, затушевывать противоречия Есенина, выпрямлять его жизненный путь. Пытаться замалчивать некоторые произведения и высказывания Есенина, а другие, наоборот, чрезмерно возвышать и подчеркивать — это значит обкрадывать поэта и, конечно, — самих себя.

К примеру, в прошлом, говоря о “Сорокоусте”, не акцентировали внимание на высказывании Есенина в письме к Евгению Лившиц, относящемся к осени 1920 года — тяжелейшему периоду гражданской войны и “военного коммунизма”.

“Конь стальной победил коня живого,— писал Есенин с болью и тревогой.— И этот маленький жеребенок был для меня наглядным дорогим вымирающим образом деревни и ликом Махно. Она и он в революции нашей страшно походят на этого жеребенка, тягательством живой силы с железной... Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого, ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый, как какой-нибудь остров Елены, без славы и без мечтаний. Тесно в нем живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений”.

Сегодня, наоборот, многие пишущие, и не только о Есенине, приводят слова поэта, что “идет совершенно не тот социализм”, вырывая произвольно их из контекста письма, а главное — умалчивая о том историческом моменте, когда они были сказаны. Именно тогда вставал перед Есениным мучительный вопрос: “Куда несет нас рок событий?” И к тому же не только перед ним.

После этого была встреча Есенина “лицом к лицу” с Европой и Америкой. Известно публичное высказывание поэта в Берлине в газете “Накануне” 16 мая 1922 года: “Я люблю Россию. Она не признает никакой иной власти, кроме Советской. Только за границей я понял совершенно ясно, как велика заслуга русской революции, спасшей мир от безнадёжного мещанства”. Сегодня все реже вспоминают слова поэта о Советской власти и революции, а кое-кто готов их вообще бы позабыть. Так же, как замечание поэта в автобио-

графии, что “после заграницы я смотрел на страну свою и события по-другому”. А в очерке “Железный Миргород” он говорил: “...я еще больше влюбился в коммунистическое строительство. Пусть я не близок коммунистам, как романтик в моих поэмах,— я близок им умом и надеюсь, что буду, быть может, близок и в своем творчестве”. Сказано это было Есениным в августе 1923 года. И о подобных рассуждениях поэта ныне предпочитают также не распространяться, особенно “демократы” типа господина Боровикова.

В отличие от них, Есенин *никогда* путь, пройденный его Родиной, особенно Русью крестьянской, за первые годы Советской власти, не представлял сплошной “черной дырой”, сплошной, безысходной трагедией и историческим тупиком. Есенин пророчески чувствовал, что у России нет пути назад, к ее дворянско-буржуазному прошлому; что не спасет ее западная “цивилизация”, что у России свой нелегкий, тернистый путь в будущее.

II. Полное. Академическое

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Сергей Есенин

Поначалу может показаться фантастически-невероятным, но сие есть неоспоримый факт: “космические” тиражи изданий Есенина. Вот лишь некоторые реалии. От пятисот тысяч до двух миллионов — такими, казалось бы, “сверхъестественными” для поэзии тиражами за три последние десятилетия выходили шесть раз Собрания сочинений Есенина! В 1990 году издательство “Советская Россия” совместно с “Современником” начало выпуск “Собрания сочинений” поэта в двух томах, со свободной подпиской. Его тираж в настоящее время приближается к *семи миллионам*! Добавьте к этому сотни отдельных изданий Есенина в нашей стране и за рубежом. Приобрести эти издания, как правило, удастся с трудом. Расходятся они обычно в считанные дни. Начиная с пятидесятих годов мне довелось участвовать в подготовке многих есенинских изданий, включая все шесть Собраний сочинений поэта. С каждым новым изданием все очевиднее и настоятельнее становилась потребность в выявлении и публикации канонического текста произведений Есенина. В разные годы в них, к сожалению, были сделаны купюры, связанные с политической цензурой, конъюнктурными моментами. Ис-

ключались имена, упоминаемые в “Песне о великом походе”, в “Руси бесприютной” и в очерке “Железный Миргород”, где говорится о Троицком. Кроме того, Есенину все еще приписывается “авторство” произведений, к которым поэт не имеет никакого отношения.

Еще в конце шестидесятых годов в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) были рассмотрены мои предложения по подготовке академического Собрания сочинений Есенина, одобрены его композиция и проспект. Тогда же состоялось решение Бюро Редакционно-издательского Совета Академии наук СССР от 28 июня 1968 года, в котором, в частности, указывалось: “1. В связи с приближающимся 75-летием (октябрь 1970 г.) со дня рождения С.А.Есенина подготовить и издать академическое собрание сочинений и писем поэта в 6 томах, общим объемом 120 а.л. Возложить подготовку издания академического собрания Сочинений и писем С.А.Есенина на Институт русской литературы (Пушкинский Дом).

2. Просить Комитет по печати при СМ СССР дать указание “Союзкниге” открыть подписку на Собрание сочинений и писем С.Есенина в дни юбилея...

4. Издательству “Наука” совместно с Институтом русской литературы разработать график выпуска томов в течение 1971—1972 гг., обеспечивающий издание шеститомника...”

Спустя некоторое время Бюро Отделения литературы и языка АН СССР своим постановлением от 17 декабря 1968 года утвердило редколлегию академического Собрания Есенина “в составе: Шолохов М.А.— академик (главный редактор), Храпченко М.Б.— академик, Базанов В.Г.— член-корреспондент АН СССР (зам. главного редактора), Тимофеев Л.И.— член-корреспондент АН СССР, Прокушев Ю.Л.— кандидат филологических наук, Федоров В.Д.— поэт”.

Однако в силу целого ряда обстоятельств тогда, в семидесятые годы, выпуск Академического собрания сочинений Есенина, к сожалению, не был осуществлен.

Следует, вместе с тем, отметить, что работа по подготовке есенинского академического Собрания, проделанная в те годы, не пропала зря. Более того, многое, что предполагалось сделать в Академическом собрании Есенина, в известной степени было в дальнейшем осуществлено и реализовано во время подготовки наиболее полного по тем временам, научного шеститомного Собрания сочинений Есенина под общей редакцией В.Г.Базанова, А.А.Есениной, Е.А.Есениной, А.А.Козловского, С.С.Наровчатова, В.О.Перцова, Ю.Л.Прокушева и М.Б.Храпченко. Оно было выпущено издательством “Художественная литература” в 1977—1980 гг. к 85-летию со дня рождения Сергея Есенина тиражом пятьсот тысяч экземпляров!

В преддверии столетия Есенина стало особенно очевидно, что пришла пора вновь вплотную заняться подготовкой Академического собрания сочинений Есенина.

Тем более, обстановка для этого складывалась явно более благоприятная, чем в прошлые времена.

В 1989 году в Институте мировой литературы им. Горького была разработана и стала осуществляться практически программа подготовки и издания академических собраний сочинений русских классиков, представляющих многонациональную литературу Советского Союза, зарубежной классики.

В нее вошла и подготовка академического собрания сочинений Есенина. Хочется верить, что, вопреки неизбежным трудностям, в условиях “либерализации цен” и стихии дикого книжного рынка, выпуск готовящихся в ИМЛИ Академических собраний сочинений все-таки состоится.

Академическое издание Есенина приурочено, по предложению Есенинского комитета, к 100-летию поэта. Еще в мае 1989 года Ученый Совет ИМЛИ рассмотрел и одобрил мои предложения о восьмитомном академическом собрании сочинений Есенина, включая композицию и состав томов. Спустя некоторое время в институте начала свою деятельность наша научная есенинская группа. В состав ее с самого начала вошли известные исследователи творчества поэта, участвовавшие в подготовке предыдущих изданий Есенина, все те, кто изъявил желание и у кого был опыт, независимо от личных пристрастий и групповых интересов. Всех объединял Есенин и важность предстоящей работы. Благодаря этому удалось до минимума сократить во времени организационно-подготовительный и поисковый периоды, составить развернутый проспект “Собрания”, окончательно затвердить его композицию. Соблюдение (максимальное) авторской воли, авторского замысла при подготовке самим поэтом в 1925 г. своего “собрания стихотворений” и вместе с тем исчерпывающая полнота издания,— вот что прежде всего определило композицию академического собрания сочинений С.А.Есенина, количество и состав томов.

Издание “делится” как бы на две части: первая (1—3 тома) — произведения, отобранные Есениным для включения в трехтомное “Собрание стихотворений”, подготовленное поэтом. Вторая часть (4—8 тома) *включает все выявленные к настоящему времени произведения поэта, не вошедшие в трехтомное “собрание стихотворений”, а также письма, телеграммы, автобиографии, отдельные записи, деловые бумаги и другие авторизованные документы.*

Впервые все есенинские тексты, входящие в “Собрание”, — стихи, поэмы, проза, критика, письма и др. — сверяются *фронтально* со всеми известными автографами Есенина, другими рукописными источниками, всеми прижизненны-

ми изданиями поэта, хранящимися как в государственных архивах и библиотеках, так и в личных собраниях и коллекциях.

В академическом “Собрании”, впервые будет напечатан *полный свод* вариантов и разночтений в произведениях Есенина, наглядно раскрывающих и иллюстрирующих взыскательнейшую работу поэта над Словом.

В 1994 году будут готовы к печати первые три тома. В следующем — еще три. Два последних — в 1996 году.

И еще: в процессе работы возникла мысль о выпуске ряда сборников-спутников собрания сочинений — “Новое о Есенине”. В дальнейшем в эти сборники войдут материалы по темам “Неразысканный Есенин”, “Есенин в критике”, “Переписка Есенина” и многие другие. Кроме того, группа рассмотрела и поддержала предложение А.А.Козловского о создании “Есенинской энциклопедии”. У нас есть только “Лермонтовская энциклопедия”. Нет ни “Пушкинской”, ни “Блоковской”... Любая энциклопедия начинается с создания словника. Контуры его на сегодня — различимы. Убежден, что работа над энциклопедией позволит объединить всех есениноведов, а также многих специалистов по русской литературе, вокруг *реального* благородного дела.

В канун 100-летия поэта мы предполагаем провести международный научный симпозиум “Есенин в XXI веке”. Ему должен предшествовать “Круглый стол”: “Есенин сегодня и завтра. Проблемы. Поиски. Открытия”.

Будем надеяться, что такой “Круглый стол”, организованный ИМЛИ по инициативе есенинской группы, с участием Союза писателей, Государственного литературного музея, других научных организаций и специалистов поможет выработать более конкретный план подготовки и проведения 100-летнего юбилея Есенина. К этой годовщине необходимо открыть настоящий музей Есенина в Москве на улице Москвина в доме № 3 (бывшем Богословском переулке).

Некоторые товарищи в качестве альтернативы предлагают организовать есенинский музей в Большом Строченовском переулке или в квартире Софьи Андреевны Толстой в Померанцевом переулке...

В свое время этот вопрос: где быть музею Есенина — не однажды обсуждался в Есенинском комитете, Государственном литературном институте, Министерстве культуры России. В год 50-летия Советской власти на доме № 3 по улице Москвина по предложению сестер поэта была установлена первая мемориальная доска, посвященная Есенину. У Есенина не было ни дачи, ни роскошной квартиры. По сути дела, у него не было своего дома. В Померанцевом переулке, в доме № 8, в квартире семейства Толстых, Есенин провел в последний год своей жизни фактически считанные дни. Воз-

можно, со временем здесь может быть создана мемориальная комната.

В большом Строченовском переулке в доме № 24, который, наконец-то, удалось восстановить с помощью совместного предприятия “Путник”, создается литературная экспозиция и мемориальная комната Есениных — отца и сына. Это место, где юный поэт жил у отца в 1912—1914 годах и бывал позднее. Возник вопрос и об организации музея в особняке у Покровских ворот, где была школа Айседоры Дункан. И все же, по мнению Гослитмузея и Есенинского комитета, Музей Есенина должен быть в доме на улице Москвина. Это место как бы предназначено для музея — оно находится в центре литературной Москвы.

Для претворения в жизнь всех этих планов создается “Фонд Есенина”. Предстоит найти надежных попечителей-меценатов, а также добиться от российского правительства, чтобы один-два процента гонораров от есенинских книг, фильмов, исполнения произведений шло в этот фонд для того, чтобы финансировать мероприятия к 100-летию со дня рождения поэта.

В Москве до сих пор нет станции метро “Есенинская”. В свое время Есенинский комитет ставил об этом вопрос перед Моссоветом, Горкомом партии, но все спускалось “на тормозах”. Убежден: Правительству Москвы, при желании, не составит большого труда решить, наконец, этот вопрос положительно. В столице должна быть станция метро, носящая имя великого поэта России.

Не будем также забывать, что в прошлые годы было принято и обнародовано в печати (“Известия” и другие газеты) решение Совмина СССР об установлении памятников выдающимся людям, где в ряду первоочередных был назван памятник Есенину. Кроме этого, следует провести конкурс (возможно, международный) исполнителей музыкальных произведений на стихи поэта. Много художников и скульпторов работают над образом Есенина — необходима выставка их работ (в рамках России или СНГ). Хочется выразить уверенность, что “год Есенина” будет включен в календарь ЮНЕСКО. Одним словом, к столетию Есенина предстоит провести огромную работу. Много уже делается сегодня, еще больше предстоит всем, кому дорог Есенин, его поэзия, духовность России, сделать завтра — в будущем.

III. В поисках истины

До свиданья, друг мой, до свиданья,
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

Сергей Есенин

Есть еще немаловажная проблема, к которой сегодня приковано внимание и литературной общественности, и многочисленных поклонников поэзии Есенина, и, конечно же, средств массовой информации.

За последнее время появилось множество статей и публикаций с “версиями” о смерти Есенина. Сразу же заметим. Интерес к поэту, к последнему году его жизни и ко всем обстоятельствам, связанным так или иначе с уходом Есенина из жизни, в наши дни — естественен и закономерен.

Оправдан и понятен особый интерес к этой теме — нового, молодого поколения. Каждое вступающее в жизнь поколение должно само разобраться в том, чем ему дорог и близок Есенин. Ведь у каждого из нас в душе *свой Есенин*, свое видение поэта, его жизни и смерти. Интерес этот продиктован сегодня еще и тем обстоятельством, что ныне в большей степени стали доступны те архивные документы, которые долгие годы были под запретом. Мы с горечью в сердце узнаем об уходе из жизни людей в трагических условиях, когда военные коллегии судили их по клеветническим доносам, выдвигали против них ложные обвинения. Репрессированы были многие писатели. Особенно тяжелый удар был нанесен по русским крестьянским писателям.

Об этом неопровержимо свидетельствуют документы, хранящиеся в различных государственных архивах, и прежде всего, в архивах бывшего КГБ и МВД. Некоторые из них уже опубликованы и стали достоянием общественности.

По нашей просьбе Есенинскому комитету была предоставлена возможность ознакомиться с документами бывшего КГБ, касающимися Есенина, его родных и близких, а также литературного окружения поэта. Это: и так называемое “дело четырех поэтов”, и дело братьев Кусиковых и Есенина, и дело сына поэта — Георгия Есенина, сестры Есенина — Екатерины Александровны, ее мужа — поэта Василия Наседкина, поэтов Клюева, Орешина, Ганина, Приблудного, Клычкова, Павла Васильева, Эрлиха... Работа эта продолжается. Хочется отметить, что ответственные сотрудники Министерства Госбезопасности России доброжелательно, с пониманием относятся ко всем вопросам и просьбам, которые возникают у комиссии в ходе работы с архивными материалами.

Естественно возникает вопрос: есть ли в просмотренных и изученных комиссией материалах, в том числе и мной лично, новые документальные данные, свидетельствующие о насильственной смерти Есенина? Со всей ответственностью хочу сказать: на сегодня таких прямых неопровержимых данных нет! Как нет их и в публикациях об убийстве поэта. Каждый из авторов лишь выдвигает свою версию.

Напомню, что еще несколько лет тому назад, сначала в журнале “Москва”, потом в ряде других изданий появились публикации, носящие явный налет сенсационности: “Тайна гостиницы “Англетер”, “Убийство Есенина” и другие. Вскоре к этому подключилось телевидение, был показан репортаж с кладбища, у могилы Есенина, серию передач подготовили в Ленинграде в программе “Пятое колесо” и т.д. Знакомясь с этими материалами, нетрудно заметить, что здесь нередко эмоционально-публицистическая сторона явно преобладает над документальной, научно-аргументированной основой; предположение, версия, домысел — над точными, неопровержимыми фактами. Отсюда и разноречивые суждения.

Один доказывает, что Есенина задушили подушкой, а потом уже повесили. Другой — что убили, ударив в лоб рукояткой револьвера, закатали в ковер и хотели вынести тело через балкон, но у них это не вышло, и тогда его повесили. Или: Есенин был убит ударом тяжелого предмета в лоб, был раздроблен череп, и так сильно, что вытекло двадцать граммов мозгового вещества, или — Есенин был застрелен из револьвера, а потом уже повешен и т.д.

При этом, будучи весьма категоричными в своих “версиях” и довольно жесткими в отношении к своим оппонентам, авторы их сплошь и рядом как бы подстраховывают себя такими весьма расплывчатыми оговорками: “можно предположить”, “вполне возможно”, “вероятно”, “можно представить” и т.п.

Происходит все это в силу того, что пока по существу нет доказательств, которые были бы неоспоримы, которые опирались бы на точные, неопровержимые, выверенные документы и факты. Так, в публикациях авторов, зачастую не сведущих в судебной медицине (литераторов, журналистов, следователей), подвергается критике акт вскрытия тела Есенина, составленный судебно-медицинским экспертом Гиляревским, и особенно сделанное им заключение о причинах смерти поэта.

Есенинскому комитету Союза писателей и Комиссии по выяснению обстоятельств смерти Есенина, созданной в рамках этого Комитета, было очевидно, что объективную, профессиональную оценку этому акту могут дать прежде всего специалисты в области судебной медицины. Комиссия начала с того, что обратилась в НИИ судебной медицины Минздрава России, к его директору — члену-корреспонденту АМН про-

фессору А.П.Громову с просьбой дать оценку этому акту, поставив два конкретных вопроса: во-первых, соответствует ли этот акт нормативам, которые существовали в то время и которые обязан был соблюдать всякий эксперт при составлении документа такого рода, и, во-вторых, соответствует ли содержание акта выводу о том, что смерть произошла от механической асфиксии — повешения. В ответ было получено официальное заключение, в котором указывалось, что “анализ фотоконии акта, подписанного судебно-медицинским экспертом Гиляревским, показал, что исследование трупа Есенина проведено в соответствии с временным постановлением для медицинских экспертов о порядке исследования трупов, утвержденным НКЗ 5 мая 1919 г. Заключение о причине смерти Есенина соответствует данным, полученным при исследовании трупа”.

Чтобы избежать односторонней оценки акта Гиляревского, комиссия обратилась, помимо НИИ судебной медицины, к главному судебно-медицинскому эксперту Министерства Обороны СССР, доктору медицинских наук, профессору В.В.Томилину, доктору медицинских наук, профессору кафедры судебной медицины Б.С.Свадковскому, доценту Московской медицинской академии имени П.М.Сеченова, судебно-медицинскому эксперту А.В.Маслову. Все они, независимо друг от друга, высказав каждый свои *частные* замечания, были единодушны в главном: заключение эксперта Гиляревского, что “смерть Есенина последовала от асфиксии, произведенной сдавлением дыхательных путей через повешение”, соответствует описательной части акта и вытекает из нее.

Казалось бы, достаточно авторитетное мнение независимой профессиональной экспертизы. Однако вновь и вновь появляются статьи, авторы которых продолжают подвергать сомнению акт Гиляревского, допуская даже возможность его фальсификации.

В полемику в основном вступают поэты, критики, журналисты.

Конечно, их можно понять, у них болит душа, они никак не могут смириться с этой безвременной трагической потерей...

Все же позволим заметить, что каждый должен делать свое дело профессионально, глубоко владея предметом исследования, и тем самым не затуманивая, а проясняя путь к истине. Дилетантски-любительский подход недопустим в любом случае, особенно, когда речь идет о таком поэте, как Есенин. Вот почему, еще в декабре девяносто первого года на расширенном заседании комиссии, в котором приняли участие и члены Есенинского комитета, и судебно-медицинские эксперты, и научные сотрудники есенинской группы ИМЛИ, и авторы версий Э.Хлысталов, С.Куняев, Н.Сидорина и др.,

были обстоятельно рассмотрены прежде всего именно заключения современных судебно-медицинских экспертов, их профессиональные оценки акта Гиляревского. Было обсуждение, была полемика и дискуссия. В результате комиссия единодушно пришла к выводу, что “в настоящее время фактически объективно нет материалов, которые могли бы документально опровергнуть содержание акта вскрытия тела С.А.Есенина и заключение судебно-медицинского эксперта А.Гиляревского от 29 декабря 1925 года о причинах смерти поэта”. (См. сообщение “От комиссии Есенинского комитета Союза писателей по выяснению обстоятельств смерти С.А.Есенина”, опубликованное в январе 1992 г. в “Правде”, “Литературной России”, “Московском литераторе”).

В ходе дальнейшей работы Комиссии, особенно после декабрьского заседания, возник целый ряд новых проблем и вопросов, требующих дальнейшего изучения обстоятельств, касающихся смерти Есенина. Причем с обязательным участием в работе комиссии экспертно-криминалистических служб и прокуратуры Российской Федерации.

В настоящее время по просьбе Комиссии сотрудниками Всероссийского научно-исследовательского института судебных экспертиз восстановлен текст акта вскрытия тела С.А.Есенина судебно-медицинским экспертом А.Гиляревским, ранее, как известно, частично поврежденный (7 нижних разорванных строчек на обеих сторонах акта). Теперь Комиссия располагает полным текстом акта. Это очень важно. Судите сами: так, на первой странице акта, из разорванных его кусочков, которые сохранились в отдельном конверте, экспертом были восстановлены очень важные фразы: “Кости черепа целы” и “мозг весит 1920 грамм”. Ранее, в основном тексте акта оставались только слова “20 грамм”, часть фразы с цифрой “19” была оторвана. Один литератор, к сожалению, далекий от судебной медицины, попытался создать даже “версию” о раздробленном черепе. О чем, по его мнению, свидетельствуют в частности “20 грамм” якобы вытекшего мозгового вещества. Теперь особенно очевидна несостоятельность этой версии.

Полный текст Акта Гиляревского комиссией был вновь направлен на экспертизу в НИИ судебной медицины, другим судебно-медицинским экспертам, включая Главного судебно-медицинского эксперта Минздрава РФ — кандидата медицинских наук, доцента Плаксина В.О. Все они в своих заключениях с еще большим основанием подтвердили соответствие описательной и заключительной части Акта вскрытия тела Есенина. Так, в заключении Минздрава России указывается: “Признаки, отмеченные при исследовании трупа С.А.Есенина судебно-медицинским экспертом А.Г.Гиляревским (Александр Григорьевич Гиляревский, 1870 года

рождения, окончил в С.—Петербурге Военно-медицинскую академию) полностью соответствуют картине смерти в результате сдавливания органов шеи петлей при повешении”. И далее: “Заключение, сформулированное судебно-медицинским экспертом А.Г.Гиляревским, соответствует исследовательской части акта судебно-медицинского исследования трупа С.А.Есенина”.

С иными авторами “версий” случаются порой и такие прелюбопытные истории. Так, один из авторов, как он признался, нигде “не мог найти пьесу Есенина “Страна негодяев”. Нашел он ее только в Ленинской библиотеке, в прижизненном издании Есенина. И сидел, переписывая ее от руки, не один день. Впечатляет!

Но... одна “маленькая” деталь. Известно, что пьеса “Страна негодяев” за последние тридцать лет была опубликована в шести (!) собраниях сочинений Есенина.

Ну, что тут сказать. Если ты взялся за серьезное дело, то подходи к нему серьезно...

Сотрудниками НИИ судебных экспертиз по просьбе комиссии была также проведена почерковедческая экспертиза рукописи стихотворения “До свиданья, друг мой, до свиданья...”, подтверждающая, что это стихотворение было написано С.А.Есениным.

Научными специалистами экспертно-криминалистического центра МВД России было проведено исследование подлинного рукописного экземпляра стихотворения “До свиданья, друг мой, до свиданья” С.Есенина, хранящегося в Институте русской литературы в Ленинграде, и установлено, что оно написано кровью. Сделано это было в силу того, что в одних версиях высказывалось сомнение об авторстве Есенина, а в других,— что, *возможно*, оно написано не кровью, а чернилами!

Теперь обе эти догадки окончательно отпадают.

Комиссия обратилась также в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, в Управление по надзору за следствием и дознанием с просьбой дать заключение о том, насколько квалифицированно в соответствии с законодательством того времени было проведено дознание по факту самоубийства Есенина и имелись ли законные основания для принятия “Постановления о прекращении дознания по делу о самоубийстве Есенина от 23.01.1926 года”.

Старшим прокурором управления по надзору за следствием и дознанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации, старшим советником юстиции Н.Н.Дедовым были подробно проанализированы все документы и материалы, связанные со смертью Есенина, все выдвигаемые версии об убийстве поэта, а также результаты судебно-медицинских и криминалистических экспертиз, проведенных в ходе работы

комиссии. Свое “Заключение об обоснованности прекращения 23.01.26 г. дознания по факту самоубийства С.А.Есенина” Н.Н.Дедов завершает таким выводом: “Дознание по факту смерти поэта С.А.Есенина проводилось в соответствии с действовавшим уголовно-процессуальным законодательством (УПК РСФСР от 1923 года), а допущенные неполнота и низкое качество документов дознания только лишь сами по себе, без подтверждения другими объективными доказательствами, не могут быть основанием для вывода об убийстве поэта или для эксгумации его останков для проведения судебно-медицинского исследования. Постановление народного следователя 2-го отделения милиции г.Ленинграда от 23.01.26 о прекращении производства дознания по факту самоубийства С.А.Есенина является законным”. Заключение Н.Н.Дедова утверждено помощником Генерального прокурора Российской Федерации, государственным советником юстиции 3 класса М.Б.Катышевым и начальником Управления по надзору за следствием и дознанием государственным советником юстиции 3 класса В.А.Титовым.

Теперь об экспертизе и исследовании посмертных масок С.А.Есенина. Еще в конце 1991 года врач судебно-медицинский эксперт высшей квалификационной категории НИИ судебной медицины Э.И.Хомякова исследовала одну из посмертных масок Есенина, установив при этом, что “каких-либо морфологических признаков, характерных для действия острых, рубящих, колюще-режущих и огнестрельных орудий на представленной гипсовой маске не выявлено. Обнаруженное углубление — вдавливание — образовалось в результате контакта с твердым предметом цилиндрической формы. Данных за наличие повреждений в области лобной кости не имеется”. Это послужило началом проведения всеобъемлющей экспертизы сохранившихся экземпляров посмертных масок Есенина. Судебно-медицинский эксперт Бюро Главного управления здравоохранения Мособлисполкома (ГУЗАМО) Дегтярев А.М. подробно исследовал и провел экспертизу пяти посмертных масок Есенина. Прежде всего маски поэта, хранящейся в Музее-заповеднике Есенина на его родине в Константиново, а также масок, находящихся у родных поэта и других лиц. Свое официальное аргументированное “заключение эксперта” А.М.Дегтярев завершает развернутыми выводами, подчеркивая при этом в самом их конце, что “каких-либо отображающих следов действий колюще-режущих предметов, следов огнестрельных повреждений на посмертных масках не выявлено”.

Несколько более позднее изучение и экспертиза семи посмертных гипсовых масок С.А.Есенина, включая маску, хранящуюся в Институте русской литературы в С.—Петербурге, гипсовой посмертной копии правой кисти поэта, кото-

рая находится в том же институте, были проведены созданной по просьбе Есенинского комитета судебно-медицинской экспертной комиссией Бюро Главной судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения РФ в составе председателя Главного судебно-медицинского эксперта Минздрава РФ кандидата мед. наук, доцента В.О.Плаксина, членов комиссии — заведующего кафедрой судебной медицины Российского медицинского университета, доктора мед. наук, профессора А.Н.Крюкова, судебно-медицинского эксперта медико-криминалистического отделения Бюро судебно-медицинской экспертизы ГМУМ С.А.Никитина и заведующего отделом внедрения новых технологий БГСМЭ Минздрава Российской Федерации С.С.Абрамова.

Научные сотрудники этого же Бюро по поручению комиссии исследовали подлинные фотографии Есенина, сделанные в день смерти поэта 28 декабря 1925 г. в пятом номере гостиницы “Англетер”, а также оригинальные негативы этих фотографий, местонахождение которых было установлено комиссией. Это было очень важно. Дело в том, что публикуемые фотокопии этих снимков, сделанные в свою очередь с фотокопий и т.д., да к тому же неоднократно ретушируемые, конечно же, весьма далеки от оригинала.

Обстоятельный аналитический документ — официальное “Заключение экспертов” Бюро главной судебно-медицинской экспертизы МЗ РФ содержит весьма важные результаты научных экспертиз и исследований.

Так, после экспертизы посмертных масок Есенина в заключении со всей определенностью говорится о “вдавлении в мягких покровах в лобной области, которые образовались в результате длительного контакта с цилиндрическим предметом диаметром около 3,7 см, наиболее вероятно, с предметом горячим, о чем свидетельствует тот факт, что данное вдавление зафиксировалось, то есть сохранилось после снятия тела из петли вплоть до похорон; о возможном термическом воздействии свидетельствует также наличие измененных участков кожи в местах наиболее плотного контакта с цилиндрическим предметом (область между надбровными дугами, правый скат носа)”.

Важным является заключение тех же экспертов о двух *подлинных* есенинских негативах и фотографиях, о которых говорилось выше. В частности, “О круглом темном пятне на верхнем веке правого глаза, образование которого может быть объяснено высыханием вершины кожной складки, сформировавшейся от смещения кожи вниз вправо при контакте лица с цилиндрическим предметом”. А ведь автором некоторых версий это “темное пятно” представлялось чуть ли не “следом” от пули.

Материалы с результатами экспертиз и исследований, проведенных по просьбе нашей Комиссии государственными службами и учреждениями, объективно свидетельствуют и наглядно показывают, сколь далеки были от Истины авторы многих версий.

Заметим, что такого комплексного исследования обстоятельств, связанных со смертью Есенина, ранее не было. При этом подчеркнем, что деятельность *общественной* комиссии Есенинского Комитета с самого начала *носила открытый характер*.

27 мая 1993 года состоялось расширенное заседание Комиссии. Были заслушаны сообщения экспертов, охватывающие, по сути дела, весь спектр проблем и вопросов, связанных со смертью С.А.Есенина и “версиями” об убийстве поэта. На заседании с официальными сообщениями выступили эксперты: А.В.Маслов, С.А.Никитин, А.М.Дегтярев, Э.И.Хомякова, В.Н.Крюков, Ю.Н.Погибко, Н.П.Майлис, И.В.Демидов, а также прокурор-криминалист В.Н.Соловьев и старший советник юстиции Н.Н.Дедов. Помимо экспертов, в развернувшейся дискуссии приняли участие: поэт Валентин Сорокин — сопредседатель Есенинского комитета, проректор Литературного института, старший научный сотрудник ИМЛИ, член Есенинского комитета и комиссии С.П.Кошечкин, заведующий рукописным отделом ИМЛИ М.А.Айвазян, поэт Юрий Чехонадский, рязанский поэт Анатолий Сенин, авторы версий — литературовед С.С.Куняев, поэт Иван Лыцов, бывший следователь милиции Э.А.Хлысталов и другие.

В заседании участвовали члены комиссии и Есенинского комитета, Ученого Совета, есенинской группы и научные сотрудники Института мировой литературы РАН, работники Государственного литературного музея, секретари Союза писателей России, члены есенинского общества “Радуница”, авторы “версий”, другие лица — всего более семидесяти человек.

На заседании Комиссии были подведены итоги ее четырехлетней деятельности. Единодушно, совместно со всеми организациями и экспертами, было принято заключительное развернутое коммюнике “От комиссии Есенинского комитета Союза писателей по выяснению обстоятельств смерти С.А.Есенина”. В нем подчеркивалось, что “весь ход обсуждения, все официальные документы, материалы, которыми в настоящее время располагает Комиссия, с еще большим основанием, чем это было ранее, позволяют придти к следующим выводам и констатировать, что, во-первых, в настоящее время фактически нет объективных данных, которые позволили бы усомниться, прежде всего с позиции судебной медицины, в точности содержания Акта вскрытия тела С.А.Есенина и опровергнуть вывод судебно-медицинского эксперта

А.Гиляревского от 29 декабря 1925 года о причине смерти поэта (смерть С.А.Есенина “последовала от асфиксии, произведенной сдавлением дыхательных путей через повешение”); во-вторых, проведенные официальные научные экспертизы и исследования (посмертных масок, фотографий поэта, акта Гиляревского, документов предварительного дознания и др.) не дают каких-либо оснований для подтверждения “версий” об убийстве С.А.Есенина.

Одновременно комиссия заявляет, что в случае обнаружения каких-либо новых документальных данных, связанных со смертью С.А.Есенина, они будут незамедлительно рассмотрены и изучены с сообщением об этом в печати”.

Первого июля 1993 года Комиссией была проведена пресс-конференция, на которой было рассказано о результатах работы Есенинского комитета. Эксперты ответили на вопросы представителей печати, радио, телевидения. Им был также вручен текст заключительного коммюнике для его публикации в средствах массовой информации.

Во всей своей деятельности Комиссия преследовала единственную цель: максимальное приближение к Истине.

В связи с версиями о смерти Есенина вспоминается поездка в Ленинград весной шестьдесят шестого года вместе с сестрами поэта на премьеру нашего фильма “Сергей Есенин” и посещение там гостиницы “Англетер”, где погиб поэт. Вот запись из моей есенинской тетради “День за днем”, сделанная тогда же:

“18 мая 1966 г.

Девять утра — в Ленинграде. Едем во дворец культуры им.Кирова. Премьера фильма “Сергей Есенин” и встреча со зрителями в 8 вечера. Все билеты уже проданы.

Завтракаем. Обсуждаем планы на день. Екатерина Александровна Есенина предлагает поехать на могилу Блока и Достоевского, а затем они хотят (Екатерина Александровна и Александра Александровна) побывать в “Англетере” (теперь гостиница “Ленинградская”), в номере Есенина.

На могилу Достоевского возложили цветы. Долго стоим молча. Рядом могила Жуковского, Дельвига.

Возложили цветы Блоку. Екатерине Александровне очень понравился памятник Блоку на могиле. Кроме наших, других цветов нет, хотя могила содержится в порядке.

В гостинице “Ленинградская”.

Поднимаемся на второй этаж. Идем к номеру Есенина. Александра Александровна и Екатерина Александровна здесь первый раз. Входим в комнату. Там нас ждет директор. В гостинице недавно был ремонт. Все перестроено. Никаких вещей времен Есенина не сохранилось.

Два окна номера глядят на площадь и Исаакиевский собор. Он своей тенью навис над окнами. Солнце скрылось за тучами. Почерневшие от времени скульптурные фигуры ангелов на соборе выглядят в эти минуты особенно удручающе. Хотелось невольно отвести от них взгляд.

Войдя в номер, Екатерина Александровна как-то очень быстро сразу подошла к правому окну, долго вместе с Александрой Александровной стояла молча, разглядывая собор, а затем, резко повернувшись ко мне, заговорила неожиданно:

— Вот убийца Сергея. Смотрите, какой он мрачный, как он нависает над окнами, особенно этот, ближний к окну, ангел с крестом. Тут самый здоровый человек не выдержит — либо запьет, либо убежит. А если у человека нервы напряжены и истощены, или он выпьет, то тогда прямо хоть полезай в петлю.— И опять повторила фразу: — Это убийца Сергея.— И с болью добавила: — И зачем тогда они поместили его сюда. Разве можно было помещать его сюда.— Екатерина Александровна предельно взволнована. Выпила воды. Села. Молчит. Александра Александровна еще раньше выпила воды, на глазах слезы, сидит на стуле посередине комнаты и долго, долго молчит... Чувствуется, что нервы ее на пределе. Я отошел немного в сторону. Стараюсь не мешать Екатерине Александровне и Александре Александровне, понимая, что в эти минуты творится у них на душе. Откровенно говоря, и у меня подкатывает ком к горлу...

Екатерина Александровна после долгого молчания, вновь, глядя в окно, бросает все ту же фразу:

— Да, он, он убийца Сергея. Это какое-то страшилище, а не ангел.

В гостинице пробыли около часа. Выходим на площадь.

— Посмотрите, Юрий Львович,— говорит Екатерина Александровна,— какой это холодный и мрачный собор, при всем, казалось бы, богатстве его архитектуры. Разве можно его сравнить с нашими кремлевскими соборами: светлыми, веселыми, золотистыми, живыми.

Обратите внимание, отсюда эти ангелы еще более похожи на зловещих ночных птиц, они как какие-то упыри”.

Более трех десятилетий мне посчастливилось быть в близких, добрых отношениях с семьей Есениных: сестрами поэта Екатериной Александровной и Александрой Александровной, с сыном Есенина — Константином, дочерью Татьяной Сергеевной, женой поэта — Софьей Андреевной Толстой-Есениной. Я выпустил о Есенине — поэте и человеке — не одну книгу; встречался со многими современниками поэта, которых уже нет среди нас — с Павлом Лукницким, Николаем Брауном, Петром Чагиным, Рюриком Ивневым, Михаилом Мурашевым, Всеволодом Рождественским... Хорошо знаю есе-

нинские архивы, материалы общественного суда по “делу четырех поэтов”, работал и продолжаю трудиться в архивах КГБ. Но, к примеру, не располагаю на сегодня достоверными фактами, чтобы однозначно сказать: акт Гиляревского — фальшивка, что он составлен под нажимом и т.д.

Настоящий ученый должен отвечать за свои слова, свои суждения. Применительно к Есенину, он обязан знать и учитывать всю сумму обстоятельств, творчество и жизнь поэта, в том числе быт, окружение, литературную обстановку того времени и многое, многое другое...

Иначе можно попасть впросак.

Нечто подобное произошло с профессором по кафедре судебной медицины Б.С.Свадковским. Увлечшись разоблачением своих оппонентов по версиям об “убийстве поэта”, он стал весьма опрометчиво рассуждать о последних месяцах жизни и “творческой энергии” Есенина, причем отнюдь не с медицинской точки зрения, а с сугубо литературоведческой. Звучат эти его суждения, мягко говоря, поверхностно. Они далеки от истины, и во многом оскорбительны для памяти поэта. Без тени сомнения Б.С.Свадковский пытается убеждать: “Последнее время своей жизни поэт терял уверенность в себе, ему казалось, что он исписался”.(!!) И далее продолжает в том же духе: “Периоды тяжелой депрессии сопровождались, кстати говоря, не очень нравственными поступками — так что *вся правда последних месяцев жизни Есенина еще не открыта*”. (подчеркнуто мной. — Ю.П.)

Читая подобные “откровения”, невольно вспоминаешь, по меткому выражению Владимира Маяковского, “дурнопахнущие книжонки” Крученых с их “правдой” о Есенине, а на самом деле — ползучей ложью и злопыхательской клеветой на поэта. Казалось, все это кануло в лету. Ан нет! Вот и в наши дни, оказывается, кое-кто (тот же профессор Свадковский) спешит по-своему “открыть” всю правду о поэте.

Между тем, достаточно хотя бы заглянуть в “Собрание сочинений” Есенина, перечитать стихи, письма поэта, относящиеся к последнему периоду его жизни, чтобы неоспоримо и наглядно убедиться: подобные суждения и “открытия” далеки от истины, как небо от земли. В сути своей они носят клеветнический характер. Вспомним: в начале последнего года жизни — двадцать пятого — Есенин завершает одну из лучших поэм “Анна Снегина”, а в конце — 14 ноября — создает окончательный вариант гениального “Черного человека”, над которым трудился ряд лет. В эти же годы Есениным созданы “маленькие поэмы” — “Мой путь”, “Письмо к сестре”, а также “Поэма о 36”.

Буквально до последних дней в сердце поэта рождаются изумительные стихи: “Клен ты мой опавший, клен заледенелый! (28 ноября), “Ты меня не любишь, не жалеешь” (4

декабря), “Не гляди на меня с упреком” (5 декабря), “Может, поздно, может, слишком рано...” (13 декабря), “Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...” (декабрь), “До свиданья, друг мой, до свиданья” (27 декабря).

Какое творческое напряжение, какая эмоциональная энергия! И как нелепы, несправедливы любые утверждения, что “поэт исписался” и “совершал не очень нравственные поступки”¹⁶. Опять же, ради истины заметим: случилось, поэту начинало казаться, что его Муза, “милая Муза” покидает его, его душу и сердце. Нечто подобное, как мы знаем, Сергей Есенин испытал во время поездки в Европу и Америку. Там он почти не писал. Потом, по возвращении на родину,— был “прорыв” — большие и “маленькие” поэмы, множество лирических стихов. В них поэт, в частности, с предельной искренностью, рассказал и о такой своей беде, своем тяжелом недуге, как “пьянство”, рассказал так, как на это способен лишь поэт и человек высочайшей нравственности и чести, который сам себе — высший и справедливый судья.

Тяжелыми были и бытовые условия, в которых поэт находился. Екатерина Александровна говорила: “Меня взял к себе, Шурку в 1924 году, Райх требует денег на детей, отец просит помочь, и так далее, и так далее, а он сам еще квартиры не имеет”. С Толстой тоже все больше не ладилось. Но в Ленинград, как мы знаем, Есенин уехал не умирать. Он хотел как бы начать новый виток жизни, мечтал выпускать свой журнал.

Надо быть точным, осмотрительным, корректным, и, конечно,— совестливым, граждански ответственным, чтобы без “сенсационного” шума вокруг имени великого поэта продолжать заветный путь к Истине. Памятуя при этом всегда о чудодейственных стихах, как бы обращенных Сергеем Есениным к нам,— его потомкам: “Любимая с другим любимым, Быть может, вспомнит обо мне, Как о цветке неповторимом”. Не растоптать бы в суете сует этот истинно неповторимо-прекрасный, чудодейственный цветок России.

* * *

Завершая разговор о *Есенине сегодня и завтра*, в частности, о версии гибели поэта, хочу сказать, что, изучая на продолжении многих лет жизнь и творчество Есенина, его удивительную “золототканую” судьбу, для меня становится все более очевидной та истина, что Есенин был убит дважды. Да! Дважды! Поэта довели до петли, до самоубийства или действительно — убили преднамеренно. Если это будет в конце концов установлено документально и неопровержимо.

С каждым разом все яростней становились критические выпады недругов России против Есенина в печати, плотнее сжималось кольцо убийственной клеветы, разорвать которое поэту было почти невозможно... После смерти Есенина — это стало особенно очевидно.

Вспомним хотя бы знаменитую, как крик души, статью Бориса Лавренева “Казненный дегенератами”: “Усилия... искренне любящих поэта людей,— с болью отмечает Борис Лавренев,— разбивались о сплоченность организованной сволочи, дегенератского сброда, продолжавшего многолетнюю казнь поэта”.

Прав был и Всеволод Рождественский, который в день смерти Есенина писал: “Мы затравили его своим чадом и ресторанными скрипками и ничего не могли ему дать взамен его простой правды о свежевспаханном поле, о жеребенке на косогоре у телеграфных столбов”.

Второй раз Сергея Есенина убили уже после смерти — убили на десятилетия его поэзию, пытаясь кощунственно оторвать поэта от народа. Тон задавал здесь уже не безызвестный нам Сосновский. Затем появились злополучные бухаринские “Злые заметки”. И Есенин, по сути дела, на четверть века был официально, на государственном уровне, исключен по существу из духовной жизни народа. Вопреки всему народ все эти годы свято хранил светлый образ поэта в своем сердце.

К великому сожалению, и поныне, как в прошлом, кое-кто хотел бы исключить Есенина, его поэзию из духовной жизни народа, продолжая упорно “не замечать” поэта и подлинно всенародную любовь к его стихам. Посмотрите хотя бы на американизированное российское телевидение и радио. Есенинские стихи крайне редко звучат по радио. Еще реже мы встречаемся с поэзией Есенина на телеэкране. В лучшем случае предпочтенье отдается показу различного рода “телеверсий” о смерти Сергея Есенина, носящих к тому же, зачастую явно спекулятивно-сенсационный характер. Особенно “усердствуют” в этом плане ленинградские тележурналисты.

Будем надеяться, что в преддверии столетия Есенина его поэзия займет подобающее ей место в возрожденной России, что наконец-то все средства массовой информации повернутся лицом к гениальному поэту XX века.

Нет! Не случайно заветный есенинский томик бережно хранят ныне едва ли не в каждом доме, в каждой русской семье, и — не только русской.

Пророческие стихи Сергея Есенина — это библия русской души, людского милосердия, веры в человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 “Испорченный праздник”. “Рабочая газета”, 1924, 22 ноября, № 254; “Развенчайте хулиганство”. 1926, 19 сентября, № 216.
- 2 Бухарин Н. “Злые заметки”. “Правда”, 1927, 12 января.
- 3 Подробней об отношении Н.Бухарина к Есенину и о его “Злых заметках” см.: Прокушев Ю. Дума о России. Избранное. М., “Советская Россия”, 1988, с. 618—622; Прокушев Ю. Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха. М., “Молодая гвардия”, 1989, с. 20—26; История советской литературы: новый взгляд. Наука, 1990, Часть 2, с. 67—68.
- 4 Сосновский Л. “Развенчайте хулиганство”. “Комсомольская правда”, 1926, 19 сентября, № 216.
- 5 С.Боровиков. Затерянная страна. Журн. “Знамя”, 1992, № 6, с. 230.
- 6 Там же, с. 321.
- 7 Там же, с. 321.
- 8 Мы цитируем здесь одно из многих зарубежных посланий, которые приходят в нашу страну. В данном случае оно из Франции, получено Центральным телевидением. “Ваш французский друг Iesn de Viab. Версаль, Франция” — так обозначил себя его адресат. См. “Семь дней”, декабрь 1991 г., № 49, с. 2.
- 9 Крученых А. Есенин и Москва кабацкая. М., 1926. Он же: Лики Есенина. От херувима до хулигана. М., 1926.
- 10 См. Крученых А. О статье Бухарина против Есенина. Изд. Автора. М., 1927, январь. “Вредоносность самого Есенина, его примера и его “идеологии”, — нагло подчеркивал Крученых, — вот о чем я писал, пишу и буду, вероятно, еще писать, ибо, как видно, ни мои, ни бухаринские слова не достигают, увы, до ушей и (что хуже) до сознания иных провозвестников есенинских истин”.
- 11 См.: Прокушев Ю. Все мы — дети России. М., “Современник”, 1990, с. 307—321; Прокушев Ю. Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха. Изд. 5-е; М., “Молодая гвардия”, 1989, с. 152—162; Прокушев Ю. И неподкупный голос мой... Поэты России. М., “Современник”, 1989, с. 95—110.
- 12 Прокушев Ю. Гримасы старого мира. Москва, 1984, № 2, с. 176—183; Прокушев Ю. Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха. Изд. 4-е; М., “Современник”, 1985, с. 187—198.
- 13 Спецкурс включал 25 двухчасовых лекций. Одна из них отводилась “Москве кабацкой”. То был едва ли не первый есенинский спецкурс, прочитанный в вузах страны. Тогда же начал работать мой есенинский спецсеминар. Замечу, что в то время в программе по советской литературе для ВУЗов теме “Сергей Есенин” отводилось всего лишь четыре часа. Стенограмма лекций спецкурса и материалы есенинского спецсеминара хранятся в архиве автора.
- 14 Грузинов И.В. Есенин разговаривает о литературе и искусстве.— В сб.: Воспоминания о Сергее Есенине. М., 1975, с. 276.
- 15 Есенин С. Собр. соч. в 6-ти тт. М., “Худож. литература”. М., 1977—1980 г., т. 6, с. 125—126.
- 16 Подробней об этом см.: “О “безнравственности” Есенина и о том, как поэт “исчерпал” себя. Открытое письмо профессору Б.С.Свадковскому”. “Московский литератор”, 1992, июль, № 26, с. 5—6.

“...ПРЕЛЕСТЬ НЕЗАБЫВАЕМАЯ, НЕОТРАЗИМАЯ”

Поэты русского зарубежья о Есенине

“Я очень люблю стихи Есенина... Есть в есенинской певучей поэзии прелесть незабываемая, неотразимая”. Так писал в конце 1950 года в эмиграции бывший поэт-акмеист “второго призыва” Георгий Адамович¹. Тот самый, который при жизни Есенина называл его поэзию до крайности скудной, жалкой и беспомощной, а в воспоминаниях, опубликованных в парижском “Звене” в начале 1926 года, заметил: “Поэзия Есенина — слабая поэзия”; “поэзия Есенина не волнует меня нисколько и не волновала никогда”². Подобная эволюция взглядов на поэзию Есенина ярко проявилась также в работах поэтов русского зарубежья Георгия Иванова и Сергея Маковского, редактора петербургского журнала “Аполлон” (1909—1917), связанного с символизмом, а позднее с акмеизмом*.

Между тем, большинство более поздних откликов Г.Иванова, Г.Адамовича, С.Маковского и Н.Оцупа, опубликованных в русских эмигрантских изданиях и значительно меняющих взгляд на отношение акмеистов к Есенину, не входило в поле зрения отечественных исследователей. Существовало однозначное мнение, что поэты-акмеисты относились к Есенину, поэту и человеку, холодно. Оно основывалось на прижизненных оценках поэзии Есенина этими поэтами, воспоминаниях Г.Адамовича³ и Г.Иванова⁴ и их современников. Эти свидетельства и факты посещения Есениным А.Ахматовой и Н.Гумилева в Царском Селе в конце 1915 года упоминались и комментировались в работах о поэте⁵.

Легенду о том, что Анна Ахматова не воспринимала всерьез стихи Есенина, развеяла публикация ее воспомина-

* Автор этой статьи ставит задачу рассмотреть показательную эволюцию взглядов на поэзию Есенина — от неприятия к противоречивому признанию бывших поэтов-акмеистов Г.Иванова, Г.Адамовича, С.Маковского и Н.Оцупа. За пределами внимания остаются воспоминания и очерки В.Ходасевича, З.Гиппиус, М.Цветаевой, Ю.Трубецкого, А.Кусикова, Р.Березова (Акульшина) и др., требующие специального анализа.

ний о поэте, записанных А.П.Ломаном в последние годы ее жизни, а также комментариев к ним С.Волкова и статья М.Кралина “Анна Ахматова и Сергей Есенин”⁶.

Анализ эмигрантских изданий показывает, что отношение других крупных петербургских поэтов к Есенину было также далеко не однозначно. Налицо желание разгадать секрет феноменальной популярности Есенина в России и в среде русских эмигрантов, явное преодоление политической или эстетической предвзятости, попытка объяснить пришедшее с годами признание и неожиданная противоположность оценок, обнаруживающая тайну есенинской поэтической “ворожбы”.

Постановка проблемы “Есенин и акмеисты” в наши дни имеет не только локальное, но и принципиальное историко-литературное значение в связи с так называемыми “новыми трактовками” личности и поэзии Есенина — и шире, с отношением к нашей классике и сложному взаимодействию русской — советской и эмигрантской — литературы XX века.

Новые прочтения поэзии Есенина, создаваемые, по признанию одного из критиков, в противовес “благостному Есенину, сочиненному Ю.Прокушевым и С.Кошечкиным”⁷, на самом деле имеют целью сменить плюс на минус и в результате дискредитировать Есенина, поэта и человека. К тому же они и не новы. С.Боровиков рассуждает почти по-бухарински: “Есенин — это выразитель и защитник падающего “без семьи, без дружбы, без причал” русского человека XX века, которому лишь и осталось — “поцелуй да в омут! а у сердца — как ладанка — память о матери, берегах, кленах, телятах”⁸.

Критик В.Воздвиженский утверждает, что “моральное право поэта на строку: “Не расстреливал несчастных по темницам” — не вполне безупречно”⁹, и при этом ставит под сомнение искренность не только Есенина, но и О.Мандельштама, который считал, что за эту строчку Есенину можно простить что угодно¹⁰.

Медик, профессор Б.Свадковский видит причины самоубийства Есенина в том, что в последнее время своей жизни поэт “терял уверенность в себе” и совершал “не очень нравственные поступки”¹¹. Подобные утверждения также не новы и были в свое время весьма распространены среди части русских эмигрантов, которые явно по политическим соображениям утверждали, что “художественно ценный Есенин кончается стихами 1918—1922”¹². Литературовед Э.Райс, например, писал: “Революция стала для него глубокой трагедией <...> После этого началось окончательное разложение его личности, внешне выразившееся в пьянстве и закончившееся 27 декабря 1925 года в ленинградской гостинице “Англетер”¹³.

Признание поэзии Есенина Г.Адамовичем, Г.Ивановым, С.Маковским — поэтами, такими далекими ему по своим эстетическим взглядам,— их оценка стихов последних лет опровергает эти и другие “модные” сейчас на родине поэта утверждения о том, что “неимоверная популярность Есенина была обусловлена не столько поэтикой, которая не должна была бы сулить массового признания, сколько судьбой”¹⁴.

Механическую смену плюса на минус в оценке Есенина выполняют порой и отдельные, никак не комментируемые публикации текстов русских зарубежных авторов на страницах нашей периодики, воспринимаемые вне контекста других, порой противоположных, суждений этих же литераторов.

Г.Адамович, Г.Иванов, Н.Оцуп были знакомы с Есениным с 1915 года, встречались с ним в Петрограде и, будучи эмигрантами, в Берлине, а Н.Оцуп и в Москве в 1921 году, все они написали о нем воспоминания и неоднократно в течение жизни обращались к его творчеству.

В годы первых петербургских встреч и в 20-е годы сказалась разность эстетических взглядов. Причем неприятие было взаимным. Об этом свидетельствуют, например, автографы С.Есенина и И.Приблудного на сборнике стихов Г.Адамовича “Чистилище” (Петербург, 1922):

Если будешь
писать так же,
помирай лучше
сейчас же!

С.Есенин.
1924.

Едва ли, Сережа,
на эту похожа
моя озорная стряпня.

*Иван Приблудный*¹⁵.

Анна Ахматова вспоминала: “Мне всегда казалось, что Есенин относится ко мне и ко всем тем, кто меня окружал, как к своей полярности и в силу этой полярности возможность взаимопонимания исключал”¹⁶.

По свидетельству Г.Иванова, Есенин сказал ему в Берлине в 1923 году: “А признайтесь,— противен я был вам, петербуржцам. И вам, и Гумилеву и этой осе Ахматовой. В “Аполлоне” меня так и не напечатали. А вот Блок, тот меня сразу признал”¹⁷.

Г.Адамович в воспоминаниях 1926 года писал о холодном отношении к Есенину поэтов-акмеистов в 1915 году. “Кажется, Блоку понравились стихи Есенина, но Сологуб отозвался о них с убийственным пренебрежением. Кузмин, Ахматова, Гумилев говорили о Есенине не менее холодно”¹⁸. Подобные

отзывы приводила И.Одоевцева в воспоминаниях, написанных в Париже¹⁹. Живя в Нью-Йорке, поэт и пианист Всеволод Пастухов описывал вечер в апреле 1915 года, на который Рюрик Ивнев созвал многих поэтов и писателей, в том числе Г.Адамовича, М.Кузьмина, Г.Иванова, О.Мандельштама, чтобы познакомить их с Есениным и его поэзией, и цитировал язвительные реплики Г.Иванова и М.Кузьмина в адрес Есенина. Кузьмин сказал: “Стихи были лимонадцем, а частушки водкой”. Сам Всеволод Пастухов оставил довольно теплые впечатления о белокуром и чрезвычайно привлекательном “крестьянском поэте”, при встрече с которым у него “в ушах неизменно звучала “Камаринская” Глинки”. И вместе с тем заметил, что “разговора” с Есениным у него никогда не выходило: “Я думаю, что во мне было что-то отталкивающее для “крестьянских талантов”²⁰.

Пожалуй, наиболее заметно с годами изменил отношение к Есенину Г.Адамович. В “Литературных беседах”, которые Г.Адамович публиковал в парижской газете “Звено” в 1925 году при жизни поэта, он называл его “дряблым, вялым, приторным, слащавым стихотворцем”. “Ничего русской поэзии Есенин не дал,— писал Г.Адамович.— Нельзя же считать вкладом в нее “Исповедь хулигана” или смехотворного “Пугачева”... Как известно, непоследовательность и противоречивость литературных оценок Г.Адамовича, одного из ведущих критиков русского зарубежья, М.Цветаева продемонстрировала в статье “Поэт о критике”, приложив к ней выбранные из работ Г.Адамовича цитаты под общим названием “Цветник”²¹. Однако в отношении к Есенину эта непоследовательность явно проявится лишь с годами.

Сразу после смерти Есенина Г.Адамович пожалует бедного мальчика, сбившегося, надорвавшего силы, вспомнит встречи с ним в Петрограде и Берлине и подтвердит свою оценку его поэзии — поэзии, на его взгляд, слабой, которая не волнует его “нисколько и не волновала никогда”. Полемизируя со статьей М.Осоргина, посвященной памяти Есенина²², вызвавшей насмешку З.Гиппиус²³ и Дон-Аминадо²⁴, Г.Адамович откажет Есенину не только в величии и трагизме, но и в способности воспитывать и возвышать душу и потому охотно причислит себя к людям, которых М.Осоргин назвал “безнадежно равнодушными и невосприимчивыми”. За этот очерк М.Цветаева назвала Адамовича в письме к В.Ф.Булгакову от 18 января 1926 года “хамом”²⁵.

Но уже в 1929 году в отклике на “Роман без вранья” А.Мариенгофа, которым Г.Адамович, кстати, восхищался, как и Ив.Бунин в “Самородках”²⁶, в отличие от В.Ходасевича²⁷ и М.Слонима²⁸, оценивших его отрицательно, критик пытался объяснить феноменальную популярность Есенина его жизнью. “Имя Сергея Есенина,— писал он,— проникло в широ-

кую публику. Его знают даже те люди, которые никогда есенинских стихов не читали, да и вообще никаких стихов не читают. Несомненно, главная причина этого — в неожиданном самоубийстве поэта, да еще, пожалуй, в некоторых обстоятельствах, его самоубийству предшествовавших: в любви Есенина к Айседоре Дункан, их поездке по Европе, их разрыве, наконец. Короткая, бурная и печальная жизнь Есенина многих поразила, и об этой жизни стали слагаться легенды²⁹. Но в рецензии Г.Адамовича примечательны скорее не эти мысли. Главную причину “культ личности” Есенина видели в его самоубийстве многие критики, в том числе и философ Н.Бердяев, который называл Есенина “самым замечательным поэтом после Блока”³⁰.

Знаменательной в эволюции взглядов Г.Адамовича на Есенина становится другая, как бы случайно брошенная фраза: “В последние годы жизни Есенин стал сложнее и привлекательнее”³¹. По сути, она противоречит процитированным рассуждениям о есенинской популярности и содержит будущую оценку лирики Есенина последних лет.

С годами *противоречие оценки и отношения* к есенинской поэзии проявилось у Г.Адамовича более ярко и определенно. В статье 1935 года к 10-летию со дня смерти Есенина, будто сотканной из противоречий и парадоксов, Г.Адамович писал: “...Надо по справедливости признать, что у Есенина есть место в русской поэзии. Место свое, особое”. “Есенин нашел великую тему, великий поэтический мотив. <...> Противиться ему нельзя”³². Но от ранней оценки критик не отказался и утверждал, что его, как и З.Гиппиус, раздражали в Есенине “именно “гетры”, то есть его наряд и общая нарядность его стихов”, и вспоминал убийственное высказывание в адрес Есенина Н.Гумилева: “как дважды два, ясен и, как дважды два, неинтересен”. И здесь же Адамович одним из первых вслед за М.Слонимом развил мысль о поэтическом мифотворчестве Есенина. Есенин “создает миф — с непостижимо откуда взявшимся вдохновением к мифу! Дело даже не в деревне. Есенин вновь возвращается от всех своих жизненных блужданий и ошибок — к тому, что любил как бы до своего “грехопадения”. Повторяю, ему нельзя противиться, потому что он в этом своем стремлении слишком праведен! Вся тема потерянного рая, все загадочное сказание о “блудном сыне” — за него и самые патетические моменты мирового искусства ему родственны”. Причину популярности этого мифа, на который откликались и откликаются “бесчисленные русские сознания”, Г.Адамович видит теперь в его русском характере. “У рязанского “паренька” — замечает он, — еще слышатся “наши шелесты в овсе”, как сказал Блок, у него еще звучат типично-русские ноты раскаяния и покаяния”.

А спустя еще 15 лет, в статье “К спорам о Есенине”, появившейся в разгар дискуссии, вызванной публикацией “Автобиографических заметок” Ив.Бунина, вошедших затем в его книгу “Воспоминания”³³, Г.Адамович признался: “Я очень люблю стихи Есенина (не все, главным образом последние). И не люблю стихов Гумилева”. “Есть в есенинской певучей поэзии прелесть незабываемая, неотразимая”³⁴. Так писал критик, споря со своими же высказываниями двадцатипятилетней давности: “Поэзия Есенина не волнует меня нисколько и не волновала никогда”; “Ничьей души он не “воспитает”, не укрепит, а только смутит душу, разжалобит ее и бросит, ничего ей не дав”³⁵.

Заметим, что статья Г.Адамовича “К спорам о Есенине” послужила поводом для письма в редакцию “Нового русского слова” литературоведа Глеба Струве, который, в частности, писал: “О вкусах не спорят и Адамович волен сегодня развенчивать Гумилева, как лет двадцать тому назад он развенчивал в “Числах” устаревшего, мол, для нас Пушкина”³⁶. От себя добавим: и двадцать пять лет назад — Есенина.

Мысль Г.Адамовича о “великом поэтическом мотиве” Есенина, которому нельзя противиться, развитая в статье “К спорам о Есенине”, вызвала яростное возмущение Ив.Бунина. Для Ив.Бунина спор о “сукином сыне” Есенине (как он его называл) вырастал в спор о России Есенинской, которая, по его мнению, наследство России Бунинской не только не оправдала, но и оскорбила³⁷. Ранее Ив.Бунин лишь по-отечески журил Г.Адамовича в письмах в ответ на его признание о любимых стихах Есенина последних лет и, особенно, о “Письме к матери”, причем журил стихами:

...Не умиляйся, не журчи
Мне про Есенинскую “маму”
И гений, данный Мандельштаму!³⁸

Но после публикации статьи “К спорам о Есенине” в письме от 15 января 1951 года, адресованном А.Седых, Бунин возмущенно писал: “Мне Есенин уже осточертел, но не обрывать г.Александрова я все-таки не мог”³⁹. А что написал Г.Адамович о Есенине! Пушкинская свобода оказалась у Есенина! Есенинское хулиганство очень похоже на пушкинскую свободу! /.../ И умиляется до слез, как “блудный сын” (Есенин) возвращается к родителям в деревню, погибающую от того, что возле нее прошло уже 100 лет назад шоссе, от которого “мир таинственный” деревни “как ветер затих и присел”⁴⁰.

Сложное и противоречивое отношение к Есенину осталось у Адамовича до последних лет его жизни. В рецензии на

книгу Ив.Бунина “Воспоминания” он называл Есенина “настоящим, порой очаровательным поэтом, с огромными недостатками, верно подмеченными Буниным”⁴¹. Считая Есенина “небольшим поэтом”, как и П.Верлена⁴², Г.Адамович неоднократно подчеркивал свою высокую оценку его последних стихов.

В письме Виктору Лихоносову от 4 августа 1968 года Г.Адамович признался, что не очень любит стихи Есенина, но отметил, что знал поэта с первых дней его появления в Петербурге и был с ним “в приятельских отношениях”⁴³. В другом письме, объясняя причины своего отношения к Есенину, он писал: “Кстати, я не совсем разделяю Ваше отношение к Есенину, и, может быть, потому, что у меня осталось от него двойственное впечатление после встреч в Петербурге, и от этого я не могу отделаться. Он тогда ужасно притворялся, хитрил, играл в какого-то робкого тихого паренька, а в глазах было столько озорства и даже дерзости, что трудно было все это вынести”⁴⁴. И здесь же Г.Адамович как бы демонстрировал эту двойственность и противоречивость своего отношения, которая с годами стала еще более определенной. “Я люблю последние его стихи, те, где видно, что он понял то, что “проиграл” жизнь и надеяться больше не на что. Люблю очень обращение к матери (с чудесной строфой: “И молиться не учи меня, не надо...”), которое мало кто любит”⁴⁵.

В ответ на “противоречия” и “неувязки”, свойственные Г.Адамовичу-критику, Глеб Струве заметил в своей наиболее известной книге “Русская литература в изгнании”: “Хотя критические статьи Адамовича читаются всегда с интересом и в них разбросано множество тонких замечаний, он не принадлежит к тем критикам, писания которых выигрывают от объединения под одной обложкой — для этого Адамович слишком непоследователен и непостоянен. Для его критической репутации (а она стоит в зарубежье очень высоко) было бы не очень выгодно, если бы кому-нибудь пришлось в голову составить антологию его суждений, скажем, о Гумилеве, Есенине, Блоке и Пушкине”⁴⁶.

Однако в отношении к Есенину подобные неувязки и непостоянство были типичны для русских писателей зарубежья, так как фиксировали феномен гениального “несовершенства” есенинской поэзии.

Одним из тех писателей, которые к 50-м годам наиболее остро почувствовали “волшебную странность” поэтической судьбы Есенина, был Георгий Иванов, заслуживший в последние годы место первого поэта русской эмиграции. В статье 1915 года он писал о выступлениях С.Есенина и Н.Клюева и назвал деятельность литературной группы “Краса” “костюмированной”⁴⁷. В 1917 году Г.Иванов скептически

оценил первый сборник Есенина “Радуница” и отметил, что в нем сказался пройденный поэтом “курс модернизма, тот поверхностный и несложный курс, который начинается перелистыванием “Чтеца-декламатора” и заканчивается усердным чтением “Весов” и “Золотого Руна”. Чтением, когда все восхищает и принимается на веру и все усваивается, как непреложная истина”⁴⁸.

В книге воспоминаний “Петербургские зимы”, которая вызывала и вызывает противоречивое отношение, Г.Иванов остался прежде всего художником. Известен категорический отзыв об очерках Г.Иванова А.Ахматовой: “В них нет ни одного слова правды”⁴⁹. Н.Берберова в книге “Курсив мой” вспоминала, что Г.Иванов объявил ей, что в его “Петербургских зимах” *“семьдесят пять процентов — выдумки и двадцать пять — правды”*⁵⁰. Но несмотря на “всегдашние карикатурные преувеличения” и даже анекдоты, многим характеристикам Г.Иванова “нельзя отказать в точности и пронизательности”⁵¹. Мы не увидим в ней подлинного Есенина, но увидим Есенина глазами Г.Иванова-поэта.

В первом издании “Петербургских зим” (1928) нет очерка о Есенине, а отдельные записи о нем в очерке о С.Городецком отражают отрицательное, по мнению Г.Иванова, влияние на Есенина страсти С.Городецкого к “лубочному “русскому духу” и внешне впечатление от ранних петроградских выступлений поэта: “На нем тоже косоворотка — розовая, шелковая. Золотой кушак, плисовые шаровары. Волосы подвиты, щеки нарумянены. В руках — о, Господи, пук васильков — бумажных”.

“...Лады, Лели, гусли-самогуды, струны-самозвоны...— Вряд ли раньше Есенин и слышал об этих самогудах и Ладах...”⁵² К началу пятидесятых годов Г.Иванов составляет том избранных стихотворений Есенина, пишет к нему вступительный очерк. В 1950 году в парижском журнале “Возрождение” он публикует статью “Литература и жизнь (Маяковский, Есенин)”. Наконец, в 1952 выходит новое издание “Петербургских зим”, куда Г.Иванов с небольшими сокращениями включает очерк к подготовленному им тому стихотворений Есенина.

Совсем другое, сложное и тревожное воспоминание о встречах с поэтом в петербургских салонах в 1915 году оставляет здесь Г.Иванов: “Шелест шелка, запах духов, смешанная с русской парижская болтовня... Рослые лакеи в камзолах и белых чулках разносят чай, шерри-бренди, сладости. И среди всего этого звонкий голос Есенина, как предостережение из другого мира, как ледяной ветерок в душистой оранжерее”⁵³.

Задумываясь об исключительной, “гениальной” судьбе стихов Есенина, его популярности среди русских читателей

не только в России, но и за рубежом — среди молодежи и старых эмигрантов, людей, к поэзии на редкость равнодушных, Г.Иванов в статье “Литература и жизнь (Маяковский Есенин)” демонстрирует совпадение “революционных биографий” двух поэтов и “непонятную на первый взгляд резкую разницу их посмертных судеб”. “Есенин — с каждым днем становится все более любимым, популярным, дорогим, несмотря на запреты и рогатки. И не Маяковский, а он, опальный, “несозвучный, вырастает на наших глазах не в фиктивного, а подлинного народного поэта”⁵⁴.

Причину этой разницы посмертных судеб поэтов Г.Иванов видит в том, что Есенин “оказался как раз на уровне сознания народа “страшных лет России”, совпал с ним до конца, стал синонимом и ее падения, и ее стремления возродиться”⁵⁵. Поэтому не Маяковского, а Есенина видит он “типичным представителем своего народа и своего времени” и замечает, что “имя его начинает сиять для России наших дней пушкински просветленно, пушкински незаменимо”⁵⁶. Двусмысленность этой оценки Есенина определяется высказыванием Г.Иванова о России “наших дней”: “Увы! — Пушкин и СССР не только не синонимы, но просто не сравнимые величины. Нельзя, пожалуй, опуститься ниже по сравнению с уровнем его божественной, нравственной и творческой гармонии, чем опустилась “страна пролетарской культуры”, наша несчастная Родина!”⁵⁷.

Проницательность художника, его тонкое эстетическое чувство раскрывается в противоречиях личных признаний Г.Иванова. Не отказываясь от своей оценки поэзии Есенина и продолжая называть его стихи “несовершенными”, Г.Иванов в 1950 году изменил отношение к поэту и написал: “Как-то само собой случилось так, что по отношению к Есенину формальная оценка кажется ненужным делом”. “...Это вообще скучное занятие, особенно скучное, когда в ваших руках книжка Есенина. Химический состав весеннего воздуха можно тоже исследовать и определить, но насколько естественнее просто вдохнуть его полной грудью...”⁵⁸.

В очерке, открывающем подготовленный Г.Ивановым сборник стихотворений Есенина, он признался, что любит “стихи Есенина и неотделимого от них Есенина-человека”⁵⁹.

Мистическая, “недоказуемо-неопровержимая жизненность всего “есенинского”, <...> как будто выключенного из общего закона умирания, умиротворения, забвения”⁶⁰, которую так остро ощущал Г.Иванов вопреки собственным оценкам, выявляла “волшебную странность” есенинской поэзии. В самих этих противоречиях Г.Адамовича и Г.Иванова, первого критика и первого поэта эмиграции, которые, по сути дела, признавались в плохом вкусе — в любви к несовершенным стихам, — заключена их высокая оценка. Даже близкий

Г.Иванову по петроградскому “Цеху поэтов” Н.Оцуп, автор лучшей и наиболее полной работы о Н.Гумилеве, признававший, что лично для него “значение поэзии Есенина сомнительно”⁶¹, еще в мемуарном очерке “Сергей Есенин”, опубликованном в 1927 году и впоследствии вошедшем в книгу его воспоминаний “Современники” (1961), писал: “Есенин был настоящий поэт, поэт Божьей милостью”. “Музой Есенина была совесть. Она и замучила его”⁶².

И, наконец, редактор журнала “Аполлон” Сергей Маковский в книге “На Парнасе “Серебряного века”, обращаясь к образу Христа, которого первым из поэтов, по его мнению, приблизил к русской революции именно Есенин, автор “Товарища”, заметил, что “Блок выразил по-интеллигентски холодно несколькими словами то, что в поэме Есенина согрето крестьянским чувством”. “Впервые этот образ появился у Есенина в таком толковании, к какому лишь позже подошла, отрезав от революции, интеллигенция; юный поэт увидел Иисуса, как бы снова распятого — революционными пулями, человеческой злобой и ненавистью, еще не воскресшего и похороненного на Марсовом поле: образ подлинно-народного ощущения сердцем национальной трагедии...”⁶³.

Сергей Маковский, по словам, К.Померанцева, до последнего дня оставался “тем, кем был в России полвека тому назад: представителем серебряного века, западником первых десятилетий нашего столетия, одним из центров, вокруг которого со времен “Аполлона” вращалась элита русской литературы и искусства. Но если тогда, вместе со своими друзьями и сотрудниками по “Аполлону”, он “болел Западом”, то в эмиграции к этому прибавилась обостренная болезнь Россией, русской культурой, русским будущим”⁶⁴. Поэтому естественно, что на склоне лет он задумывался “о душевной драме “последнего баяна” крестьянской Руси” — Есенина. Вспоминая встречи с ним в Петербурге, он писал: “До революции, когда я встречал его на улицах Петербурга (раза два и в редакции “Аполлона”) в знаменитой косоворотке и плисовых штанах навыпуск, он рисовался своим самодержавным монархизмом (первую книжку стихов посвятил императрице Александре Федоровне), но тотчас после “Февраля” он примкнул к “великой, бескровной”; затем и к большевикам (состоял в партии социалистов-революционеров левого толка). Вскоре (пожалуй и одновременно) он затосковал по разгромленной вере отцов. Каким-то умилненным обоготворением русской природы выражал он эту тоску...”⁶⁵.

В эмиграции С.Маковский переписывался с русскими эмигрантами, помнившими Есенина: Г.Ивановым, Р.Березовым, Ю.Трубецким и др. Большое впечатление произвели на него встречи в середине 40-х годов с Вен.Левиным, “чутким, на редкость обаятельным и глубоко любившим Россию публи-

цистом и поэтом” и его “правдивое свидетельство” о дружбе с Есениным и об обстоятельствах, вынудивших поэта вместе с Айседорой Дункан вернуться в Россию.

С.Маковский редактировал статью Вен.Левина “Есенин в Америке”⁶⁶, хотел издать брошюру памяти Есенина⁶⁷. Публикация статьи Вен.Левина “Большевицкий поэт — товарищ Есенин (К 35-летию со дня смерти поэта)” в парижской газете “Русская мысль” напомнила 83-летнему Маковскому о беседах с Вен.Левиним и послужила поводом к написанию им статьи “Есенин в Америке”. Характерно, что эта работа С.Маковского, с сочувствием к Есенину пересказывающая впечатления Вен.Левина о вечере у Мани-Лейба (Брагинского) в начале 1923 года в Нью-Йорке, до недавнего времени была закрыта в спецхране с резолюцией “По содержанию, как порочащая имя Есенина”⁶⁸ и потому не входила в поле зрения отечественных исследователей. Однако, без противоречивого, но искреннего и глубокого признания поэзии Есенина “отцом Аполлона” невозможно составить полного представления об эволюции взглядов бывших акмеистов на Есенина. С.Маковский, в частности, писал: “Поэт-самородок, попав из деревни в атмосферу революционного всеожжения, понял сердцем, что “чудо” на поверку оказалось только насилием над народной душой. Религиозный по натуре и сбитый с толку крушением “старого мира”, буйно страстный во всех проявлениях воли, он не мог вынести этого разочарования, он — избранник, каким чувствовал себя он, пророк, связанный творческой любовью с крестьянством, с вековыми его заветами. Оттого и топил Есенин свой большой дар в вине и разгуле и кончил самоубийством.

Безотчетная любовь к родине была сущностью его лиризма. Откуда было ему, юноше малообразованному, разбираться в сложной ткани политических событий? Он первобытно-напорист, нежно жалостлив и неистово-запальчив первобытно,— конечно, не без тщеславной рисовки своим ухарством. Но все, что он писал, всегда шло от сердца. Потому и остался он среди поэтов своей эпохи, может быть — самым волнующим выразителем ее заглушенной совести, певцом тоски о том, чему уж не вернуться,— несмотря на все свои срывы и на кабацкое буйство”.

Эти слова яркого художественного критика, поэта, знатока искусства, подводили итог размышлениям представителей “серебряного века” о поэзии Есенина. А эффект от всех этих откликов создается неожиданный. Обнаруживается трагедия русской души в драматическую эпоху и власть созданного поэтом русского мифа, уходящего в глубины русского сознания и продолжающего жить “трепетной жизнью сегодняшнего дня”; вырисовывается “волшебная странность” его поэзии, перед которой бессильны традиционные критерии и оценки,

проясняется облик великого поэта — незнакомый нам, сложный и противоречивый. Он раскрывается в драматизме жизненных коллизий и литературных дискуссий, игре ассоциаций и ярких парадоксах. И этот спор вырастает в многоголовый спор о судьбах родины, России.

Но есть еще один вывод, который напрашивается из этого диалога. Проникнутый чувством родины и болью за Россию, он отражал силовые линии взаимодействия русской литературы XX века — советской и эмигрантской. И в нем проявлялось и то, что ее объединяло, и то, что ее различало. Проблемы русской духовности, исторического развития России и тревога за ее будущее с различных точек зрения преломлялись в откликах на поэзию Есенина и здесь — на родине — и там — за рубежом. И это дало право Г.Иванову сказать: “На любви к Есенину сходятся... два полюса искаженного и раздробленного революцией русского сознания, между которыми, казалось бы, нет ничего общего”. “Мертвому Есенину удалось то, что не удалось за тридцать два года большевизма никому из живых. Из могилы он объединяет русских людей звуком русской песни...”⁶⁹. Эта мысль по-новому освещает великую духовную миссию поэта, ставшего “национальной загадкой”, мифом XX века.

И вместе с тем, можно заметить, что в пристрастных и противоречивых суждениях поэтов-акмеистов, живших в эмиграции, ощутимы тоска и ностальгия по родине, своеобразный эстетический консерватизм, неоднородность и многозначность оценок. То есть то, что вообще характеризовало эмигрантскую словесность, которой Г.Адамович отказал даже в единой или хотя бы главенствующей теме, и всякой “закономерности” вообще, увидев лишь разрозненные, друг другу противоречащие течения, самые различные настроения, отдельные миры или мирки в сознании каждого отдельного писателя”⁷⁰.

Более того, нельзя не увидеть, что заинтересованность взгляда на поэзию Есенина таких далеких ему по творческим устремлениям поэтов обнаруживает приток духовной энергии, шедшей из России. Не только тяга к классике, но и диалог о современной русской литературе выявляли свободный от эйфории взгляд на реальный вклад советских и эмигрантских писателей в развитие русской литературы XX века, о которой Федор Степун сказал еще в 1925 году: “Будущая же Россия растет сейчас, конечно, не в эмиграции, а в России, и в ней и с ней, с этой новой Россией растет сейчас и новое русское искусство. В атмосфере эмигрантского безбытничества, среди чужой природы и под звуки чужой речи ему никогда не стать достойным наследником великого русского искусства. Как ни люби Россию молодой эмигрантский писатель, здесь, за рубежом начинающий писать, как

ни тоскуй по ней, ржаного поля он по-бунински все равно никогда не напишет: от его ржей всегда будет пахнуть не рожью, а эмигрантской тоской по ней: ржи пахнут Богом и хлебом, а тоска по льну — это запахи разные”⁷¹. Так зарубежные отклики не только меняют наш взгляд на отношение поэтов-акмеистов к Есенину и создают нетрадиционный многозначный образ поэта, но и свидетельствуют о сложной диалектической целостности русской национальной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Адамович Г. К спорам о Есенине // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1950. 17 дек.
- 2 Адамович Г. Сергей Есенин // Звено. Париж. 1926. 10 янв.
- 3 Там же.
- 4 Иванов Г. Петербургские зимы. Нью-Йорк. 1952. С.235.
- 5 О холодном отношении к Есенину поэтов-акмеистов см. в работах: Вдовин В. Материалы к биографии Есенина // Вопр. лит. 1970. № 7. С.164—165; Шаповалов М.А. Сергей Есенин и поэты Петрограда в 1915—1916 году // Радуница. Информационный сборник № 1. М. 1989. С.24—28 и др.
- 6 Ахматова А. Сергей Есенин // Наш современник. 1990. № 10. С.156—160; Кралин М. Анна Ахматова и Сергей Есенин // Там же. С.154—156.
- 7 Боровиков С. Затерянная страна // Знамя. 1992. № 7. С.231.
- 8 Там же.
- 9 Воздвиженский В. Бедствие среднего вкуса // Юность. 1988. № 11. С.83—86.
- 10 Ахматова А. Я голос ваш... М. 1989, С.322.
- 11 Крючков В. Брызги на потолке. Комментарий к тому, как создается миф о смерти Сергея Есенина [Интервью с Б.Свадковским] // Независимая газета. 1992. 4 апр.
- 12 Райс Э. Сорокалетие русской поэзии в СССР (1920—1960) // Грани. Франкфурт-на-Майне. 1961. № 50. С.148.
- 13 Там же.
- 14 Боровиков С. Указ. соч. С.231.
- 15 РГАЛИ Ф.190, оп. 1, ед.хр. 172. Запись Есенина опубл. в кн.: Белосусов В. Сергей Есенин. Лит. хроника. М. 1970. Ч.2. С.139.
- 16 Ахматова А. Сергей Есенин. Указ. соч. С.157—158.
- 17 Иванов Г. Указ. соч. С.235.
- 18 Адамович Г. Сергей Есенин. Указ. соч.
- 19 Одоевцева И. На берегах Сены. Париж. 1983. С.46.
- 20 Пастухов В. Страна воспоминаний // Опыты. Нью-Йорк, 1955. № 5. С.85.
- 21 Цветаева М. Цветник (“Звено” за 1925 г. “Литературные беседы” Г.Адамовича) // Благонамеренный. Брюссель. 1925. № 2. Цит. о Есенине см. на сс. 127 и 135.
- 22 Осоргин М. “Отговорила роща золотая...” (Памяти Сергея Есенина) // Последние новости. Париж. 1925. 31 дек.
- 23 Гиппиус З. Судьба Есениных // Последние новости. 1926. 28 янв.
- 24 Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. Нью-Йорк. 1954. С.305.
- 25 Цветаева М. Соч. В 2-х тт. Т.2. М. 1988. С.505.
- 26 Бунин Ив. Самородки // Возрождение. Париж. 1927. 11 авг.

- 27 Ходасевич В. Цыганская власть // Возрождение. 1927. 23 июня.
- 28 Слоним М. Литературный дневник: Биография и литература.— Роман Мариенгофа об Есенине.— О личной жизни писателя // Воля России. Прага. 1927. № 8—9. С.92—99.
- 29 Адамович Г. Воспоминания о Есенине // Иллюстрированная Россия. Париж. 1929. № 26. С.14.
- 30 Бердяев Н. О самоубийстве. Психологический этюд. Париж. 1931. С.14.
- 31 Адамович Г. Воспоминания о Есенине. Указ. соч.
- 32 Адамович Г. Есенин (К 10-летию со дня смерти) // Последние новости. 1935. 26 дек.
- 33 Бунин Ив. Воспоминания. Париж. 1950. С.14—21.
- 34 Адамович Г. К спорам о Есенине. Указ. соч.
- 35 Адамович Г. Сергей Есенин. Указ. соч.
- 36 Струве Г. Письмо в редакцию [По поводу статьи Г.Адамовича] // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1951. 7 янв.
- 37 Оценки, данные Ив. Буниным Есенину, ярко характеризуют политическую позицию Бунина и понимание им исторической судьбы России. Ф.Степун в 1925 году писал: "...Очевидный факт, что Бунин связан с прошлой, дворянской, а Есенин с будущей крестьянской Россией. <...> Громадное наследство, которое Бунинская Россия передает Есенинской — несомненный факт; то же, что Есенинская преумножит это наследство — пока только надежда". (Степун Ф. Литературные заметки ("Тонкий и чуткий г-н Воронский") // Совр. записки. 1925. № 26. С.326). В страстных монологах Ив. Бунина о судьбе России и русской культуры, в его злых нападках на молодую советскую литературу Есенин нередко становился главной фигурой, воплощением того, что писатель не принимал и отрицал. И сам масштаб оценки великого русского поэта крупнейшим художником XX века чрезвычайно показателен.
- 38 Письма Ив.Бунина к Г.Адамовичу [Письмо от 7 марта 1944] // Новый журнал. Нью-Йорк. 1973, № 110, с. 160.
- 39 Речь идет об отклике Ив. Бунина на статью Г.Александрова, эмигранта "второй волны", посвященную памяти Есенина и опубликованную в конце 1950 года в нью-йоркской газете "Новое русское слово": Бунин Ив. "Мы не позволим" // Новое русское слово. 1951. 7 янв. От имени многих русских Г.Александров защищал в своей статье Есенина, которого, по его словам, читала и пела вся "советская Русь", от нападок Бунина. Бунину, мучительно переживавшему разлуку с родиной, многое показалось оскорбительным: и презираемый им диктат, не позволяющий ему, 80-летнему русскому писателю, иметь свое мнение, и противоположная точка зрения, которую он, по обыкновению, воспринял как личную обиду, и высказывания нового эмигранта от имени многих единомышленников новой России ("Мы не позволим") и, наконец, то, что Есенина читает и поет вся Россия, которая, казалось, забыла его, Бунина.
- 40 Чит. по кн.: Седых А. Далекие, близкие. Нью-Йорк. 1962. С.241—242.
- 41 Адамович Г. "Воспоминания" Бунина // Новое русское слово. 1950. 22 окт.
- 42 Адамович Г. О Штейгере, о стихах, о поэзии и о прочем (Заметки) // Опыты. Нью-Йорк. 1956. № 7. С.28.
- 43 Лихоносов В. Привет из старой России /Письмо Г.Адамовича В.Лихоносову от 4 авг. 1968 // Лит. учеба. 1991. Кн. 5. С.143.
- 44 Там же. Письмо Г.Адамовича В.Лихоносову от 14 апр. 1969.
- 45 Там же. С.143—144.
- 46 Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк. 1956. С.372.
- 47 Иванов Г. Стихи в журналах, издательствах, альманахах, кружки в 1915 г. // Аполлон. Пг. 1916. № 1. С.61.
- 48 Иванов Г. Черноземные голоса. // Русская воля. Пг. 1917. 23 сент.

- 49 Ахматова А. Соч. Нью-Йорк. 1968. Т.2. С.304.
- 50 Берберова Н. Курсив мой. Мюнхен. 1972. С.547.
- 51 Богомолов Н. "Талант двойного зренья" и "Примечания" // Иванов Г. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М. 1989. С.517,549.
- 52 Цит. по изданию: Иванов Г. Петербургские зимы. Париж. 1952. С.93.
- 53 Иванов Г. Петербургские зимы. Указ. соч. С.220—221.
- 54 Иванов Г. Литература и жизнь. (Маяковский, Есенин) // Возрождение. Париж. 1950. № 8. С.197.
- 55 Иванов Г. Есенин // Есенин С. Стихотворения 1910—1925. Париж /1951/. С.31. [То же в кн. "Петербургские зимы" Париж. 1952. С.240]
- 56 Там же. С.30.
- 57 Там же. С.31.
- 58 Там же. С.20—21.
- 59 Там же. С.5.
- 60 Там же. С.10.
- 61 Оцуп Н. Литературные очерки. Париж. 1961. С.167.
- 62 Оцуп Н. Сергей Есенин // Последние новости. 1927. 27 дек.
- 63 Маковский С. На Парнасе "Серебряного века". Мюнхен. 1962. С.171, 173, 172.
- 64 Померанцев К. Памяти С.К.Маковского // Мосты. 1962. № 9. С.382.
- 65 Маковский С.К. Есенин в Америке. Статья. Машинопись с правкой автора. РГАЛИ. Ф.2512, оп. 1, ед.хр. 56.
- 66 Левин Вен. Есенин в Америке // Новое русское слово. 1953. 9, 10, 11, 12, 13 авг.
- 67 См. об этом в письмах Вен.Левина С.Маковскому от 7 сент. 1953 г. и 27 сент. 1953 г. РГАЛИ. Ф.2512, оп. 1, ед.хр. 299.
- 68 Статья С.Маковского "Есенин в Америке" была опубликована в газете "Русская мысль". 1960. 6 и 8 марта.
- 69 Иванов Г. Литература и жизнь. Указ. соч. С.198. То же в др. редакции во вступ. очерке "Есенин" в кн. "Петербургские зимы". 1952 г.
- 70 Адамович Г. О литературе в эмиграции // Совр. записки. 1932. № 50. С.327.
- 71 Степун Ф. Литературные заметки. Умный и чуткий г-н Воронский. Указ.соч. С.327.

ТВОРЧЕСТВО С.А.ЕСЕНИНА И КРЕСТЬЯНСКАЯ СВАДЬБА*

О фольклоризме Есенина исследователи его творчества стали писать еще при жизни поэта. Со временем определили три народно-поэтических струи, питавших лирику и прозу рязанского “златоцвета”¹.

Первая брала начало в домашней обстановке, в которой бабушка и нянька-приживальщица рассказывали сказки, “слепцы, странствующие по селам, пели духовные стихи о прекрасном рае, о Лазаре, о Миколе и о женихе, светлом госте из града неведомого”, дедушка исполнял песни “старые... тягучие, заунывные”^{**} (III, 187), а на улице звучали “частушки”, “прибаски” и “страданья” (II, 349, 352, 356). Все это отразилось не только в использовании Есениным фольклорной образности в собственном творчестве, сказалось в названиях первого сборника “Радуница” и его раздела “Маковые побаски” (1916 г.), но и привело к собирательской деятельности: “Тут у меня очень много записано сказок и песен” (III, 236), к стремлению подготовить в 1915 г. сборник “Рязанские побаски, канавушки и страдания” (не издан).

Вторая струя шла от сознательного изучения фольклорно-этнографических трудов ученых: например, “Поэтических воззрений славян на природу” А.Н.Афанасьева, которые Есенин “в голоднейшие годы искал и купил за 5 пудов муки”², — и привела к созданию “Ключей Марии” (1918 г.).

Третья исходила из литературного окружения Есенина: А.М.Ремизова, создавшего цикл стилизованных под библейские притчи и апокрифы “отреченных повестей” и организовавшего вместе с С.М.Городецким литературное общество

* Цитаты из произведений Есенина приводятся по источнику: Есенин С.А. Собрание сочинений в трех томах. М.: Правда 1977. В тексте в скобках первая цифра обозначает том, вторая — страницу.

** Частично материал этой работы был опубликован в статьях: Символика цвета у С.А.Есенина и свадебная поэзия Рязанщины // Филологические науки. 1992. № 2. С.12—22; Повесть С.А.Есенина “Яр” и крестьянская свадьба // Русская литература XX века. Проблемы жанра и стиля: Межвуз. сб. науч. трудов. М., МГУ, 1993. С.31—44.

“Краса” (1915 г.)³; “вытегорского подвижника” и “календарного святителя” (III, 261) Николая Ключева с его “Избьяными песнями”; Сергея Клычкова, народностью речи обязанного “лесной бабке Авдотье, речистой матке Фекле Алексеевне и нередко мудрому в своих косноязычных построениях отцу..., а больше всего нашему полю за околицей и Чертухинскому лесу...”⁴; Александра Ширияевца, вопрошавшего: “...а без сказки какое житье на свете?...”⁵ — и др.

Эти три струи легко и естественно вливались в мощный поток изучения народной жизни: помимо всего прочего, в Москве в 1925 г. издана книга “милого Евдокимыча” (III, 312) — “Русская игрушка” И.В.Евдокимова, а на родной Есенину земле с 1923 г. деятельность Общества исследователей Рязанского края, рассылавшего анкеты по сбору произведений устного народного творчества грамотным сельским жителям и организовавшего фольклорную бригаду, была столь успешна, что под редакцией А.А.Мансурова появилось “Описание рукописей этнологического архива”, в котором 5 выпусков (вып. 1—4, 1928—1930; вып. 7, 1933) уделено фольклору.

Наша задача — рассмотреть вопрос об отношении Есенина к свадебной поэзии и обряду. Ему, прошедшему детские и юношеские годы в с.Константинове (1895—1911 гг.) и неоднократно заезжавшему туда позже, учившемуся во второй-классной учительской школе в Спас-Клепиках, конечно же, доводилось видеть, как игрались крестьянские свадьбы. Этому способствовал и дед: “С его стороны устраивались вечные невенчанные свадьбы”, — но характерный для Рязанской губ. обряд можно попытаться воссоздать, извлекая его по крупицам из повести “Яр”, стихотворений и поэм.

Повесть “Яр” считается первым из дошедших до нас прозаических произведений С.А.Есенина. Она появилась летом 1915 г., когда по возвращении из Москвы Сергей Александрович вновь погрузился в крестьянскую жизнь с.Константиново и записал там множество сказок и песен. По мнению современного литературоведа С.С.Куняева, повесть “обладает некоей мистической силой”⁶, притягивающей и одновременно измучившей героев. Истоки этой “мистической силы” отчасти заключены в рязанском — особенно свадебном — фольклоре, пронизывающем повесть.

Ее композиция основана на двух ведущих линиях. Одна из них образована четырехкратным вариативным упоминанием волков, другая — тоже четырежды различно преподнесенным описанием сватовства разных лиц. Каждый эпизод этих двух линий подан в реалистическом или символическом плане, иногда — одновременно в двух. При переплетении обеих линий возникает сложный метафорический смысл, постичь который можно, только зная сущность исходного мате-

риала — народных поверий и обычаев, связанных со свадьбой и ее поэзией.

Повесть начинается с появления волков на яру, двух из которых — вожака и веснянку-волчиху — одним выстрелом убивает охотник Филипп. Вроде бы обычный охотничий эпизод словно предрекает зловещий конец: из того же филиппова ружья Ваньчок стреляет в К.Карева, подумавшего в предсмертный миг, что это Филипп зовет его на охоту напоследок. И фраза Ваньчка “Никакой свадьбы не будет” (III, 6) в конце повести теряет свою вторую часть, объясняющую зависимость свадьбы — народного обряда — от наличия приданого, и получает иной, трагический смысл: свадьба как соединение двух человек в единую семью не состоится, потому что невеста Лимпиада отравилась. Так вроде бы не связанное с концом повести ее начало — убийство пары волков, как эхом, откликнулось гибелью двух людей. А ведь фраза Ваньчка была сказана в ответ на шутку Филиппа: “Волки пришли на свадьбу” (III, 6). Хотя Филипп и пояснил затем шутку реальным обстоятельством: “Волки, говорю, на яру” (III, 6), — эти слова не зачеркивают возможность мифологической трактовки образа волка как зооморфной ипостаси волкодлака. Есенин мог слышать от верящей в демонические существа матери или от односельчан былички об оборачивании колдунами участников свадьбы в волков. Он наверняка читал у А.Н.Афанасьева о белорусской свадьбе, на которой “вдруг нежданно-негаданно среди шумного веселья жених и все прочие мужчины были превращены чародеем в волков...”⁷

Все упоминания о волках так или иначе связаны с К.Каревым. Он появляется впервые на яру во время охоты Филиппа на волков. Далее, сквозь сказочную стилистику слов Анны: “...видно, серые волки его разорвали”, — проглядывает реалистический план: под Иваном-царевичем она подразумевает опять же Карева. В сказках герою не уготована судьба утонуть в полынье, как сообщало письмо о Кареве, поэтому Анна могла в стилизованной под сказочную речи прибегнуть к синонимичному иносказанию, тем более что перед родителями Костя обставил свой уход из дому как привычные сборы на охоту. И наконец, именно Кареву Ваньчок сообщает о помещике, что “он сам семь волков съел” (III, 61). Эта поговорка гораздо выразительнее аналогичной “Он в этом деле собаку съел” и сильнее характеризует барина в переносном смысле как знающего человека и, возможно, в прямом — как умелого охотника. Соотнесение имени Кости Карева с упоминаниями о волках мотивировано его охотничьей стезей. Волки, пришедшие на свадьбу, разорвавшие Ивана-царевича и съеденные помещиком, похоже, являются тотемными животными.

Однако волки у Есенина сулят гибель людям. Даже барин, “съевший” счастливое число волков — 7, погибает от брошенного в него в овраге булыжника деда Иена, не говоря уж об Иване-царевиче, которому в волшебных сказках волк обычно служит. Уже в самом начале повести появление волков создает ощущение смерти: “ватага почуяла добычу”, “слабый вой и тихий панихидный переклик”, “зловеще сверкнули огоньки” и “слышался морочный ушук” (III, 5).

Вторая композиционная линия тоже содействует нагнетанию трагического настроения: четыре показанные Есениным сватовства оказываются несчастливыми. Долго сватавшийся к Лимпиаде Ваньчок так и не сыграл с ней свадьбу, а волки уже пришли на нее. Умиравший Аксютка создается, что он выдумал сватовство к внучке старушки-богомолки. Завершившееся свадьбой сватовство Карева к Анне привело обоих к смерти-возмездию за незаконно нажитых детей. Вроде бы счастливое сватовство Степана к черноглазой писаревой дочери стало возможным в результате ухода от любимой Анны, что послужило одной из причин ее самоубийства.

На свадьбе у Карева неприятные, но вполне возможные на Покров (I окт.) природные явления — “Свадьба вышла в дождливую погоду; по селу, как кулага, сопела грязь и голубели лужи”, — стали предзнаменованием будущих слез: “...Анна, рыдая, закопала судорожно вздрагивающие губы в подушку”, “из глаз ее капали слезы”, “брызгавшие слезы” (III, 11, 15, 16, 17). Сохранилось свидетельство, что в не столь уж отдаленном от Константинова и Спас-Клепиков с.Рыкова слобода (Заборье) Рязанской вол. венчали именно на Покров, одновременно бывало 20—40 свадеб, а в с.Лопатино Скопинского р-на в 1929 г. было “на Покров 75 свадеб, в 3 попа венчали”⁸. Есенин исходит не из той народной приметы, что “Дождь на молодых — счастье”, “Снег и дождь на свадебный поезд — богато жить”, а из более подходящей к печальному настроению Кости и Анны: “Коли на улице распута, быть свадьбе беспутной”⁹.

Трагический настрой создается и при помощи отбора Есениным типично народных причин для сватовства, но писатель тут же показывает, что именно эти вроде бы нейтральные в понимании крестьян причины приводят к гибели героев. Одной из таких причин могла быть пора брачного возраста и нехватка женских рук в хозяйстве: “Парню [Косте] щелкнул двадцать шестой год, дома не хватало батрачки, да и жена Анисима жаловалась на то, что ей одной скучно и довериться некому” (III, 11). Звучащее в несобственно прямой речи Анисима Карева слово “батрачка” отвечает крестьянскому пониманию ценности женщины именно как работницы. В свадебных плачах невесты и ее матери при благословении к венцу, в песнях при ожидании

поезда, в величальных на пиру встречается мотив перечисления достоинств девушки как трудовых умений и сноровки:

Или я вам была не пособница

...Послом не скорая... не проворная...
В доме не помощница...
В поле не работница?

Я вам была слуга верная, не наемная,
Куды мне скажут — я бегу,
Отколь меня ждется — я приду

Увезли у нас шелковницу... узорницу

Буду ключница чужому батюшке,
А варешница чужой матушке,
А верна слуга своему суженому

Ко всему дому хозяйшку, сберидомчицу.¹⁰

Осознание Анной, как и всякой крестьянкой, себя батрачкой могло оправдать ее связь с батраком Степаном. Выражение “загадал женить” (III, 11) используется Есениным в соответствии с распространенным на Рязанщине поверьем: “Загад не бывает богат”¹¹.

Для показа психологического состояния Карева, не стремящегося к созданию семьи с Анной, — “Не в охоту Косте было жениться, да не захотелось огорчать отца” (III, 13), — Есенин вводит в текст “Яра” поговорку “Женится — переменится...” (III, 13). Есенин подчеркивает, что семейная жизнь не задалась с самого начала, несмотря на применение необходимых оберегов, например: “Поп слез и, подведя жениха к невесте, сжал их правые руки” (III, 13). В народном понимании с правой стороны связано значение благоприятного, праведного в противовес левой — злой, вредоносной, что Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванов выводят из физиологических особенностей каждой руки человека¹².

Другую причину сватовства — богатая родня девушки — Есенин представляет еще более ужасной: “Прослыхал я, что она деньжонки с собой несет, ну и стал присватываться к ней” (III, 34). По словам Аксютки, именно такая причина сватовства привела его к убийству старушки. Заметим, что глагол “присватываться” имеет адресатом в данном случае не

девушку, но старушку — “двохлая такая старушонка”. Глагол “присватываться” указывает на неопределенность результата сватовства (из-за грамматических свойств аффиксов “при-” и “-ыва-”), что и позволяет рассказчику Аксютке на этой основе строить весь свой “страшный случай” (III, 34). Действительно, невезение и удача попеременно сопутствовали Аксютке: “Я и так к девке, и этак, — отвиливает, чертовка. Долго бился, половину дороги почти, и все зря”, — но чуть позже: “Подставила мне свои сахарные губы, обвинила меня косником каштановым, так и прилипла на шею” (III, 34). Слово “присватываться”, помимо прямого значения — предварительного сватовства, впрочем, обычно с отрицательным оттенком: “По селу давненько шушукали, что он [Костя] присватался к вдове-соседке” (III, 13), — еще имеет добавочный, переносный смысл — “приставать; назойливо входить в доверие, в долю; становиться нежелательным участником”, который используется автором для словесной автохарактеристики Аксютки. Когда добропорядочные намерения ведут к сватовству, Есенин применяет другие однокоренные слова: “Посвататься, касатка, пришла за племянника”, “Он сватал у Филиппа сестру Лимпиаду...” (III, 86, 5).

Подчиняя все свадебные описания общему трагическому настрою повести, Есенин даже из разнообразия свадебных песен выбирает печальную: “Подружки голубушки, — выговаривал, как камышовая дудка, гребешок, — ложитесь спать, а мне, молодешеньке, дружка поджидать” (III, 39). Используемый Есениным вариант неизвестен, но вот аналогичный:

— Девушки, подруженьки, ложитесь спать,
Вам некого ждать,
А мне, горькой раскукушечке,
Всю ноченьку не спать,
Кроватку убирать.
Убрамши кроватку,
Дружка Ванюшку ожидать¹³.

В свадебных песнях образ голубушки чаще всего сочетается с голубем; очевидно, изначально образ этот был парным, поскольку являлся символом любви и брака. С голубем и голубкой обычно связаны жизнерадостные мотивы: “Летели тут голуби через двор, // Ударили тут крыльями об терем” — передали весточку невесте о сборах жениха; “Ой во горенке... // Два голбя сидели... // Ой пьют, ой льют шинпаночки...” и “В гитару играют... // Свет-Маринушку... забавляют”; “По загорью... Ходит голубь... За голубушкою”; “Э прилятала // К нам голубка... Они сели // Гуртовали... // Себе гнездышко // Любовали”; “А кто у нас любчик, // Сизенький голубчик?” — его жена встречает; “У голубя у сизого золотая голова, // У голубушки его позоло-

ченная...”¹⁴. Как символ любовной пары образ голубей встречается в “Яре” (кроме указанного случая) еще три раза: 1) в портрете Лимпиады — “...в глазах ее словно голуби пролетали”; 2) в рассказе Аксютки — “...воркуем, как голубь с голубкой”; 3) в словах Филиппа — “— Эй вы, голуби! — крикнул Филипп.— Полно вам ворковать, помогли бы мне побросать на сушило сено...” (III, 32, 34). Однако в свадебной поэзии не все произведения с голубиной символикой жизнерадостны: есть одна песня о нездоровье жениха: “как у гслубя, как у сизого // Болят крылышки...”¹⁵ Иногда на свадьбе играется любовная необрядовая песня о потере голубем голубки во время его ночевки: он проспал, как в саду под яблоней или грушей ее застрелил генеральский сын¹⁶. Возникло даже синонимическое обозначение понятия “причитать около невесты” — “голупить”¹⁷. И в “Яре” восприятие слушателями грустной свадебной песни было соответствующим: “Будя,— махнула старуха,— слезу точишь” (III, 39). А ведь сапожник Царек только наигрывал мелодию на обломке гребешка, и в этих звуках карагоду слышалось выговаривание печальных слов дудочкой из камыша, который в сказке “Чудесная дудка” вырастает на могиле невинно загубленной подругами девушки из-за блюдечка и ягодок¹⁸. Свадебные песни игрались группой женщин или девушек без инструментального сопровождения и только в ритуальных условиях. Исполнение Царьком на посиделках мелодии грустной свадебной песни вместо требуемой плясовой вносит диссонанс в общее веселье.

Из конкретных образов свадебной поэзии Есенин использует в повести образы, исполненные горечи и страдания. В отличие от стихотворений, в “Яре” не встречается характерный для свадебных песен образ цветущей калины. Это деревце бросается в глаза ярко-красным цветом горьких ягод, из-за чего стало у восточнославянских народов символом потери девичества: украинцы украшали каравай красной калиной; ее вплетали в венки для молодых, бытовали ритуалы с рубахой-“калинкой” и т.д.¹⁹

Впервые в “Яре” образ ягод калины, пока не имеющий отношения к свадебному символу, встречается в истории мельника Афоньки и его племянника Кузьки, по примеру камешков мальчика с пальчик, бросавшего для обозначения пути красные кислые ягоды калины, которые птицы не едят (III, 25). В лесу “как застывшая кровь висели гроздья ягод” калинового кустарника (III, 26), но на мельнице символ “калина-кровь” меняется на обратный, со смертельным значением: “На полу рассыпались красные ягоды” (III, 30).

Далее Аксютка путает сок ягод калины с кровью: “Я думал, ты ранен и с губ твоих течет кровь... Ты сегодня не ел калину?” Возможно, Карев переводит прямой смысл разго-

вора в символический план, думая о любви к Лимпиаде: “— Я не собирал ее прошлый год, а сегодня она только зацветает” (III, 33). Позже в стихотворении “Цветы на подоконнике...” (1924 г.) появится выражение “Целую так небрежно // Калину губ...” (II, 279), а в “Песне” (1925 г.) — образ “любовь-калинушка” (I, 215).

Другой свадебный образ — береза. Лимпиада в “Яре” говорит: “Лучше я повешусь на ветках березы, ... чем уйду с яра” (III, 19). По народным представлениям, белая береза — хранительница “девичьей волюшки”: “Послали б вы ее в темный лес, // Посадили б на белую березу, // Чтоб ее ветром не сдувало, // Чтоб дождем не замывало”²⁰. Высокая белая береза, очевидно, находится на границе с потусторонним миром или даже в царстве смерти. Она служит не только местом, куда сажают девичью волю, но и средством заграждения дороги женихову поезду в плаче-просьбе невесты к брату: “Срубите вы белую березу, // Завалите дороженьки моим разлучникам...”²¹. Вероятно, из-за белого — траурного — цвета береза имеет отношение к миру смерти. В похоронном плаче говорится, что “милу мамушку” понесут “ко белым ее ко березонькам”²². Все вышеизложенное относится только к одной белой березе: в паре-тройке с другими деревьями или с эпитетами “кудрявая”, “зеленая” береза имеет другое символическое значение. Более многогранно образ березы у Есенина представлен в его поэзии.

В “Яре” любовь неотделима от страдания и приводит к гибели героев, поэтому и возникают связанные с миром смерти образы калины и березы. Есенин особо любил древесные образы и писал в “Ключах Марии”: “Древо — жизнь”, “все от дерева — вот религия мысли нашего народа” (III, 144, 142).

Пока что все рассмотренные художественные образы и элементы композиции, связанные с рязанской свадебной традицией, переосмыслены Есениным для создания особого трагического психологического настроения — “мистической силы” любви и смерти на родной земле. Но в повести существуют и описания сватовства и поездки к венцу, интересные в фольклорно-этнографическом плане.

На Рязанщине бытовал ритуал заграждения дороги свадебному поезду с требованием “околишной”. У Есенина мужики перед церковью преградили путь поезду Карева. Сваха, обращаясь к ним, в своей поговорке образно уподобляет мужиков гусям: “Сваха вынесла четверть с водкой и, наливая бражный стакан, приговаривала: — Пей, гусь, да пути не мочи” (III, 13). Образ гуся в славянском мифологическом фольклоре связан с преградой. В сказке “Гуси-лебеди” эти птицы утаскивают братца к Бабе-Яге, а в “Ивашке и ведьме”²³, наоборот, они создают преграду для нее по просьбе паренька,

унося его на своих спинах. В любовной песне “У колодезя у нового...” девушка ссылается на птиц как на препятствие для доставания воды, чтобы объяснить свою задержку, не называя истинной причины — свидания с молодцем:

Эх, налетели гуси-лебеди,
Эх, возмутили воду свежую,
Эх, я стояла, дожидалася,
Когда вода устоялася²⁴.

В свадебной песне “Соколок был, соколушек...” сокол должен расшибить “стадо гусиное, // А второе стадо лебединое”²⁵, чтобы добраться до лебедушки.

Теперь рассмотрим ритуальные моменты сватовства. Если парень выбирал сначала сам невесту, а уже потом засылал сватов, то он должен был выкупить ее у общины — отголосок родового права: “— Невесту, что ль, выглядываешь? — спросил гармонист. <...> — Так ты, брат, видно, сам знаешь... у нас положение водится... четверть водки поставь” (III, 85). Ср. тот же выкуп невесты у общины, только не самим женихом, а его отцом в день девичника: “Приезжает свекор, привозит ведро вина — отчищена”²⁶.

При удачном завершении сватовства его закрепляли специальными словами: “Ладно,— кинула в заслон мочалку,— сговорено” (III, 86), — которые дали встречающиеся на Рязанщине, но отсутствующие у Есенина названия следующих этапов свадьбы: “лады” и “сговор”, — а также производные от них: “ладятся”, “поладили”, “ладковать” и название свадебного чина — “ладило” (сват)²⁷. Очевидно, и заслонка печи упоминается у Есенина с особым смыслом. Разные этапы свадьбы связаны с печью и печными “причендалами”. В д. Бессоновка Спасского у. мать жениха шла сватать невесту с чаплей, в с. Б.Озерки Сараевского р-на жених сидел в это время у себя дома на печи, а в с. Секирино Скопинского р-на невеста до заоя пряталась “в рогачах”. В д. Нефедово при “ладах” никому не разрешали подходить к печи, “чтобы у будущих молодых не было печали”, и считали, что “стоять у печки при проводах — плохая примета”, а за несколько дней до свадьбы “сряженная на посад” невеста сидела у печки. В с. Старая Рязань Спасского у. принесенную женихом невесте шубу 3 раза обводили вокруг печной трубы, говоря: “Как труба от печи не отходит, так и ты (невеста) не отходи от двора”. В д. Пекселы Касимовского у. свекровь показывала молодой, приехавшей от венца в дом мужа, печь и ухватывала²⁸. Многочисленные примеры показывают, что в мировоззрении язычников печь имела непосредственное отношение к культу рода. В.К.Харузина выделила ритуалы “приобщения к культу нового рода (семьи)”, заклю-

песнях типа “Разъезжал сокол по городу...” и “Нам сказали про Ивана...” рисуется образ грозного, немилостивого конника, который “становился напротив тесовых ворот” и “ударил вереюшку копьем”³⁴. Далее сюжеты расходятся: испугавшаяся невеста либо просит подруг “оскользать” “гору скользкую” и не пустить поезжан, либо отдать “золоты ключи” от сундуков и сшить пальто жениху. В другом свадебном сюжете жених просит: “Сойди, Аннушка, со терема, // Сойди, Андреевна, со высокого, // Я хочу тебе понравиться”³⁵.

По мнению В.Я.Проппа, сидение девушки в тереме подготавливает ее к браку с “существом божественного порядка” и перешло в волшебную сказку из ритуальной изоляции девушек во время месячных очищений. Только суженый способен освободить девушку из заточения в башне, тереме, дворце. В сюжете “Сивко-Бурко” герой на волшебном коне долетает до окна царевны и целует ее, а затем она опознает его по наложенному клейму — например, удару золотым перстнем в лоб³⁶. Поздняя песня литературного происхождения написана на тот же старый сюжет: “Живет моя отрада // В высоком терему, // А в терем тот высокий // Нет входа никому”³⁷. Строку из этой песни — “Была бы только ноченька сегодня потемней” — произносит Аксютка, рассказывая историю про “хлюста” из трактира (III, 36). И, возможно, эта же строка имеется в виду в авторской зарисовке осеннего вечера: “Голоса на дороге про темную ноченьку поют”. Таким образом, Есенин показывает, что народу в песне важен не любовный сюжет, а соответствие собственному душевному настрою: “Хорошо молиться в осень темной ночи за чью-нибудь непутевую душу” (III, 101). Русскому крестьянину свойственно сочувствие к “благородному разбойнику” и одновременно к заблудшей душе.

В безликую осеннюю темень звучит прощание с “порой нудной, томящей”, и в нем опять появляется трагический образ красных ягод: “...кровью нашей напоила ягоды свои” (III, 101). И проходящий через всю повесть образ калины вновь становится знаком беды, предчувствием смерти: “Филипп сломил ветку калинника и побег к сторожке”. Увидев мертвую Лимпиаду, он, “склонившись на колени, закрылся руками и заголосил по-бабьи”. И в его плаче звучит свадебный мотив: “...не развивала бы свою кудрявую косу...” (III, 105). Он встречается в плаче невесты: “Не тронь-ка ты // Косу русую. // Не расплетай-ка ты ее...” — и в песне “Не трубит ли трубонька рано по заре...”: “Начала ей косыньку // Рвать и трепати... // В пучок завивать...”³⁸.

Есенин был близко знаком со свадебным обрядом и поэзией Рязанщины. Однако в “Яре” вызывает сомнение один момент в описании свадьбы — это представление “зубка” как платы попу за венчание (III, 11). Повсюду этот ритуал

распространен как родильный: “Как скоро в деревне узнают, что такая-то родила, хотя бы и не первого ребенка, всякая баба спешит снести родильнице “на зубок” пирог, чашку кислой капусты, блюдо соленых огурцов, горшочек каши или чашечку крупы... Поздравляет “с животом да с сыном” или “с животом да с дочерью”³⁹. Это же понимание “зубка” отражено в выражениях “Положить роженице на зубок; позолотить, посеребрить зубок”⁴⁰ и в распространенном крестьянском мнении, что в результате вынашивания и рождения ребенка его мать теряет зуб. “Зубок” приносили роженице женщины, и Есенин мог знать об этом обряде лишь понаслышке, либо на его родине в начале XX в. “зубок” переосмыслился в плату попу. И Есенин дает свою интерпретацию свадебных мотивов, образов и ритуалов в соответствии с авторским замыслом.

Так, уже упоминавшийся Покров в “Яре” показан как ненастный, дождливый день, задающий печальный настрой будущей семейной жизни К.Карева и Анны. Но в народе распространено представление о снежном Покрове — начале зимы: “Покров — первое зазимье”, “Бел снег землю прикрывает; не меня ль молоду замуж снаряжает?”, “Если снег выпадает на Покров — счастье молодым”⁴¹. Зимнее время свадеб характерно для всей России и для Рязанщины в частности. Это отражено в фольклорной символике “снега белого” и “мороза лютого”, например, в плаче просватанной девушки:

Запоручили мою головушку,
Распрокладили мою сердечуньку,
Знать, почуяла моя головушка
Снегу белова.
Знать, почуяла моя сердечунька
Морозу лютова⁴².

Зимнее время свадьбы отражено и в стихотворении Есенина, изображающем поездку невесты к венцу. Первые 2 стиха — “Опять раскинулся узорно // Над белым полем багрянец...” (I, 62) — метафорически создают обстановку — зимние пустынные “рязанские раздолья” (I, 244), холмистые, т.к. дальше идет: “Дуга, раскальваясь, пляшет, // То выныряя, то пропав...”, при освещении вечерней ранней зарей, ибо главный день свадьбы начинался с многочисленных довенчальных обрядов: побудки причитанием невесты ночевавших у нее подруг, расплетания свахой и продажи косы, выкупа дружком места для жениха рядом с невестой на “посаде”, родительского благословения, прощания с родными и соседями, и наконец — “Во позднюю обеденку // К венчанью ведут”⁴³.

В свадебной поэзии известно два типа образа зари: первый — “На дворе-то у нас // Свет светается, // Заря белая занимается...”; второй — “Ты заря, моя зорька, // Ты заря вечерняя...”⁴⁴. Встречаются каждый в определенных сюжетах, приуроченных к обрядовым действиям, совершаемым в обусловленное мировоззрением, установленное традицией время: первый тип — в причитаниях невесты, будящей подруг или просящей братца заградить дорогу “разлучникам”; второй — в песне девичника о переводе женихом невесты через речку. Крайне редко бывают случаи употребления сразу двух названий зорь: “Поливай в саду цветы частенько, // Утренней и вечерней зарею...”⁴⁵.

Утренняя заря — белая, древнего траурного цвета. Образ “белой зари” соотносится с печальными сюжетами расставания невесты с родным домом. Вечерняя заря не имеет цветового эпитета, она “благосклонна” к невесте, поэтому девушка обращается к ней дружески: “Ты заря, моя зорька”. Понятия вчерашнего вечера и сегодняшнего утра противопоставляются друг другу как доброе — характерное для вольной девичьей жизни с подругами, с заплетанием косы,— но уже отошедшее в прошлое, и злое — открывающее насильственно принимаемую новую жизнь в чужой семье: “Вечор твою косыньку // Девушки плели. <...> // А утром ранехонько сваху привели.<...> // Уж какую свяхоньку // Немилостливую...”⁴⁶.

У Есенина заря — неважно, утренняя или вечерняя — изображается разными тонами красного цвета (здесь поэт идет не от образов свадебного фольклора, а от зрительного восприятия): “Выткался на озере алый свет зари”, “в аlostях зари” (I, 66), “алы зори” (I, 85), “О розовом тоскуешь небе” (I, 95), “На закат ты розовый похожа” (I, 99), “О красном вечере” (I, 101) и др. Иногда цветовые оттенки показаны предметно: “занавес багряный” (I, 75), “Рассвет рукой прохлады росной // Сшибает яблоки зари” (I, 77), “И горит в парче лиловой”, “Льется пламя в бездну зренья” (I, 88), “свивает полымя” (I, 95), “Рдяный мак заката” (I, 108) и др. Способы создания образа зари у Есенина могут иметь со свадебным фольклором только весьма незначительный общий функциональный признак — указание на время — ср. в песне о расплетании косы: “Во трубушку трубят // Рано по заре...”⁴⁷. Причем у Есенина время зари в сомнительных случаях подкрепляется понятием вечера: “В вечереющий понос...” (I, 282), “под вечер” (I, 90), “внук купальской ночи, // Сутемень колдовная...” (I, 67) и др.

Первые 2 строки есенинского стихотворения “Опять раскинулся узорно...” (I, 62), по терминологии поэта, представляют собой “ангелический образ” (“Ключи Марии”, III, 153), т.к. в нем “струение являет из лика один или несколь-

ко новых ликов” (III, 153). Здесь кроме пейзажа-заставки содержится еще и основа крестьянского мировоззрения: круговорот жизни и смерти, — воплощенный в красном — “багрянец” — и белом. Начало произведения — это торжество жизни: субъектом здесь выступает красный цвет, вечный в повторяющейся своей сущности — “Опять раскинулся... багрянец” и преобладающий (в толковании глагола — “расположиться на большом пространстве” с учетом значения предлога “над” — поверх, выше чего-нибудь). Помимо лежащего на поверхности образа зари над заснеженным полем, когда при словосочетании “раскинулся узорно” возникает в воображении алая гряда облаков при отсвечивании спрятавшегося за горизонт солнца, те же самые первые 2 стиха с учетом следующего в третьей строфе “твой разукрашенный рукав” имеют второе толкование — древний народный орнамент по плечью рубахи, вышитый или вытканый по полотну — “белому полю” красным — цветом крови⁴⁸, цветом жизни, цветом молодости, ибо пожилые женщины и вдовы применяли бордовые ластовицы и полики, а в с. Секирине Скопинского р-на — еще и подполки, и не носили “воробьевки” — “красного подола”⁴⁹.

Законченная по смыслу фраза “Не заморозит, не обмахет // Твой разукрашенный рукав” напоминает об обычае невесты шить для себя, жениха и “даров” его родне одежду, начиная со дня под названием “Краить рубахи”, “рубашки обмерять”, приглашая девушек-“обшивалок” на “Швей”⁵⁰.

Да вы скройте Степану кафтан,
Чтоб ни длинен, ни короток был,
Йу подола раструбистый,
К ретиву сердцу прижимистый!⁵¹

Слово “заморозить” имело в древности практическое значение — приколдовать, проглядывающееся в ряду “ворожея-ворожба-вражий-враг”, — иначе говоря, — обезвредить ворога (а им называется в песнях перед приездом свадебного поезда жених: “Мово ворога слуги усердные...”⁵²). Кроме способа “ворожбы” с помощью сшитой подругами невесты под ее руководством одежды для жениха, есть другой прием “ворожбы” — это символика орнамента со встречающимися звачками засеянного поля, проросших злаков, фигурок рожениц и др. Третий способ заключается в применении особой рубахи — “долгорукавки” для “закрывания рук невесты и взмахивания рукавами во время плача” и ритуального танца: “Она размахнула правым рукавом — потекла речка, левым размахнула — поплыли корабли, поплыли лебеди”⁵³, — ср. у Есенина — “не обмахет”.

Все стихотворение пронизано единым цветовым сочетанием — белого и красного, но представленного разными образными выражениями с многочисленными оттенками: в первой строфе — “белое поле” и “багрянец”, во второй — “затуманенная дымка” и “рыжеволосая коса”, в третьей — “разукрашенный рукав”, в четвертой — “светлица” (через ряд “светлый — свет — белый свет” — “светлица светловая”⁵⁴) и “полей малиновая ширь”, в пятой — “легкодымная пелена”, “полюмя” и “синь”. Есенин читал в “Поэтических воззрениях...” А.Н.Афанасьева о том, что “синий — эпитет огня и молнии”, что в “Калевале” в мифе о похищении огня рыбою говорится: “Как скоро взрезана была щука — из нее покотился синий клубок; из синего клубка явился красный, а из красного клубка — огонь...”, — а “Январь — древний “просинец”... Производят от “просинети” (“синути” — совершенный вид от глагола “сияти”) и видят в нем указание на возрождающееся солнце”⁵⁵. Вот оно — “синь и полюмя воздушней”!

Отсюда не предположить ли нам, что Есенин в слове “синь” “спрятал” месяц венчания? Это не кажется таким уж невозможным при учете своеобразия подхода Есенина к проблеме стихотворного мастерства, когда он то считал главным нахождение свежих рифм, то в заранее придуманные рифмы уже потом пытался “вогнать” содержание; то создавал новые образы, черпая из народной песенности и причети и переиначивая их ради “попадания” под “тень” “словесного дерева” (“Отчее слово”, III, 136), но оставляя узнаваемость. Так, “широкий терем высокий”⁵⁶ из свадебной песни “Сокол” превратился в “высокую светлицу”, “русая коса” — в “рыжеволосую”. Правда, Есенин использовал редкое словосочетание “девичья краса”, хотя более типична в плачах невесты “девичья красота красовитая”⁵⁷.

У Есенина есть стихотворение “Узоры” /1914 г./, в котором вроде бы показана подготовка девушки к замужеству — вышивание орнамента на полотне. Но свадьбы не будет: ее жених “лежит, сраженный в жаркой схватке боя”, а бой этот, судя по дате — 1914,— первая мировая война. В этом стихотворении тоже два основных цвета — белый и красный. Белый — традиционно траурный — появляется в последней строфе: “в белом покрывале”, и подкреплен такими знаками мира смерти, как “траурные косы”, “В трепетном мерцанье... как призрак” (II, 186). А вот красный здесь хотя и цвет крови, но отнюдь не цвет жизни: “На груди у мертвых — красные цветы”, “сраженный в жаркой схватке боя, // И в узорах крови смяты камыши”. При прочтении второго стиха — “На канве в узорах копыя и кресты” — возникает в воображении традиционный народный узор, уходящий корнями в язычество. Но тема “мертвых на поляне” (ср. “Под

зеленую да под раkitой // Русской раненой лежал” или “Спородило, поле, част раkitов куст. // Как во этом кусту тело белое, // ...молодецкое; // Во главах у него — сабля вострая, // В ретивом у него — пуля быстрая...⁵⁸) — т.е. именно убитых, а не умерших естественной смертью, сразу же переводит семантику этого орнамента в план изображения ужасов войны; “красные цветы” приравнены к “узорам крови”.

Так Есенин возвращает забытую языческую идею жертвенной крови, но сам акт заклятия расценивает как варварский, вот поэтому-то красный и белый цвета не противопоставлены друг другу как символизирующие две стороны бытия — жизнь и смерть, а уподоблены один другому как равноценные знаки беды. В крайне редком, чуть ли не исключительном случае в песне девичника дано такое же понимание этих цветов: “Девицы... Красные // Голубицы белые. // На всех вина принесла...”⁵⁹ Обычно красные цветы обозначают счастливую жизнь: “Чтобы жизнь наша без шипов была без колючих, // А все б с алыми со цветочками...”⁶⁰ Есенин отмечает красный цвет подножника в церкви — пожелания семейного счастья: “Около налюя краснел расстеленный полшалак и коптело пламя налепок” (III, 13).

В свадебном фольклоре белый цвет остается символом печали, он проник туда в сопровождении древнейших представлений о свадьбе — переходе в иной мир, свадьбе — смерти и возрождении к новой жизни. У Есенина на мировоззренческую сущность белого наложилось еще зрительное восприятие этого цвета как снежного, что подтверждается осенне-зимней порой игры свадеб. Поэтому у Есенина возникают такие двойственные образы, как “Сватай девицу-зиму” (“Микола”, 1913, 1914 г., — I, 281) и особенно “Белокосяя девица-вьюга” (“Ус”, 1914 г., — I, 288). Последняя подтверждает наше рассуждение о том, что красный — цвет пролитой крови и загубленной жизни — приводит к белому — цвету смерти, ибо “девица-вьюга” является супругой-кровопийцей, она “пьяна с” “вин красносоких”.

Эпитет “белокосяя” имеет двойную природу. С одной стороны, если за основу брать понятие “девицы-вьюги”, то сложное прилагательное образовано от существительного “кося”, обозначающего девицу прическу, и белого цвета метели. С другой стороны, если исходить из представления о супруге-кровопийце и даты написания произведения — 1914, то определение можно рассматривать как метафорическое обозначение образа Смерти в белом одеянии с косой в руках. В.И.Еремина считает образ “жены-смерти” (характерный для похоронных плачей и особенно необрядовых песен) определенной ступенью развития идеи соумирания супругов. Вот этапы бытования этой идеи в обрядовом воплощении: 1) жи-

гание вдов на погребальном костре, 2) имитативные формы соумирания вроде положения женой в гроб мужа своих отрезанных волос, 3) исполнение обряда “похороны-свадьба” для всех умерших, 4) обряд обручения умершего только для неженатых парней и девушек⁶¹.

Большинство произведений Есенина проникнуто лирической грустью. Один из приемов создания такого настроения — это включение в поэтический текст народной формулы “свадьбы-смерти”, воплощенной в разных авторских метафорах. Есенин чувствовал общность на мировоззренческом уровне и генетическое родство свадебного и погребального обрядов и в своем творчестве неоднократно использовал образы свадьбы-похорон и битвы — свадебного пира:

1) Повенчаюсь в непогоду
С перезвонною волной...
(I, 58),

Повенчался Ус с синей вьюгой...
(I, 288),

Чтобы присутствовать
На свадьбе похорон...
(I, 378),

2) А и будет пир на красной брже!
Послал я сватать неучтивых семей,
Всем подушки голов расстелю в враге...
(I, 277).

Есенин углубляет народные представления о соотношении белого и красного. Например, в фольклоре встречаются окошечко косячатое “С окосячими со окнами, // Со хрустальными со стеклами...”, красное окошечко — в плаче “Любезной мой батюшка... Просидела всю ноченьку // Коль красные окошечку...”, “заднее окошко” в “Авсене”, “переднее окошечко” в похоронном плаче⁶², но невозможны “белое окно” и тем более замысловатый образ — “Вот оно, глупое счастье, // С белыми окнами в сад!” (I, 142). “Белое окно” может трактоваться как слепое, сквозь которое ничего не видно — ср.нем. ein blindes Fenster, рус. “бельмо” на глазу и “белый цвет есть цвет смерти и невидимости”⁶³. Однако возникает типичная картина: юноша в минуту беспричинно нахлынувшей радости смотрит в сад через окно с такими же белыми рамами, а может быть, с белыми наличниками, как в доме деда Н.О.Есенина, где родился поэт (фото на вклейке между с. 128—129 в т. I), или в выстроенном позднее (фото на вклейке между с. 224—225 в т. III). Этот наивный восторг присущ только молодости — и тот же образ подан через близкий красному розовый цвет: “Глупое, милое счастье, // Свежая розовость щек!”.

Здесь пока нет глубин язычества, но они прослеживаются во фразе: “По пруду лебедем красным // Плавает тихий закат”. Есенин отталкивался сразу от двух образов. Первый — белая лебедушка, плывущая по синему морю, — в распространенной песне “Вдоль по морю...”, или в свадебном “Соколке”, обращенном к жениху: “Он летал во чисто поле, за сине море // Разогнал он лебедей стада, // О поймав себе белую лебедушку...”⁶⁴. Второй — мифологическая водо-плавающая птица, проносщая солнце по воздушно-водному океану вокруг Земли⁶⁵. Вспомним также, что этимология лебеда — “белый”, а это эпитет зари в плачах невесты. У Есенина есть еще один мифологический образ зари — волчицы, проглатывающей на ночь солнце: “Заря — как волчиха // С осклабленным ртом...” (I, 198). Тому же, кто не знаком с фольклором, видится въявь плавающий на пруду розоватый от заката лебедь или изогнутое лебедем отражение наполовину спрятавшегося за горизонт солнца.

Третья строфа —

Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветет,

Нежная девушка в белом
Нежную песню поет,—

очень близка свадебной песне с мотивом ломания калинового цвета, увязывания его в пучочки и бросания жениху на дорожку или в сад — все это является знаком готовности девушки стать невестой.

На горе-то калина,
Под горою малина.
Там девки гуляли,

Калинушку ломали,
Пучочки вязали,
В зелен садик бросали⁶⁶.

В любовной песне со свадебным мотивом “Сильна-сильна черемушка...” невеста сопоставляется с этим деревцем: черемуху нужно растить-поливать, чтобы ягоды созрели — невесту нужно выгладеть-высмотреть, чтобы замуж взять; а в основе образа черемухи лежит контраст цветов — белого и черного:

Цвети-цвети, черемушка,
Как белая заря.
Зрей ты, созрей, черемушка,
Как черная земля⁶⁷.

В “чисто” свадебных песнях черемушка как ведущий образ произведения не встречается; вообще это чуть ли не единственный песенный сюжет об этом душистом деревце, известный на Рязанщине. У Есенина образ черемухи богаче, многограннее, чем символ невесты, например: “А степь под пологом зеленым // Кадит черемуховый дым...” (I, 152) —

христианский мотив, “В нежном шелесте черемух // Раздалось: “Я твоя” (I, 220) — роль психологического пейзажа, в стихотворении “Черемуха” — лирический объект и т.п. Однако у поэта тоже есть уподобление черемухи невесте на основе того же признака белизны (цветов растения и девичьей рубахи), расцвета жизненных сил (дерева и молодой девушки): в народной песне — “цвети, черемуха, // Как белая заря”, у Есенина — “Сыплет черемуха снегом, // Зелень в цвету и росе.<...> Думаю я о невесте, // Только о ней лишь пою” (I, 72), “Как метель, черемуха, // Машет рукавом” (I, 90); “Спит черемуха в белой накидке” (I, 211) — ср. “девушка в белой накидке” (II, 41); “Все равно любимая // Отцветет черемухой” (I, 215) — ср. “...с осыпающимися пестиками черемухи шла Лимпида. <...> ...Брызнула снегом черемухи в его всклокоченные волосы” (III, 37).

Символику белого цвета продолжает образ березы — дерева, опозитизированного русским народом из-за его белостольности. В облике березы (и ели) выступает невеста у Есенина: “Заневестилася кругом // Роща елей и берез” (I, 279). Подобное, только с заменой невесты на молодую жену, свойственно и свадебной песне:

Ельник да березник
Чем не дрова...

Василию Еленушка
Чем не жена...⁶⁸

Образ невесты, подающей белое полотенце для утреннего умывания: “Милаи мои подружуньки! // И вставайте вы, умывайтесь, // Белым полотенцем утирайтесь...”⁶⁹ — использовал Есенин в “Миколе”:

Под березою-невестой,
За сухим посошником,

Утирается берестой,
Словно мягким рушником (I, 280)

С образом березки у народа связано представление о лучшей поре девичества:

Береза, береза, белая, кудрявая,
Ой, люшеньки, ляли, белая, кудрявая.
Расцвела береза алыми цветами...
Широкими листьями⁷⁰.

Так и у Есенина возникает образ невесты с “косами-ветвями” и “древесными думами”:

Зеленая прическа,
Девическая грудь,

О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?
(I, 136)

В черновом автографе пастух называл березку своей невестой (II, 324), но в беловом варианте Есенин заменил “невесту” на “голубку”, может быть, из-за посвящения Л.И.Кашиной, и тем самым расширил представление о березке до значения “любая девушка в расцвете юности”.

У Есенина имеются и несколько фривольные строки о девушке-березке: “Отрок-ветер по самые плечи // Заголил на березке подол” (I, 155). По народным представлениям, белая береза — хранительница “девичьей волюшки” и “защитница невесты” (см. выше). У Есенина в стихотворении “Вижу сон. Дорога черная...” обратная ситуация: лирический герой, играющий роль жениха, а не невесты, просит березку заградить “путь-дорогу узкую” нелюбимой: “Удержи ты ветками, // Как руками меткими” (I, 222). И “береза русская” становится “березовой Русью”, из-за которой “нелюбимая” перестает быть врагом.

Есенинский образ белоствольного деревца выступает в разных значениях: это и “Отговорила роща золотая // Березовым, веселым языком...” (I, 210), и “Как кладбище, усеян сад // В берез изгладанные кости” (I, 199); но интересно, как через образ березки поэт приходит к понятию Родины. Скорее всего, здесь Есенин идет от блоковского понимания Родины как невесты-жены. Несомненное влияние “России” Блока (1908 г.) на “Опять раскинулся узорно...” (1916 г.) можно подтвердить совпадениями в текстах, произошедшими от есенинской влюбленности в поэзию Блока, но важнее другое: народность образа Руси-России у обоих поэтов. У Есенина “Страна березового ситца” (I, 169), “березовая Русь” (I, 222) может сужаться до “голубой Руси”, которая персонифицируется “В три звезды березняк над прудом” (I, 151).

“Древесные” образы березы, черемухи, калины интересны тем, что белизна их цветков или ствола послужила одной из причин народного сопоставления (в той или иной форме) этих деревьев с невестой. А символика цвета в свадебном фольклоре содержится в определенных образах и подчинена оппозиции “жизнь-смерть”, поэтому “ведущими” цветами оказываются красный и белый. И в тех произведениях Есенина, при создании которых поэт отталкивался от свадебной образности, также обнаруживается тяготение к этим двум основным цветам⁷¹.

Однако есть и другая причина обилия растительных образов в творчестве поэта. Есенин родился и провел детские и юношеские годы в лесистом Мещерском крае, где “Тихо в чаще можжевеля по обрыву” (I, 79) и “Курит облаком болото” (I, 76). Родные поэта и его знакомые вспоминают, как он возвращался из барского сада с букетом жасмина и сирени и цветы ему — “что живые друзья были”⁷². И в

лирике Есенина — луговое разнотравье: здесь и “шелковы купыри”, и “лещужная сурьма”, и “шишкоперая лебеда”, а над этим “травным одеялом” простираются колючие ветки шиповника — “шупульные колки” (I, 73, 103, 67, 89). И в повести “Яр” будничный разговор о траве завели герои: “— Трава хорошая,— зашептал Филипп, раздувая костер.— Один медушник и кашка.— А по лугам один клевер,— заметил старик.— И забольно так по впадинам чесноком череда разит” (III, 54). Героине повести кажется, что она всю жизнь могла бы лежать в траве и слушать слова любви (III, 73). Название произведения символично: яр расшевелил любовь Лимпиады к Кареву, в кустах его дремных черемух запуталось сердце девушки — лесной русалки; и не может она унести с собою весь этот яр, как советует Константин, потому что “яр аукает, отвечает эхом” и “отдает слова обратно” (III, 73, 92). И поэту в травяном раздолье порой чудится мудрое народное слово, и он сам или его лирический герой задается вопросом: “Уж не сказ ли в прутнике... Нашелся ковыль?” (I, 90).

И вся “ковыльная пуща” и единичная “быльница тощая” (I, 95, 59) привлекают к себе внимание Есенина, напоминая сказочный сюжет. “Три прозрения” замечает Есенин в образе тростинки, в которую превратилась девица, погубленная сестрами “за серебряное блюдечко, за наливчатое яблочко” (III, 142). Срезанная пастухом тростинка становится чудесной дудочкой, поведавшей миру свою судьбу. История девицы-тростинки из волшебной “Сказки о серебряном блюдечке и наливном яблочке”⁷³, перенесенная писателем в “Ключи Марии” (1918 г.), стала одним из основных пунктов есенинской теории происхождения музыки и самого человека от дерева: “Все от дерева — вот религия мысли нашего народа”... (III, 142). Идя к умозаключениям от художественных образов, Есенин тремя годами раньше включил этот сказочный образ в повесть “Яр” — в эпизод с деревенскими посиделками, когда гребешок сапожника Царька из-за своего слезоточивого напева оказался сравнимым с “камышовой дудкой” (III, 39). И в промежуток между написанием этих двух прозаических произведений Есенин в 1917 г. провозглашает переплетающий цветы и ветви (III, 142) способ создания литературы: “Из трав мы вяжем книги” (I, 127). Разгадывая тайну обычая “вытираться листвою”, т.е. полотенцем с изображением дерева, Есенин надеется проследить глубину памяти до “семени надмирного древа”, породившего человека (III, 142). И поэтичность такой литературы заключается в том, что “расцветают звезды слов // На их листе первоначальной” (I, 148).

Есенина не покидает чувство сыновней привязанности к вселенской древесной семье, в которой хозяйкой провозгла-

шена “мать голубая осина”, а себя поэт ощущает деревом (вероятно, кленом) с “кустом волос золотистым” (I, 157). Такое мироощущение могло снизойти на поэта как во время его прогулок по “духовитым дубровам”, “травяным лугам”, “полевой глухомани” и родным степям с “молитвословным ковылем” (I, 85, 109, 117, 107), так и при слушании народных песен, особенно свадебных.

Наблюдая душевное состояние разных свадебных чинов и соотнося социальное положение людей с жизнью трав, кустарников и деревьев в растительных сообществах, Есенин создает такие образы, как “ивы — кроткие монашки” и “пригорюнились девушки-ели” (I, 76, 70). В народе монахинь именовали “христовыми невестами”; образ ели-невесты обусловлен символикой песен девичника и предметным воплощением “девичьей воли” (севернорусской “красоты”) в елочке.

На девичнике проводился особый ритуал с елкой: подружки невесты наряжали елочку лентами, конфетами, зажженными свечами; с елкой и куклой, а то и вдобавок с украшенной палкой, с “треньзелем”, и косой ходили с песнями и пляской по деревне, оповещая всех о предстоящей свадьбе. В с.Восход (б.Полтевы Пеньки) Кадомского р-на делали “камарики”: засушенную елку с ленточками, бубенчиками, тряпичным цветком на верхушке несли 5—6 человек впереди процессии, приплясывая на ходу, кружась и подкидывая елку вверх под песню “Я с комариком...”. Девушки ходили с елкой и венком “жениха парить”. Или же елку приносил жених, а уходя с девичника, забирал с собой домой. Одна из песен девичника начинается с упоминания о елочке: “На горе-то стоит елочка...”⁷⁴. Невеста с оставшимися на ночевку подружками размышляет о женихе, видит его во сне — и у Есенина возникают строчки: “Темным елям снится // Гомон косарей” (I, 94). При сборах к венцу в день свадьбы или накануне невесту сажали за стол, окружавшие ее подружки втыкали в бутылку наряженную елку. Деревце везли в церковь, потом ставили на трубу дома жениха; “лошади украшены елками”. За столом сажали под елку жениха с невестой. На следующий день родня невесты приносила разукрашенную “елку из сосны” — в передний угол, свекровь платье или полушалок вешает на нее, а потом — “пойдут по деревне” показывать⁷⁵. Так в представлении крестьян елка становилась, во-первых, предметным воплощением утраченной невестой навсегда девичьей воли; во-вторых, “заместителем” самой невесты, перешедшей в “чужую семью” как в “иной мир”: “сухое, срубленное дерево — символ умершего”⁷⁶. Это доказывают все действия с елкой: и украшение ее, особенно горящими свечами; и перенесение ее из дома невесты в дом жениха, тем более не минуя церкви; и навешивание на елку свек-

ровью дара молодой и т.д. К тому же этот печальный образ наиболее опозитизирован в песне невесты-сироты, просящей родительского благословения на кладбище:

Ох ты елка, елка-сосен...сосенка, э, ох,
Ты зеленая кудрява...кудрявая, э, ох,
Как на э...этой елке-сосе...сосенке, ох,
Все кусты, кусты э-то на ней веточки, ох,
Только не...э-нету одной макыво...маквочки, ох.
Как у Ма...э Марьюшки да нету батю...батюшки ох...⁷⁷

Символика этой песни заставляет вспоминать “памятники на могилах в форме срубленного дерева с обрубленной верхушкой и сучьями (характерны для старинных кладбищ Подолья, являвшегося одной из самых устойчивых резерваций славянских древностей)”⁷⁸. Есенинское грустное настроение — “Сердце гложет плакучая дума” — сродни плачу невесты с ее печальными раздумьями о предстоящем замужестве, и появляется строка: “Пригорюнились девушки-ели...”

Но невеста у Есенина выступает не только в облике ели, но и березки, а иногда и одновременно в двух этих обликах: “Заневестилася кругом // Роща елей и берез” (I, 279)⁷⁹ (см. выше). Образ невесты-березки основан на цветовом тождестве: белоствольность деревца и белый — древний цвет траура и позднее — божественной небесной чистоты в христианстве, цвет головного покрывала невесты, замененного затем фатой. Есенинская березка проходит путь от образа невесты до символа Руси, персонифицированной “в три звезды березняк над прудом” (I, 151). И “стережет” ее “старый клен на одной ноге” (I, 151).

Характерно, что Есенину важно личностное отношение к Родине: “...тот старый клен // Головой на меня похож” (I, 151). Это столь значимо, что через семь лет, в 1925 г., Есенин продолжит “жизнеописание” своего древесного “второго я” в стихотворении “Клен ты мой опавший, клен заледенелый...” так, что трудно уловить, где речь идет о лирическом герое — человеке, а где — о дереве. И важным событием в его жизни станет возвращение с гулянки, когда “как жену чужую, обнимал березку” (II, 308). Представление клена и березки как совокупности отражено в варианте свадебной песни, игравшейся при укладывании молодых спать:

Клен да береза
Чем не дрова?

Авдотья Денису
Чем не жана?⁷⁹

Кроме “древесных”, у Есенина есть интересный “ягодный” образ, история возникновения которого у поэта весьма любопытна:

Казалось бы, это переосмысливание Есениным свадебного “вишенья-орешенья”, когда поэт из множества связанных с понятием “вишня” ассоциаций выбрал представление о ней как о мелких плодах с косточками, которые напоминают пули: вспомним Мюнхгаузена, стрелявшего вишневою косточкой в оленя. Другое сопоставление — по цвету — привело Есенина к углублению образа “любви-калинушки”: “кровь — заря вишневая” (I, 215), напоминающего о бытовании брачной рубашки-“калинки”. В русской свадебной поэзии нет песен про вишню, если не считать редких строк типа “Поломал он в саду вишенку”⁸⁰. Но здесь ставится акцент не на образе вишни, а на мотиве “поломать растение”, и вместо вишенки может оказаться калина, черная смородина, мята.

Есть сюжет с мотивом поиска соколом лебедушки: “Ты лятал, сокол, по вышиню, // Что по вышиню-то по высокому, // По чисту полю по широкому”⁸¹. Пространство здесь “четырёхмерно” — с основной направленностью “высоко-широко”. По такому же принципу описано пространство в зачине варианта былины о Соловье Будимировиче:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота окян-море,
Широко раздолье по всей земле,
Глубоки омуты днепровские⁸².

Ф.М.Селиванов упомянул о назывании такой позиции образа — “с высоты птичьего полета”⁸³, что как раз коренится в зачине песни про сокола. Со временем такое понимание пространства в свадебной песне стало неясным. Поэтому оно заменяется на “садовые” образы под влиянием пейзажной зарисовки “Он хадил, гулял па садику, // па зеленам винаградику”⁸⁴ из другой песни, но со сходным первым стихом и с тем же мотивом поиска и добычи лебедушки. Механизм замены вполне объясним. По аналогии с не имеющим эпитета “садиком” (если расчленить единый “садик — зеленый виноградик” на две части), “вышинье высокое” тоже утрачивает свой тавтологический эпитет и превращается в “вишенье” или “вишенки”⁸⁵. Далее “вишенье” приобретает “садовый” эпитет: “Лятал сакол вы вышины, // Лятал ясен в зеленаем...”⁸⁶. Слово “вишня” в рязанском говоре звучит как “вышня”⁸⁷. Поскольку “вышинье” как высота употребляется в паре с “полем” и преобразовалось в садовый образ вишни, то и “поле” тоже не может оставаться в своем прежнем качестве. Поэтому возникает следующая ступень замены: “чисто поле широкое” превращается в “зеленый

орешник”, т.к. в подсознании исполнителей смешивается с “вишеньем-орешеньем” — местом гуляния невесты. Тем не менее исконные “чисто пространственные” зачины не исчезли. Наряду с ними появились “садовые” зачины. Кроме того, существуют и промежуточные, смешанные варианты.

Помимо непосредственных растительных образов, Есенин создавал целые картинку лугов и полей, когда травы скошены и хлеба уже сжаты, но еще не вывезены на крестьянские усадьбы. Через всю лирику Есенина тянется вереница таких зарисовок, начиная от простых пейзажей вроде “Сядем в копны свежие под соседний стог” (I, 66) и доходя до сложных ассоциативных образов типа “скирды солнца” (I, 76). И особенно выделяется, постоянно варьируясь, любимая есенинская метафора “церковь — стог”: “Церквами у прясел // Рыжие стога” (I, 71), “Молясь на копна и стога” (I, 77). В такой образности разлита природная умиротворенность; здесь явственно ощущается, как божественное спокойствие нисходит на сельские дали и затерявшегося среди сенокосов и нив человека — земледельца или странника.

Чем вызвана есенинская метафора: образным видением мира или хорошим знанием традиционного фольклора? В свадебной поэзии существует жанр корильных песен, среди многообразия которых одна могла натолкнуть поэта на идею сблизить храм и поле (ср. церковное выражение “луг духовный”):

У Филиппа поезжанушки все дураки,
все дураки!
Они полем ехали — куче поклонились,
Куче поклонились!
Они думали, гадали — церква стоит...

(Новгородская обл.)⁸⁸

Можно предположить, что образ церкви-стога (кучи) встречался в каком-нибудь варианте этой песни и в Рязанской губ. Тем более что в Кораблинском и Касимовском р-нах записана подобная песня, которую игрицы играли в самый момент приезда поезда жениха за невестой:

У Григория в поезде все дураки.
Они лесом едут — лыки дерут,
А полем едут — лапти плетут,
А ко двору подъезжают — оборочки вьют⁸⁹.

Не исключено, что Есенину был известен вариант песни с непосредственным отождествлением копны или стога с церковью. Однако поэт сознательно отказался в стихотворении “Пойду в скуфье смиренным иноком...” от ироничности такого замещения реалий, хотя подобный художественный прием

подмены “высокого” понятия “низким” у него встречается в других произведениях: калики-скоморохи (“Калики”, I, 74), богомолки-воры — по собачьему разумению (“По дороге идут богомолки”, I, 89).

Теперь рассмотрим “птичьи” свадебные образы у Есенина. Образ кукушки характерен для причитаний, хотя и встречается в песнях. Двойственность его жанровой природы подмечает Есенин: “Не кукушки загрустили — плачет Танина родня” (I, 60), — стих построен как песенный отрицательный психологический параллелизм, а слово “плачет” указывает на принадлежность к “плачам”, “заплачкам”, “крикам”⁹⁰ и т.д. Эта строка сходна с началом песни предсвадебной “вечорки”:

Какует кукушечка
Она за садом.

Плакала Матренушка
Она за столом...—

И с более поздним ее вариантом:

Не кукушечка кукует,
Не соловьюшек поет,

Мать об дочери горюет,
Дочку замуж отдает...⁹¹

Образ горькой кукушечки, взятый из причитаний типа “Не забывайте-ка меня, // Кукушечку горькую”⁹², наваял Есенину стихи: “И забольная кукушка // Не летит с печальных мест” (I, 86). Т.А.Бернштам отмечает образ кукушки-невесты как основной в свадебных песнях белорусов и украинцев, где представлен несчастный, неудавшийся брак или предчувствие такового, нежелание идти замуж и какая-то обреченность⁹³. Украинское название кукушки “зозуля”, создающее поэтический образ, употребляет в своей речи К.Карев по отношению к несватанной невесте Лимпиаде: “Ну, говори, моя зозуленька,— приложился губами к ее лбу” (III, 75).

Древняя вера в оборотничество позднее дала определенные свадебные символы, в том числе несчастной, оторванной от родителей невесты — кукушечки горькой горюши, а Есенину позволила создать тройное сравнение с нарушенным порядком соответствий. Должно быть: первая ступень — Корнилов-волк, вторая (отсутствующая в фольклоре) — волк-кукушка, третья (подсознательная, ассоциативная) — кукушка-невеста; а у Есенина:

...В это время волк ехидный
По-кукушы плачет.
Говорит Корнилов... (II, 67).

Ряд сопоставлений с отправной и конечной точкой — человеком, но в результате круговращения образов с изме-

ненным на противоположный полем, задуман ради насмешки над Корниловым. Так что свадебная образность здесь играет подчиненную идею роль.

Образ волка встречается в быличках об оборачивании колдунами в волков участников свадьбы, которые Есенин мог слышать у себя на родине (его мать рассказывала, что “около большой часовни каждое утро бегают колдун во всем белом” и “к кому-то летает огненный змей”⁹⁴) или читать в “Поэтических воззрениях славян на природу” А.Н.Афанасьева о белорусской свадьбе, на которой “жених и все прочие мужчины были превращены чародеем в волков, женщины — в сорок, а невесты — в кукушку”⁹⁵. Эта быличка объясняет не только появление есенинского “ехидного волка”, плачущего “по-кукушки”, но и его сравнения — “стрекотухи-сороки, как свахи” (I, 91). Свахи вообще у Есенина напоминают птиц. “Темный бор, — щекоcut свахи, — // Сватай девицу-зиму” (I, 281). Слово “щекоcut” дано Есениным в древнем, исконном значении “щебетать, болтать... Звукоподражательного происхождения... ср. шегол”⁹⁶, сохранившемся в его любимом “Слове о полку Игореве”: “Щекоть славий успе...”⁹⁷.

Возможно, учитывание зачина величальной песни “Ворон ты наш ворон, // Хороший твой голос...”⁹⁸ и повадок ворон, облепливающих деревья, заборы и т.д. целыми стаями или кружащихся в небе часто над телами убитых, вызвало у Есенина строчки: “свадьба ворон облегла частокол” и “Где кружит воронье беспокойным, зловещим свадьбищем” (II, 244, 29). Выражение “свадьба ворон” основано на том же принципе, что и “девок хоровод/карагод”, имеющих не обрядовый смысл, а значение большого скопления, сборища. Во втором случае “воронье” и “свадьбище” несут в суффиксах отрицательную окраску, усиленную приложенным к последнему слову эпитетом “зловещее”.

Образ “ночного светила” — “Золотую лягушкой луна // Распласталась на тихой воде” (I, 151) — построен так же, как образ заката — красного лебеда на пруду: отражение в воде вызывает зрительные ассоциации по цвету — золотой, и форме — круг теряет в водной ряби четкость очертаний и напоминает лягушку. Товарищи обратили внимание Есенина на прекрасную вечернюю картину: “— Глядите, какая луна! — сказал кто-то в глубине комнаты.

Из-за деревьев медленно поднимался оранжевый, постепенно бледнеющий диск. <...> Лягушки тянули долгую серебряную трель с ближнего пруда”⁹⁹. Но образ распластанной лягушки — это и свадебный символ. Строптивому гостю девушки играли: “Уж мы дернем-подернем тебя, ..Растянем как лягушку тебя”¹⁰⁰. В образе лягушки воплощалась идея плодовитости. При продаже сундука и постели говорили:

“Две подушенки, // Чтоб спали лягушенки”¹⁰¹ (запись — с.Лопатино Скопинского р-на). Названия волшебных сказок отражают мотив оборотничества как результат околдования злым чародеем невесты — в русской сказке “Царевна-лягушка” и жениха — в немецкой “Король-лягушонок, или Железный Гейнрих”¹⁰².

В Юго-Восточной Моравии бытовал ритуальный свадебный “парный танец “жабска” (zabská), имитировавший спаривание жаб”¹⁰³, а у русских распространена фамилия Жабины. На основе магического смысла обеспечения многочисленного потомства возник любовный знак у лужичан: девушка пойманной зеленой лягушкой прикасалась к возлюбленному, чтобы привязать его к себе, а парень левую лапку обглоданной муравьями лягушки при удобном случае совал в руку любимой¹⁰⁴ (ср. привораживание костью лягушки у русских). В России существовало подобное средство привораживать любимого с помощью прикосновения к нему “лягушачьей косточкой” — “крючком” (“отворожить” можно было “вилочкой” — добытой из оставленной в муравейнике брачной пары лягушек¹⁰⁵).

Мотив орнамента — квадрат, разделенный на четыре части, с “ножками”-квадратиками — по оплечью женской рубахи с.Бояновичи Хвастовичского р-на Калужской обл. называется “головастики”, и он действительно похож на лягушку; подобный же изображен на навершнике XIX в. Елатомского у. Рязанской губ. У жительницы с. Б.Озерки Сараевского р-на в начале XX в. был “сарафан зелененький с лягушечками с хамбарой” (узор “лягушечки” с бахромой)¹⁰⁶.

О том, что Есенин очень ценил народные узоры, пытался разгадать их затаенный смысл, видел связь орнамента этнографического с фольклорным, свидетельствует его статья “Ключи Марии”: “За культурой обиходного орнамента на неприхоженных снегах русского поля начинают показываться следы искусства словесного” (III, 144). По воспоминаниям Вс.Рожественского, “об образах Есенин говорил: — Это все есть у народа. Мы тут только наследники народа... Это только надо найти, услышать, прочесть, осмыслить”¹⁰⁷. И ему удавалось подметить во время мировой войны, как “затомилась деревня невесточкой” (I, 284). Он не брал на себя роль классического пророка, а вставал рядом с гадающей в новогоднюю или рождественскую ночь девушкой и даже на ее место: “Я гадаю по взорам невестиним // На войне о судьбе жениха. ...Тепля свечку вечерней звезды” (“Русь”, I, 285).

Самому себе Есенин советовал в “Кобыльях кораблях”: “Если хочешь, поэт, жениться, // Так женись на овце в хлеву”, (I, 331). Образность этой фразы находится на переплетении двух традиций: народной свадебной и христианско-

библейской. Согласно первой, овечкой, ярочкой называлась невеста при сватовстве: “У вас есть ярочка — купить, а у нас баранчик — будет парочка”¹⁰⁸, — и молодая в ритуале “поисков ярки” родней новобрачной на первое утро после венчания на Рязанщине. Вторая традиция подводит к эпизоду нахождения только что родившегося младенца Иисуса в овечьих яслях в хлеву и восходит к древней пастушеской символике “заблудшей овцы”, паствы, пастыря и т.п., которую Есенин использовал применительно к своему лирическому герою: “Я — пастух...” (I, 85), считая пастушество колыбелью мировой культуры (“Ключи Марии”, III, 141, 142).

Произведения со “свадебными мотивами” Есенин пишет, в основном, в недолгом времени после отъезда с родины, по недавним воспоминаниям, желая завоевать в обеих столицах славу певца народного быта. Имажинистское требование создания произведений ярчайшей образности заставляет Есенина прибегать к красивейшим свадебным символам, переделывая их на новый лад и сплетая из них сложнейшие словесные узоры.

Однако есть стихотворение, свидетельствующее о том, что Есенин мог не только использовать отдельные свадебные образы в своем творчестве, но и полностью следовать стилистике поэзии свадьбы. Это автограф поэта, посвященный К.А.Любимовой, условно датированный 1924 годом и хранящийся в архиве ИРЛИ (Пушкинский Дом). Если бы не фраза “Да здравствует именинница // на много лет”, можно было бы подумать, что “Из всякого сердца вынется // какой-нибудь да привет...” — это свадебное поздравление, судя по пожеланиям:

Но жить Вам — богатеть.
Кунеть да — мохнатеть.
К следующему году

Прибавок к роду.
А через два годы —
Детей, как ягоды.¹⁰⁹

Глаголы “богатеть”, “кунеть”, “мохнатеть” образуют синонимический ряд, в котором первое слово имеет обобщающий смысл, опирающийся на конкретные значения остальных понятий, словно бы его составляющих. Есенинское выражение “жить Вам — богатеть” почти повторяет свадебное пожелание “вечеровых” при передаче курочки молодому: “С законным браком и жить, богáтить, а тебе, княгинюшка, спереди горбатить!”¹¹⁰. Несколько ранее, на сговоре, клали свернутую шубу на стол и приговаривали: “Шуба лохмата, чтобы жить богато”¹¹¹. Судя по величальной песне мужу с женой — “Как сказали свет-Дарьюшке...” и аналогичным, самой лучшей, “богатой” шубой считалась кунья: “Не успела свет-Дарьюшка // Кунью шубу вздеть...”¹¹² Куницей иносказательно именуется невеста в приговорке сватов: “Мы слышаны: тут продается куница, красная девица, а нам

она надобна”¹¹³. Великая княгиня Ольга вместо права первой ночи ввела в пользу князя налог по черной куне, который до конца XVIII в. назывался “куничным”¹¹⁴. Куница считалась ценным промысловым зверем с дорогим мехом; до конца XIV в. была в обороте главная денежная единица — “куна”, по которой получила название “кунная система” древнерусских денег. “Кунами” именовались зарубежные серебряные монеты, имевшие хождение в Киевской Руси¹¹⁵.

Кроме пожелания богатства, на свадьбе высказывались призывы к рождению у молодых многочисленного потомства:

Сколько в лесу пенечков —
Столько тебе /вам/ сыночков.

Сколько сучочков —
Столько тебе /вам/ дочков¹¹⁶.

Есенин заменяет традиционные для Рязанщины “пенечки” и “сучочки” на ягоды, также имеющие свадебную поэтическую основу. Правда, в свадебных песнях под ягодами подразумевались не дети, а сами молодые: “Первая-то ягодка — Иванушка, // Вторая-то ягодка — Аннушка...”. (см. выше). Однако песенный образ дерева с двумя ягодами, если его вычленишь из контекста свадьбы, легко интерпретируется как родословное древо с потомками — ягодками, названными Есениным “прибавком к роду” и “ягодами”.

Свадебная растительная и орнитоморфная символика включает в себя определенный набор фитонимов и птичьих имен, традиционных для фольклора данного региона. В своем творчестве Есенин использовал и обозначения, не встречающиеся в народной поэзии. На фоне общеупотребительной лексики попадают диалектизмы (лещуга, щупульные колки, купыри и др.) и принятые в орнитологии видовые названия (например, желна — черный дятел). По разным стихотворениям Есенина разбросано множество диалектных и научных наименований видов растений, в том числе и принадлежащих к одному семейству, например: “Ивы — кроткие монашки”, “Слушают ракиты // Посвист ветряной”, “Пахнет вербой и смолою”, “По тени от ветлы-веретенца” (I, 76, 94, 87, 89). По ним можно судить о серьезных знаниях поэта в области ботаники (вероятно, полученных во второклассной учительской школе в с.Спас-Клепики) и природном богатстве Мещеры. Есенин был очень наблюдателен и запечатлел в своей лирике в первую очередь свойства представителей растительного мира и птичьего царства. Например, ветер “рассыпал звонистую дробь. // Как желна... мгла металась” (I, 125) — здесь образ дятла дан в двойном сравнении: его стука с выстрелом и полета птицы с клочковатой мглой вечера. И тем удивительнее находить среди таких “зарисовок с натуры” образы, заимствованные из свадебной поэзии и органично входящие в ткань лирических раздумий и повествований.

Таким образом, стихия народной песни, выплескивавшаяся из окошек сельских хат и изб на “рязанские раздолья” (I, 244), стала одной из причин, побудивших Есенина к собственному сочинительству, и послужила ему художественным образцом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Сакулин П.Н. Народный златоцвет. // Вестник Европы. 1916. № 5. С.193—203.
- 2 Марченко А.М. Поэтический мир Есенина. М., 1989. С.76. Подробнее см.: Нейман Б.В. Источники эйдологии Есенина. // Художественный фольклор. 1929. IV—V. С.204—217.
- 3 История русской литературы: В 4 т. Т.4. Л., 1983. С.598,694.
- 4 Клычков С.А. Сахарный немец. Князь мира. М., 1989. С.4.
- 5 Куняев С.С. Последний Лель. // Последний Лель. Проза поэтов есенинского круга. М., 1989. С.13.
- 6 Там же. С.15.
- 7 Афанасьев А.Н. Древо жизни. М., 1982. С.405.
- 8 Афонин В. Не продавайте девушку. // Путь молодежи. Рязань, 1929, № 19; Архив автора. Тетр.6, № 41.
- 9 Даль В.И. Пословицы русского народа: В 2 т. Т.2. М., 1984. С.220.
- 10 Архив кафедры русской литературы РГПИ им.Есенина. 1973, голуб. тетр. 48 л.— д.Мироновка Кадомского р-на — “Желанная моя мамушка...” — далее: РГПИ, год, тетр, № или стр., место записи и название по первой строке. РГПИ, 1963, тетр.1 № 81 — д. Zubovo-Колобово Клепиковского р-на — “Шло солнышко позади лесу...”; РГПИ, 1978, тонк.тетр.— с.Можары Сараевского р-на — “Хвалим, хвалим ой добра молодца...”
- 11 Архив автора. Тетр.1 № 453 — с.Б.Озерки Сараевского р-на.
- 12 Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: В 2 кн. Кн. 2. Тбилиси, 1984. С.785—786.
- 13 РГПИ, 1973, син.тетр.— с.Красные Починки. Кадомского р-на — “Сонюшка по сенокшам похаживала...”
- 14 Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. СПб., 1900. Т.1. Вып.2. № 1848; РГПИ, 1966, тетр.8 — д.Желанное Шацкого р-на; Архив кабинета народного творчества Московской гос. консерватории им.П.И.Чайковского, и. 2140—4, ф. 3564 — с.Муравлянка Сараевского р-на — далее: Конс., и., ф., или тетр., сеанс, место записи и название по первой строке; Конс., и. 2143—21, ф. 3567 — с.Липяги Милославского р-на; Конс., № 14—12, лето 1985 — с.Секирино Скопинского р-на; Собрание народных песен П.В.Киреевского. Записи П.И.Якушкина: В 2 т. Т.1. Л., 1983. № 375; Архив автора. Тетр.1 № 35 — с.Б.Озерки Сараевского р-на.
- 15 РГПИ, 1968, тетр.2. С.21 — с.Любовниково Касимовского р-на.
- 16 РГПИ, 1978, тетр.1 № 88 — с.Борец Сараевского р-на — “Голубь сизенький, златокрыленький...”
- 17 Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник (РИАМЗ), н.а. III—508—522, 559, 611—614, 908. Этнологический архив Общества исследователей Рязанского края. Кн. II. № 44 — Мелехово Касимовского у.
- 18 Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. Т.2. М., 1957. № 246.
- 19 Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984. С.43,41.

- 20 РГПИ, 1973, голуб. тетр. 48 л.— с.Старое Высокое Кадомского р-на — “Не обессудьте меня...”
- 21 РГПИ, 1971, тетр. В.К.Соколовой, Рыбновский р-н — “Спасибо вам, подруженьки, за баню...”
- 22 Конс., и. 1799—18 — с.Любовниково Касимовского р-на.
- 23 Афанасьев А.Н. Народные русские сказки... Указ.изд. Т.1. № 113, 108-111.
- 24 Архив автора. Тетр.1 № 27 — с.Б.Озерки Сараевского р-на.
- 25 РГПИ, 1983, тетр. гр. № 1 — д.Бычково Клепиковского р-на.
- 26 Конс., тетр.6 № 1243 — с.Кистенево Чучковского р-на.
- 27 Архив автора. Тетр.6 № 31 — с.Лопатино Скопинского р-на; Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Вып.3.— Рязань, 1930. № 243; Там же. Вып.1. 1928 № 44; Там же. Вып.3. № 243 — с.Медехово Сасовского у., д.Нефедово; Архив автора. Тетр.3 № 210 — пос.Солотча Рязанского р-на; РГПИ, 1978, тетр.2 №№ 162, 236, 242 — с.Сысои Сараевского р-на; Архив автора. Тетр.3 №№ 165, 150 — с.Агро-Пустынь Рязанского р-на.
- 28 Федоров А.Ф. Свадебный обычай. По сообщению А.И.Назарова из его наблюдений в дер. Безсоновке Спасского уезда Рязанской губ. // Сб. спасских краеведов. Спасск, 1927. Вып. 1. С.14; Архив автора. тетр.1 № 1, Тетр.6 № 151; Мансуров А.А. Указ.соч. Вып.3. № 243, 256, Вып.1. № 7.
- 29 Харузина В.К. К вопросу о почитании огня. // Этнографическое обозрение. М., 1906—1907. Кн. 70—71 /3—4/. С.88.
- 30 Иванова Р., Маркова Л.В. Болгары. // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988. С.152.
- 31 Архив автора. тетр.1. № 38 — с.Б.Озерки Сараевского р-на; Конс., и. 2153—28 ф. 3577 — д.Толстые Милославского р-на; РГПИ, 1967, тетр.9 № 97 — с.Мердушь Ермишинского р-на; РГПИ, 1963, тетр1 № 26 — с.Иванково Касимовского р-на.
- 32 Рождественская С.Б. Русская народная художественная традиция в современном обществе: Архитектурный декор и художественные промыслы. М., 1981. С.56.
- 33 РГПИ, 1968, тетр.3 № 24 — с.Клетино Касимовского р-на — “Вы не скачете ли, дружки, под гору?”
- 34 РГПИ, 1963. тетр.1 № 28 — с.Иванково Касимовского р-на; РГПИ, 1969, тетр.5 № 97 — с.Селезнево Клепиковского р-на.
- 35 РГПИ, 1973, син.тетр. С.98—99 — с.Четово Кадомского р-на.
- 36 Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С.40, 42, 299.
- 37 Архив автора. Тетр.1 № 509.
- 38 РГПИ, 1973, син.тетр. С.95—96 — с.Четово Кадомского р-на — “Милая моя подруженька...”; Конс., и. 1958—36 — с.Савватья Ермишинского р-на.
- 39 Селиванов В.В. Год русского земледельца: Зарайский уезд, Рязанской губернии. // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С.96.
- 40 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т.1. М., 1955. С.695.
- 41 Даль В.И. Пословицы русского народа. Указ. изд. Т.2, с. 319.
- 42 РГПИ, 1966. Тетр.— с.Кермись Шацкого р-на. № 7.
- 43 РГПИ, 1968, тетр.2 № 12 — д.Б.Новоселки Касимовского р-на — “Как со вечера, со позднева...”
- 44 РГПИ, 1975, тетр.12 л. № 2 — с.Чумиксы Касимовского р-на; ГМПИ им.Гнесиных, архив кабинета народного творчества. Сазонова Л.И. Песни Московской обл.(по материалам экспедиций в Зарайский и Наро-

- Фоминский р-ны). М., 1972. Науч.рук.— проф.Руднева А.В.— д.Беспятово Зарайского р-на. С.32.
- 45 РИАМЗ, н.а. III—629. Записи сказок и песен, собранных по Касимовскому у. Л.154 — д.Степаново — “Во поле лебедушка кричала...” — Далее — РИАМЗ, н.а. III—629, лист, место записи.
- 46 Конс., и. 1958—36 — с.Саватьяма Ермишинского р-на — “Не трубит ли трубонька рано по заре...”
- 47 Архив автора. Тетр.1 № 32 — с.Б.Озерки Сараевского р-на.
- 48 Маслова Г.С. Указ. соч. С.41.
- 49 Архив автора. Тетр.6 № 18.
- 50 Архив автора. Тетр.1 № 169 — с.Б.Озерки Сараевского р-на; Конс., № 1303 тетр.2, 1982, сеанс 27.— с.Березовка Сапожковского р-на; РГПИ, 1978, тетр.1 № 21; Записи автора. Тетр. 6 № 31 — с.Лопатино Скопинского р-на.
- 51 Собрание народных песен П.В.Киреевского... Указ. изд. № 479.
- 52 РИАМЗ, н.а. III—629. Л.151 — с.Лом — “Уж вы подите-ка, мои подруженьки.....”
- 53 Маслова Г.С. Указ.соч. С.39; Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1987. С.694; РГПИ, 1973, син. тетр. С.24—38 — с.Пургасово Кадомского р-на — “Лягушка-квакушка”.
- 54 Конс., и. 2151—16, ф. 3575 — с.Десятые Борки Ухоловского р-на.
- 55 Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. Т.3. М., 1869. С.88. Т.2. 1968. С.154; Его же: Древо жизни. М., 1982. С.426.
- 56 РГПИ, 1968, тетр.3 № 22 — с.Клетино Касимовского р-на.
- 57 РИАМЗ, н.а. III—629. Записи... Л.151 — с.Лом — “Уж вы подите-ка, мои подруженьки...”, Л.127 — Пальченки — “Растопляйся ты, моя тепла банюшка...”
- 58 Архив автора. Тетр.4 № 191 — с.Бояновичи Хвастовического р-на Калужской обл.; Еремина В.И. Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978. С.46.
- 59 РИАМЗ, н.а. III—629. Л.155 — д.Степаново.
- 60 Там же. Л.195 Коцемары — “Благословите-ка, кормилец-батюшка...”
- 61 Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л., 1991. С.166—169.
- 62 РГПИ, 1963, тетр.1 № 3 — с.Андроново Касимовского р-на — песня девичника “Отсидела наша Аннушка...”; РГПИ, 1973, син.тетр. С.100 — с.Четово Кадомского р-на; Записи автора. Тетр.3 № 192 — с.Заборье Рязанского р-на; РИАМЗ, н.а. III—629 Записи... Л.207 — д.Самуиловка — “Соберитесь все наши милые сродники...”
- 63 Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С.72,74.
- 64 РИАМЗ, н.а. III—629. Л.122 — с.Лубяники.
- 65 Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С.344.
- 66 Архив автора. Тетр.1 № 437 Сапожковский р-н, № 31^a — с.Б.Озерки Сараевского р-на, № 31 — с.Б.Озерки.
- 67 Архив автора. Тетр.6 № 222 — с.Секирино Скопинского р-на.
- 68 Конс., и. 2139—16, ф. 3563—16 — с.Ольшанка Милославского р-на.
- 69 Конс., и. 2144—27, ф. 3568 — с.Андреевка Милославского р-на.
- 70 РИАМЗ, н.а. III—664. Мансуров А.А. Описание рукописей этнографического архива ОИРК. Кн. V № 111 — с.Ходынино.— Деление на стихи мое.— Е.С. Далее — РИАМЗ, н.а. III—664. Мансуров А.А. кн. и № .
- 71 Исследователи цветовой символики Есенина выявили следующее: иерархию цветов с обилием оттенков и законы их сочетаемости; аналоги использования красок в иконописи, фресковой живописи и в народном орнаменте; перекличку с древнерусскими и фольклорными цветовыми эпитетами; выражение с помощью цвета определенных представлений автора, в том числе и о времени; изобразительную и чувственно-символическую роль цвета; разную смысловую наполняемость одного цветобразия; генезис, семантику и способы создания отдельных цветочных

- образов. См. об этом: Коржан В.В. Есенин и народная поэзия. Л., 1966. С.191—193; Зелинский К.Л. Черты поэтического стиля Есенина // Есенин и русская поэзия. Л., 1967. С.65—67; Юшин П.Ф. Сергей Есенин. Идеино-творческая эволюция. М., 1969. С.369—391; Наумов Е.И. Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. Л., 1973. С.353—356; Харчевников В.И. Традиции русской народной песни в стиле раннего Есенина (1910—1916 гг.). Пособие по спецкурсу. Ростов-н/Д., 1974. С.50—85; Кедров К.А. Образы древнерусского искусства в поэзии С.А.Есенина. // Есенин и современность. Сб./Под ред. В.Г.Базанова и Ю.Л.Прокушева. М., 1975. С.165—180; Карпов Е. Из наблюдений над поэтикой Есенина // Сергей Есенин. Проблемы творчества. Сб.ст. / Сост. П.Ф.Юшин. М., 1978. С.213; Прокофьев Н.И. Есенин и древнерусская литература // Там же. С.130—131; Он же. О художественном историзме поэзии С.Есенина // Сергей Есенин. Проблемы творчества. Вып.2. М., 1985. С.68; Марченко А.М. Указ.соч. С.7—20.
- 72 Жизнь Есенина. Рассказывают современники. М., 1988. С.27; Прокушев Ю.Л. Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха. М., 1989. С.50.
- 73 Афанасьев А.Н. Народные русские сказки... Указ.изд. Т.3 № 569; ср.: Т.2 № 244—246 — “Чудесная дудка”.
- 74 Конс., № 1243, 10.06.80. Сеанс 11, 21.02.85. Сеанс 1, № 1303. Тетр.П. Лето 1982. Сеанс 32; Мансуров А.А. Указ. соч. Вып.2 № 190. Вып.3 № 285; Архив автора. Тетр.1 № III, 35 — с.Б.Озерки Сараевского р-на.
- 75 Мансуров А.А. Указ.соч. Вып.2 № 190. Вып.1 № 85; Шейн П.В. Указ.соч. Вып.2. С.556; Конс. № 1307. Тетр.IV. 18.06.82, № 1243. Тетр.6. Сеанс 14^а. 15.06.80; Архив автора. Тетр.3 № 251, 188, 287 — пос.Солотча, с.Заборье, д.Полково Рязанского р-на.
- 76 Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С.121.
- 77 Конс., и. 2138—24, ф. 3562—24 — д.Сандыри Милославского р-на.
- 78 Велецкая Н.Н. Указ. соч. С.121.
- 79 РГПИ, 1989. Папка 3. Отчет... Анисаровой Е.М.— с.Ухорское Спасского р-на.
- 80 Там же. Папка 1. Материалы... Баурина В., Щелокова А.— “Как по синим-синим сеньюшкам...”
- 81 РИАМЗ, н.а. III—629. Л.130.
- 82 Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.—Л., 1958. С.9.
- 83 Селиванов Ф.М. Богатырский эпос русского народа //Былины./ Б-ка русского фольклора. Т.1. М., 1988. С.16.
- 84 РИАМЗ, н.а. III—664. Кн. XX. № 493.
- 85 РГПИ, 1970. Тетр.4 № 23; Федоров А.Ф.Указ.соч.С.15.
- 86 Песни Рязанской губернии //Живая старина. 1898. Вып.1.С.293.
- 87 Диттель. Сборник рязанских областных слов //Живая старина. 1898. Вып.II. С.209.
- 88 Традиционный фольклор Новгородской области (по записям 1963—1976 гг.): Песни и причитания. / Изд. подгот. В.И.Жекулина, В.В.Коргузалов, М.А.Лобанов, В.В.Митрофанова. Л., 1979. № 192.
- 89 Конс.Тетр.6 № 1243. 15.06.80 — д.Юмашево Кораблинского р-на; ср.: Архив автора. Тетр.11 № 189 — “Что у те, Иванушка...” — с.Николаевка Касимовского р-на.
- 90 РИАМЗ, н.а. III—629. Л.138, 166; Конс. № 1303. Лето 1982. Тетр.П. Сеанс 32 — с.Ольшанка Милославского р-на.
- 91 РГПИ, 1974. Тетр.— с.Горки Спасского р-на; Конс., и. 2154—25 ф. 3578 — с.Архангельское Милославского р-на.
- 92 РГПИ, 1973. Синяя тетр. С.70—71.
- 93 Бернштам Т.А. Орнитоморфная символика у восточных славян // Советская этнография. 1982. № 1. С.28.

- 94 Жизнь Есенина. Рассказывают современники. Указ. изд. С.67.
- 95 Афанасьев А.Н. Древо жизни. Указ. изд. С.405.
- 96 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т.4. М., 1987. С.500.
- 97 Слово о полку Игореве/Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. М.— Л., 1950. С.13.
- 98 Архив автора. Тетр.6. № 43 — с.Лопатино Скопинского р-на.
- 99 Жизнь Есенина. Рассказывают современники. Указ. изд. С.437.
- 100 РИАМЗ, н.а. III—664. Кн. X № 243.
- 101 Архив автора. Тетр.6 № 34 — с.Лопатино Скопинского р-на.
- 102 Афанасьев А.Н. Народные русские сказки... Указ.изд. Т.2. №№ 267—269; Grimm Я., Grimm В.К. Сказки. Минск, 1983. С.3.
- 103 Грацианская Н.Н. Чехи и словаки // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988. С.60.
- 104 Филимонова Т.Д. Лужичане //Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Указ.изд. С.68.
- 105 Даль В.И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб.—М., 1880, с. 43.
- 106 Архив автора. Тетр.4 № 105; Яковлева В.Я. Рязанская народная вышивка. М., 1959. Табл. 10.
- 107 "На земле, мне близкой и любимой". Сергей Есенин. Фотоальбом. М., 1985. С.88; Архив автора. Тетр.1 № 502.
- 108 Архив автора. Тетр.3 № 66 — д.Кутлово Сараевского р-на.
- 109 Флор-Есенина Т.П. Был всегда неожиданным. Новые штрихи к портрету Сергея Есенина //Советская Россия. 3 окт. 1990. С.6.
- 110 Шейн П.В. Указ.соч. Вып.2. С.560.
- 111 РИАМЗ, н.а. III—664. Кн. X. № 243.
- 112 Архив автора. Тетр.1 № 47 — с.Б.Озерки Сараевского р-на.
- 113 Шейн П.В. Указ.соч. Вып. 2. С.557.
- 114 Сумцов Н.Ф. О свадебных обрядах преимущественно русских. Харьков, 1881. С.24.
- 115 Зварич В.В. Нумизматический словарь. Львов, 1979. С.96.
- 116 Архив автора. Тетр.8 № 7 — с.Тимошкино Шиловского р-на.

ЦИКЛ “ИЗБЯНЫЕ ПЕСНИ” Н.А.КЛЮЕВА В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

К постановке вопроса

Цикл “Избяные песни” представляет интерес не только как образец поэтического мастерства Н.А.Клюева. Это, бесспорно, одно из самых крупных явлений русской поэзии 10-х годов XX столетия, отразившее как универсальные особенности мифопоэтического кода культуры постсимволизма, так и важнейшие черты принципиально нового художественного мышления писателей “крестьянской купницы”. Кроме того, “Избяные песни” тесно связаны с творческой биографией Сергея Есенина, считавшего этот цикл вершиной клюевской поэзии, и являются, очевидно, одним из свидетельств тому, что питерские литераторы “...сидят гораздо мельче нашей крестьянской купницы” (VI, 82), а Мережковский и Гиппиус Клюеву “не годятся в подметки в смысле искусства...” (V, 216) (напомним, что последнее высказывание относится к 1925 году).

По-разному относясь к послереволюционным произведениям своего давнишнего учителя, Есенин неизменно выделяет “Избяные песни”. В письме к Иванову-Разумнику (VI, 86) читаем: “Клюев, за исключением “Избяных песен”, которые я ценю и признаю, за последнее время сделался моим врагом”. А годы спустя, продолжая спор с Ивановым-Разумником о Клюеве, Есенин пишет: “Сам знаю, в чем его сила и в чем правда”, — и выражает уверенность в том, что Клюев может писать “еще лучше, чем “Избяные песни” (VI, 114).

Пытаясь теоретически обосновать собственные творческие искания, Есенин постоянно обращается к поэзии Клюева. И здесь важно не то, цитирует ли он клюевские строки в подтверждение своих высказываний о природе художественного образа или же стремится “перерастить” учителя и даже опровергнуть его опыт. Когда Есенин упоминает о “тайнах” творчества, читатель вправе заподозрить, что неизвестные нам беседы “словесных братьев”, раскрывавшие секреты “пододонного” клюевского слова, действительно были посвящением в те таинства, на которые намекает автор “Ключей Марии”, — “...иаковская лестница орнамента слова, мысли и образа...” (V, 190).

“Прежде чем подойти к открывшимся нам тайнам орнамента в слове, мы коснемся его линий под углами разбросанной жизни обихода. За орнамент брались давно..., но никто к нему не подошел так, как надо, никто не постиг того, что “...на кровле конек Есть знак молчаливый, что путь наш далек...”

“Его (орнамента.— Л.К.) образы и фигуры какое-то одно непрерывное богослужение живущих во всякий час и на всяком месте”.

“Ангелический образ есть *сотворение* или пробитие из данной заставки и корабельного образа какого-нибудь окна, где *струение* являет из лика один или несколько ликов...” (V, 167, 184).

Нельзя утверждать, что это клюевская терминология, однако несомненно, что к поэтике Клюева она имеет самое прямое отношение, а “Избяные песни” могут служить своего рода “хрестоматией”, способной прояснить смысл такого концептивного и путаного “учебника”, как “Ключи Марии”. Ведь Есенин, как об откровении, пишет о тайне клюевских образов, хотя тут же запальчиво заявляет, что сердце самого художника их “не разгадало”. Значит, впредь Клюеву и “...о солнце не пропеть, В окошко не увидеть рая”. Эти строки из стихотворения “Теперь любовь моя не та...” имеют прямое отношение к “Избяным песням”, где Клюев, как увидим, “поет” именно “о солнце”, и стихи свои тоже уподобляет солнцу. Что же касается “рая”, то, при всей кажущейся непосредственности лирического самовыражения поэта, цикл “Избяные песни”, посвященный памяти умершей матери, представляет собой, по сути, эпос о потерянном и возвращенном “избяном рае”¹.

Слово мыслится здесь как знак жизни вечной, как вестник Преображения (“явление ... нескольких ликов из лика”, “иаковская лестница орнамента...”). Так, когда кудель преобразуется в “ангела пухового” (тот самый клюевский “ангел простых человеческих дел”, который явится позднее в “Матери Субботе”) и ангельской песенкой звучит веретено, возникает вопрос:

Как бы в стихи, золотые, как солнце,
Впрямь волхвованье и песенку ту?
Строки и буквы — лесные коряги,
Ими не вышить желанный узор...
Есть, как в могилах, душа у бумаги —
Алчущим перьям глубинный укор*.

(“Умерла мама — два шелестных слова”, с. 75)

* Здесь и далее цитаты по: Клюев Н. Песнослов. Петрозаводск, 1990.

У бумаги — душа? В могилах — душа? Но вспомним есенинское: “...вытекшей душою удобрить чернозем...”! Преобразуя собою природу, даже создавая что-либо из ее материала себе на потребу, человек способен умножить духовность мира. Стол и лавка — не просто “умершего дерева души”; они облагорожены человеком и связаны с его собственной душой, являясь знаками культурного космоса: лавка — “с певуном-Алконостом на спинке”. “Зародыши душ” Клюев видел даже в горящих поленьях. Потому и понятен “укор” бумаги, которой тяжело становиться материалом для “книг-трупов” (о чем писал Клюев в цикле “Поэту Сергею Есенину”, суля авторам таких книг “бумажный ад...”). Мертворожденное слово мертвит мир, и беззащитна “неизреченность животная” — та хрупкая сущность земного бытия, что не может высказать словом “и не знает назвать человек...” Но самую несказуемую жизнь, растворенную в быте, “под углами разбросанной жизни обихода”, Клюев дерзает выразить своими “Избьяными песнями”.

“Двойное зрение”, о котором писал Есенин, позволяет обнаружить целостность и многослойность структуры цикла. Самые простые слова: *зыбка, окно, луч, журавли, зола* — оказываются образами “двойного чувствования”; конкретные бытовые и пространственно-временные характеристики обнаруживают символическую природу; взаимная обратимость профанических (бытовых) и сакральных (бытийственных) значений создает эффект острого переживания жизни, где все соткано из противоречий.

По сути, все 1-е стихотворение цикла наполнено “заставочными” образами, многие из которых впоследствии преобразуются в “корабельные” и “ангелические”. Это один из постоянных приемов клюевской орнаментальной поэтики — все та же “иаковская лестница орнамента...” “Струение” некоторых образов мы проследим в дальнейшем, однако воссоздание и интерпретация всего орнамента цикла потребовали бы слишком сложного и громоздкого исследования. Следует обратить внимание также на эффект симметрии и на символику чисел. (Последний аспект особенно интересен: Клюев сознательно его выделяет, и, к примеру, числа 2, 4, 7, 12, 24 играют важную роль в “Избьяных песнях”).

В начальном стихотворении первая строка повествует о 4-х вдовицах, пришедших к усопшей. Этнографически точное воспроизведение обряда вплетается в символический образ мира, в котором зашло “избьяное солнце”. 4-м вдовицам на земле соответствуют 4 святителя на небе (Митрий Солунский, Микола, Влас и Креститель Иван), а в финале стихотворения появляются 4 “тихих света”: закат, сумерки, звезда и заря. Здесь же берет начало тема журавлей — посредников между небом и землей.

Подземное и земное пространство, небеса и рай образуют оппозицию “здесь // там”. Образ “Избяного рая” сводит эти три плана (дом, земля, небеса) воедино, и на этой основе разворачивается повествование о потерянном и возвращенном рае.

Из избы исторгнута душа: со смертью хозяйки (закатом “избяного солнца”) исчезает свет. “Сумрак”, “мгла”, “полутьма”, “темень” определяют настроение первой половины цикла; на этом фоне закономерна активизация теневых пластов, оживление небытийственных сущностей: зола являет собою ушедшие годы; шепчется “гурьба теней”, хихикают и пляшут бесенята; даже с божицей связывается образ “строгих сумерек”.

В темноте человек чувствует себя подавленным, беспомощным и беззащитным; темноте сопутствует молчание... И в первых пяти стихотворениях цикла чувства лирического героя раскрываются через “переживания” вещей и “умной нежити”, населяющих избу. Это lamentации, оплакивание невозвратного былого и многократно варьируемая тема сиротства: “осиротела печь”, “насупилась изба”, “плачется кот”... Многозначительно упоминание о том, что весь дом, прощаясь с усопшей, вздохнул, “как ель под пилою...” С “отсечением” материнского начала (ведь и веретено называет хозяйку “мамой”) жизнь избы становится ущербной — непрочной и ненадежной: “умер подоинок с чумазым горшком...”

Лишь в 6-м, 7-м и 8-м стихотворениях непосредственно выражены чувства живых людей: общение с “бесплотной гостьей” (душой матери), с оставшимися от усопшей вещами (полые предметы, символизирующие пустоту, — чулок, кольцо) и солнцем — “ходоком от маминой праведной души”.

То, что смерть матери переживается даже вещами, свидетельствует о многоуровневой структуре избяного космоса. Как церковь срублена из некогда живых сосен и является, с одной стороны, частью природы и пейзажа, а с другой — “акафистом из рудых столпов”; как икона писана “с плакучей березы на злате словом”, однако служит окном в мир иной, — так и вещи, вплоть до самой примитивной избяной утвари, имеют, кроме бытового назначения, статус бытийственный. (Вспомним, как Клюев в “Песни о Великой Матери” описал хлопоты с “аглицким сукном”: “чтоб не был зипун без души...”.) Душа вещей, поддерживаемая их владельцем, в свою очередь питает и греет душу человека. Своеобразная субординация: человек устремлен к высшему Абсолюту, вещь же устремлена лишь к человеку, но основа этой связи — *наличие души*.

Отчуждение и “обездушивание” вещи, таким образом, пагубно влияет и на человека. Нет поэта, который больше и убедительнее сказал бы об этом, чем Клюев. (Кстати, причи-

на раздражения Блока, которому однажды показалось невозможным “дышать” и “лететь” в клюевских стихах, понятна: в отличие от всех своих современников, Клюев, уносясь в иные миры, никогда не покидает пределов избяного космоса и в состоянии мистического экстаза не забывает упомянуть о, сопричастных всему этому вещах:

Пусть стол мой и лавка-кривуша,
Умершего дерева души,
Не видят ни гостя, ни чаш,—
Об Индии в русской светелке,
Где все разноверья и толки,
Поет, как струна, карандаш.

(“О ели, родимые ели...”, с. 86)

Но прирученная — и одухотворенная — вещь по законам избяного космоса не может жить сама по себе, без хозяина, — ведь она светит отраженным светом (вещи “не видят ни гостя, ни чаш...”). Отчужденная вещь враждебна человеку, в ней может заговорить (как и в безблагодатном, лишенном света человеке) “злая самость”. Этим определяется мрачный подтекст трагедийной по смыслу и величественно-спокойной по форме 9-й главки цикла.

Чую, сеть на стене, самопрялка в углу,
Как совята с гнезда, загляделись во мглу.

Сиротеют в укладе шушун и платок,
И на отмели правит поминки челнок.

Ель гнусавит псалом: Яко воск от огня...

(“От сутёмок до звезд...”, с. 76)

То есть, как видим, дело идет к похоронному обряду, к отпеванию самого лирического героя, одинокого “в потемках” обездушенного мира.

Однако от этой всеобщей отчужденности, разрушительной дисгармонии цикл приведет нас к зиждительной гармонии всеединства, а мотив смерти преобразуется в тему “жизни бесконечной”. Отметим здесь значение образа *зыбки**, “струение” которого и ряд метаморфоз (в том числе чисто фонических) создают сложный орнамент: “солнцева *зыбка*”, “*зыбь* хвой”; луч, ныряющий “в *зыбь* ветвей”; “изба дремлива, словно *зыбка*”; “в *зыбке* снегиренком пискнувший ребенок”... Это один из знаков тождества микромира макромиру. Три уровня избяного пространства (крыльцо, окно, конек) соот-

* И в “Плаче о Сергее Есенине”, и в “Бесовской басне про Есенина” Клюев повторял: “а все... за измену *зыбке*”; “*зыбке* своей изменил...”

ветствуют пространственной модели нашего мира: земля и то, что под землей; наземная природа и воздушное пространство; небо со звездами, солнцем и луной. Это и есть Древо Жизни (но и изба — “древо”, и человек — “древо”, и “всё от древа”, — так определил Есенин “религию мысли нашего народа”). А “время, как шашель, в углу и за печкой // Древо жизни буравит, сосет...”

Художественное время цикла заслуживает особого внимания. Образ времени тесно связан со “светотеневым” оформлением “Избяных песен”. Уже во 2-м стихотворении “унылому сумраку” настоящего противостоит “солнечная старь”. Размеренность и протяженность этой ласковой уютной “стари” со смертью матери исчезают; время замирает, как бы замерзая. В дальнейшем мы наблюдаем чередование времен года: после осени — зима, весна, снова осень (“скоро год, как родная в гробу”), и вновь весна, — т.е. всего около полутора лет, — но события легко смешиваются и накладываются одно на другое; будущее и настоящее совмещаются. Например, кот, присутствующий в 4-м, 5-м и 7-м стихотворениях, во 2-м отсутствует. Это знак бессолнечного, неуютного и холодного мира: “Хозяйка в небесах, с мурлыки сшита шапка, Чтоб дедовских седин буран не леденил”. (Вспомним, как Есенин, вызывая из давно прошедшего времени образы “душистого горошка” и “золотой звезды” своего детства, пишет: “Все прошло. Потерял я бабу, // А еще через несколько лет // Из kota того сделали шапку, // А ее износил наш дед”). Наконец в 9-м стихотворении, представляющем, как было сказано, трагическую кульминацию цикла, узнаем о смерти деда, — вернее, смерть эта констатируется как нечто уже случившееся (но когда же?): “спят в земле дед и мать...” Однако только что, в 7-м стихотворении, было “все по-старому: дед, как игумен...” Да и в 8-м стихотворении лирический герой не один, а с сестрой. Откуда же в 9-м эта скорбная строка: “я в потемках один”?

Нарочитой непоследовательности, временной разорванности событий (месяцы, год, даты — все смешалось и утратило значение) сопутствует странная последовательность *суточно-го* времени. Так, в 7-м стихотворении — вечер, в 8-м — закат солнца, в 9-м — ночь, в 10-м — ночь перед рассветом и заря. В дальнейшем, начиная с 11 стихотворения, настроение цикла резко изменяется: упоминаний о матери мы уже не встретим (одновременно исчезают и журавли); сумрак, холод и одиночество сменяются ярким светом, “солнопеком” и соборностью мироощущения. В 12-м, 13-м и 15-м стихотворениях трижды звучит тема спасения; мотив смерти как гибели (знак времени) вытесняется мотивами Успения, Воскресения, Преображения, т.е. знаками вечности. Это “соборы отцов”, получающих обетованную весть о совоскресении; это

добровольная жертва Ковриги, символизирующая “светлую радость спасенья”; это изъятие из числа тех народных примет, что “к мертвецу”. (Фигура умолчания замыкает весь цикл и “маскирует” слишком многозначительный — на фоне легких и веселых строк заключительного стихотворения — финал: “Семь примет к мертвецу, но про них не теперь,— // У лесного жилья заминена дверь, // Под порогом зарыт “Богородицын сон”, — // От беды-худобы нас помилует он”. Смысл такого финала станет нам ясен впоследствии).

Но вернемся к проблеме времени. Не касаясь образа Времени в целом, отметим “внешнее”, хронологическое, и “внутреннее” время — течение жизни лирического героя, определяемое символически как сумерки, ночь, рассвет. Смерть матери (— закат солнца) сопровождается эсхатологическим эффектом: мы уже видели, как “вскольбнулся” весь избяной космос и “времени не стало”. Лирическому герою нужно вновь обрести “солнце”, чтобы вернуть время и вместе с тем выйти из-под его власти, победить “загробный мрак глухонемых тысячелетий”. Лейтмотивом первой половины цикла является тема ожидания, томления по свету. И крыльцо, с которого входят в дом и выносят покойника, зорко смотрит “в потемки”; и окно “оком оловянным”, как у мертвеца, уставилось “в темноту”; и конек на крыше загляделся “в звезды”. И все согласно шепчут: “вернется... придет...”

Ожиданием, выкликаньем “солнца” и сложным орнаментальным развитием “солнечной” темы пронизан весь цикл. В центральном, 8-м стихотворении само небесное светило спускается в заонежские чащи и, блуждая в “корбах темнохвойных”, приходит в осиротевшую избу, принося весточку с “тосветной стороны”, от Матери. Это сцена, рассекающая надвое “Избяные песни” в отношении тональности и тематики, ключевая и в отношении смысла. Даже явление солнца не рассеивает мрак! Вестник от праведной души не возвращается к дому самой души:

В домовище матушка... Пасмурной округою
Водит мглу незрячую поводырка-жуть,
И в рогожном кузове, словно поп за ругою,
В Сторону то-светную солнце правит путь.

(“Заблудилось солнышко в корбах темнохвойных...”, с. 77)

Именно за этим эпизодом следует та наиболее мрачная, “ночная” главка цикла, где природа дышит величественным равнодушием к человеку, где звучат отголоски погребального чина (“поморье лесов” ассоциируется с “житейским морем”, челнок “правит поминки”, а псалом “Яко воск от огня...” подчеркивает значение похоронного мотива); вещи проявля-

ют “злую самость”, и лирический герой полностью предан одиночеству и “потемкам бытия”.

Вот тут-то и наступает счастливая развязка: в следующем, 10-м стихотворении мир чудесно преображается, тьма мгновенно рассеивается, ибо возвращается Мать. Но уже не “бесплотной гостьей”, и не с крыльца избы, а из чудесного “окна” в иной мир, — возвращается в облике Богородицы: “Богородицына тень, Просияв, сошла с иконы”.

Возникший оксюморон “сияющая тень” — знак соединения несоединимого, совмещения противоположностей. Не случайно в предыдущем стихотворении в последний раз промелькнул над избой “журавлиный пролет...” (Роль этих птиц, крестиками прошивающих путь от земли к небу и от неба к земле, очень значительна. Дважды они выступают вестниками “тосветного” мира, то уносящими людскую душу в рай, то исходящими из рая вслед за святыми. И дважды упоминаются как обыкновенные земные птицы. Появление журавлей в цикле через равные ритмические промежутки: в 1-м, 3-м, 6-м и 9-м стихотворениях — подчеркивает создаваемый этим образом орнаментальный эффект). Исчезновение журавлей является знаком метаморфозы избяного космоса. Человек перестает воспринимать небо как мир высший и дальний, а землю — как ближний и дальний, ибо все совмещается. “Всевышние притчи” пишутся “на хартии вод”; луч становится столбом макового света, который пронизывает глуби, уходя “до сердца земного, где праотцов дом”. Вместе с пространством преобразуется и время: наступает “золотой, воскресный час, // Просиявший в безначальном”. Тема вселенской “зыбки”, пестующей жизнь, и тема земного “гнезда” (птичьего, где “первое яйцо”; древесного, хвойного, куда “ныряет луч”; домашнего, где “снегиренком” пискнул ребенок; наконец — могильного “гнезда” праотцов) замыкаются образом просветленной, “собезначальной” избы — “зыбки, где смолкли горести и боль”.

Так проясняется мифологическая подоплека цикла: Материнская и Сыновняя стихии, объемлющие собою мир. Она намечена уже в первом стихотворении, где в изображении рая нет среди святителей Христа и Богородицы, но есть символический образ, о котором кричат журавли: “Мы матери душу несем за моря, Где солнцеву зыбку качает заря...” Ассоциативная связь с традиционным уподоблением Христа Солнцу обеспечивает “струение” образа Матери (закат “избяного солнца” — вечерняя заря). К концу цикла в 13-м стихотворении тема искупительной жертвы, связанная с образом Солнца (ибо здесь коврига — “избяное светило”), повторяет это уподобление и вновь соединяет тему Солнца-Христа с женственным началом (девочка Маша с куском ковриги в подоле). Чтобы связать все это с образом умершей

матери и окончательно убедиться в его “ангелической” природе, достаточно вспомнить, что в 4-м стихотворении песенка веретена приносит ангельскую весть: “Мама в раю... Нянюшкой светлой младенцу Христу...” Зрительно возникающий образ женщины с младенцем Христом вполне иконографичен, он, по сути, приуготовляет возвращение Хозяйки-Матери-Богородицы в избу.

Наконец, в финале “оберегом” от бед и смертей служит “Богородицын сон”. Традиция лично списывать и носить при себе этот апокриф, брать с собой на войну или в трудную дорогу и непременно держать его в доме существует доньше. Но в заключительных строках цикла, завершая метаморфозы ангелического образа Матери, мотив материнского сна о крестных страданиях своего Сына как бы намечает новую тему — цикл разомкнут и уводит в “жизнь бесконечную” (да и непарное число, 15, которым помечена эта последняя глава, противоположно парной символике смерти).

Таков, в самых общих чертах, мифологический код “Избяных песен”, раскрывающий природу “мужицкого тайнозрения” и подтверждающий ту связь между песней и тайной, о которой постоянно напоминает Клюев своей поэзией (“...В глухих олонецких лесах Сложилось тайн и песен много...”).

Этот цикл возник не сразу, складывался исподволь², и его подтекст — как концептуальная категория текста — образовался, возможно, как раз в период теснейшей близости Клюева и Есенина, в 1916 году.

В готовившемся до революции и вышедшем в 1919 году “Песнослов” “Избяные песни” даны в том структурном единстве, которое было предметом нашего анализа, и открывают второй том.

Косвенным подтверждением сакральной природы цикла может служить то обстоятельство, что в 20-е годы, в эпоху “погорельщины”, он уже не воспроизводится поэтом в целостном виде. Цикл разбит и рассыпан; в последнем прижизненном клюевском сборнике “Изба и поле” присутствуют лишь его “обломки”, — в частности, стихотворение “От сутёмок до звезд и от звезд до зари...”, явившееся трагической кульминацией “Избяных песен”.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Напомним, что в клюевском цикле “Поэту Сергею Есенину” есть стихотворение (“Изба — святилище земли...”), открывающееся и заканчивающееся этим мотивом: “Так не забудь запечный рай...”

² В частности, последнее стихотворение — по времени написания едва ли не самое раннее (1914).

ЕСЕНИН И КЛЮЕВ

К истории творческих взаимоотношений

Прочитав однажды до предела субъективные рассуждения Ю. Айхенвальда о своей поэзии, Александр Блок под свежим впечатлением от них написал:

“Как можно критику, *серьезному*, быть столь импрессионистичным, столь порхающим с предмета на предмет, столь не считающимся о простейшими историко-литературными приемами?

Зачем так безбожно путать хронологию, например?

Я бы, если бы собрался писать статью, поинтересовался узнать точнее подробности внешние, но в корне меняющие дело”¹.

Без восстановления *внешних* (но в *корне* *меняющих* *дело*) подробностей нельзя обойтись и при рассмотрении такой непростой проблемы, как *внутренние* творческие связи Сергея Есенина и Николая Клюева. Подступы к ее анализу уже были осуществлены². Здесь будет идти речь о некоторых аспектах этой проблемы более детально, в том числе с привлечением неизвестных и малоизвестных документальных источников.

В 1916 году Клюев написал стихотворение “Оттого в глазах моих просинь...”, посвятив его “прекраснейшему из сынов крещеного царства, крестьянину Рязанской губернии, поэту Сергею Есенину” (VI, 258—259). Именно оно положило начало неоднократному обмену стихотворными посланиями между поэтами. Вопросы, связанные с историей создания этих произведений и с обстановкой, в которой они становились фактами литературы, до сих пор затрагивались лишь частично и мимоходом, к тому же нередко получая сугубо одностороннее освещение. Между тем, при ближайшем рассмотрении оказывается, что анализ этих вопросов в их совокупности дает возможность во многом прояснить и понять мотивы большинства прямых творческих и эпистолярных высказываний Есенина и Клюева друг относительно друга.

Указанное клюевское стихотворение появилось в печати на страницах первого сборника “Скифы” не позже 1 августа 1917 года (I, 389), уже после Февральской революции,

которая дала поэтам новые творческие импульсы. В марте-мае 1917 года Клюев и Есенин ведут в Петрограде активную литературную и общественную деятельность. Клюев пишет и публикует (в конце мая и начале июня 1917 года) “Красную песню” (“Распахнитесь, орлиные крылья...”), которую вскоре стали называть “Крестьянской марсельезой”; Есенин создает свои первые послереволюционные поэмы (“Товарищ”, март 1917, “Певущий зов”, июнь 1917). Литературный критик Р.В.Иванов-Разумник, тогда часто встречавшийся с ними, писал Андрею Белому 29 апреля 1917 года: “Кланяются Вам Клюев и Есенин. Оба — в восторге, работают, пишут, выступают на митингах” (I, 394).

Примерно через месяц-полтора поэты расстались, выехав из Петрограда в свои родные места. Лето 1917 года стало для Есенина временем интенсивного творчества. Так, 19—20 июня (II, 34) он пишет в Константинове поэму “Отчарь”. Она вошла в число сочинений, отданных поэтом для публикации во второй сборник “Скифы”. Общий объем этого стихотворного материала был значителен — он почти не уступал объему последующих авторских сборников Есенина 1918 года (“Голубень” и “Преображение”). И потому два его цикла во вторых “Скифах” — “Стихослов” (4 “маленькие поэмы”) и “Под отчим кровом” (15 стихотворений) — по существу можно рассматривать как “книгу в книге” (хотя и разделенную составителями “Скифов” на две части, помещенные в разных местах сборника).

Стихотворение “Николаю Клюеву” завершало в “Скифах” цикл “Под отчим кровом”, т.е. композиционно являлось финалом есенинской “книги в книге”. Если вспомнить, что композиции своих сборников Есенин неизменно уделял большое внимание (об этом см. I, 365—366 и II, 201), то этот факт никак нельзя отнести к разряду случайных.

Детальное рассмотрение авторского замысла компоновки цикла “Под отчим кровом” выходит за рамки нашей работы. Но о четырех его последних стихотворениях нужно сказать здесь обязательно. Это — “Там, где вечно дремлет тайна...” (I, 134), “Проплясал, проплакал дождь весенний...” (I, 157—158), “Покраснела рябина...” (I, 130—131) и “О Русь, взмахни крылами...” (I, 138—140), имевшем в “Скифах” не только заглавие “Николаю Клюеву”, но и эпиграф из Лермонтова: “Я верю, под одной звездой с тобой мы были рождены”.

Поместив эти стихи именно в конце своей “книги в книге”, Есенин тем самым как бы подчеркивал, насколько важными для ее замысла они являются. И в самом деле, сочетание этих произведений, написанных в разное время, высветило этапы серьезных раздумий поэта не только о месте

его поэзии в жизни и литературе, но — и это самое главное — о Родине в его творчестве.

В первом из них — “Там, где вечно дремлет тайна...” — тема “поэт и Родина” только намечается (“Широки леса и воды, // Крепок взмах воздушных крыл, // Но века твои и годы // Затуманил бег светил”), как бы мерцая сквозь некий флер (очевидного символистского происхождения), окутывающий эту лирическую миниатюру (“новый путь мне уготован...”, “суждено мне изначально...”, “в две луны зажгу над бездной незакатные глаза”). Второе представляет собой диалог поэта и его лирического героя (“Скучно мне с тобой, Сергей Есенин, подымать глаза...”), в котором явственно звучит нота сомнения автора в действительном характере своей поэзии:

Близок твой кому-то красный вечер,
Да не нужен ты.
Всколыхнет он Брюсова и Блока,
Встормошит других.
Но все так же день взойдет с востока,
Так же вспыхнет миг.
Не изменят лик земли напевы,
Не стряхнут листа...

(I, 157—158).

Следующее стихотворение (“Покраснела рябина...”) тематически контрастно предшествующему: оно — о судьбе родимого края, “вечного пахаря и воя”. Но последние его строки (“Помяну тебя в дождик я, Есенин Сергей”) уже как бы предвосхищают возвращение к теме “поэт и Родина”, которая обретает такое мощное звучание в финальном стихотворении цикла “Под отчим кровом” — “Николаю Клюеву”:

О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь.
С иными именами
Встает иная степь.

Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной бога
Веду я тайно спор.

За мной незримым роем
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Звенит их бойкий стих.

Сокройся, сгинь ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.

Довольно гнить и ноять,
И славить взлетом гнусь.
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

(I, 138—140)

Создать у читателя ясное представление, от чего он ушел в своем творчестве, как и по какому пути идет теперь — вот чем руководствовался Есенин при композиции финальной части своего цикла “Под отчим кровом”. Но была, кроме того, у поэта и более локальная цель — именно на тех же “скифских” страницах, где ранее появились клюевские стихи “Оттого в глазах моих просинь...”, посвященные Есенину, хотел он увидеть свое ответное послание Клюеву.

Первый сборник “Скифы” с этими стихами Клюева вышел в свет всего на полмесяца раньше того момента, когда в редакцию “Скифов” поступили есенинские стихи для второго сборника (I, 389—390). Однако подготовка первого “скифского” сборника началась еще осенью 1916 года (I, 388). Поэтому есть все основания полагать, что Есенин знал посвященное ему клюевское сочинение до его публикации, ибо написано оно было (как уже упоминалось) в 1916 году. В этом произведении Клюев дал поэтические характеристики себе и Есенину. О том же есть строки и в есенинском послании — но какая большая разница во взглядах поэтов друг на друга и на себя самих...

Клюев:

Оттого в глазах моих просинь,
Что я сын Великих озер.
Точит сизую киноварь осень
На родной беломорский простор.

На закате плещут тюлени,
Загляделся в озеро чум...
Златороги мои олени —
Табуны напевов и дум...

Даль повыслала отрока вербного
С голоском слаще девичьих бус.
Он поведал про сумерки карие,
Про стога, про отжиночный сноп...³

Есенин:

...От Вытегры до Шуи
Он избродил весь край
И выбрал кличку — Клюев,
Смиренный Миколай.

Монашья мудр и ласков,
Он весь в резбе молвы,
И тихо сходит пасха
С бескудрой головы.

А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я...

(I, 138—139)

Ясно видно, что в своем ответе Клюеву Есенин отстаивал как собственную творческую индивидуальность, так и право на мнение о Клюеве-поэте, не совпадающее с тем, что думал про себя он сам. И по существу, отдавая такое стихотворение

в печать, Есенин начинал уже не словесную (как бывало и ранее), но публичную — хотя и почтительную по форме — полемику с Ключевым.

Второй сборник “Скифы” вышел в свет между 13 и 21 декабря 1917 года (I, 389). Узнав о его содержании вскоре после выхода книги, Есенин немедленно написал полное упреков письмо к редактору “Скифов” Иванову-Разумнику с отказом от дальнейшего сотрудничества в “скифских” сборниках (VI, 85—87)⁴. Это — теперь широко известное — письмо, впервые опубликованное более тридцати пяти лет назад, уже не раз служило базой для построения тех или иных концепций, носящих преимущественно негативный характер по отношению к адресату письма и к другим поминавшимся в нем людям, в том числе к Ключеву. Представляется, однако, что вопрос, — почему же письмо, адресованное Иванову-Разумнику, человеку, к которому, по словам В.С.Чернявского, Есенин именно в то время (конец 1917 года) “относился с большим уважением и любовью, с которым неизменно встречался по делам практическим и душевным” (Восп. I, 221), неожиданно оказалось столь резким по тону, — до сих пор не имеет удовлетворительного ответа.

Попытаемся найти его, обратясь к “внешним подробностям” (Блок). Вот некоторые события октября-декабря 1917 года, связанные с именем Есенина. В октябре он написал поэму “Пришествие”, а в ноябре — поэму “Преображение” (VI, 440), первую из которых посвятил Андрею Белому, а вторую — Иванову-Разумнику. Обе поэмы стали известны и тому, и другому практически сразу же после их написания (I, 389). 22 ноября прошел вечер поэзии Есенина в Тенишевском училище, вступительное слово на котором произнес В.С.Чернявский. С текстом этого выступления Есенин ознакомился за несколько дней до вечера, и, по словам Чернявского, “Сергею... особенно по душе был анализ соприкосновения его поэзии со стихами Ключева и выводы в пользу полной самобытности Есенина. “Вот дурной! Да пойми сам, что ты лучше всех меня понимаешь”” (Восп. I, 217).

Итак, в те месяцы Есенин, переживая мощный творческий подъем, уже осознавал себя как творчески самобытную личность. Но публичная оценка новых есенинских сочинений 1917 года со стороны Андрея Белого и Иванова-Разумника — людей, к мнению которых Есенин тогда особенно прислушивался, — оказалась более сдержанной, чем того мог ожидать поэт. Второй сборник “Скифы” открывался статьями “Поэты и революция” (Иванов-Разумник) и “Песнь Солнца” (Андрей Белый), в которых, как и в прежней критике 1915—1916 годов, Ключеву среди крестьянских поэтов отводилось место лидера, а Есенин все так же поминался вслед за ним. К тому же, хотя есенинский цикл “Под отчим кровом”

был, без сомнения, прочитан Ивановым-Разумником при редакционной подготовке сборника, критик вовсе не упомянул его в своей статье, пройдя мимо и самого цикла, и его замысла, столь важного, как было показано выше, для Есенина. Более того, общим контекстом сборника был до неузнаваемости трансформирован другой есенинский замысел, связанный с публикацией его послания Ключеву — полемический колорит последнего был практически нивелирован, и, по существу, оно прозвучало в “Скифах” под знаком солидарности с мнением редактора сборника о ключевском творческом первенстве.

Все это, вместе взятое, и вызвало ярко выраженную негативную реакцию импульсивного, порывистого Есенина на выход “Скифов” в свет. Она еще более усугубилась тем, что посвященное ему стихотворение Ключева “Елушка-сестрица...” появилось на страницах “Ежемесячного журнала” как раз в декабре 1917 года⁵, т.е. в одно время со “Скифами”. В нем содержались скорбные строки: “Белый свет Сережа <...> разлюбил мой сказ”, которые только подлили масла в огонь. Находясь в состоянии аффекта, Есенин отнесся к ним с явным пристрастием. В письме к Иванову-Разумнику он в запальчивости даже объявил Ключева своим врагом (VI, 86).

А Ключев в это время жил на родине, по его словам, “полузабыт и журналами, и небом”. В его письме к редактору “Ежемесячного журнала” В.С.Миролюбову, написанном во второй декаде января 1918 года, читаем: “...я очень нуждаюсь. Мука ржаная у нас 50 руб. и 80 руб. пуд. Есть нечего и взять негде. Сам я очень слаб и болен, вся голова в коросте, шатаются зубы и гноятся десны, на ногах язвы, так что нельзя обуть валенка, в коросте лоб и щеки, так что опасно и глазам. <...> ведь у меня столько друзей с братьями, которым стоило бы один раз в неделю не сходить в “Привал комедиантов” или к любовнице, и я был бы сыт в моей болезни. Вот Есенин так молодец, не делал губ бантиком, как я, а продался за угол и хлеб, и будет цел и из всего выйдет победителем — плюнув всем “братьям” в ясные очи”⁶.

Это письмо тоже эмоционально напряжено, и порицание в нем Есенина не случайно — перед нами несомненная реакция Ключева на сообщение Миролюбова о тогдашнем поведении Есенина. Конкретное содержание этого сообщения неизвестно, так как письма редактора к поэту не сохранились. Тем не менее, высокая степень осведомленности Миролюбова о есенинском “бунте на скифском корабле” косвенно подтверждается тем, что черновик упомянутого письма Есенина к Иванову-Разумнику сохранился именно в архиве редактора “Ежемесячного журнала”⁷. Скорее всего, поэт работал над текстом своего письма в присутствии Миролюбова... Впрочем,

в те дни Есенин открыто демонстрировал свое недоброжелательное отношение к Клюеву и его творчеству — см. хотя бы известную дневниковую запись Блока о разговоре с Есениным, состоявшемся 3 января 1918 года (Восп. 1, 175—176).

Комментируя эту запись, А.А.Козловский справедливо обращает внимание на параллель зафиксированного Блоком есенинского высказывания “я выплевываю причастие” с знаменитыми строками из “Инонии”: “Тело, Христово тело, // Выплевываю изо рта” (Восп. 1, 469). Позднее (в 1925 году) сам поэт подчеркивал: “В начале 1918 года я твердо почувствовал, что связь со старым миром порвана, и написал поэму “Инония”...” (V, 276). Заметим также, что в 1921 году, работая над версткой сборника “Ржаные кони” (в свет так и не вышедшего), Есенин первоначально поставил там под “Инонией” дату: “1917”, заменив ее затем на “1918 январь”⁸. Все это уверенно свидетельствует, что замысел “Инонии” родился у поэта именно на рубеже 1917—1918 годов. Сам же текст поэмы (с его многочисленными антиклюевскими выпадами типа “проклинаю я дыхание Китежа”) неоспоримо подтверждает, что тогдашний “бунт на скифском корабле” послужил Есенину одним из мощных творческих импульсов для создания “Инонии”.

Накал есенинского негодования в те зимние дни был, действительно, очень высок — казалось, дело шло к его полному разрыву с Ивановым-Разумником и Клюевым... Однако, уже 30 января 1918 года Есенин участвует в заседании редакции журнала “Наш путь” вместе с Ивановым-Разумником (VI, 441), а в феврале-июне вновь активизирует свое сотрудничество в изданиях, редактируемых последним (VI, 441—442), вплоть до их прекращения декретом Советской власти. В частности, вопреки своим прежним словам, что “Преображение” “будет напечатано в другом месте” (VI, 87), Есенин в апреле 1918 года поместил поэму именно в “разумниковских” изданиях — “Знамени труда” и “Нашем пути” (VI, 286).

Объяснение этому может быть только одно — до разрыва, намечавшегося по инициативе Есенина между ним и Ивановым-Разумником, дело просто-напросто не дошло. “Декабрьский инцидент” оказался лишь временной (хотя и бурной со стороны Есенина) размолвкой, по окончании которой личные и деловые отношения поэта с критиком возобновились⁹.

Что касается есенинских отношений с Клюевым, то их дружеский характер также был вскоре восстановлен — не без помощи Миролюбова и, по-видимому, других близких поэтам людей. Что это было действительно так, мы узнаём из письма Клюева к Миролюбову, полученного в Петрограде в начале марта 1918 года:

“Благодарение Вам за добрые слова обо мне перед Сережей, так сладостно, что мое тайное благословение, моя жажда отдать, переселить свой дух в него, перелить в него все свои песни, вручить все свои ключи (так тяжки иногда они и единственный может взять их), находят отклик в других людях. Я очень болен, и если не погибну, то лишь по молитвам избяной Руси и, быть может, ради “прекраснейшего из сынов Крещена Царства”¹⁰.

Общее умиротворенное звучание этих слов, так контрастирующее с мрачным колоритом цитированного выше январского письма Клюева к Миролюбову, не оставляет сомнений в том, что конфликтная ситуация в отношениях между поэтами была в то время либо уже позади, либо близка к положительному разрешению.

Трения между Есениным и другими участниками сборников “Скифы” и в самом деле вскоре прекратились совершенно. Яркое свидетельство этому — есенинская статья “Отчее слово” (V, 161—164), опубликованная в апреле 1918 года все той же газетой “Знамя труда” (V, 328). Она представляет собой восторженный отклик Есенина на повесть Андрея Белого “Котик Летаев” (напечатанную в “Скифах”). Кроме того, в этой статье не раз цитируются — причем всегда в позитивном плане — строки и отрывки из стихотворений Клюева (V, 329—331). Среди них — и четверостишие из “Поддонного псалма”, которое начинается строкой “Приложитесь ко мне, братья...” (V, 163), — той самой строкой, которая была ранее так сурово осуждена Есениным (“противно моему нутру”) в письме к Иванову-Разумнику (VI, 86).

Почему же Есенин весной 1918 года переменял свою “зимнюю” оценку творчества своих коллег по “Скифам” на диаметрально противоположную? Ответ напрашивается сам собой — оступив от запальчивости, двадцатидвухлетний поэт понял, что он не во всем справедливо, необоснованно резко осудил своих старших товарищей, у которых он многому научился. И тогда он мужественно решил отменить эти свои негативные формулировки публично, что и было им сделано в статье “Отчее слово”.

Взглянем теперь на стихотворение Есенина “О муза, друг мой гибкий...”, где, так же, как и в “Отчем слове”, идет речь о литературных наставниках поэта:

О мед воспоминаний!
О звон далеких лип!
Звездой нам пел в тумане
Разумниковский лик.

Тогда в веселом шуме
Игривых дум и сил

Апостол нежный Клюев
Нас на руках носил.

Теперь мы стали зреле
И весом тяжелей...

(I, 159—160)

Оно написано тем же трехстопным ямбом с рифмовкой ЖМЖМ, что и послание Клюеву “О Русь, взмахни крылами...”, и очевидно перекликается с этим посланием не только метрически, но и тематически. Существует недвусмысленное указание самого Есенина, что “О муза...” была создана позднее, чем “О Русь...”: датируя свои произведения при подготовке собрания сочинений в 1925 году, поэт отнес послание Клюеву к 1916 году (I, 393), а стихотворение “О муза...” — к 1917-му (I, 160).

Эта последняя датировка представлялась сомнительной еще на начальных этапах изучения есенинского наследия. Так, готовя к изданию в 1940 году сборник поэтических произведений Есенина, С.А.Толстая-Есенина отметила в комментарии к стихотворению “О муза...”: “Возможно, что это ошибочная дата. В черновиках поэта 1918 года есть сведения об этом произведении как о только что написанном”¹¹.

В сохранившихся черновиках Есенина того времени¹² прямого подтверждения словам С.А.Толстой-Есениной нет — по видимому, ее суждение основывалось на материалах, до наших дней не дошедших. Кроме того, недавно выяснилось, что еще в конце 20-х годов состоялась ее беседа с Л.И.Кашиной, часто встречавшейся с поэтом летом и осенью 1918 года,— среди разного рода заметок на отдельных листах и клочках бумаги, хранящихся в ГЛМ, мною обнаружена конспективная запись этой беседы, сделанная С.А.Толстой-Есениной.

После заголовка (“Л.И.Кашина”) в ней следует: “Летом 1918 года Есенин читал: “О муза, друг мой гибкий...”, “Зеленая прическа...”, “Вот оно, глупое счастье...”, “Иорданская голубица””¹³. Из этих четырех произведений два — “Зеленая прическа...” и “Иорданская голубица” — документально датируются, соответственно, августом (I, 150) и июнем (II, 51) 1918 года. Стихотворение “Вот оно, глупое счастье...” также датировано самим поэтом 1918 годом (I, 397). Таким образом, три сочинения из четырех, перечисленных Л.И.Кашиной, Есенин читал ей вскоре после их создания. Поэтому не вызывает сомнений, что и стихотворение “О муза...”, открывающее перечень Л.И.Кашиной, она услышала от поэта летом 1918 года как дотоле ей не известное.

Более ранних, чем в воспоминаниях Л.И.Кашиной, упоминаний рассматриваемого текста ни в прижизненных докумен-

тальных, ни в мемуарных источниках не обнаружено, так что верхней границей его датировки на сегодняшний день можно считать лето 1918 года. Попробуем установить также и соответствующую нижнюю границу датировки.

Чуть выше уже отмечалось, что “О муза...” несомненно была написана после “О Русь...”. Вспомним теперь, что А.А.Козловский обоснованно датировал это последнее стихотворение весной-летом 1917 года, отменив ошибочную авторскую дату — 1916 год (I, 393—394). Им же было установлено и время передачи стихотворения “О Русь...” (вместе с другими) в редакцию “Скифов” — середина августа 1917 года (I, 389—390).

Памятуя известные слова Есенина: “Что касается остальных автобиографических сведений, — они в моих стихах” (V, 231), сопоставим эти факты с содержанием обоих стихотворений. Прежде всего перечитаем их одно за другим, и мы увидим — молодой полемический задор, который прямо-таки бьет через край в “О Русь...”, в стихотворении “О муза...” уступает место светлой печали воспоминаний о невозвратно ушедших временах творческого становления поэта. Писать стихи такой тональности и такого пиетета к своим наставникам непосредственно в период становления, серьезно осложнившегося оппозицией Есенина Клюеву (в октябре 1917 — феврале 1918 годов) и Иванову-Разумнику (в декабре 1917 — январе 1918 годов), было “по всем статьям” просто невозможно.

Кроме того, обращает на себя внимание кардинальное различие смыслов, вложенных Есениным в понятие “мы” в первом и во втором текстах. В стихотворении “О Русь...” (весна-лето 1917 года) это понятие — несомненно соборное: оно характеризует здесь поэта вкупе с его соратниками по духу в литературе и в жизни, то есть тех, кого он тогда же (скажем, в письме к А.Ширяевцу от 24 июня 1917 года) именовал “нашей крестьянской купницей” (VI, 82). В стихотворении “О муза...” слово “мы”, тоже не однажды употребленное, имеет столь же недвусмысленное (но уже совсем другое) значение — “я и моя муза”, которое могло возникнуть лишь под пером поэта, осознавшего свою творческую индивидуальность полностью. А мы теперь знаем, что это ощущение прочно утвердилось в сознании Есенина именно после описанного выше Sturm und Drang’a зимы 1917—1918 годов, завершившегося созданием “Инонии”...

Отметим также, что “Инония” — на этот раз речь идет о заключительном разделе книги “Преображение” (составлявшейся летом-осенью 1918 года) — не случайно начинается с самой поэмы, а заканчивается стихотворением “О муза...”: эти произведения выступают здесь как композиционные ве-

хи, которыми Есенин зафиксировал изменение тональности своего творческого настроения во времени.

Словом, совокупность приведенных фактов и наблюдений над есенинскими текстами позволяет уверенно заключить, что стихотворение “О муза...” написано уже в “последнеиниэвские” дни, а точнее, после окончательного минования размолвки между Есениным и его учителями в искусстве, то есть не ранее весны 1918 года. Впрочем, об этом же говорят и сами стихи:

О муза, друг мой гибкий,
Ревнивица моя.
Опять под *дождик сыпкий*
Мы вышли на поля,—
(I, 189; *курсив мой.*— С.С.)

ведь определение “ревнивица-муза” и в контексте стихотворения, и в более широком контексте жизни и творчества поэта той поры, без сомнения, прочитывается как самокритичная оценка Есениным своего негативизма по отношению к Ключеву и Иванову-Разумнику, возникшего на рубеже 1917—1918 годов.

19 мая 1918 года московская газета “Голос трудового крестьянства” поместила частушки о поэтах с пометой: “Записал Сергей Есенин” (VI, 442), и среди них такую:

Шел с Орехова туман.
Теперь идет из Зуева.
Я люблю стихи в лаптях
Миколая Ключева.
(VI, 442)

Хотя очень может быть, что Есенин “записал” (а, скорее всего, сочинил сам) эту частушку еще до революции, сам факт обнаружения ее в мае 1918 года, вслед за апрельской публикацией статьи “Отчее слово”, еще раз продемонстрировал восстановление его дружественного отношения к Ключеву.

Лето и начало осени 1918 года прошли у Есенина в Константинове в напряженной творческой работе. Но писал он тогда не только стихи. Л.И.Кашина свидетельствует, что Есенин читал ей “Ключи Марии” “на пароходе, когда ехали в Москву — сентябрь-октябрь 1918 года”¹⁴. И действительно, рукопись первой части трактата “Ключи Марии” имеет авторскую дату: сентябрь 1918. Вчитываясь в это произведение теперь, понимаешь, что предпосланный его тексту (хотя позже и снятый) эпиграф из Ключева (V, 269) не случаен — ведь в этих заметках немало мыслей и рассуждений, связанных с тем уже минувшим к тому времени прошлым, когда “апостол нежный” пестовал молодого поэта и его музу.

В современных исследованиях проделано много по выявлению литературных источников, которыми пользовался (или мог пользоваться) Есенин при написании “Ключей Марии” (подробнее см.: V, 334—336). Обоснованно указывалось при этом на труды Афанасьева, Буслаева, Стасова, Садовникова и т.д. (их перечень см.: V, 334). И в то же время В.Г.Базанов в своей обстоятельной работе на эту тему замечает с оттенком недоумения: “...Афанасьева Есенин вовсе не упоминает. Удивительно и то, что о Буслаеве, которому Есенин столь многим обязан, в “Ключах Марии” говорится между строк и в полемическом тоне”¹⁵.

Понять такое отношение Есенина к упомянутым ученым помогает он сам. Уже в начале своего трактата поэт пишет:

“За орнамент брались давно. Значение и пути его объяснили в трудах своих Стасов и Буслаев, много других, но никто к нему не подошел так, как надо, никто не постиг того, что —

...на кровле конек

Есть знак молчаливый, что путь наш далек.

(Н.Клюев)” (V, 167).

Таким образом, Есенин полагал, что на правильном пути к пониманию “значения и путей” орнамента в древнерусском народном искусстве находился тогда именно Клюев, а не специалисты-ученые.

Как же высказывался Клюев по проблемам, затронутым Есениным в “Ключах Марии”?

В письме Клюева Блоку от 5 ноября 1910 года читаем: “Вглядывались ли Вы когда-нибудь в простонародную резьбу, например, на ковшах, дугах, шеломках, на дорожных батожках, в шитьё на утиральниках, ширинках,— везде какая-то зубчатость, чаще круг-диск и от него линии, какая-то лучистость, “карта звездного неба”, “знаки Зодиака”¹⁶. Народ почти не рисует, а только отмечает, только проводит линии <...> народное искусство безглагольно. Вы скажете: а песня? На это я отвечу так: народная песня, наружно всегда однообразная, действует не физиономией, не словосочетаниями, а какой-то внутренней музыкой, опять-таки линейей¹⁷, и кому понятен язык линий, тому понятна во всей полноте и народная песня”¹⁸.

Глубокое понимание символики русского жилища — “святости земли” (П2, 69) — нашло отражение в ряде произведений Клюева 1916—1917 годов, в частности, в стихотворениях цикла “Земля и железо”, предложенного им в 1916-м году для первого сборника “Скифы”: “Беседная изба — подобие Вселенной: // в ней шолом — небеса, полати — Млечный Путь...” (П2, 134)¹⁹.

Ценные сведения об обширных познаниях Клюева в этих вопросах содержатся в воспоминаниях В.А.Мануйлова о беседах с поэтом в 20-е годы: “Как жаль, что я не записал обстоятельных рассказов Клюева о старой русской архитектуре! Многие из того, что он рассказывал, мне так и не удалось найти впоследствии ни в одной специальной работе. Например, он говорил, что в каждой церквушке через луковку купола непременно выводилось “древо жизни”²⁰: из верхней части рубился осьмиконечный крест, а из очищенных корней изготовлялась большая люстра, к которой прикреплялись деревянные же подсвечники. Вдохновенно рассказывал он о символике древнерусских строений <...>, о тайном смысле, вложенном в ярусы и сферы”²¹.

Читатель, наверное, уже обратил внимание на примечания к клюевским высказываниям, демонстрирующие параллели между ними и есенинскими “Ключами Марии”. Такое сопоставление — его можно было бы и продолжить²² — наглядно подтверждает справедливость замечания, сделанного еще в 1926 году внимательным и добросовестным очевидцем: “Из тогдашнего (1915—1916 годов.— С.С.) постоянного общения с Клюевым родился, конечно, и теоретический трактат Есенина “Ключи Марии”...”²³.

Здесь следует лишь добавить, что под позитивным “знаком Клюева” написаны только первые два (сентябрьских) раздела есенинского сочинения. Третий же раздел, судя по авторской дате в черновом автографе (V, 333) и по его содержанию, поэт писал в ноябре 1918 года. И в нем опять возникают негативные оценки клюевского творчества, носящие тот же характер, что и в письме к Иванову-Разумнику конца декабря 1917 года (VI, 85—87). На этот раз есенинская критика была направлена на стихотворение Клюева “Революцию и Матерь света...” (П2, 181—182), появившееся (под названием “Товарищ”) в петроградском журнале “Пламя” 7 ноября 1918 года²⁴. Полемизируя как с замыслом этого стихотворения, так и с его воплощением (V, 184—185, 189), Есенин в итоге декларирует (хотя и более сдержанно, чем зимой 1917—1918 годов) свой отход от клюевской образной системы: “Уходя из мышления старого капиталистического обихода, мы не должны строить наши творческие образы так, как построены они хотя бы у того же Николая Клюева” (V, 188).

Одним из обстоятельств, ввиду которых Есенин — на этот раз даже в пределах одного сочинения — опять изменил свою оценку Клюева как поэта на противоположную, следует считать выход в свет в октябре 1918 года новой книги Клюева “Медный Кит”²⁵. Этот сборник получил свое название по небольшой одноименной поэме, впервые здесь опубликованной. Клюев упоминает в ней “Инонию”, включив есе-

нинский образ (наряду с чапыгинским “Белым скитом” и знаменитой на Руси Почаевской лаврой) в весьма своеобразную развернутую метафору:

Я верю вам, братья Есенин, Чапыгин,—
Трущобным рассказам и ветру-стиху:
Инония-град, Белый скит — не Почаев,
Они — наши уды, Почаев же — трость...

(П2, 250—251)

Вызывающе фаллическая окраска, приданная здесь “граду Инонии”, сама по себе вряд ли вывела бы Есенина из равновесия — ведь почти сразу же после этого Клюев заговорил о чтимых русскими православных святых в тоне, казалось бы, тогда столь близком богоборствующему “пророку Есенину Сергею”:

Всепетая Мать сбежала с иконы,
Чтоб вьюгой на Марсовом поле рыдать
И с Псковскою Ольгой, за желтые боны,
Усатым мадьярам себя продавать.
О горе! Микола и светлый Егорий
С поличным попались: отмычка и нож...

(П2, 251)

Но далее следовала оказавшаяся провидческой характеристика “новой Руси” (то есть “Инонии”), которая для Есенина — как для глашатая последней — была в то время абсолютно неприемлема:

То новая Русь — *совладелица ада*,
Где скованы дьявол и Ангел Тоски.

(П2, 252; курсив мой.— С.С.)

Думается, именно совокупность процитированных фрагментов “Медного Кита” (по существу, явившегося клюевским ответом на “Инонию”) стала одним из внутренних стимулов следующей фазы “откола” Есенина от Клюева. Из внешних же его причин назовем знакомство Есенина с Мариенгофом²⁶, которое состоялось осенью того же года (VI, 443) и привело — уже в январе 1919 года — к выработке и публикации имажинистской “Декларации” (V, 252—256), содержащей некоторые переключки с третьим разделом “Ключей Марии”.

Клюеву, судя по всему, не довелось тогда же узнать о новом “уходе” Есенина от него — в феврале 1919 года он вернулся из Петрограда в Вытегру и затем около девяти месяцев не переписывался со своими столичными знакомы-

ми²⁷. Лишь в октябре-ноябре 1919 года он написал Миролубову: “Никто из братьев, друзей и знакомых моих в городах не нашел меня добрым словом, окромя Вас. На што (так.— С.С.) Сергей Александрович Есенин, кажется, ели с одного куска, одной ложкой хлебали, а и тот растер сапогом слезы мои”²⁸. В ту пору на клюевские письма Есенин действительно не отвечал (VI, 101).

Однако встреча с новыми для него клюевскими стихами состоялась — примерно тогда же (см. записку: VI, 92) Есенин знакомится с клюевским двухтомником “Песнослов”, выпущенным в свет во второй половине 1919 года, и, конечно, читает посвященный ему цикл из четырех стихотворений во второй книге этого издания. Первым и третьим из них были, соответственно, “Оттого в глазах моих просинь...” и “Ёлушка-сестрица...”; об обстоятельствах, сопутствовавших их докнижным публикациям, мы уже говорили выше. Второе же (“Изба — святилище земли...”) и четвертое (“Бумажный ад поглотит вас...”) до “Песнослава” в печати не появлялись. Стихотворение Есенина “Теперь любовь моя не та...” с посвящением Клюеву, обнародованное в 1920 году²⁹, явилось откликом на клюевскую книгу: в этом убеждают очевидные параллели и менее явные переключки строк (и даже рифм) послания Есенина не только с не известными ему ранее стихотворениями клюевского цикла, но и с другими стихами второй книги “Песнослава”³⁰.

Есенин:

Теперь любовь моя не та.
Ах, знаю я, ты тужишь, тужишь
О том, что лунная метла
Стихов не расплескала лужи.

Грустя и радуясь звезде,
Спадающей тебе на брови,
Ты сердце выпеснил избе,
Но в сердце дома не построил.

Клюев:

Ты отдалился от меня
За ковыли, глухие лужи.
По ржанью певчего коня
Душа курганная *недужит...*
(П2, 76; курсив мой.— С.С.)

От звезд до луковой гряды
Все в вешем шопоте и хрустах...
Изба — святилище земли,
С запечной тайною и раем...
(П2, 69)

Золотобревный, Отчий дом
Засолнцевеет на поляне...
(П2, 69)

И тот, кого ты ждал в ночи,
Прошел, как прежде, мимо крова.
О друг, кому ж твои ключи
Ты золотил поющим словом?³¹

...Видел горницу с полкой
божничной,
Где лежат два ключа золотые,
Первый ключ от Могущества Двери,
А другой от ворот Воскрешенья...

(П2, 161)

Тебе о солнце не пропеть,³²
В окошко не увидеть рая...

(I, 174)

Так не забудь запечный рай,
Где хорошо любить и плакать...

(П2, 70)

Вполне резонно на этих основаниях изменить позднейшую (1925 года) авторскую датировку этого стихотворения, передвинув ее с 1918 года (I, 174) на год-полтора вперед, — точно так же, как это пришлось сделать и для других посланий Есенина Ключеву (“О Русь, взмахни крылами...” и “О муза, друг мой гибкий...”; см. об этом выше)³³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Литературное наследство. Т.92. Кн. 2. М., 1981. С.331.
- 2 Швецова Л.К. Есенин и Ключев (К творческим взаимосвязям) // С.А.Есенин. Творческая индивидуальность и художественный мир. Рязань, 1982. С.55—64; Субботин С.И. “Слышу твою душу...”: Николай Ключев о Сергее Есенине // В мире Есенина. М., 1986. С.506—522; Киселева Л.А. Скрытый диалог Ключева и Есенина: попытка реконструкции (в печати).
- 3 Ключев Н. Песнослов. Книга вторая. Пг., 1919. С.66—68. Ниже отсылки на эту книгу будут даваться в тексте с указанием ее страниц после аббревиатуры П2.
- 4 На сохранившемся конверте от этого письма — помета “Конец — XII—1917”; на самом письме — также помета: “XII (конец) — 1917”. Обе пометы сделаны рукой адресата (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 262, лл. 4 и 6). Датировка этого письма (VI, 85) апрелем 1918 года — явное недоразумение.
- 5 Ежемесячный журнал. 1917. № 11/12. Стлб. 6. О времени поступления стихотворения в журнал см.: Субботин С.И. Указ. соч. С.511—512.
- 6 У истоков русской советской литературы: 1917—1922. Л., 1990. С.47. Для настоящей работы текст этого письма и его датировка уточнены по архивным источникам (ИРЛИ).
- 7 ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 1816.
- 8 ИМЛИ, ф. 32, оп. 1, ед. хр. 71, л. 26 об.
- 9 См. последующие письма Есенина к Иванову-Разумнику 1918—1922 годов: VI, 87; 100—101; 113—115.
- 10 Цит. по: Субботин С.И. Указ. соч. С.514—515.
- 11 ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 277/1, л. 120.
- 12 ИМЛИ, ф. 32, оп. 1, ед. хр. 11, 12, 14—26.
- 13 ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 279/5, л. 9.
- 14 См. примеч. 13.
- 15 Базанов В.Г. Древнерусские ключи к “Ключам Марии” Есенина // Миф. Фольклор. Литература. Л., 1978. С.215.
- 16 В “Ключах Марии”: “Звезды и круг — знаки той грамоты, которая ведет читающего ее в сад новой жизни и нового просветленного чувствования” (V, 168).

- 17 Там же: “Орнамент — это музыка. Ряды его линий в чудеснейших и весьма тонких распределениях похожи на мелодию какой-то одной вечной песни перед мирозданием” (V, 167).
- 18 Литературное наследство. М., 1987. Т.92. Кн. 4. С.502.
- 19 В “Ключах Марии”: “Изба простолюдина — это символ понятий и отношений к миру, выработанных еще до него его отцами и предками... Красный угол, например, в избе есть уподобление заре, потолок — небесному своду, а матица — Млечному Пути” (V, 174).
- 20 Там же: “Всё от древа — вот религия мысли нашего народа... Древо — жизнь” (V, 171 и 173).
- 21 Мануйлов В. Из “Записок счастливого человека” // Искусство Ленинграда. 1990. № 8. С.27. Курсив мой.— С.С.
- 22 См. также: 1) Вдовин В.А. Нераскрытые цитаты в литературно-критических статьях и письмах Есенина // Вопр. лит. 1973, № 7. С.224; 2) Базанов В.Г. Сергей Есенин и крестьянская Россия. Л., 1982. С.74—76.
- 23 Чернявский В.С. Первые шаги // Воспоминания о Сергее Есенине. М., 1965. С.147—148. В другом варианте публикации этих мемуаров (см. соответствующее место: Восп. 1, 214) данная фраза отсутствует.
- 24 Пламя. 1918. № 27. С.2.
- 25 На ее титульном листе значится 1919 год.
- 26 Косвенным подтверждением этому служит посвящение Мариенгофу, которое Есенин предпослал “Ключам Марии” в печати (в черновом автографе это посвящение отсутствует: V, 269).
- 27 Более подробно о Клюеве в 1919 году см.: Субботин С.И. Указ. соч. С.516—518.
- 28 У истоков русской советской литературы: 1917—1922. Л., 1990. С.44. Пропущенное в печатном тексте слово “ели” восстановлено по автографу письма (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 617, л. 22).
- 29 См.: Конница бурь. Второй сборник имажинистов. М., 1920, а также авторский сборник Есенина “Трерядница”, вышедший в мае-июне 1920 года (VI, 442).
- 30 Не случайно также, что есенинское послание написано тем же размером, что и “Изба — святилище земли...” и “Бумажный ад поглотит вас...” — семантика метра стихотворения “Теперь любовь моя не та...” несомненно восходит к указанным стихам Клюева.
- 31 То есть — *песно-словом!*
- 32 Намек на “Песнь Солнценосца” (ср. VI, 85—87), также помещенную в “Песнослово”.
- 33 Об ответной реакции Клюева на “Теперь любовь моя не та...” и на сборник “Трерядница” в целом см.: Субботин С.И. Указ. соч. С.518—520.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН И ИВАН ПРИБЛУДНЫЙ

По неопубликованным материалам

Первый “краткий очерк жизни и творчества” Приблудного был опубликован А.Скриповым в 1963 г.¹ Близкий товарищ поэта, ведший переписку с ним на протяжении 1929—1936 гг., Скрипов опубликовал большое число не известных ранее материалов. Его работа, обладающая несомненными достоинствами достоверного свидетельства, очевидно, не утратила своей ценности и в настоящее время, однако на ней в полной мере отразились свойственные отечественному литературоведению 60-х годов взгляды и оценки, подобные следующим: “...в некоторых стихотворениях Приблудного встречаются неправильные взгляды на окружающую действительность. Порой встречается идеализация старой деревни, разлад с городом и т.п. <...> Нездоровые настроения у Приблудного были порождены той мелкобуржуазной средой, которая окружала его в 1920—1929 гг.”².

В 1966 г. в альманахе “Литературная Украина” была опубликована краткая заметка И.Дубинского “Иван Приблудный — красный казак и поэт”³, впоследствии составившая центральное ядро одной из главок его книги “Портреты и силуэты”⁴, а в 1969 г.— в “Дне Поэзии” — заметка Ю.Милонова “Об Иване Приблудном”⁵. В изданной спустя два десятилетия в Донецке книге О.Бишарева “Ученик Есенина”⁶ автор, много сделавший для пропаганды творчества Приблудного⁷, предпринимает попытку проследить его литературно-творческие связи с Есениным. Исследование О.Бишарева, во многом опирающееся на работу А.Скрипова, имеет свое важное достоинство: оно содержит не публиковавшиеся ранее воспоминания вдовы поэта Н.П.Милоновой и стихи Приблудного, автографы которых находятся в личных архивах.

Перечисленными работами, по сути, исчерпываются современные исследования о творчестве Приблудного. Специальных работ, посвященных анализу литературно-творческих связей Есенина и Приблудного, к настоящему времени не создано.

У Есенина почти не было учеников, хотя он всегда, особенно в последние годы жизни, был окружен молодыми начинающими поэтами, принимал самое деятельное участие в судьбе многих из них, оказывал им неизменную материальную поддержку, легко передавал секреты поэтического мастерства. “При своей неустроенной, безалаберной, бесшабашной жизни,— пишет о Есенине С.Виноградская,— он находил все же время заняться этими младшими друзьями, учениками. Бездомные, без денег, они находили у него приют, ночлег; а ко многим он настолько привязывался, что втягивал их в свою жизнь. <...> Это были — “есенинские птенцы”.”⁸

О том, насколько широко трактовал Есенин понятие “ученичества”, свидетельствует записанный В.Эрлихом их диалог, начинающийся словами Есенина:

— Слушай! И слушай меня хорошо! Вот я, например, могу сказать про себя, что я — ученик Клюева. И это — правда! Клюев — мой учитель...” И далее:

— ...Можешь ты сказать про себя, что ты — мой ученик?

— С глазу на глаз — могу.

— А публично?

— Только в том случае, если тебе сильно не повезет.

— Значит, никогда...”⁹

Иван Приблудный¹⁰ — едва ли не единственный среди есенинского окружения поэт, который с полным правом мог сказать о себе, что он ученик Есенина, усвоивший многие поэтические уроки своего старшего товарища.

Сохранилась анкета, “заполненная студентом высшего Литературно-Художественного Института имени Брюсова Иваном Приблудным для зачисления на государственную стипендию”, датированная октябрём 1922 г. В ней, указав, что он сирота и ничего не знает о своих родителях, Приблудный рассказал о себе: “...стал жить самостоятельно с 11 лет (1916 г.). Служил 2 года в Красной Армии добровольцем — рядовым кавалеристом. Был в плену в Польше в 1920 г.”¹¹

В автобиографических сведениях Приблудного необходимо обратить внимание на их отчетливо выраженный мифологизированный характер: “Если бы я написал приблизительно полную автобиографию, она бы была не в шутку интересной. Но так как авторы своих биографий в книге будут печататься в алфавитном порядке, то я почти уверен, что уже на букве “л” многих любопытных стошнит или вгонит в тупое отчаянье от важных автобиографий многих неважных авторов, и даже самый любопытный читатель вряд ли добредет до моей фамилии. Поэтому я и не расскажу вам здесь ни о моем удивительном детстве, ни о моем замечательном дедке — баштанном стороже”¹². “Круглым сиротой” поэт не был: он рано потерял мать, но был жив его отец, и еще в 60-е гг. в

Ворошиловградской области жили родные и близкие поэта. Автобиография Приблудного (18 декабря 1925 г.) также сильно мифологизирована, расцвечена яркими эпизодами, в которых самым причудливым образом переплелись явь и вымысел, реальность и фантазия: “С десяти до тринадцати лет я объехал почти всю Европу, часть Азии, часть Африки и всю Северную Америку, причем два раза переплыл Атлантический океан и четырнадцать месяцев пробыл во всех уголках Италии. Три раза меня за границей усыновляли, и три раза я убежал сиротой от своих многочисленных родителей”. Приблудный сравнивает свои странствования с горьковскими “университетами”: “...Я очень ценю и люблю его (Горького.— Т.С.) как большого писателя, но хотя он и очень большая шишка на ровном месте современной русской литературы,— все-таки в бродячих положениях я с ним посоперничаю”¹³.

Несомненно, что автобиография Приблудного — своеобразный сказ, поэтический миф, творимый самим поэтом,— этим она отдаленно напоминает автобиографическую прозу Клюева, хотя и не имеет под собой столь глубокой философской основы и несет иную смысловую нагрузку.

Уже первыми своими опубликованными произведениями Приблудный обратил на себя внимание. В.Львов-Рогачевский в 1924 г. связывал его будущее с группой “Перевал”¹⁴, а Есенин поощрял творческие связи своего младшего товарища с московским “Цехом поэтов”, одним из руководителей которого являлся С.Городецкий.

С Приблудным, которого в книге своих воспоминаний Городецкий отнес к третьему поколению поэтов-крестьян¹⁵, Есенин познакомил сразу после его возвращения из зарубежного путешествия в 1923 г. В.Наседкин. Неизвестно точно, когда именно произошло это знакомство, однако уже в сентябре 1923 г. имя Приблудного Есенин впервые упоминает в письме к Бениславской¹⁶, а 1 октября читает стихи на литературном вечере, посвященном началу занятий в ВЛХИ¹⁷.

В некрологе на смерть В.Я.Брюсова (1924) Есенин, отметив, что ушедший поэт “всегда приветствовал все молодое и свежее в поэзии”, что он “чутко относился ко всему талантливому”, назвал имя Приблудного в числе наиболее, по его мнению, талантливых студентов Брюсовского Института¹⁸. Это утверждение Есенина перекликается и со свидетельством П.Лазовского, в те годы студента Литинститута, отмечающего в своих позднейших воспоминаниях: “На семинарских занятиях в классе поэзии у нас выделялись Василий Наседкин и Иван Приблудный”¹⁹. О неповторимой творческой атмосфере родного института (куда, кстати, он был принят ректором Брюсовым без экзаменов, лишь после прослушива-

ния его стихов) сам Приблудный напишет в статье “Трогательное вступление”²⁰.

Но, человек трудной судьбы и еще более нелегкого характера, Приблудный за “ряд прегрешений” был 9 июля 1923 г. стчислен из Литинститута. Сохранился подписанный “секретарем проверкома” института документ, свидетельствующий о том, что Приблудный “из состава студентов ВЛХИ по академической проверке исключен на 1 год с условием принять студентом ВЛХИ по выполнению поставленных ему условий”²¹. В ответном заявлении “В правление ВЛХИ”, опротестовывая принятое решение, Приблудный писал, в частности, следующее (24 октября 1923 г.): “...Мое место все равно занятым быть уже не может, а если и займут его — то платно какой-нибудь бездарный интеллигентик, каких у нас, несмотря на яростную бдительность ячейки, — очень много. А я — мужик, 2 года был в Красной Армии добровольцем, голова моя расколота пикой, и на спине моей до сих пор следы польской плети, польского плена...”²²

Талантливый юноша, влюбленный в свою “чернобровую Украину”, свой “край премудрый и простой”²³ (строки, перекликающиеся с есенинскими “Мой край задумчивый и нежный” — I, 606), не мог не привлечь внимания Есенина, у которого было свое, личное отношение к Украине, украинскому языку, украинской литературе (отметим его любовь к Гоголю, осуществленный юным Есениным, находившимся тогда в возрасте Приблудного, перевод из шевченковского “Кобзаря”²⁴). Есенин бывал на Украине, в Харькове, был знаком со многими украинскими литераторами²⁵.

Общение с Есениным сыграло огромную роль в жизни Приблудного. Первое время он буквально не отходил от поэта, впитывая каждое его слово, получив шутовское прозвище “есенинский адъютант”. О “молодом поэте Приблудном, постоянно сопровождавшем (выделено нами.— Т.С.) Сергея Александровича”, вспоминают Вс. Иванов²⁶, П.Лазовский²⁷, Д.Семеновский²⁸.

Творческая связь поэзии Приблудного с есенинской очевидна. Близость творчества обоих поэтов неоднократно отмечалась современниками. Приблудный похож на Есенина “всем обликом, всем складом своим, как младший брат может быть похож на старшего”, — отмечала В.Дынник в главке поэтического обзора с примечательным названием “Утренняя радость”, увидев в книге Приблудного “Тополь на камне” “завязку нового варианта есенинского сюжета”²⁹.

В рукописном отделе ИМЛИ находится макет первого сборника Приблудного, так и не увидевшего свет: “Гость из Украины. Стихи. 1923, январь-июль”. Судя по датам, сборник был подготовлен к печати еще до знакомства с Есениным. По замыслу автора, сборник должен был включать

четыре раздела-цикла: “Невеста-Украина”, “Октябрь на Украине”, “Город”, “После бури”. Поэтическая программа Приблудного, изложенная в открывающем сборник стихотворении-посвящении, набранном курсивом на отдельном листе, была глубоко созвучна творческому духу новокрестьянских поэтов: “Вам, в железо, в гранит закованным, // Заколоченным в пыль, в снега, // Расскажу о краях диковинных, // О шуршащих весной лугах. // К вам пришел я из лунной долины, // От курганов, озер и роц, // Где сады стелят пух смородиной, // Где поля — синий мох и рожь...”³⁰. Приблудный был “втянут” в орбиту есенинского окружения неслучайно. Его литературно-художественные принципы во многом совпадали с поэтической практикой именно новокрестьянских поэтов 20—30-х гг.

Несколько стихотворений Приблудного имеют посвящения поэтам есенинского круга — самому Есенину (“Тополь на камне”), С.Клычкову (“Сказка”), П.Орешину (“После бури”). Так же, как и в произведениях его старших товарищей, в творчестве Приблудного сильно выражены антиурбанистические мотивы. Особенно явственно оппозиция “город — деревня” прослеживается в “Балладе о безумии и мудрых колоколах”³¹, написанной 25 июня 1925 г. в есенинском Константинове. Если город — это “тощий скверик вместо роши”, “камень, гнуший грудь земли”, место, где бесполезно растрачиваются лучшие силы (и описание его приобретает эсхатологический характер): “Смертью кашляет столица, // Кровью харкает Москва, // От ума тупеют лица // И лысет голова. // Нет учета бледнокожим, // Прогнивающих не счесть, // И мерещится проходим // Страшный адрес: “606”³², — то деревня в “Балладе...” — воплощение коренных основ национального бытия. Однако концовка другого антиурбанистического стихотворения Приблудного — “Трамвай № 15” — указывает на своеобразный характер поэтического мышления Приблудного: она иная, чем могла бы быть у крестьянских поэтов.

Типы поэтического мышления Есенина и Приблудного не совпадают. Противостояние природно-национального и социального вошло в поэзию Приблудного вместе с Есениным, но конфликт разрабатывался им на другом уровне и — важно отметить — с помощью другого поэтического языка. Драматическое двоемирие Есенина уже было чуждо представителю другого поэтического поколения. Есенинская мифологизация мира не свойственна поэзии Приблудного. Если в творчестве Есенина доминантным является мотив памяти, и воспоминания лирического героя проступают сквозь флер мифа (“Снова выплыли годы из мрака // И шумят, как ромашковый луг” — I, 232), — то он так же ярко выражен и в поэзии Приблудного, однако в большинстве произведений уже в

другой, подчеркнуто реалистической манере. Подчеркнуто ограничивая, в отличие от Есенина, в “Неотосланном письме брату Максиму” приметы воссоздаваемого в памяти пейзажа (“...луг, окутанный туманом, шепот вишен за амбаром, шум пшеницы за курганом, белый склеп каменоломни, кавуны, волы и пряжа... Это все, что я запомнил из родимого пейзажа”³³), Приблудный противопоставляет есенинским романтизированным воспоминаниям с падающим на них отраженным светом мифа вспоминаемые им эпизоды детства, поданные в описательной манере, методом простого перечисления: “...как мы были шаловливы, как в сады ходили тайно, как ощипывали сливы у Трофима Несвитайло, как в яру, в начале лета, ты сломал мою сопилку...” Эта описательность не привносит той драматической, а зачастую и трагической тональности, какая свойственна произведениям Есенина аналогичной тематики.

И на лексике произведений младших поэтов есенинского круга, прежде всего Приблудного, нет и отсвета того флера, что придает поэтике Есенина такую тонкую, едва уловимую загадочность: “И душа моя — поле безбрежное — Дышит запахом меда и роз” (I, 240). Поэтическое слово Приблудного отличается от есенинского. Если собирательный портрет есенинской героини также мифологизирован и написан прозрачными акварельными красками, — то Приблудный декларирует стремление не только к простоте, но и к подчеркнутой опрошенности (“Надоела пудренная стая, хитрые припадки что ни день. Снилось мне: ты девушка простая...”³⁴), заявляя принципиальный разрыв с поэтикой символизма: “Я не Блок, не Бальмонт и не Брюсов, чтоб тебя богиней величать”³⁵.

Есенина и Приблудного сближали самобытность, искренняя задушевная интонация в передаче чувств, поэтизация природы. Во многом подобное есенинскому, но более оптимистическое в своей основе поэтическое мироощущение предопределило появление многих образов в поэзии Приблудного, воспринимающихся как есенинские. Это “месяц веселый и рыжий” (стихотворение “Встанет месяц, и я убегу...”) или описание другого такого же “веселого” месяца — из стихотворения “Вечер”: “Вздрыгнул месяц над туманным полем, Улыбался, шурился, пылал...”³⁶. Общим было и исповедуемое обоими поэтами бережно-трепетное отношение к природе, ко всему живому в мире. Утверждение Приблудного “в лозняках воробья не обижу”³⁷ было вполне созвучно есенинскому отношению к “братьям нашим меньшим”.

Приблудный в совершенстве изучил манеру есенинского чтения, хотя и не подражал ей³⁸. У поэтов была схожая манера работать. “Сидящим за столом с ручкой в руках его мало кто видел”³⁹, — это свидетельство современника о При-

блудном в равной степени относится и к Есенину. Как и старший его товарищ, Приблудный заносил текст на бумагу, делая лишь незначительные поправки, причем только после того, как стихотворение складывалось в общих чертах.

Приблудный усвоил многие поэтические уроки Есенина. В своем творчестве Есенин не однажды обратился к рифмам “*куры-хмурый*” (“Песнь о собаке” и “Тихий ветер. Вечер сине-хмурый...”), “*хмуриться-курица*” (“Инония”, “Пугачев”) или “*хмурится-курице*” (черновой набросок к незаконченному стихотворению “Ты ведь видишь, что ночь хорошая...”), а также “*хмур-кур*” (“Ты запой мне ту песню, что прежде...”). Есенинская рифма встретится в стихотворении Приблудного “Возвращение”: “А теперь...— никого. Двор, как осень, хмурый, Только берест кривой Да чужие куры”⁴⁰. Но, в свою очередь, сюжет “Возвращения” (“Как потерянный сын, Возвращаюсь в гости: Где ж мой тын, мой овин, Хата на помосте? И встречать не бегут, И не спросят толком, Во дворе там и тут Тишина... и только”⁴¹) повторяется в написанных год спустя есенинских стихотворениях “Возвращение на родину” и “Русь советская” (1924). В названных произведениях двух поэтов встречаются совпадающие детали биографического плана. “Это было где-то и когда-то, Где меня не видят восемь лет”,— вспоминает лирический герой Приблудного свое возвращение на родину⁴². “Я вновь вернулся в край осиротелый, В котором не был восемь лет” (Е, 2, 80),— рассказывает лирический герой Есенина. Оба они одинаково чувствуют свое отчуждение в родном селе, но если конфликт лирического героя Приблудного с окружающими поверхностен: “хлебнув” городской культуры, он изменился — стал “важным и кичливым”, говорит “чужими, умными словами”⁴³ (“Но испив из горькой чаши гордых городов, Стал я пугалом для наших добрых стариков”⁴⁴), то конфликт, очерченный Есениным,— глубже, психологичнее: “Язык сограждан стал мне как чужой, В своей стране я словно иностранец” (II, 81).

У находившегося зачастую под непосредственным влиянием Есенина Приблудного можно найти и следы прямой ориентации на творчество его старшего товарища. Сошлемся на следующие примеры:

Есенин

О, помолись и за меня,
За бесприютного в отчизне!

(IV, 117)

Опять я теплой грустью болен...

(I, 117)

Приблудный

Если молишься и веришь,
Помолись и за меня⁴⁵.

Я сегодня далеким болен...⁴⁶

Я вновь, я вновь далеким болен...⁴⁷

В строках Приблудного “Я устал от врагов и от друга, // Улыбаться не в силах другим”⁴⁸ можно видеть контаминацию клычковского “Я устал от хулы и коварства // Головой колотиться в бреду...”⁴⁹ и есенинских мотивов разочарованности в “легких подругах” и “легких друзьях”. Стихотворение Приблудного “И, может быть, когда заметишь...” заставяет вспомнить интонацию есенинской “Любви хулигана”: “Не знаю я, какого цвета // Огонь твоих пьянящих глаз, // Но знаю — буйного поэта // Он останавливал не раз”⁵⁰. Есенин выносил решительный приговор тем стихам Приблудного, которые были написаны под прямым влиянием его музыки. Не однажды он сурово отчитывал Приблудного за явные заимствования⁵¹. Вместе с тем, многие стихи Приблудного Есенин ценил очень высоко и, по свидетельству А.Назаровой, не однажды после авторского чтения “задумчиво повторял” запомнившиеся строки из них⁵². В феврале 1924 г. Есенин планировал участие Приблудного в коллективном поэтическом вечере в Рязани, однако вечер не состоялся.

Имя Приблудного довольно часто встречается в есенинских письмах 1924—1925 гг. Это и просьба к А.Берзинь: “Черкните пару слов с Приблудным!” (VI, 141), различные просьбы делового, личного и бытового характера к Г.Бениславской (VI, 143—144). В эти годы Приблудный был близким Есенину человеком, почти членом его семьи (VI, 327), хотя доставлял поэту немало хлопот. Впрочем, здесь необходимо обратить внимание и на зачастую нарочитое заострение случавшихся конфликтов между поэтами рядом мемуаристов⁵³. Все же, очевидно, наиболее точная, хотя и экспрессивно окрашенная характеристика, выражающая самую суть отношения Есенина к Приблудному, — в его словах о молодом поэте, сказанных в беседе с В.Мануйловым, когда он следующим образом отозвался о Приблудном: “Замечательная стерва и талантливый поэт, очень хороший, верь мне, я всех насквозь и наперед знаю” (ЕВС2, 185).

В свою очередь, отношение Приблудного к Есенину хорошо передано в его посвящении к лучшему, без сомнения, его стихотворению “Тополь на камне” (январь 1924 г.) — “Любимому учителю моему Сергею Есенину”. Опубликованное в 1926 г. в одноименном сборнике, стихотворение было воспринято как посвящение на смерть поэта и получило высокую оценку критики. “Среди многих стихов — посвящений Есенину” В.Красильников выделил только пять “имеющих право на существование”, в том числе стихотворение Приблудного⁵⁴.

Жизнь И.Приблудного 20-х — начала 30-х гг. складывалась трудно, как у всех поэтов есенинского окружения. В абсолютном большинстве его отчаяннейших писем этого времени различным адресатам — В.П.Полонскому, Е.Д.Зозуле,

А.К.Воронскому, Е.Ф.Вихреву, Е.Ф.Никитиной и другим — один и тот же постоянный мотив: просьба о материальной помощи.

“Дорогой Ефим! — обращается Приблудный к Е.Вихреву в письме, датированном приблизительно весной 1925 г.— Я принес тебе штуку, которую должен был напечатать в “Красной нови”, но там не оказалось Воронского, а без него денег получить до 25-го никак нельзя. Мне же до пули в лоб нужны деньги до Пасхи или на Пасху, потому что мне нужно и уехать и ботинки купить...”⁵⁵

На обороте одного из писем В.П.Полонскому (на бланке редактируемого им журнала “Новый мир”) Приблудный пишет: “Вячеслав Павлович! Прочтите! Минутку внимания!” и просит в письме: “Милый Вячеслав Павлович! Вскочите в положение! Я нигде не печатаюсь, печатать нечего и заработка нет. А во вторник 14-го Брюсовский Институт устраивает очередной поминальный вечер. Чтобы попасть туда, нужны некоторые деньги, а у меня и таких нет. Да кроме того, 14го мне как раз исполняется 21 год, а я ни то ни се — полуодет, полуразут. Очень бы просил рублей 50—60 на вторник, а я вручу Вам первый рассказ⁵⁶ в бессрочное пользование. Иван Приблудный”⁵⁷.

Прошедшие затем несколько лет не только не изменили к лучшему материальное положение Приблудного, но и усугубили его. Уже в 30-е гг. он был вынужден снова не однажды обращаться за помощью к Полонскому, скрывая отчаянность своего положения за шутливой формой писем⁵⁸. “...Должен Вам сознаться,— исповедуется Приблудный в одном из писем,— я только в неудачные часы существования осмеливаюсь беспокоить Вас моими просьбами. Я готовлю к печати книгу и всецело ею поглощен. Поэтому для периодики работать не имею времени, а для продолжения работ по книге — не имею денег. Стихотворение — трижды Вам поданное и трижды Вам неведомое — мне удалось восстановить, и это единственное, на что надеюсь я. Больше печатать мне пока нечего...”⁵⁹

Вместе с тем Приблудному было присуще и ярко выраженное чувство собственного достоинства. Озорной, независимый характер поэта хорошо прослеживается в его заявлении в Правление издательства “Никитинские субботники” о выдаче гонорара (8 сентября 1927 г.), в котором он обещал: “...Больше я к издательству никаких денежных претензий иметь не буду. <...> Кроме того, со стихами в издательство тоже больше не полезу. Точка.”⁶⁰

Задиристый и дерзкий характер Приблудного ощущается и в набросках “Что-то вроде автобиографии”, многие строки которой продиктованы внутренней полемикой с читателем: “Уже к семи годам я мог, стоя на лошади, идти в карьер.

<...> А вы семи лет от роду, наверно, играли еще с шерстяными медведжатами. <...> Притом же и плавать я мог шести лет как действительная рыба, а вы и до сих пор, наверно, не можете..."⁶¹

Разумеется, однозначную реакцию — обвинение в аполитичности, грозившее самыми тяжкими последствиями для поэта, могла вызвать у рапповцев заявленная в его стихах мечта о том, чтобы его читатель "...не идею в ночи обнимал, А такого ж, как сам, человека..."⁶². И все же "самой серьезной политической ошибкой" Приблудного, инкриминированной ему рапповской критикой, была творческая близость к Есенину. Отметим, что этот "прием" лег в основу обвинений Павла Васильева, Николая Заболоцкого, Бориса Корнилова⁶³. Подобное обвинение в творческой близости к "кулацкому поэту Есенину" содержится, например, во "внутренней рецензии" сотрудника журнала "На литературном посту" Льва Гладкова на сборник стихов Приблудного "С дсбрым утром" (1931).

Отмечая, что произведения поэта "не имеют широкого общественного интереса", что "о пятилетке у Приблудного весьма странные представления", рецензент заключал: "На многих стихах Приблудного можно заметить несомненное влияние С.Есенина. Подобно ему, он любит разговаривать с вещами и животными с той аффектацией, слезливой сентиментальностью, которая была характерна для Есенина. <...> Волна упадочничества не прошла мимо Приблудного".

А далее недрогнувшей рукой выносятся беспощадный приговор: "Факт появления книги стихов Приблудного показывает, как мало еще сделано пролетариатом на культурном фронте, если издательства еще решаются печатать столь вредные и плохие стихи.

Поэзия Приблудного — это поэзия обывателя, запутавшегося в великих событиях эпохи. И только обывателям может служить эта поэзия.

Идейное убожество, политическая слепота, консерватизм и художественное бессилие характерны для активизирующегося на фронте искусств мещанина, примером которого может служить Приблудный с его беспартийным "Добрый утром". С ним нужно решительно бороться"⁶⁴.

Примечательно, что, в отличие от представителей других литературных групп, крестьянские поэты вели бездомную и неустроенную в бытовом плане жизнь⁶⁵. Мемуаристами много написано о бездомности Есенина, о том, что вещи не имевшего своего угла поэта "были разбросаны по всем городам России, от Ленинграда до Баку"⁶⁶. Обвиняемый, как и его старшие товарищи, в "кулацком уклоне", Приблудный так же продолжал вести жизнь "бездомного бродяги"⁶⁷: "Я живу на свете где попало, // И нигде, пожалуй, не живу: //

То трава мне служит одеялом, // То я сам собой примну траву. <...> Что ж поделывать, где-нибудь прилягу. // Все равно под утро, как на суд, // Поведут бездомного бродягу, // В протоколы имя занесут..."⁶⁸.

В одной из записок своему знакомому, В.В.Федорову (около 1927 г.), Приблудный писал: "Дядя Вася! Если я и эту ночь проброжу по бульварам и не посплю — через два дня мне будет уже около пятидесяти лет по виду, и друзья мои станут готовить мне юбилей, а пресса — некрологи, честное слово.

Твой *Иван Приблудный*."⁶⁹

"Настоящим подтверждаю,— приписывал на одном из заявлений Приблудного этого времени приват-доцент П.Зиновьев,— что лично мне хорошо известный И.П.Приблудный в течение ряда лет, несмотря на то, что безвыездно живет в Москве, не имеет совершенно никакого постоянного места жительства, ночуя по очереди у разных знакомых, а иногда и на улице или в подъездах домов. Работает он также где придется, и просидеть час или два без помехи ему удастся только в тех редких случаях, когда кто-нибудь из его знакомых позволит ему заниматься в свое отсутствие у себя в комнате"⁷⁰.

Начавшийся исключением из списков будущих жильцов Дома писателей 1930 год завершился для Приблудного отлучением от писательской столовой. В самом конце декабря поэт обращается в Правление с очередным дерзким заявлением:

"В Правление ВССП
рядового обывателя СССР
гр. Приблудного

заявление.

Товарищи, я думаю, я уже достаточно долго не обедаю и не ужинаю в вашей столовой, и пора бы уже снять с меня этот голодный запрет.

Относительно предыдущего моего заявления — извиняюсь. Это хроническое мое неумение писать вежливо, когда жалуюсь на несправедливость. Я думаю, с годами это пройдет, и в надежде на это — надеюсь, что заявление это уже не покажется неприличным, а просьба, выраженная в нем, будет, наконец, удовлетворена, не глядя на лица.

Иван Приблудный"⁷¹.

Неспокойный и задиристый характер Приблудного, его склонность "задавать вопросы", с одной стороны, и оценка рапповцами особенностей его творчества — с другой, привели к тому, что 17 мая 1931 г. он был арестован, более трех месяцев находился под следствием в Бутырской тюрьме, а 23

августа, по окончании следствия, в 24 часа был выслан из Москвы “на исправление” в Астрахань. Творческим итогом его трехлетней ссылки явился поэтический цикл “Астрахань”, бледные вымученные строфы которого свидетельствовали о том, что впервые Приблудный писал не то, что хотел, а то, что от него требовали: “Вижу: девушки и ребята // Мчат от насыпи — по прямой. // Не с консервного ль комбината // Третья смена спешит домой? // И над всем этим пестрым шумом // Бодрых праздников и забот, // Будто вахтенный, над Кутумом // Возвышается Райкомвод”⁷².

После возвращения Приблудного в Москву⁷³ вокруг него складывается невыносимая обстановка: ему отказывают в праве быть членом Союза писателей СССР⁷⁴, не принимают на службу, отказывают в публикациях, а покровительствовавшего ему В.П.Полонского к тому времени уже нет в живых. Тогда Приблудный предпринимает очередной отчаянный и дерзкий шаг: обращается с письмом “на имя секретаря ЦК ВКП(б) тов. Л.М.Кагановича”:

“Дорогой т. Каганович!

Мне 29 лет. Я сын пастуха-украинца. Отец и сейчас работает в колхозе плотником. Десяти лет я ушел из дому и в течение 4-х лет объездил Европу, Азию, Африку и Северную и Южную Америку, в различных ролях, начиная от юнги и кончая уличным певцом при слепом гитаристе-итальянце. С 15 до 16 лет был добровольцем в Кавдивизии Котовского. С 18-ти лет начал печататься. В 1926 году издал первую книгу. Книга была встречена очень положительно в критической литературе. Но в это же время попал под влияние Есенина. Испортился. После выхода 2-й книги в 1931 году, от имени государства, органами ОГПУ, был выслан в Астрахань на исправление. Через 3 года вернулся сюда и получил московскую прописку. <...> Остался без крова. Союз писателей от меня отсекся. Печатать и принимать на службу меня остерегаются по соображениям бдительности, хотя я исправлялся даже не по контрреволюционной статье. Мне совершенно не дают возможности реабилитировать себя в литературе. А в быту, хотя и все видят, что я исправился,— я бездомен. Ничью у кого придется, к каждому отдельно приспособляюсь, почти пресмыкаюсь.

Я хочу жить полнокровно, как все, и работать полноценно. Укажите выход, т. Каганович. Уж дальше мне “ехать некуда”.

*Иван Приблудный*⁷⁵.

Нельзя не заметить, что это полное достоинства письмо продиктовано отнюдь не страхом за свою жизнь: Приблудный разговаривает с “товарищем Кагановичем” как равный с

равным. Думается, что и воспринимающиеся на первый взгляд как легковесные слова-штампы “испортился — исправился” и в письме Кагановичу и в разговоре с Афиногеновым продиктованы отнюдь не “искренним раскаянием” Приблудного и тем более не стремлением отмежеваться от Есенина, а желанием “подыграть” собеседнику, соблюсти “законы жанра”. Неизвестно, прочел ли Каганович адресованное ему письмо, но 8 марта 1935 г. оно было отослано замзавотделом культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП(б) в Правление ССП под грифом “Секретно”.

Нельзя не отметить ту положительную роль, которую сыграл по отношению к Приблудному в эти годы Н.Бухарин. Невозможно утверждать с полной уверенностью, какие именно мотивы руководили главным редактором “Известий”, но он — едва ли не единственный — поддержал одного из поэтов есенинского круга в трудное для него время: напечатанное 27 января 1936 г. на страницах “Известий” “Письмо в Донбасс”⁷⁶ открыло для Приблудного двери многих редакций. Однако в 1937 г. поэт был вторично репрессирован.

Поэзия Ивана Приблудного, изъятая из советской литературы на несколько десятилетий,— это исповедь еще одного участника, свидетеля и жертвы грозной эпохи, младшего товарища Сергея Есенина, преемственная близость которой есенинскому творчеству несомненна.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Скрипов А. И. Приблудный. Краткий очерк жизни и творчества // Донбасс — Донецк. 1963. № 6. С.133—138.
- ² Там же. С.138.
- ³ Дубинский И. Иван Приблудный — червоний козак і поет // Літературна Україна. Київ. 1966. 13 травня.
- ⁴ Дубинский Илья. Крестник чекиста (Поэт Приблудный — Иван Овчаренко) // Портреты и силуэты. Киев, 1982. С.277—284; То же... М., 1987. С.246—252.
- ⁵ Милонов Ю. Об Иване Приблудном // День поэзии 1969. М., 1969. С.261—262.
- ⁶ Бишарев Олег. Ученик Есенина. Донецк, 1989. 132 С.
- ⁷ См. изданные им сборники поэта: Приблудный Иван. У родных верб. Стихи. Донецк, 1985. 96 с.; Приблудный Иван. Стихотворения. М., 1986. 176 С.
- ⁸ Виноградская Софья. Как жил Есенин. М., 1926. С.21.
- ⁹ Примечательно, что уже через несколько лет, выступая на совещании драматургов, критиков и творческих работников театров 13 июня 1935 г., Эрлих отмежевался от опального к тому времени Есенина, объявив “единственным “мастером стиха” в советской поэзии” Маяковского (ЦГАЛИ, ф. 596, оп. I, ед. хр. 599. С.129).
- ¹⁰ Иван Приблудный — псевдоним Якова Петровича Овчаренко, подростком действительно “приблудившегося” под Белой Церковью ко 2-й Червононо-казачьей (Черниговской) дивизии под командованием Котовского.
- ¹¹ ЦГАЛИ, ф. 596, оп. 2, ед. хр. 10. Л.216.
- ¹² Там же, ф. 1068, оп. I, ед. хр. 128.

- 13 Там же.
- 14 Львов-Рогачевский В.Л. Книга для чтения по истории новейшей русской литературы. Л., 1926. С.514.
- 15 Городецкий С. Жизнь неукротимая. М., 1984. с. 212.
- 16 См.: Белоусов В. Сергей Есенин. Литературная хроника. Часть 2. 1921—1925. М., 1970. С.89.
- 17 См.: А.В.Луначарский. Литературно-художественный институт // Рабочая Москва. 3 октября 1923 г.
- 18 Есенин С.А. Собр. соч.: В 6-ти т. Т.5. М., 1979. С.214. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
- 19 Лазовский Павел. Дорогой образ // Литературная Россия. 2 октября 1970 г. № 40 (404). С.12.
- 20 ЦГАЛИ, ф. 341, оп. I, ед. хр. 656. Л.56—58.
- 21 Там же, ф. 596, оп. I, ед. хр. 599.
- 22 Там же.
- 23 Приблудный Иван. Тополь на камне. М., 1926. С.3.
- 24 Опубликованный в третьем номере журнала "Мирок" за 1914 г. перевод под названием "Село" с подзаголовком-примечанием "Из Тараса Шевченко" представлял собой фрагмент шевченковской поэмы "Княжна".
- 25 См.: Охрименко П.П.Сергей Есенин и Украина // Актуальные проблемы современного есениноведения. Рязань, 1980. С.60—68.
- 26 Цит. по: С.Есенин в воспоминаниях современников: В 2-х т. Т.2. М., 1986. С.82. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте (ЕВС) с указанием страницы.
- 27 Лазовский П. Дорогой образ. С.12.
- 28 Семеновский Дмитрий. Есенин. Воспоминания // О Есенине. Стихи и проза писателей-современников поэта // Сост., вступ. ст. и прим. Сергея Кошечкина. М., 1990. С.343.
- 29 Дынник Валентина. Право на песню: (О лириках) // Красная новь. 1926. № 12. С.253.
- 30 Рукописный отдел ИМЛИ АН СССР имени Горького, ф. 359, оп. I, ед. хр. I. Опубликовано в кн.: Приблудный Иван. У родных верб. Стихи // Сост. О.Л.Бишарев. С.76.
- 31 Впервые опубликовано О.Бишаревым в кн.: Ученик Есенина. С.114—118.
- 32 Там же. С.114—115.
- 33 Рукописный отдел ИМЛИ имени Горького, ф. 359, оп. I, ед. хр. 3.
- 34 Приблудный Иван. С добрым утром. М., 1931. С.49.
- 35 Там же. С.50.
- 36 Приблудный Иван. Стихотворения. С.129.
- 37 Там же. С.126.
- 38 См. письмо И.Груздева М.Горькому от 22 декабря 1927 г. // Архив А.М.Горького. Т.ХП. С.155.
- 39 Цит. по: Бишарев Олег. Ученик Есенина. С.22.
- 40 Приблудный Иван. Тополь на камне. С.17.
- 41 Там же. С.16.
- 42 Там же. С.11.
- 43 Там же. С.23.
- 44 Там же. С.21.
- 45 Приблудный Иван. Стихотворения. С.122.
- 46 Там же. С.124.
- 47 Там же. С.141.
- 48 Там же. С.123.
- 49 Клычков Сергей. В гостях у журавлей. М., 1930. С.26.
- 50 Приблудный Иван. Стихотворения. С.121.
- 51 Одна из таких резких отповедей приведена С.Виноградской: Виноградская Софья. Как жил Есенин. С.22.

- 52 Назарова А. Воспоминания. [Б.д.] ЦГАЛИ, ф. 190, оп. I, ед. хр. 132. Л.31.
- 53 См.: Виноградская Софья. Как жил Есенин. С.21—22; Ройзман М. Все, что помню о Есенине. М., 1973. С.183—184.
- 54 Красильников В. [Библиография] // На литературном посту. 1927. № 1. С.75.
- 55 ЦГАЛИ, ф. 94, оп. I, ед. хр. 214.
- 56 С чтением своих рассказов Приблудный выступал и на литературных вечерах “Никитинские субботники” осенью 1926 г., о чем свидетельствует его записка Е.Ф.Никитиной от 23 октября (Там же, ф. 341, оп. I, ед. хр. 177. Л.1).
- 57 Там же, ф. 1328, оп. I, ед. хр. 286.
- 58 На конверте одного из писем Е.Зозуле Приблудный нарисовал автопортрет, изобразив себя мрачным, угрюмым, с нахмуренными бровями и сделав поясняющую надпись: “Страх ожидания” (Там же, ф. 216, оп. I, ед. хр. 302). В нескольких торопливых штрихах очень точно схвачено сходство с оригиналом.
- 59 Там же, ф. 1328, оп. I, ед. хр. 286.
- 60 Там же, ф. 341, оп. I, ед. хр. 259.
- 61 Там же, ф. 1068, оп. I, ед. хр. 128.
- 62 Приблудный Иван. Тополь на камне. С.43.
- 63 Во “внутренней рецензии” Н.Лесючевского “О стихах Б.Корнилова” (13 мая 1937 г.) встречаем знакомую формулировку: “И не случайно так почтительно, с таким преклонением, неоднократно вспоминает Корнилов кулацкого поэта Сергея Есенина” (Литературная Россия. 10 марта 1989 г. С.11).
- 64 ЦГАЛИ, ф. 1698, оп. I, ед. хр. 140.
Разглядели “истинное лицо Приблудного-обывателя” в стихотворениях сборника “С добрым утром” и авторы злого фельетона “Дайте Приблудному удобную квартиру!” А.Волков и Н.Любович. Приклеив поэту ярлык “воинствующего мелкого буржуа”, “идейно смыкающегося с корифеями кулацкой поэзии”, они заключили свою публикацию фразой: “Мощная поступь социализма беспощадно давит идеалишки мелкого буржуа”. (Смена. 1931. № 17. С.24). Как водится, и здесь не обошлось без карикатуры Кукрыникова: Приблудный, изображенный в виде огромного увальня-бездельника с гитарой под мышкой, радостно идет навстречу одетым в ветхие национальные костюмы Ключеву, Клычкову и Орешину, протягивающим к нему руки.
- 65 См. заявление С.Клычкова в Правление ВСП (по жилищному вопросу) с начертанной на нем 28 августа 1925 г. резолюцией “отклонить” (Рукописный отдел ИМЛИ АН СССР имени Горького, ф. 67, оп. I, ед. хр. 6) и его же заявление в Жилищную комиссию ФОСП о предоставлении жилплощади с припиской В.Кириллова: “Считаю, что условия, в которых живет писатель Сергей Клычков, непригодны для творческой работы. Ему приходится писать почти на кухне”. (Там же, ед. хр. 8).
- 66 Виноградская Софья. Как жил Есенин. С.19.
- 67 О жилищных условиях “кулацкого поэта” могут свидетельствовать два документа 1928—1930 гг.— “Анкета Правления Всероссийского Союза писателей” и заявление Приблудного в Правление. В 1928 г., в связи с планировавшимся строительством Дома писателей, Правление обратилось к своим членам с анкетой об их жилищных условиях. Приблудный отвечал на вопросы: “...2. Адрес — нет. 3. Размер занимаемой площади — никакой. 4. Количество комнат — 0, даже keine нуля! <...> 7. Жилищные условия — жуткие! В течение шести лет живу в Москве где и как попало, не имея возможности работать. И вообще погибаю, пропадаю и проч.” (Рукописный отдел ИМЛИ АН СССР имени Горького, ф. 359, оп. I, ед. хр. 6. Л.1—2).
- Однако по тексту приводимого ниже заявления Приблудного от 30 ян-

- варя 1930 г. можно судить о том, что вскоре он был вычеркнут из списков жильцов: "Очень прошу Правление рассмотреть вопрос о снятии меня из списков кандидатов на квартиру в Доме писателей, потому что снятие это кажется мне смертельно странным и несправедливым, так как в течение 8-ми лет не имею в Москве никакого пристанища, и это тем более тяжело, что я женат и скоро буду отцом, черт возьми. Очень прошу дать мне возможность задать несколько вопросов по этому поводу" (Там же, ед. хр. 7).
- 68 Приблудный Иван. Тополь на камне. С.33—34.
- 69 ЦГАЛИ, ф. 2579, оп. I, ед. хр. 189.
- 70 Рукописный отдел ИМЛИ АН СССР имени Горького, ф. 359, оп. I, ед. хр. 6. Л.2.
- 71 Там же, ед. хр. 5.
- 72 ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 141. Л.16. В опубликованном О.Биша-ревым в 1986 г. стихотворении "Астрахань" (в кн.: Приблудный Иван. Стихотворения. С.150—152) вторая из приведенных строф отсутствует.
- 73 В этой связи находим короткую запись в одной из неопубликованных записных книжек А.Афиногенова первой половины 30-х гг.: "Приблуд-ный пришел домой вечером в пиджачке (зимой.— Т.С.). <...> "Я был послан на три года на исправление, вот теперь исправился, дали мне паспорт — жить в Москве, а денег нет, дай денег!". (ЦГАЛИ, ф. 2172, оп. I, ед. хр. 118. Л.191).
- 74 В Союзе писателей СССР Приблудный восстановлен посмертно в 1988 г.
- 75 ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 141. Л.13.
- 76 Известия ЦИК Союза ССР и Всероссийского Цик Советов. 27 января 1936 г. № 23. С.5. Напечатанное с посвящением "Брату Максиму — орденосцу" стихотворение Приблудного включало 16 строф. В то время стихотворение не могло быть опубликовано полностью (полный вариант насчитывает 30 строф).

II. ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

Сообщения и публикации

В. БАРАНОВ

МОСКОВСКИЕ АДРЕСА СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА 1912—1916 гг.

Весной 1912 г. Сергей Есенин окончил церковно-учительскую школу, летом переехал в Москву¹ и начал работать в конторе мясной лавки купца Крылова, у которого служил его отец.

Крылову принадлежало домовладение по Б.Строченовскому пер., д. 24. В Центральном государственном историческом архиве г.Москвы хранится “Дело московской городской управы. Об оценке владения, принадлежащего Крылову Николаю Васильевичу”². Раскрыв его, мы узнаём, что, согласно приложенному плану 1910—1914 гг., во владении значилось под № 24 (с различными номерами квартир) четыре жилых строения.

“I. По переулку деревянный двухэтажный дом с таковою же во дворе пристройкой для сеней и принадлежностей”.

На первом этаже этого дома были расположены: харчевня А.Ф.Крыловой, овощная и мясная лавки домовладельца, помещение служащих при харчевне. На втором этаже — три квартиры жильцов.

“II. Во дворе при въезде прямо деревянный двухэтажный дом с таковою же пристройкой для сеней и принадлежностей”.

На каждом этаже этого дома было по две квартиры: NN№ 5, 6 — на первом, NN№ 7, 8 — на втором.

“III. Во дворе на правой при въезде стороне за домом 1 каменный трехэтажный дом с жилым подвалом для принадлежностей и с пристройкою для сеней”.

В этом доме размещалось шесть квартир.

“IV. В глубине двора на правой стороне деревянный двухэтажный флигель на каменном подвале”.

В подвале этого дома были квартиры NN№ 9, 10; на первом этаже — NN№ 11, 12; и на втором — NN№ 13, 14.

В настоящее время единственно существующим зданием является восстановленное строение II. В этом доме, в одной

из комнат квартиры № 6, заселенной служащими купца Крылова, жил отец Сергея Есенина — Александр Никитич, работавший в то время старшим приказчиком в мясной лавке. Именно в эту квартиру, в гости к нему, приезжал на неделю Сергей в июне 1911 г. Сюда прибыл он, переехав в Москву в 1912 г., до своей прописки 18 августа в кв. № 11. Здесь он часто бывал у отца в 1912—1915 гг., проживая в Москве; сюда приезжал и позже, когда Александр Никитич покинул село Константиново.

Мемориальное значение этого дома бесспорно, и сейчас здесь создается экспозиция, будет открыта мемориальная комната Есениных — отца и сына.

Квартира № 11, в которой жил Сергей Есенин с августа 1912 г., находилась в строении IV (см. выше) на первом этаже. Она состояла из кухни, передней и трех комнат, с общей площадью квартиры 6,3 кв. сажени (около 28 кв. м). Можно представить, какой, при двух семьях соседей, была комнатка Есенина, имевшая одно окно.

О соседях Есенина в квартире № 11 нам помогает узнать само охранное отделение, которое в ноябре 1913 г. завело на поэта журнал наружного наблюдения.

Московская охранка интересовалась, у кого жил Есенин, с кем встречался. 6 ноября полицейскому надзирателю 2-го участка Пятницкой части было предложено: “Выяснить негласно и донести подробно, с кем проживает С.А.Есенин в кв. 11”. Из его сообщения от 11 ноября узнаем, что “вместе с поэтом проживала семья каменщика и семья рабочих фабрики Ганзина”³.

Из письма М.П.Бальзамовой, датированного по содержанию весной 1913 г., мы знаем:

“На квартире я теперь в № 13”⁴.

В квартире № 13, находившейся в этом же строении IV, на втором этаже, Есенин жил, видимо, лишь некоторое время весной 1913 г., а затем вновь поселился в квартире № 11.

В литературе о Есенине до сих пор бытует мнение, что мясной магазин Крылова, в котором работали отец Есенина и сам поэт, помещался рядом, на соседней улице Щипок.

Это, наверное, потому, что в одном из писем Г.А.Панфилову адрес С.Есенина читается так: “Москва, Щипок. Магазин Крылова. Александру Никитовичу Есенину, и для меня”⁵.

Мы знаем, что “Колониальная и мясная лавка” купца Крылова была расположена в “собственном доме”⁶, а домовладений Н.В.Крылова на улице Щипок не имелось. Следовательно, адрес мясной лавки — Б.Строченовский пер., 24. Именно этот переулок, а не тихий Щипок, был и людным, и торговым. Только в одном коротком квартале, возле лавки Крылова, находились: трактир Степанова, “Замоскворецкие

бани" Рыкова, ресторан "Древность"⁷. Имеет свое объяснение и адрес — "Москва. Щипок. Магазин Крылова". В Москве того времени адреса часто звучали так:

"Пречистенка. Мансуровский пер., дом..."

"Петровка. Салтыковский пер., дом..."

То есть Пречистенка, Петровка, Щипок употреблялись как бы для обозначения района проживания адресата.

Оставив работу в мясной лавке и не поладив с отцом, Сергей Есенин какое-то время жил в 1912 г. у председателя "Суриковского литературно-музыкального кружка" — поэта С.Н.Кошкарлова.

Об этом свидетельствуют воспоминания современников:

"Некоторое время он жил у Кошкарлова и посещал собрания кружка писателей"⁸.

"По совету С.Н.Кошкарлова, у которого он жил, Есенин и сам переслал мне тетрадь своих стихов"⁹.

К моменту встречи с Сергеем Есениным Кошкарлов (псевдоним — "Сергей Заревой") был тридцатичетырехлетним присяжным поверенным, автором десяти стихотворных сборничков. На всех изданиях Суриковского кружка значилось: "Склад изданий у председателя кружка С.Н.Кошкарлова. Новая Божедомка, д. 11, кв. 2".

Дом на нынешней улице Достоевского не сохранился, но следы его удалось отыскать в Историческом архиве г.Москвы. Демовладение по Новой Божедомской, д. 11, относящееся к Сушевой полицейской части, принадлежало Облезову Фоме Антоновичу¹⁰. Напротив, через улицу, продолжают стоять величественные здания бывшей Мариинской больницы, в одном из которых, в казенной квартире штаб-лекаря Михаила Андреевича Достоевского, родился сын Федор, будущий великий писатель.

Под № 11 значилось пять жилых домов, но три из них стояли во дворе, а два — выходили на Новую Божедомскую: строение I — двухэтажный деревянный дом на каменном подвале, в первом этаже которого помещался небольшой "Писчебумажный магазин Соколова", и строение VI, двухэтажный деревянный дом. Здесь, в первом этаже строения VI, и нашлась запись — "Кв. Кошкарлова".

О своей первой встрече в Суриковском кружке с юным Есениным поэт В.Горшков писал: "Помню вечер кружка в гостинице Грачева на Каланчевской улице под Южным мостом. В числе других вошел в маленькую, душно прокуренную комнату-номер, вернее вбежал весело и торопливо, кудряво-волосый, синеглазый тоненький мальчик.

— Как фамилия? — Всем хотелось узнать нового молодого гостя.

— Есенин, — торопливо, по-детски ответил мальчик, приступая к чтению...”¹¹

Адресная книга — “Вся Москва” позволяет нам уточнить эти сведения. А.А.Грачев был содержанием мебелированных комнат “Железных дорог”. Размещались они в доме Богомолова на Каланчевской ул., 6¹², между Каланчевским тупиком и Южным переулком.

В ранней есенинской литературе многократно писалось, что С.Есенин поступил продавцом в книжный магазин, в районе Страстной площади. Сейчас в томе 6 мы можем прочесть:

“1912. Осень. Работает в конторе книгоиздательства “Культура” (VI, 428).

Где же была контора и как быть с районом Страстной площади?

В адресной книге “Вся Москва” за 1912 г. мы видим, что книгоиздательство “Культура” находилось на улице Кузнецкий мост. Но уже в книге 1913 года адрес книгоиздательства, а также и книжного магазина при нем, — М.Дмитровка, 1¹³.

Нам понятно, что адресная книга на 1912 год составлялась и печаталась еще в 1911 году, и поэтому найденный адрес не противоречит выводу, что книгоиздательство “Культура” обособилось и находилось в конце 1912 года именно здесь.

Уцелевший дом № 1 на Малой Дмитровке (ныне ул. Чехова) стоит на углу с Б.Путинковским переулком, над которым ранее возвышалась стена Страстного монастыря. А почти напротив этого дома красуется до наших дней знаменитая многошатровая церковь Рождества Богородицы “что в Путинках” — интереснейший памятник первой половины XVII века.

Известно, что весной 1913 г. Сергей Есенин распространял среди рабочих социал-демократический журнал “Огни”, намеревался печататься в нем, но журнал вскоре был закрыт. Его редакция находилась по адресу: Сретенка, Пушкинск. пер., д. 15, кв. 3¹⁴.

В марте 1913 г. С.Есенин поступил на работу в типографию товарищества И.Д.Сытина. Корпуса типографии занимали большую площадь и выходили на две улицы: ул. Пятницкая, д. 81 и ул. Валовая, дома 22 и 28¹⁵.

“Рабочие типографии, — пишет в книге “Юность Есенина” Ю.Л.Прокушев, — часто заходили в мясной магазин. Один из них — корректор Воскресенский — заинтересовался приехавшим из деревни сыном приказчика, пишущим стихи, и отправился с Сергеем Есениным к поэту Ивану Белоусову...”¹⁶. Об этом вспоминал и сам И.Белоусов в сборнике “Памяти Есенина”¹⁷.

“Белоусов Иван Алексеевич,— читаем мы в адресной книге,— Соколиная, собственный дом. Литературно-художественный кружок; Московское отделение кассы Взаимопомощи литераторов и ученых; О-во любителей Российской словесности. Редактор-издатель журнала “Путь”¹⁸.

Изогнутая, довольно короткая Соколиная улица (ныне Семеновский переулок) все так же лежит между Малой Семеновской улицей, сохранившей свое название, и бывшим Измайловским камер-коллежским валом, буквально в двух шагах от станции метро “Семеновская”. Но ничто уже не напоминает здесь строений и уклада того далекого времени.

И вновь помогают нам материалы Исторического архива. Владение в Лефортовской части за полицейским номером 24, по улице Соколиной, с 15 сентября 1909 г. “...по окладным книгам Городской Управы числится за Московским мещанином Иваном Алексеевичем Белоусовым”¹⁹.

Из семи небольших одно- и двухэтажных домов, расположенных во владении и, в основном, сдаваемых жильцам, нас интересует более других здание II, полностью занятое домо-владельцем.

“По улице (Соколиной.— В.Б.) на особом дворе, отделенном садом, деревянный одноэтажный дом с мезонином и с двумя пристройками для сеней и принадлежностей”.

В этом доме, с семью комнатами “в этаже” и пятью комнатами “в мезонине”, и принимал Белоусов юного поэта.

В сентябре 1913 г. С.Есенин начал заниматься в городском народном университете им. А.Л.Шанявского. Адрес университета: Миусская площадь, 3-я Миусская улица.

Интересен нам и адрес столовой слушателей университета: 5-я Тверская-Ямская, 4²⁰, так как несомненно, что Есенин часто бывал там со своими товарищами.

В фонде “Суриковского литературно-музыкального кружка”²¹ удалось ознакомиться с некоторыми документами деятельности кружка. Вероятным участником этих событий был и Сергей Есенин. До сих пор эти документы малоизвестны, и поэтому приводим их полностью:

Воскресенье, 1 сент. 1913 г.— меблированные комнаты

“Рыженковское подворье”. Солянский проезд, д. № 3.

Выборы новых членов правления.

Выборы ревизионной комиссии.

Издание товарищеского сборника.

Предложение об устройстве народного вечера.

Издание брошюры В.А.Щуренкова.

Выборы новых членов.
О внесении членских взносов.

Суббота, 15 февр. 1914 г.

Программа концерта в трех отделениях:
Зал Польской библиотеки, Мясницкая улица, Милютинский пер., д. 18.

Игра на гуслях — Исп. Ф.А.Кислов.
Соло на гитаре (рояле, скрипке).
Стихи. Рассказы.
Песни.

отв. расп. С.Н.Кошкарров
дм-р Г.Д.Деев-Хомяковский

Воскресенье, 20 апр. 1914 г.

Дорогой товарищ! На Пятницком кладбище в 1 час дня будет отслужена панихида над могилами Сурикова и Тихоплесца-Логинова.

Затем того же числа, в 2 ч. дня, в ресторане Вороновичева "Одесса" (1-я Мещанская, д. 105) состоится общее собрание Суриковского лит. кружка.

Предс. кружка *С.Кошкарров*

По воспоминаниям Ефима Шарова, "собственного помещения суриковцы не имели, и собрания членов происходили то на квартире Кошкаррова, то в литературно-художественном кружке, а то просто в каком-нибудь трактире. Вот тогда-то и появился Сергей Есенин..."²²

Адрес литературно-художественного кружка был: Б.Дмитровка (ныне Пушкинская), 15 (дом Вострякова на углу с Глинищевским (ныне ул. Немировича-Данченко) переулком).

Известно письмо Сергея Есенина Ширяевцу (от 21 января 1915 г.), написанное на бланке: "Суриковский литературно-музыкальный кружок. Москва, Александровская ул., д. 8, кв. 18".

Адрес этот встречается в объявлениях и извещениях кружка с декабря 1914 г. Но, зная, что в этой же квартире находилась редакция журнала "Доброе утро", возглавляемая суриковцем Деевым-Хомяковским, можем предположить, что и Суриковский кружок находился здесь уже с сентября 1914 г. (с даты выхода первого номера этого журнала), и Сергей Есенин приходил именно сюда до самого отъезда в Петроград, в марте 1915 г.

Александровская ул. (ныне Октябрьская) начиналась от бывшей Екатерининской площади (пл. Коммуны). Дом № 8

тоже не сохранился, и узнать о нем мы можем лишь из материалов Исторического архива²³.

Суриковский кружок снимал для своих собраний помещение во владении Гавриила Константиновича Рязанцева. Среди принадлежавших ему пяти домов — дом (здание IV) с трехкомнатной квартирой № 18 на первом этаже, находившийся во дворе справа. Был он деревянным, двухэтажным.

Николай Сардановский, друг юности С.Есенина, вспоминал: “Однажды взволнованный Есенин сообщил мне, что он добился того, что профессор Сакулин обещает беседовать с ним по поводу его стихов. Вскоре Сергей с восторгом рассказывал мне свои впечатления о разговоре с профессором. Особенно одобрил он стихотворение “Выткался на озере алый свет зари...”²⁴

Допустима версия, что беседа могла состояться и на квартире профессора Павла Никитича Сакулина — Трубниковский, 3 (дом купчихи Петровской М.Я.)²⁵.

Из донесений филеров, наблюдавших за Есениным 5 ноября 1913 г.: “В 9 час. 45 мин. вечер. вышел из дому с неизвестной барынькой. Дойдя до Валовой ул. постоял мин. 5, расстался. “Набор” (кличка С.Есенина, данная охранкой.— В.Б.) вернулся домой, а неизвестная барынька села в трамвай, на Смоленском бульваре слезла, пошла в дом Гиппиус с Дворцового Проезда, пошла в среднюю парадную красного флигера № 20 с Теплого пер. во дворе флигер правая сторона квар. в среднем парад. в низу на лево, где и оставлена; кличка будет ей “Доска”²⁶.

Что это за “барынька”, охранка постаралась узнать очень скоро: “Для ее опознания филер сообщил приметы полицейскому надзирателю 1-го участка Хамовнической части: “Лет 20, среднего роста, телосложения обыкновенного, темная шатенка, лицо круглое, брови темные, нос короткий, слегка вздернутый”. На что полицейский надзиратель сообщил в московскую охранку: “По приметам подходит Изряднова Надежда Романовна, 21 г., крестьянка Ряжского уезда, Подвислинской вол<ости>, деревни Прянки — корректор типографии Сытина”²⁷.

Полицейский надзиратель ошибся, указав вместо Анны Романовны Изрядновой, с которой дружил тогда Сергей Есенин и которая также работала корректором в типографии Сытина, на ее родную сестру Надежду Романовну, проживающую в этой же квартире.

Филер, следуя за “барынькой”, описал и дом, и расположение квартиры достаточно полно. Нам останется лишь добавить по материалам Исторического архива, что владение по Теплому переулку (ныне ул. Тимура Фрунзе), д. 20, принадлежало классному художнику архитектуры Карлу Карловичу

Гиппиусу²⁸. А в средней парадной “красного флигера” во дворе, на первом этаже, действительно занимала квартиру из трех комнат под № 28, семья Изрядновых, хозяин которой и три его дочери, работали в типографии И.Д.Сытина. В этой квартире Сергей Есенин бывал на протяжении нескольких лет.

В 1914 г. Сергей Есенин вступил в гражданский брак с Анной Романовной Изрядновой. В письме поэту А.В.Ширяевцу от 21 января 1915 г. Есенин сообщает свой адрес:

“Москва. 2-й Павловский пер., д. 3, кв. 12”²⁹.

Все три коротких Павловских переулка, сохранившие свои названия, начинались от бывшей площади Александровских казарм и заканчивались, упираясь в железнодорожные пути Московской товарной станции (ныне между улицами Павловская и Дубининская).

Владение по 2-му Павловскому пер., д. 3 принадлежало Горшковой Анастасии Васильевне. “Дело московской городской управы. Об оценке владения...”³⁰ отражает как раз тот момент, когда домовладелица к своему двухэтажному деревянному дому, стоящему по переулку, сделала в 1914 году двухэтажный пристрой со стороны двора, с новыми квартирами NN^o 9, 10 — на первом этаже, и NN^o 11, 12 — на втором.

Возможно, что С.Есенин и А.Изряднова в квартире № 12 этого пристроя, были самыми первыми жильцами. Дом этот также не сохранился.

Вот что вспоминала о жизни Есенина в этой квартире А.Р.Изряднова: “В сентябре поступает в типографию Чернышева-Кобелькова (из типографии И.Д.Сытина Есенин ушел в мае 1914 г.— В.Б.), уже корректором. Живем вместе около Серпуховской заставы, он стал спокойнее. Работа отнимает очень много времени: с восьми утра до семи вечера, некогда стихи писать. В декабре он бросает работу и отдается весь стихам, пишет целыми днями... В конце декабря у меня родился сын. Есенину пришлось много канителиться со мной (жили мы только вдвоем). Нужно было меня отправить в больницу, заботиться о квартире... В марте поехал в Петроград искать счастья”³¹.

Да, переступив порог именно этого дома, уехал Есенин из Москвы к Блоку, уехал навстречу своему будущему.

Адрес типографии торгового дома “Чернышев Д. и Кобельков Н.” был следующим: “Мясницкая, Банковский пер., д. 10”³².

В воспоминаниях поэта Д.Н.Семёновского читаем: “Был солнечный мартовский день, и мы (с Есениным.— В.Б.) от Кошкарва пошли к жившему в Замоскворечье гусяру-суриковцу Ф.А.Кислову... На крыльце одноэтажного дома мы

позвонили. Нас встретил седобородый старичок в длинном сюртуке. Он весь лучился добротой, радушием. Увидев Есенина, обрадовался:

— Сереза, милости просим!”³³.

Поиски в Историческом архиве г.Москвы домовладения Федора Александровича Кислова в Замоскворечье успехом не увенчались. Не помогла и адресная книга “Вся Москва”. И только позже, в юбилейной статье С.Кошкарлова “Поэт-гуслиар Ф.А.Кислов”³⁴, встретился правильный адрес: “Грохольский пер., 3-й проезд, дом 5”.

Это позади бывшей Шереметевской больницы, напротив университетского ботанического сада. Сергей Кошкарлов был другом Кислова и часто бывал у него. Федор Александрович занимал там небольшую каморку у своей дочери.

7 февраля 1915 г. Сергей Есенин присутствовал на заседании редакционной комиссии Суриковского литературно-музыкального кружка, состоявшемся на квартире Г.Д.Деева-Хомяковского. Квартира Г.Д.Деева находилась по адресу: 3-й Самотечный пер., 15³⁵, вблизи от Екатерининского парка.

Литератор Н.Н.Ливкин вспоминал: “Молодежь, группировавшаяся вокруг журнала, весьма охотно посещала литературные “субботы” “Млечного пути”. Они проходили обычно живо и интересно. За столом писатели, поэты, художники, скульпторы, артисты... На одной из “суббот” меня познакомили с очень симпатичным, простым и застенчивым, золотоволосым, в синей косоворотке пареньком.

— Есенин, — сказали мне”³⁶.

Редактором-издателем журнала “Млечный путь” был Алексей Михайлович Чернышев, приказчик торгового дома “А.Колесников”. В его квартире была редакция журнала, там же проходили и литературные “субботы”. Адрес ее был — ул. Садовническая (ныне Осипенко), д. 9, кв. 56³⁷, по соседству с существовавшей и тогда центральной электростанцией г.Москвы.

Ниже приводим адреса редакций и фамилии редакторов других московских изданий, в которых печатался Сергей Есенин в 1914—1915 гг., и в большинстве из которых, несомненно, бывал:

“Мирок” — Пятницкая, 81³⁸.

В.А.Попов

“Проталинка” — Петровские линии, контора Н.Печковской³⁹.

А.П.Печковский

газета “Новь” — Мамоновский (ныне Садовских), 12⁴⁰.

Суворин А.А.

“Друг народа” — Александровская ул., д. 8, кв. 18⁴¹.

Г.Д.Деев

“Марс” — Пречистенка, Мансуровский пер., д. 13⁴².

"Парус" — Н.Божедомка, 243.

А.П.Глушкова

"Женская жизнь" — Камергерский (ныне пр. Худож.

Театра), д. 444.

"Красный смех" — Тверская, 1845.

"Огниво" — Б.Тишинский пер., д. 23, кв. 246.

С.Бартен

В сентябре 1915 г., проездом из села Константинова в Петроград, Сергей Есенин познакомился с поэтессой Любовью Никитичной Столицей. В письме к ней от 22 октября 1915 г. он писал: "Очень радуюсь встрече с Вами <...> Поклонитесь всему Вашему милому дому..."⁴⁷

Адрес Л.Н.Столицы был — Б.Каменщики, 1748, неподалеку от Нижней Таганской площади.

В январе 1916 г. С.Есенин приехал с поэтом Н.Клюевым из Петрограда в Москву, и 21 января они читали стихи в "Обществе свободной эстетики".

"Собрание Общества свободной эстетики на этот раз происходило в помещении картинной галереи Лемерсье на Петровке"⁴⁹. Адрес частной картинной галереи К.Лемерсье — Петровка, Салтыковский (ныне Дмитровский), д. 850.

А.Р.Изряднова вспоминала также: "Читали они стихи в лазарете имени Елизаветы Федоровны, Марфо-Марьиной обители..."⁵¹.

Адрес Марфо-Мариинской обители был — Б.Ордынка, 3452.

В данной статье приведены только те адреса, которые уточнялись автором.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Основные даты жизни и творчества Сергея Александровича Есенина приняты по изданию — С.А.Есенин. Собрание сочинений в шести томах, т. 6, М., 1980, без дальнейших ссылок на этот источник.
- ² ЦГИА г.Москвы, ф. 179, оп. 63, т. 3, д. 9686.
- ³ Шалагинова Л. Сергей Есенин в революционной Москве (1912—1914). — "Вопросы литературы", 1987, № 11, с. 183.
- ⁴ VI, 25.
- ⁵ VI, 14.
- ⁶ Вся Москва. Адресная и справочная книга. М., 1912, 1913.
- ⁷ Вся Москва, 1912, 1913, 1914.
- ⁸ Деев-Хомяковский Г.Д. Из статьи "Правда о Есенине". — "Воспоминания о Сергее Есенине", М., 1965, с. 103.
- ⁹ Клейнборг Л.М. Встречи. — Там же, с. 131.
- ¹⁰ ЦГИА, ф. 179, оп. 63, т. 5, д. 14959.
- ¹¹ Белоусов В. Сергей Есенин. Литературная хроника. Ч.1. М, 1969.
- ¹² Вся Москва, 1912.
- ¹³ Вся Москва, 1913.
- ¹⁴ "Огни", М., ноябрь 1912, № 1.
- ¹⁵ Вся Москва, 1913.

- 16 Прокушев Ю. Юность Есенина. М., 1963, с. 108.
- 17 Белоусов И. Цветок неповторимый.— Сб. "Памяти Есенина", М., 1926, с. 138.
- 18 Вся Москва, 1912.
- 19 ЦГИА, ф. 179, оп. 63, т. I, д. 2929.
- 20 Календарь-справочник слушателей и слушательниц университета им. А.Л.Шанявского на 1914 г., М., 1914.
- 21 ЦГАЛИ, ф. 1641, оп. 2, ед. хр. 14.
- 22 Ефим Шаров. Четыре встречи. "Дон", Ростов н/Д, 1971, № 1, с. 186.
- 23 ЦГИА, ф. 179, оп. 63, т. 5, д. 15343.
- 24 Сардановский Н.А. На заре туманной юности.— "С.А.Есенин в воспоминаниях современников". М., 1986, т. 1, с. 133.
- 25 Вся Москва, 1914.
- 26 ЦГАОР, ф. 63.
- 27 Шалагинова Л. См. выше, с. 183.
- 28 ЦГИА, ф. 179, оп. 63, т. 6, д. 16269.
- 29 VI, 55.
- 30 ЦГИА, ф. 179, оп. 63, т. 4, д. 12592.
- 31 Изряднова А.Р. Воспоминания.— "Воспоминания о Сергее Есенине", М., 1965, с. 101.
- 32 Вся Москва, 1914.
- 33 Семеновский Д.Н. Есенин. Из воспоминаний.— "Воспоминания о Сергее Есенине", М., 1965, с. 127.
- 34 "Марс", М., январь 1915, № 1.
- 35 Вся Москва, 1915.
- 36 Ливкин Н.Н. В "Млечном пути".— "Воспоминания о Сергее Есенине", М., 1965, с. 117.
- 37 Вся Москва, 1915.
- 38 Вся Москва, 1914.
- 39 "Проталинка", М., октябрь 1914, № 10.
- 40 Вся Москва, 1914.
- 41 "Друг народа", М., 1 января 1915, № 1.
- 42 "Марс", М., январь 1915, № 1.
- 43 "Парус", М., 1915, № 2.
- 44 "Женская жизнь", М., 22 февраля 1915, № 4.
- 45 "Красный смех", М., 1915, № 6.
- 46 "Огниво", М., 1915, № 6—8.
- 47 VI, 66.
- 48 Вся Москва, 1915.
- 49 Розанов И.Н.— "Воспоминания о Сергее Есенине", М., 1965, с. 288.
- 50 Вся Москва, 1915.
- 51 Изряднова А.Р. Указ. соч., с. 101.
- 52 Вся Москва, 1915.

В КРАЮ УЕДИНЕННОМ

1

“О товарищах веселых...”

Тема дружбы всегда занимала одно из ведущих мест в творчестве великих русских поэтов. “Мой первый друг, мой друг бесценный!” — с этими словами обращается А.С.Пушкин к лицейскому другу И.И.Пушину. “Мир сердцу твоему, мой милый Саша!” — писал М.Ю.Лермонтов в стихотворении “Памяти А.И.Одоевского”, “Какой светильник разума угас! Какое сердце биться перестало!” — воскликнул в горе Н.А.Некрасов на могиле Н.А.Добролюбова. А сколько чудесных произведений посвятил своим друзьям С.А.Есенин: А.Б.Мариенгофу — “Я последний поэт деревни” и драму “Пугачев”, А.К.Воронскому — поэму “Анна Снегина”, П.И.Чагину — знаменитые “Стансы”... Если мы и далее займемся перечислением произведений, посвященных Есениным друзьям и хорошим знакомым, то этот перечень займет почти полстраницы. Нет лишь посвящения лучшему другу отрочества — Грише Панфилову. Неувязка какая-то получается. Всем посвятил, даже собаке Качалова, а лучшему другу — нет? И это Есенин — с его открытой всем людям душой, с его способностью любить и дружить. Даже не верится. Тем не менее — это факт. Действительно, ни в одном прижизненном издании мы не встретим стихов, посвященных Панфилову. И все-таки беру на себя смелость утверждать, что они были написаны и опубликованы. Вчитайтесь внимательно в эти строки, и перед вами, как живые, встанут и Сергей Есенин, и его друг Гриша Панфилов.

Весна на радость не похожа,
И не от солнца желт песок.
Твоя обветренная кожа
Лучила гречневый пушок,

У голубого водопоя
На шишкоперой лебеде

Мы поклялись, что будем двое
И не расстанемся нигде.

Кадила темь, и вечер тощий
Свивался в огненной резьбе,
Я проводил тебя до рощи,
К твоей родительской избе.

И долго-долго в дреме зыбкой
Я оторвать не мог лица,
Когда ты с ласковой улыбкой
Махал мне шапкую с крыльца.

(1916, I, 127)

Почему считаю, что именно Панфилов изображен в этом стихотворении? Прежде, чем ответить на этот вопрос, предлагаю познакомиться с началом другого стихотворения, которое в собрании сочинений самим поэтом было помещено перед уже знакомым “Весна на радость не похожа...”.

“С.А.Есенин придавал большое значение тому, как расположены его произведения в книгах”, — писала Е.А.Есенина. И если эти два стихотворения стоят рядом, значит, для поэта они чем-то близки.

О товарищах веселых,
О полях посеребрённых
Загрустила, словно голубь,
Радость лет уединенных.

(1916, I, 126)

К каким товарищам уединенных лет относятся эти строки? Написаны они в Петрограде, вскоре после триумфального появления в столице. Позади — Москва, Спас-Клепики и Константиново. В Москве поэт работал в большом коллективе печатников типографии Сытина, посещал университет Шанявского, принимал участие в распространении листовок и прокламаций — такие годы уединенными не назовешь.

В Константинове, вспоминал сам поэт, его “детство прошло среди полей и степей”. Все было: и ночное, и поездки во время сенокоса на другой берег реки Оки, и уличные игры и драки со сверстниками, среди которых он был признанным верховодом. Все было. Не было одного — уединения.

Остаются Спас-Клепики. Закрытая второклассная церковно-учительская школа... Как пишет известный есениновед П.Ф.Юшин, “...не случайно школа эта была расположена в укромном местечке, вдалеке от больших дорог, в самой глубине мещерских лесов, в селе, окруженном топями и болотами”¹. Уединеннее места и не найти! Есенин чувствовал себя одиноким, очень скучал по дому, даже однажды сбежал

из школы. “Дома выругали и отвезли обратно”, — вспоминал он впоследствии.

Светлым лучом, озарившим всю его жизнь, стала дружба с товарищем по школе Гришей Панфиловым. В отличие от других учеников, он жил не в школе, а в родительском доме, расположенном недалеко от березовой рощи. (Помните: “Я проводил тебя до рощи, к твоей родительской избе”). Здесь находил юный поэт приют и ласку, напоминавшую ему родительский дом. Мать Гриши — Марфа Никитична — вспоминала: “Из школьных товарищей сына я особенно любила Сережу Есенина. Гриша был постарше Есенина. В доме всегда было полно молодежи — товарищи Гриши. Чаше других, кроме Сережи Есенина, приходили Митя Пыриков, Анна Шилина, Гриша Черняев. Зимними вечерами засиживались они допоздна. Пели, играли, танцевали, а иногда сидели тихо. Кто-нибудь читал, другие слушали, потом начинали беседовать между собой, горячо убеждать в чем-то друг друга”². Вот об этих “товарищах веселых” и вспоминает Есенин.

А какое конкретное событие послужило толчком к написанию этих стихотворений? 28 января 1916 года Есенин получил несколько экземпляров своей первой книги “Радуница”. Можно представить, каким счастливым чувствовал себя в эти минуты молодой поэт! Как хотелось бы поделиться этой радостью с Гришей! С ним он вел оживленную переписку после отъезда из Клепиков, поверял свои мечты и планы, с радостью и гордостью сообщал о первых литературных успехах: “Распечатался я во всю ивановскую. Редактора принимают без просмотра...”. Если бы можно было послать друзьям по экземпляру “Радуницы”! Но... еще в 1912 году умер Митя Пыриков, через год скончалась от воспаления легких Анна Шилина, а в феврале 1914 года умер от чахотки Гриша Панфилов — “светоч моей жизни”, как назвал его Есенин в письме к М.П.Бальзамовой. Нет “товарищей веселых”. Но ведь так хочется, чтобы в Клепиках знали об успехах своего бывшего ученика. Есенин берет экземпляр книги и надписывает: “Доброму старому учителю Евгению Михайловичу Хитрову от благодарного ученика, автора этой книги. 1916. 29 янв. Петроград”.

Книга отправлена, а мысли уносятся вслед за ней. Охваченный воспоминаниями, Есенин пишет стихи “О товарищах веселых...” и “Весна на радость не похожа...” В.Г.Белоусов, много лет работавший над литературным наследием поэта, составил “Летопись жизни и творчества Есенина”³. Под 1916 годом у него значится: “В январе — феврале написаны стихотворения: “За горами, за желтыми долами...”. “Гаснут красные крылья заката...”. (“Теплый ветер грызет ворова-то...”), “Весна на радость не похожа...”, “Еще не высох

дождь вчерашний...". В этой же хронике говорится, что стихотворение "О товарищах веселых..." тоже написано в 1916 году, но время создания неизвестно, т.е. оно могло быть написано и в начале, и в середине, и в конце года. Нам удалось установить более точную датировку. Из письма Есенина А.Л.Волынскому от 30 ноября 1916 года (VI, 78) становится ясно, что стихотворение "О товарищах веселых..." не могло быть написано позднее начала сентября 1916 года. С нашей точки зрения, вероятнее всего, оно было создано одновременно со стихотворением "Весна на радость не похожа...". Во всяком случае для Есенина — это родственные стихи. Они для него — воспоминания об ушедших друзьях, и, прежде всего, — о первом из них, "светоче души" Грише Панфилове.

2

Страница былого

Живет в Клепиках старая учительница О.И.Носович. Она уже давно на пенсии и, хотя уже разменивает вторую половину девятого десятка, по-прежнему бодр и неутомима. Ольга Ивановна не устает изучать родной край, его историю. Она не только читает книги, но и сама проводит раскопки, и во время встречи показала мне акт сдачи в Рязанской областной краеведческой музей нескольких старинных вещей.

Особенно много времени она уделяет сбору материалов по клепиковскому периоду жизни С.А.Есенина, собирается писать об этом большую работу. Одна тетрадь уже готова. Я прочел эту тетрадь и с разрешения Ольги Ивановны помещаю отрывок, в котором житель д.Калдево — Оськин Матвей Сергеевич — рассказывает о дружбе своего дяди с Есениным.

"На последнем третьем курсе Есенин подружился с моим дядей Оськиным Яшей, который в этой школе учился и жил в д.Колдево. Это в 5 км от Спас-Клепиковской школы.

Есенин иногда ходил в праздничные дни в нашу деревню навестить своего друга. Деревня Калдево примыкает к лесу, а чуть подалее течет по лугам река Пра. Издавна деревенская молодежь собиралась на гулянье в Калдевский лес. Место это называлось "Волкуша". Сюда со своим другом Есенин приходил на гулянье. Собиралась молодежь с окрестных деревень. Здесь на полянке пели и плясали.

В нашей деревне Есенин писал свои стихи. Яша и Сергей забирались на сеновал, и там Есенин сочинял стихи, а меня они на сеновал не пускали. Смеялись...

А потом шли на гулянье. Встречая маленьких ребят, они давали записку со стихотворением и велели передать какой-

нибудь девушке. Соберутся подружки, прочтут запись и кто-нибудь из них скажет: "Вот "кашник", а как хорошо пишет". ("Кашниками" называли учеников, живших при школе.— Н.Ч.).

Очень много стихов Есенин писал на открытках и дарил их своему другу Яше, но они не сохранились.

Оськин Яша приходил в Клепики к своей родной тете Липе (т.е. Олимпиаде). В теплые летние дни Яша и Сергей брали бредень и шли ловить рыбу на речку Совка, которая протекала близко от школы. Мне было 7 лет, и я ходил с ведерком по берегу и помогал собирать рыбу, когда они вытаскивали бредень на берег. Были случаи, когда Яша и Сергей хватили меня и бросали в воду. Это они так учили меня плавать. Потом мы несли улов домой к тете Липе, и она варила нам уху. Сергей в это время сидел и писал на подоконнике стихи.

Хорошо запомнилась наружность Есенина, его привычка крутить пальцами на лбу виток своих волос и закладывать их назад.

Любил носить по праздникам белую рубашку с отложным воротником. Был очень опрятный, как говорили про него ребята, "любил форсить".

Уже подростком я жил в Клепиках. Зимой 1921 года приехал Есенин и попросил меня сходить вместе в д. Калдево к Яше. По дороге Есенин заметил: "А почему местами из-под снега идет дым?" Я ему ответил: "А это идет пар. Летом здесь горело болото".

Когда мы пришли в дом дяди, то узнали, что дядя уже в Калдеве не живет. Он уехал на военную службу в г. Грозный.

В 1924 году я приехал в Москву на работу строителем 1-й сельскохозяйственной выставки и решил встретиться с Есениным. В это время мне было 19 лет. Но встретиться с Есениным мне не удалось".

Ольга Ивановна рассказала еще, что она встречалась с учителем-пенсионером из д. Калдево Проскураковым Петром Ивановичем и он тоже подтвердил, что действительно Есенин приходил в их деревню и ребята называли его "кашником", так как он ел из общего котла.

...Вот такой незатейливый рассказ о дружбе двух сверстников. И не стоило бы его пересказывать, если один из них не был бы Есенин.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Юшин П.Ф. Сергей Есенин. М.: Изд. Моск. университета. 1969. С.75.
- 2 Прокушев Ю. Сергей Есенин. М.: "Сов. Россия". 1978. С.81.
- 3 Белоусов В. Сергей Есенин. М.: "Знание". 1965.

“КОБЫЛЫ КОРАБЛИ” С.ЕСЕНИНА

Об одной из авторских правок поэмы

В ташкентском Государственном музее Сергея Есенина хранится уникальнейший сборник стихов “Харчевня зорь” (1920) с авторскими правками есенинской поэмы “Кобылы корабли”. Этот коллективный сборник с участием С.Есенина, А.Мариенгофа и В.Хлебникова был подарен музею в 1986 году Н.Д.Вольпин — близким другом Сергея Александровича Есенина, замечательной поэтессой, переводчицей на русский язык произведений Овидия, Горация, Гете, Гюго... В личной библиотеке Надежды Давыдовны это было, пожалуй, самое ценное из есенинского наследия. У себя на квартире в Москве, вручив мне сборник, она сказала: “Очень хочу, чтобы Ваш музей стал Государственным! Верю в это!” Действительно, с ее легкой руки так оно и произошло. Благодаря официальной поддержке СП СССР, при ходатайстве председателя Есенинского комитета Ю.Л.Прокушева и начальника Главного научно-производственного отдела памятников культуры Узбекистана Ф.М.Ашрафи музей получил этот статус в 1989 году. Ценный подарок Н.Д.Вольпин стал одной из редчайших реликвий, которой гордится коллектив музея.

Анализируя противоречивое время прошедших десятилетий, только сейчас начинаешь понимать, насколько серьезен этот фактический материал из творческой лаборатории великого русского поэта, каким являются авторские правки “Кобылых кораблей”. К сожалению, авторские правки в этом произведении как факт в литературоведческой критике и других изданиях о Есенине не значатся. Они вообще не попали в поле зрения есениноведов.

О том, что конкретно подвинуло Есенина к созданию “Кобылых кораблей”, включая название этой трагической поэмы, мы узнаем, в частности, из воспоминаний А.Мариенгофа и В.Шершеневича. Последний свидетельствует, что Есенин шел по Мясницкой улице, время было голодное и повсюду “валялись трупы лошадей”. Он обратил внимание “на дохлую белую лошадь, а на ней, распустив крылья, как паруса, сидели черные вороны. Так тогда Есенин и начал свою поэму, а его строки долго не понимала читающая

публика!"¹. Вместе с тем, поэма С.Есенина получила тогда признание в имажинистском кафе "Домино" и на поэтических вечерах. Как свидетельствуют современники, в авторском исполнении "Кобыльи корабли" выигрывали. Характерная есенинская манера чтения, что называется "с нажимом", идущая от сердца — никого не могла оставить равнодушным. В 1919 году в кафе "Домино", как пишет в своих воспоминаниях М.Ройзман, под нарисованной на стене красной лодкой были крупно выведены строки из "Кобыльих кораблей":

Веслами отрубленных рук
Вы гребетесь в страну грядущего.

(II, 66)

Лирический герой поэмы удручен и одинок в выборе пути, взволнован и опечален своей встречей с больной Родиной:

Кто это? Русь моя, кто ты? кто?
Чей черпак в снегов твоих накипь?
На дорогах голодным ртом
Сосут край зари собаки.

(II, 67)

Нарастающие в душе поэта тревога, смятение невольно деформируют изначально оптимистические основы его творческих принципов.

"Кобыльими кораблями" С.Есенин очень дорожил. Он многократно пытался переиздать поэму, но почти всегда безуспешно. В 1920 году в издательстве "Злак" вышла его книга "Трерядница" (переизданная в 1921 году). В этом сборнике Есенину, наконец, удалось вторично опубликовать поэму "Кобыльи корабли", но в новой редакции: с учетом правок, отличающих поэму от прежней публикации в сборнике "Харчевня зорь". Во всех последующих изданиях поэмы составители придерживались этих авторских правок. "Трерядницу" Есенин высылает в Ташкент А.Ширяевцу. В письме от 26 июня 1920 года обращается к нему с просьбой: "...буду очень рад, если ты как-нибудь сообщишь о своем впечатлении" (VI, 97). Через год они встретились в Ташкенте, где у них произошел принципиальный спор о формах и сущности поэтического образа. Дело в том, что С.Есенин, по свидетельству В.Вольпина, не смог приобщить А.Ширяевца к пониманию основ своего имажинизма, хотя дружеские отношения у них остались до конца жизни А.Ширяевца. С.Есенин мечтал выпустить "Кобыльи корабли" отдельным изданием. В журнале "Вестник театра"² была опубликована следующая информация: "Кобыльи корабли", роскошное издание, иллюстрированное Г.Якуловым, шелковый переплет, цена 100 руб.". Приходится только сожалеть, что этот выпуск не осуществил-

ся. Сохранилась также верстка от 31 марта 1921 года не вышедшей книги Есенина "Ржаные кони", куда вошли 15 маленьких поэм, в том числе и "Кобыльи корабли". Ту же книгу поэт безуспешно пытается издать в двух томах в издательстве "Альциона". В 1925 году Есенин заключает договор с московской редакцией Ленинградского Госиздата на публикацию "Ржаных коней". Но — увы! Даже в Нью-Йорке, во время заграничной поездки, в первой половине ноября 1922 года, передав издателю А. Ярмолинскому рукопись своего сборника "Стихи и поэмы" в составе восьми произведений, включая "Кобыльи корабли", С.Есенин не получил желаемого результата.

В сборнике "Харчевня зорь", подаренном музею Н.Д.Вольпин, внизу, под отпечатанным текстом поэмы "Кобыльи корабли", есть ее рукописные заметки: "Исправление сделано рукой С.Е. в мае-июне (зачеркнуто). Весной или (апрель?) 1920 г."

Хотелось бы внести уточнения в ее воспоминания.

Весной 1920 года, после выхода в свет сборника "Трерядница", С.Есенин пришел с этой книгой на новую квартиру Н.Вольпин в Хлебном переулке. Первым делом он садится за стол и аккуратно "выводит" на сборнике

"Надежде Вольпин
с надеждой
Сергей Есенин".

"Вручив мне "Трерядницу", — пишет Надежда Давыдовна, — Сергей принялся рыться в моем "книжном шкафу" — стопках книг на столе. Почти сплошь стихи <...>. И целая стопка книжек Сергея Есенина.

Из нее он выдергивает тоненькую квадратную, чуть меньше школьной тетради книжечку: сиреневая обложка, сверху крупными буквами "ХАРЧЕВНЯ ЗОРЬ" <...>. На оборотной стороне обложки посередине анонс: "Печатается сборник "ИМАЖИНИСТЫ". Поэзия, проза, статьи, рисунки. Участвует вся банда". И пониже, справа: "Редактируют Сергей Есенин, Анатолий Мариенгоф". А совсем внизу стоит жирным шрифтом цифра 100 <...>.

Открывается сборник есенинской поэмой "Кобыльи корабли" (такие стихотворения, построенные как триптихи, тетраптихи и прочая, в те далекие времена именовались поэмами).

Хорошо отточенным карандашом — полагаю, химическим — он не стерся и по сей день, — Есенин вычеркивает несколько строк в третьей и пятой главах и надписывает сверху своим бисерным почерком — каждая букровка отдельно — новые варианты. В печати они появятся позже <...> Есенин, установившийся и признанный поэт, правил уже

напечатанное! Для меня и моих друзей отработанное как бы костенеет. Но как не отметить, что после правки стих стал крепче”³.

Существенному исправлению С.Есениным была подвергнута двенадцатая строфа:

Причащайся соломой и шерстью,
Жуй твой хлеб и расти овес.
Славься тот, кто наденет перстень
Обручальный овце на хвост⁴.

Авторская правка трех последних строк:

...Тепли песней словесный воск.
Злой октябрь осыпает перстни
С коричневых рук берез.

Поэт отказывается здесь от усложненных образов, но придает стиху ярко выраженную политическую окраску.

Иносказательно поэт как бы дает понять, что диктаторская реализация октябрьских замыслов чревата нравственным опустошением, отчуждением человека от своих прав, внутренней свободы.

Идейная позиция автора вступает в критическую фазу после изменений, сделанных им в девятнадцатой строфе. Правда, вызывает недоумение приводимый во втором томе 6-титомного собрания сочинений С.А.Есенина, в разделе “Из ранних редакций”, вариант строфы (с. 172):

В сад зари лишь одна стезя,
Сгложет рощи октябрьский ветр.
Череп с плеч — только слов мешок,
В мир великий поэт пришел.

Вас. Базанов — составитель второго тома — при этом ссылается на сборник “Харчевня зорь” (1920), в котором на самом деле эти строки читаются иначе:

В сад зари лишь одна стезя,
Череп с плеч только слов мешок.
Все познать ничего не взять
В мир великий поэт пришел⁵.

После внесения авторских правок строфа приобретает более трагическое звучание:

В сад зари лишь одна стезя,
Сгложет рощи октябрьский ветр.
Все познать ничего не взять
Пришел в этот мир поэт.

Авторская правка, несомненно, усиливала социальное звучание, исповедальный драматизм всей поэмы, особенно тех строф, которые получили новую редакцию.

Теперь, с еще большим основанием, поведение лирического героя “Кобыльих кораблей” можно представить как своеобразный вызов, брошенный им в хаос действительности и, одновременно, равнозначный упреку самому себе: “А, я вот так поступлю! Я “приш-о-о-л в этот мир” (моя интерпретация.— В.Н.).

Выражение “ничего не взять” как бы означает преднамеренный уход “поэта” в себя. Казалось, нет выхода из столь трагических обстоятельств. Но вечной остается надежда и любовь к Родине. Вот почему столь контрастно-неожиданно на светлой ноте заканчивается в “Кобыльих кораблях” трудный монолог поэта:

Он пришел целовать коров,
Слушать сердцем овсяный хруст.
Глубже, глубже, серпы стихов!
Сыпь черемухой, солнце-куст!

(II, 69)

Во время встречи с Н.Д.Вольпин С.Есенин довольно быстро сделал небольшие по объему исправления в тексте “Кобыльих кораблей” и спросил ее: “Ну, зачем, по-вашему, я внес эти правки?”

— Я знаю поэму наизусть, — пишет дальше Надежда Давыдовна, — и правку принимаю не безболезненно. Мне жалко, что отброшен образ “череп — мешок слов” и заменен словами об октябре, уже прозвучавшими в третьей главке. Высказать прямо? А не обидится?

— Не поняли? Вы же сами поэт, должны понять. Было шатко: “великий мир” или “великий поэт” <...>

И я говорю:

— Что убрали “великий” — это хорошо: “поэт” без эпитета <...> звучит сильнее и становится “великим” сам собой...”⁶

При анализе “Кобыльих кораблей” обращает на себя внимание одна существенная закономерность авторской правки. В процессе исправления строки “Пришел в этот мир поэт” С.Есенин преднамеренно, как нам думается, меняет новую орфографию глагола “пришел” на старую — “пришол”. Эта правка придает глаголу особое фонетическое и смысловое звучание, которое можно сравнить с громким произношением этого слова как бы в пустую трубу: “Пришо-о-о-л в этот мир поэт”. Именно такого звукового эффекта, позволяющего эмоционально сильнее почувствовать отчаянность положения лирического героя, хотел, по-видимому, добиться Есенин. В контексте строфы эта правка приводит к

логической кульминации сюжета поэмы. Более того, чтобы убедиться в этом, обратим внимание на последние прижизненные публикации “Кобыльих кораблей” С.Есенина в сборниках “Трерядница” (1920 и 1921 годов), где это слово также приводится в устаревшем орфографическом написании⁷.

Вполне вероятно, что авторские правки в сборнике “Харчевня зорь” С.Есенин сделал после своего разговора с И.В.Грузиновым. Попробуем установить примерную дату. В одной из литературных зарисовок Грузинова читаем:

“1920 г. Весна. Георгиевский пер., д. 7, квартира С.Ф.Быстрова. Есенин делает макет “Трерядницы”. Наклеивает вырезки с напечатанными стихами в тетрадку... Работает размеренно... Отдельные неприклеенные листки дает мне:

— Прочти, если что заметишь, скажи!

Читаю поэму “Пантократор”... Спорим. Он соглашается... Читаю “Кобыльи корабли”, обращаю внимание Есенина на предпоследнюю строфу:

В сад зари лишь одна стезя,
Сложет рощи октябрьский ветр.
Все познать ничего не взять
В мир великий пришел поэт.

Спрашиваю:

— Куда следует отнести определение “великий” — к слову “мир” или к слову “поэт”?

Ничего не отвечает. Молча берет листик чистой бумаги, пересаживается на диван <...>, исправляет строфу.

— Так лучше, — говорит через минуту и читает последнюю строчку строфы: — Пришел в этот мир поэт”⁸.

Сборник “Харчевня зорь” вышел из печати в апреле месяце и, надо полагать, не без помощи А.Сахарова. Александр Михайлович в то время был командирован на Украину для организации полиграфического производства. Всегда дружески относясь к Есенину, он много способствовал изданию его книг. На этот раз по приглашению Сахарова С.Есенин вместе с А.Мариенгофом 23 марта выехал в Харьков, где жил тогда В.Хлебников, который стал впоследствии одним из авторов сборника.

Если сопоставить дату внесения Есениным правок в “Харчевня зорь”, которую приводит Н.Д.Вольпин: “...в мае-июне (зачеркнуто). Весной или (апрель?) 1920 г.” — со временем встречи поэта с И.Грузиновым: “1920. Весна” (начало марта, когда сборник еще не мог быть сдан в печать.— В.Н.) и публикацией его “Трерядницы” — в мае-июне, то станет очевидным, что на квартиру Н.Д.Вольпин С.Есенин пришел в конце мая месяца или начале июня — сразу же после выхода

в свет “Трерядницы”. По памяти он просто перенес правки, учтенные им уже в этой книге при публикации в ней “Кобыльих кораблей”, не сказав ей об этом. Не исключается вероятность того, что при работе над макетом “Трерядницы” с И.Грузиновым С.Есенин мог с ним обсуждать все возможные варианты изменений в тексте поэмы. Может быть, он тогда же впервые и приступил к ним, но это нельзя утверждать с достаточной долей определенности.

Известно, что при встрече с И.Грузиновым Есенин исправил только последнюю строку девятнадцатой строфы “Кобыльих кораблей”. О замене в глагдле “пришел” гласной “е” на “о” Грузинов не упоминает и в тексте его воспоминаний, цитируемых нами по “Литературной хронике” В.Белоусова, это слово приводится в новом орфографическом написании, что, возможно, не соответствует авторской воле. Создается впечатление, что тот смысловой эффект, к которому привела замена Есениным букв, никогда никем не замечался: его принимали за опisku.

Вторую строку девятнадцатой строфы “Сгложет рощи октябрьский ветер” С.Есенин выправил, по-видимому, раньше, поскольку о ней речь не шла. А строки предшествующей двенадцатой строфы? Грузинов их здесь не приводит. Возможно ли, что эти правки существовали, даже обсуждались, но, по разным причинам, не смогли быть опубликованными? В таком случае, почему этих правок нет в рукописи “Кобыльих кораблей”, которую в числе других стихотворений сборника не смогли сдать в печать?

Из-за отсутствия информации приходится строить различные предположения. Одно из них: политические причины, в силу которых С.Есенин не был морально готов, чтобы отпечатать исправленный текст поэмы. Второе: поэт не смог еще найти законченную редакцию правок двенадцатой строфы. И, наконец, третья версия. Совместно с А.Мариенгофом и В.Хлебниковым в Харькове, составляя макет “Харчевни зорь” на скорую руку (времени оставалось мало), Есенин решил для себя оставить пока рукопись поэмы без изменений. Он исходил, возможно, из личных соображений. В коллективном сборнике ему не очень хотелось бы видеть эти правки. Думал он в тот момент скорее о своей “Треряднице”, макет которой с обновленным текстом “Кобыльих кораблей” был уже, вероятно, готов.

Н.Д.Вольпин в своих воспоминаниях пытается воссоздать живую, образную картину быта тех лет для того, как пишет она в своем вступлении, чтобы “передать в будущее ценителям поэзии Сергея Есенина его живые слова, пронесенные памятью сквозь всю мою долгую жизнь”⁹.

В этой связи хотелось бы вновь прокомментировать ее текст, чтобы уточнить одно важное обстоятельство.

“Мне жалко,— пишет Надежда Давыдовна,— что отброшен образ “череп — мешок слов” и заменен словами об октябре...” В то же время она не решается задать Есенину вопрос: почему он так сделал? Есенин может “обидеться?” — Подумала она. “Высказать прямо?” Не сочла возможным по личным соображениям”¹⁰.

На вопрос, адресованный Н.Вольпин: “Ну, зачем, по-вашему, я внес эти правки?” — С.Есенин отвечает: “Не поняли? Вы же сами поэт, должны понять. Было шатко: “великий мир” или “великий поэт”¹¹.

Иными словами, тема Октября и какие-либо другие вопросы оставались закрытыми для их обсуждения — во всяком случае, для печати. В текст “Кобыльих кораблей” Есенин от руки включил то, что он должен был сделать еще в Харькове в своей рукописи. Значит, об этом поэт всегда думал. Трудно и болезненно. При всей своей дружеской открытости, С.Есенин оставался поэтически ранимой, незащищенной натурой, скрытой в творческом плане даже для своих близких друзей. У Н.Вольпин даже мелькнула в то время мысль, что в Есенине “...притаилась душевная болезнь... В сознании Есенина окружающие резко делятся на друзей и врагов”¹².

Нам теперь приходится только догадываться, какой душевной боли стоил поэту сам внутренний процесс работы над правками, при внешне кажущейся легкости и быстроте. О сложности работы мог бы рассказать только сам Есенин. К сожалению, другими источниками, подтверждающими сделанный нами вывод, мы не располагаем. Следует заметить, что в есенинском творчестве это первое упоминание об Октябре в столь трагически осмысленной связи с происходящими в стране событиями после революционной ломки 1917 года. Поэма “Кобыльи корабли” — самое ярко выраженное, на наш взгляд, имажинистское произведение С.Есенина, написанное с глубоким подтекстом, сравнимым разве что с самой изощренной формой эзоповского языка.

Через два с половиной месяца после завершения авторских правок Есенин, в сущности, развивает ту же мысль в своем письме к Е.И.Лившиц, написанном им в поезде “Кисловодск — Баку” 12 августа 1920 года:

“Мне очень грустно сейчас, что история переживает эпоху умерщвления личности как живого, ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый <...> Тесно в нем живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений. Конечно, кому откроется, тот увидит тогда эти покрытые уже плесенью мосты, но всегда ведь бывает жаль, что если выстроен дом, а в нем не живут, челнок выдолблен, а в нем не плавают” (VI, 100).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 В.Шершеневич. О друге.— В сб.: С.Есенин, 1926 г. Цит.: В.Белоусов. “Литературная хроника”. Часть 2, с. 154.
- 2 Журн. “Вестник театра”. М., 1919, 9—14 декабря, № 45.
- 3 Надежда Вольпин. Свидание с другом. Сб.: Перспектива 89. Советская литература сегодня. М., “Советский писатель”, 1989, сс. 424—426.
- 4 Харчевня зорь. Сборник. М., 1920. С.3.
- 5 Там же. С.5.
- 6 Сб.: Перспектива 89. Советская литература сегодня. С.426.
- 7 Прим. автора. Во всех современных изданиях произведений С.А.Есенина авторский “каприз” большого поэта при публикации поэмы “Кобыльи корабли” не берется во внимание. Написание слов воспроизводится в соответствии с ныне принятыми нормами орфографии. Заметим, что правомерны, возможно, редакционные исправления таких слов в произведениях С.Есенина, как “чорт”, “Пугачов”, “Чорный человек” и др., потому что при авторском написании они не несли в себе той смысловой орфоэтики, которая вложена поэтом в глагол “пришол”. И это, пожалуй, единственный случай в творческом наследии С.А.Есенина.
- 8 В.Белоусов. “Литературная хроника”. Часть I, с. 157.
- 9 Сб.: Перспектива 89. Советская литература сегодня. С.415.
- 10 Там же. С.426.
- 11 Там же. С.426.
- 12 Там же. С.432.

“ТЫ ВСПОМНИ МЕНЯ И “БАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ”

С этими словами, вынесенными в заголовок, Сергей Александрович Есенин обратился к одному из своих бакинских друзей — Евсею Ароновичу Гурвичу в единственном посвященном ему экспромте, который достаточно хорошо известен:

Пускай я порою от спирта вымок,
 Пусть сердце слабеет, тускнеют очи,
 Но, Гурвич, взглянувши на этот снимок,
 Ты вспомни меня и “Бакинский рабочий”.
 Не знаю: мой праздник иль худший день их,
 Мы часто друг друга по-сучьи лаем,
 Но если бы Фришберг давал нам денег,
 Тогда бы газета была нам раем¹.

Евсей Аронович Гурвич родился в 1885 году в селе Дубровка бывш. Орловской губернии, в бедной крестьянской семье, мальчиком вынужден был батрачить, потом работал чернорабочим. Ранняя социальная зрелость позволила ему уже в 19 лет стать членом партии, он участвовал в революции 1905 года, несколько раз был арестован, ссылался, но не прекращал вести пропагандистскую работу сначала среди рабочих, а с началом мировой войны — в войсках.

Он участвовал в создании Красной Гвардии на Украине, в восстановлении народного хозяйства, редактировал одну из местных украинских газет, затем недолго работал в Москве и вновь вернулся на фронт.

В сентябре 1922 года он с семьей (женой и тремя детьми) приехал в Баку и обратился в “Бакинский рабочий”. Однако в газету его не приняли, а зачислили контролером в склады проднефти. С первых же дней работы Е.А.Гурвич начал писать заметки в рабочую газету “Труд”, которые регулярно появлялись за подписью “Р.Б.” или “Рабочий большевик”. Через несколько месяцев его пригласили на постоянную работу в “Труд”, а 10 декабря 1924 года он был направлен в “Бакинский рабочий” литсотрудником в отдел Партийной жизни. В этой газете он проработал почти постоянно вплоть до ухода на пенсию в 1957 году. Умер он 21 апреля 1971 года, а 23 апреля состоялась гражданская панихида в Доме культуры каспийских моряков (ул. Хагани, 16).

Е.А.Гурвич начал работать над воспоминаниями о встречах со многими известными писателями (С.Есенин, В.Маяковский, Д.Бедный, Б.Пильняк, Н.Погодин и др.) после ухода на пенсию. Он автор двух повестей: "Рядовые", кн. I (М., 1958) и "Путями непроторенными" (М., 1964), а также нескольких брошюр о работе газетчика. В архиве писателя, который, кстати, не был членом Союза писателей, сохранилось несколько вариантов его воспоминаний, близких по содержанию. Неопубликованные воспоминания Е.А.Гурвича хранятся у его сына, проживающего в Баку. Сын Е.А.Гурвича — Том Евсеевич — любезно предоставил нам два варианта: один не имеет названия, а второй озаглавлен автором — "Мои газетные университеты (40 лет в газете — Воспоминания)" (Баку, 1966). Небольшой отрывок из воспоминаний о встречах автора с Сергеем Есениным был опубликован в газете "Баку" 3 октября 1965 года и назывался "Есенин в Баку". Полностью воспоминания Е.А.Гурвича никогда не публиковались.

К сожалению, нам неизвестна дата знакомства Е.Гурвича с С.А.Есениным², но о том, как это произошло, он пишет в своих воспоминаниях:

"Как-то пригожим утром ранней весны иду я мимо ресторана, помещавшегося в доме у сада Карла Маркса (сейчас пл. Низами), вдруг слышу — кто-то позвал меня. Обернулся и вижу у самых открытых дверей ресторана добродушного, вечно улыбающегося поэта Мурана... Я подошел. За столиком, у самых настешь раскрытых дверей, сидел за бутылкой вина Муран с молодым белокурым синеглазым человеком.

— Зайди, не стесняйся, познакомься с Есениным.

Я обомлел. Должен сказать, что я Есенина обожал, зачитывался его стихами, другим советовал читать их. За это мне здорово попадало от Пира и, особенно, от Тарасова (напостовцы, сотрудники газеты "Труд".— Г.Ш.).

— Мужик, кулак,— говорили они про Есенина.— Он из тех мужиков, кто французскую революцию погубил.

Я мало обращал внимания на эти речи, знал, что Тарасов вряд ли читал историю французской революции и поет с голоса Пира <...>

— Садись,— пригласил меня Есенин.— Выпьем.

— Только не это, милый-дорогой, только не это.

— Он не любит выпивку,— смеясь, сказал Муран.

— А я вот порченый,— вздохнул Есенин, с досадой отодвинув от себя стакан вина, и сказал: — Пойдем! — порывисто поднялся с места, бросив на стол деньги, и мы вышли.

Он пробыл в Баку три месяца³. Мы с ним встречались ежедневно, но ни разу он мне не намекнул на выпивку и ни одной капли водки или вина я с ним не выпил. По дороге у

нас завязался оживленный разговор о литературе, о литературных кружках⁴.

Есенин заинтересовался литкружком при “Бакинском рабочем” ... На первое же собрание литкружка в “Бакрабочем” (оно состоялось 3 апреля 1925 года.— Г.Ш.) Есенин пришел вовремя. Он был трезв, принимал активное участие в обсуждении прозы и стихов рабкоров, похвалил молодого плотника Петю Дидаева. Стихи Саши-токаря — он не одобрил, хотя и оговорился, что не воспринимает производственных стихов, посоветовал поэту ввести в стихи побольше задушевного. Так и сказал: “Больше души”, чтоб читатель видел не только фуганочки и рубаночки, но и душу столяра. Резко он отозвался о стихах Высоцкой, но рассуждения ее о стихах других авторов ему понравились: “Знает толк в стихах!”. Собрания, на которых присутствовал Есенин, были многолюдны и проходили оживленно. Читал поэт и свои стихи. И как читал!

Богат русский язык, но передать, как читал Есенин, — и в нем слов не найдется. Сядет на стол, положит ногу на ногу, руками обхватит колени, чуть опустит голову и читает. Читал тихим, но полным чувства голосом, а на опущенных ресницах поблескивали крохотные слезинки. Нельзя было его слушать без глубокого волнения. Ни разу он не возвышал голоса, как это делают некоторые артисты, читая его стихи.

— Душу тревожит,— говорил старик Ковалев,— птица-соловей, а не человек.

— Совесть очищает от житейской скверны,— так оценил чтение Есенина одаренный поэт-рабочий Гусев.

У Есенина были деньги. И душа нараспашку. Вот вокруг него и вертелись охочие до бесплатной выпивки, среди которых не последнее место занимали поэты Муран и Данилов. По мере своих силенок они тянули его в болото.

Некоторые девушки приходили на кружок, чтобы посмотреть на поэта, переброситься с ним парой слов. Одни буквально вешались ему на шею. Но он ненавидел и шпану, с которой пил, и легкомысленных девочек — цельная, чистая натура!

Глубоко запали мне в душу некоторые его высказывания. Как-то мы шли с ним на вечер в клуб нефтяников в Черный город⁵. Всегда, когда его предупреждали, что ему надо выступать перед рабочими, он за сутки до этого в рот не брал хмельного. Был он и на этот раз трезвый.

— Эх, Сережа! — воскликнул я.— Если бы ты совсем, всегда не пил.

Помолчав, он ответил:

— Сказал бы, почему я пью, да ты не поймешь. Не могу я расколоть свою душу надвое,— добавил он, помолчав,— не могу, как тот знаменитый футурист: думает и чувствует

одно, а пишет другое. Зато у него и выходит крикливо, барабанно — совесть свою заглушает. Но у него есть совесть,— и попомнишь мое слово — он не выдержит, как и я... мы оба покончим с собой!”

В своих воспоминаниях Евсей Гурвич рассказывает о выступлении С.Есенина 5 мая в клубе работников печати⁶, об отношении поэта к бакинским напостовцам, о двух эпизодах, когда С.Есенин был нетрезв, причем во время второго он попал в отделение милиции.

Заканчивает Е.А.Гурвич свои воспоминания о встречах с С.Есениным словами: “Уехал Есенин. И словно солнышко спряталось за тучи. В кружке стало как-то неуютно, повеяло холодком, как при солнечном затмении”.

Воспоминания Е.А.Гурвича о Сергее Есенине, к сожалению, очень скупы, возможно, связано это с возрастом мемуариста: датированный 1966 годом вариант воспоминаний написан им в весьма преклонном возрасте — 81 года, и следует с уважением отнести к человеку, сумевшему через всю жизнь пронести память о встречах с поэтом в далеком 1925 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Впервые опубликовано в ж. “Литературный Азербайджан” (1959, № 10) доцентом АПИРЯЛ им. М.Ф.Ахундова С.Ф.Турабовым; вошло в Полное собрание сочинений С.А.Есенина в шести томах (т. 5, с. 254).
- 2 С большой долей вероятности можно считать, что это произошло 31 марта — 1 апреля 1925 г., т.к. 30 марта С.Есенин приехал в Баку, а 2 апреля в “Бакинском рабочем” появилось сообщение, что 3 апреля С.Есенин выступит на заседании литкружка.
- 3 Е.Гурвич ошибается: С.Есенин пробыл в Баку около двух месяцев: с 30 марта по 25 мая 1925 года.
- 4 В 20-е годы в Баку существовало несколько литературных кружков. Первый литкружок рабочих писателей и поэтов был создан летом 1923 года при газете “Бакинский рабочий”. На заседаниях кружка обсуждались произведения начинающих авторов, наиболее удачные отбирались для “Литературной страницы”, регулярно появлявшейся в газете. Руководил кружком поэт Михаил Данилов, тоже один из друзей С.А.Есенина, однако к своим обязанностям относился не очень аккуратно и не возражал, когда после прихода в “Бакинский рабочий” Е.Гурвича руководство кружком перешло к последнему. При Гурвиче заседания кружка стали проводиться регулярно, еженедельно, по пятницам.
- 5 Об этом выступлении С.Есенина весной 1925 года нам ничего не известно.
- 6 Подробнее об этом см. нашу статью “Неизвестное выступление Есенина” (в газете “Литературная Россия”. 1989, № 7, 17 февраля).

ОНИ ЗНАЛИ ПОЭТА

“Самые лучшие минуты...”

К истории взаимоотношений С. Есенина и А. Берзинь

Среди множества лиц, упоминаемых в именном указателе к Собранию сочинений Сергея Есенина, неоднократно встречается имя Анны Абрамовны Берзинь (1897—1961). В двадцатые годы она исполняла обязанности редактора отдела крестьянской литературы Госиздата, где часто бывал Есенин, однако ее отношения с поэтом не замыкались рамками сугубо деловых. Свидетельством этому являются девять сохранившихся писем Есенина к Берзинь, сердечный тон которых свидетельствует не только о душевной раскованности автора в данный момент, но и высокой степени доверия к своему адресату.

“Милая, хорошая, добрая”, “дорогая, незабываемая”...

Далеко не всем своим даже очень близким знакомым расточал такие теплые слова “обреченный на гоненье” чиновниками от литературы златоглавый певец, защитник уничтожаемой Руси.

“...был бы страшно рад видеть Вас”, — заверяет Есенин в письме от 4 апреля 1924 г. (VI, 141) (первое из сохранившихся писем к Берзинь).

“Ты всегда была моим ангелом-хранителем” — констатирует поэт в письме к А. Берзинь 16 октября 1925 г. (VI, 196). Автор употребляет глагол в прошедшем времени, как бы подводя некую черту под отношениями последних полутора лет, непростых ступеней от почтительного, но официального “Вы” до краткого дружеского “ты”. Конечно, ни Есенин, ни Берзинь не предполагали, что этому письму волею судеб суждено будет стать последним, что нить дружеских отношений между ними будет оборвана отнюдь не банальной размолвкой, а трагической гибелью поэта.

“Вы ко мне были, как говорят, “черт-те что такое”. Люблю я Вас до Дьявола...”, — писал в одном из своих писем Есенин и добавлял с лукавой усмешкой: “...не верю Вам навеки еще больше” (VI, 151).

Расхождения во взглядах на пути становления новой России и на отражение этих путей в литературе, разный круг общения и обитания — все это не только не разъединило, но со временем сблизило и подружило. Много лет спустя, вспоминая подробности первой встречи с поэтом, Анна Абрамовна признавалась: “В молодости люди обычно начинают дружить с первого слова, с первого знакомства, но я не могу этого сказать о наших дальнейших отношениях с Сергеем Александровичем. Много было таких моментов, которые мешали нам подружиться. Встречалась я в то время главным образом с военными — хоть фронт и перестал существовать, но спайка осталась. И все, почти все, за редким исключением, фронтовые товарищи, признавая Сергея Александровича хорошим поэтом, резко отрицательно относились к кафе “Стоило Пегаса”. Дома у нас Сергей Александрович держался неуверенно. Его отпугивала, видимо, суровость и подтянутость товарищей из нашей среды”¹.

О литературных соратниках Сергея Есенина написано немало. Что же касается литературных соратниц — их можно перечислить по пальцам: Галина Бениславская, Софья Толстая, Екатерина Есенина... Каждая из них, в меру своих сил и возможностей, помогала поэту в его издательских делах, сберегала его деловые бумаги и черновики произведений. И, конечно, не последнее место в этом ряду занимает имя Анны Абрамовны Берзинь, советы которой и дружеская поддержка были нужны поэту в его скитаниях:

“Буду очень рад, если Вы мне напишете...” (VI, 159)

Не знаю, сохранились ли письма Берзинь к Есенину. Если сохранились, их было бы полезно систематизировать и опубликовать — так же, как и все сохранившиеся письма его оппонентов. Значение таких документов трудно переоценить. Что касается воспоминаний — они, как правило, пишутся по остывшим следам событий и чаще всего являются литературными произведениями, с элементами вымысла и домысла, реминисценциями, где вместо живых голосов звучат далекие, размытые временем отголоски.

Полагаю, что в этом смысле не безупречны и воспоминания А.А.Берзинь, написанные ею незадолго до смерти и значительно позднее опубликованные в журнале “Кубань”. Тем не менее будем благодарны автору и за этот контурный след, запечатлевший историю давних отношений и многое добавляющий в них для исследователя.

В дополнениях к своей книге “Сергей Есенин. Литературная хроника”² В.Г.Белоусов отмечал:

“По свидетельству А.А.Берзинь, за время знакомства с Есениным она “получила от поэта 52 письма и телеграммы, из них 15 писем передала в 1948 году на хранение С.А.Толстой-Есениной” (запись автора, 24 мая 1959 года). В “Лите-

ратурной хронике” отмечены девять писем и одна телеграмма, обнаруженные в архиве С.А.Толстой-Есениной (Государственный музей Л.Н.Толстого). Местонахождение остальных писем и телеграмм неизвестно”³.

Кроме указанных выше писем сохранился сборник С.Есенина “Березовый ситец” с дарственной надписью, адресованной А.Берзинь:

Самые лучшие минуты
Были у милой Анюты.
Ее взоры, как синие дворцы,
В них любовь моя, в них и сердце.

12 июня 1925 г.

Автограф красными чернилами был сделан Есениным в день получения авторских экземпляров книги в помещении Литературно-художественного отдела Госиздата, где в связи с готовящимся собранием сочинений поэт часто бывал в последние месяцы своей жизни.

Дружеские отношения между С.Есениным и А.Берзинь давали возможность предполагать, что “Березовый ситец” — не единственная книга, подаренная ей поэтом.

Можете вообразить радость изыскателя, когда ему удалось обнаружить еще одну книгу, подаренную автором тому же лицу! Порыжевшими от времени чернилами на чистой странице книжного разворота третьего номера альманаха “Круг”, где впервые был опубликован большой кусок из задуманной Есениным поэмы “Гуляй-поле” (здесь он обозначен как “Отрывок из поэмы”) аккуратным есенинским почерком выведено четыре кратких строки:

Анне Абрамовне
Берзинь —
С уважением
Сергей Есенин.

Автограф хранится в частном собрании. К сожалению, он не датирован, но сделан, вероятнее всего, в день выхода — в апреле-мае 1925 г.⁴

Никаких исправлений и добавлений автора в обнаруженном экземпляре нет.

Судьба Анны Абрамовны Берзинь, во многом типичная для судеб людей ее поколения, сложилась трагически. Арестованная в начале августа 1938 года по делу своего мужа, писателя и общественного деятеля Бруно Ясенского, она прошла через все ужасы советских лагерей и ссылок. Только восемнадцать лет спустя, тяжело больная, она сумела, наконец, вернуться в Москву. Подробнее об этом рассказано в материале Ст. Куняева “Умоляю Вас о помощи...”⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Берзинь А. Последние дни Есенина // Кубань. 1970. № 7. С.82—100.
- ² Белоусов В.Г. Сергей Есенин. Литературная хроника. М.1970. Ч.1.— 304 с. Ч.2.— 447 с.
- ³ Белоусов В.Г. Указ. соч. Ч.2. С.291.
- ⁴ В “Книжной летописи” за 1924 г. № 9 альманах числится среди поступлений за 1—15 мая 1924 г.
- ⁵ Куняев Ст. Умоляю Вас о помощи... // Наш современник. 1992. № 6. С.155—162.

“Перед этим сонмом уходящих...”

Новые данные о болезни и смерти А.Ширяевца

По свидетельству современников, ранняя и неожиданная смерть Александра Ширяевца была в судьбе С.Есенина первой и, может быть, единственной невосполнимой потерей. “В ту страну, где тишь и благодать”, ушел, не попрощавшись, не просто необходимый собеседник, верный соратник по литературной работе. Ушел человек из разряда тех, чье существование для его окружения естественно, как вдох и выдох, и чье отсутствие на празднике жизни делает его, этот праздник, неполноценным.

После выхода последней прижизненной книги стихов Ширяевца в начале 1924 года о нем заговорили, как о *новом* поэте. Звонкий песенный распев и широкая былинная удаль его поэзии обнаружили в авторе избыток здоровой русской стихии, не вписывавшейся в рамки современных течений и школ. Хорошо знавший Ширяевца критик В.Львов-Рогачевский в предисловии к посмертной книге поэта¹ писал: “Молчаливый, сосредоточенный, “русоволос, скуласт, медведя тяжелый”, он вошел в литературную среду, совершенно чуждый богеме... Вошел без позы, без фразы, с величайшей серьезностью готовясь к писательскому подвигу... Есенинский кружок его не привлекал, и он редко, урывками виделся с Есениным, которого трепали буйные вихри... Новые писатели его разочаровали. Он мечтал “услышать вещие речи”, увидеть пророков, а встречал людей, продающих не только рукописи, но и вдохновение”².

Уроженец Жигулей, впитавший дух разинской вольницы, Ширяевец много лет прожил в Средней Азии и немалую дань золотым стихом заплатил бирюзовому краю. Есенин упорно звал поэта в Россию, в Москву, мечтая собрать надежную

поэтическую дружину. Но меркантильный дух столицы и ее богемный шум оглушили и разочаровали Ширяевца:

Не мил мне писк столичных шустрых птиц,
В нем солнца нет, в нем — дым больной угара.
О, дохленькие гении столиц...
Иду на вы с заповем Кудеяра.

(А.Ширяевец. Волжские песни. С.10)

Львов-Рогачевский вспоминал: “В 1924 г. в самый разгар творческой работы поэт, “в песнях соловей”, неожиданно для нас тяжело заболел, был перевезен в больницу и там, на больничной койке, умер от менингита. Это было 15 мая, ранней весной, когда все кругом цвело и зеленело...”³

Долго песня моя запевалась,
А запелась — отпелась весна!
— Сколько верст до могилы осталось?
Подросла ли для гроба сосна?..

(А.Ширяевец. Волжские песни. С.14)

Наверное, перечитывая эти вещи, написанные незадолго до смерти строки, Есенин, вошедший в комиссию по литературному наследию Ширяевца, глотал тяжелые слезы. В садах, пронизанных тугой майской синью, белой пеной закипали яблони, захлебывались наперебой песнями соловьи, легкими стругами шли и шли по небу облака, а в ушах далеким отголоском звучал голос поглощенного пространством друга:

Примерещилась смертынька мне:
— Твой черед!
Собирайся-ка, милый, брось песни свои!
— Обожди, когда яблонный цвет упадет,
А в нарядных кустах допоют соловьи!..

(А.Ширяевец. Волжские песни. С.15)

Смерть не стала дожидаться... И сонм “уходящих понемногу” дорогих людей напоминал о быстротечности жизни, заставляя острее воспринимать неповторимость уплывающего облаком бытия. Не тогда ли возникла строчка, вылившаяся в своего рода гимн продолжающейся жизни: “Может быть, и скоро мне в дорогу...”? Кто знает...

Вообще, об этих горчайших для Есенина днях, об его отношении к памяти А.Ширяевца оставлено немало свидетельств: достаточно обратиться к воспоминаниям С.М.Городецкого, В.Кириллова, И.Старцева, В.Вольпина, П.Дружинина, Евг. Сокола и других современников поэта. Наиболее подробно и ярко воспоминание В.Львова-Рогачевского:

“Никогда не забуду 17 мая, когда мы, писатели, хоронили его... Есенин, Клычков, Оршин, которых смерть Ширяевца

буквально потрясла, приняли на себя все заботы о своем друге и брате... В одиннадцать часов утра привезли они из больницы гроб, такой тесный для этого "детины" с могучими плечами... Гроб поставили в саду, против дома Герцена, под березками с молодыми, клейкими, пахучими светло-зелеными листочками.

Тут были Сергей Городецкий, Свирский, Герасимов, Кириллов, Потапенко, Ляшко, Ю.Соболев, Яковлев, Никандров, Белоусов, Ютанов, Пришвин, Орешин, Клычков, Есенин, П.Карпов, Шепеленко и другие... Не хотелось говорить речей... перед гробом этого человека, чуждого фразы, всегда относившегося целомудренно-стыдливо к слову... И мы молчали... От березок струился тонкий запах ладана...

В это время подошел ко мне поэт Горшков с четырнадцатым номером "Красной Нивы" в руках (от 6 апреля). В этом номере был напечатан портрет Ширяевца с печальными глазами, которые заставляли вспомнить его слова: "...Но отчего у всех грустны глаза"...

— Посмотрите,— сказал мне Горшков,— ведь он знал о смерти... Он прощался с нами...

Я прочел стихи Ширяевца, и мне захотелось, чтобы этот голос с "того берега" услышали все.

— Товарищи... Александр Васильевич Ширяевец говорит нам из гроба свое прощальное слово!

Все подошли ближе к гробу.

Уйди, тоска, не мучай,

Гляди: стою в гробу...

Я прочел это стихотворение, полное пророческой тоски и сознания мучительного одиночества, и захотелось напомнить глаза и лицо вещего поэта, которое смотрит на нас из каждой песни его...

И вспомнил я поэта, влюбленного в жизнь-сказку, в жизнь-легенду, в солнечную мечту, в мечту яркую, весеннюю, в соловьиные песни и яблонный цвет. И вспомнил я солнечные весенние песни поэта, который готов был вцепиться "звериными зубами" "в жизнь" и "в солнце и в траву"...

На Ваганьковском кладбище поставили его гроб на краю могилы... Заговорил горячо, волнуясь и плача, Орешин, потом с прощальным словом обратились к ушедшему Клычков, Есенин, Городецкий. Надрывной тоской звучало горячее слово С.Есенина... Это было подлинное "надгробное рыдание".

Кто-то вмешался со своей речью о тракторах, о "проклятых мужицких лаптях", которые отжили свой век...

— Не смей проклинать мужика! — закричал Орешин.

И вот над безмолвствующим Ширияевцем загорелся горячий спор, и, казалось, к нему прислушивается молчаливый, сосредоточенный Александр Васильевич.

И вдруг неожиданно для всех на березке, над самой могилой, запел соловей. Да как запел!.. Все стихли...

— Товарищи! — невольно вырвалось у меня.— После выступления этого последнего оратора, пропевшего над волжским соловьем, нам говорить нечего... Разойдемся... А соловья мы никогда не забудем...

И мы разошлись. А вечером в доме Герцена состоялись поминки...

Пили... пели любимые песни Ширияевца: “Во субботу день ненастный” (поэт умер в субботу). Много говорили. Говорил Андрей Соболев, много читал стихов Сергей Есенин, читал с необыкновенным подъемом, но в голосе его слышались хриплые ноты и в лице была смертельная усталость... Он читал “Письмо к матери”, свои последние песни...

Над ранней могилой Ширияевца друзья его — Орешин, Клычков и Есенин поставили крест с надписью:

“А.В.Ширияевец-Абрамов.

Родился в 1887 г.— умер в 1924 г.”⁴

В июле 1924 года в 4-й книжке журнала “Красная Новь” появилась подборка новых стихотворений С.Есенина, и среди них “Памяти Ширияевца” (“Мы теперь уходим понемногу...”) Боль утраты стихала, но не стихало чувство обиды на несправедливую судьбу, отнявшую друга. Кроме того, после похорон по Москве поползли слухи о том, что поэт умер не своей смертью.

“Есенин не верил, что Ширияевец умер от нарыва в мозгу. Он уверял, что Ширияевец отравился каким-то волжским корнем, от которого бывает такая смерть”, — писал в своих воспоминаниях С.М.Городецкий.

Недавно нам стал известен еще один документ, хранящийся в частном собрании. Он интересен прежде всего тем, что написан участником событий по горячим следам. Автор его — популярный в 20-е годы поэт и прозаик Пимен Карпов, входивший в число литераторов так называемого есенинского круга. Документ этот, публикующийся впервые,— частное письмо, на четырех страницах, чернилами, адресованное в Ташкент близкому другу покойного поэта — М.П.Новиковой-Костеловой:

Москва

11/VI.1924

Милостивая Государыня!

Смерть А.В.Ширияевца поразила своей жестокостью и неожиданностью не только Вас, но и всех, знавших его. Здесь, в Москве, у него был обширный круг знакомых среди писате-

лей, художников, артистов, было несколько близких друзей, которые, может быть, и недостаточно чутко относились к покойному при жизни, но теперь, после его смерти, одинаково горестно оплакивают безвременную утрату его и как благороднейшего, с кристальной душой человека, и как редкого талантливой поэта-баяна.

Я лично жил с покойным в одном доме Герцена, даже в одной комнате. Все время, от лета 1923 г. до начала 1924 г., мы вместе читали, работали, каждый в своей сфере, обсуждали планы на будущее, и, можно сказать без преувеличения, радовались одними радостями и печалились одними печальми. И никогда я не слышал в речах его слова отчаяния или упадка сил. Наоборот, он очень был бодр, много работал, трунил даже надо мной, как "пессимистом". Немного роптал он на современные условия, не позволявшие писателям жить и работать так, как подобает, но это — ропот всех современных людей, причастных к творчеству.

Зарабатывал он сравнительно прилично, особой материальной нужды не испытывал, даже помогал иногда займами близким (и лично мне). Все время он твердил о женитьбе, как бы вскользь упоминая, что у него в Ташкенте осталась невеста, с которой он был помолвлен три года назад, но которая его, вероятно, забыла. Впрочем, долю вины в этой забывчивости он принимал на себя, говоря, что по беспечности и за недостатком времени не мог невесте часто писать. Все же, у него горела какая-то надежда, и он был весел.

Перелом, мне думается, наступил после поездки его в Ташкент — в начале января э.г. Ехал он туда жизнерадостный, полный надежд на личное счастье, а вернулся опечаленным и как бы примолкшим. На мои вопросы отвечал коротко: "А невеста-то отшила меня". Ни имени ее, ни того, кто она — он не сказал. Он весь отдался работе.

6 мая э.г. он заболел легко малярией. Приглашенный врач ограничился общими советами. Я в это время сам был болен и должен был ехать в санаторий. Александр Васильевич попросил меня отложить мой уход в санаторий и побыть с ним. Я остался. 10 числа в болезни А.В. наступило резкое ухудшение и я, посоветовавшись с врачом и с самим А.В., должен был отвезти его в больницу. Все же Александр Васильевич в это время надеялся на быстрое выздоровление и собирался, как он говорил, повалявшись с неделю в больнице, ехать потом на Волгу, а оттуда, может быть, в Ташкент, чтобы к сентябрю вернуться в Москву. Покойный в состоянии был не только рассуждать, с легкой, правда, иронией, но и ходить. Так он сам входил в пролетку извозчика, сам сходил, сам расплачивался. Простившись со мною в больнице, покойный посоветовал мне ехать в санаторий, что я и сделал. Как

вдруг, 15 мая вечером я по телефону слышу от Есенина, что Александра Васильевича не стало.

Потеря его лично для меня равносильна потере отца, матери, брата. Тут слова излишни. Из расспросов больших и сиделок можно было узнать, что покойный тяготился отсутствием близких, часто бредил. 15 мая в день смерти, его посетила какая-то девушка в вуали и он навстречу ей, встав с кровати, прошел несколько шагов. Та успокоила его и, побеседовав, ушла. Спустя несколько минут в болезни наступил, очевидно, кризис и Ширяевец скончался. Это было в 4 ч. 10 мин. пополудни. Смерть была мгновенной.

В истории болезни говорится, что роковой исход произошел от менингита (кровоизлияние в мозгу на почве малярии). Все же, там стоит огромный знак вопроса. Подлинная причина смерти не выяснена.

Похороны были торжественные. Литературная Москва (Союз писателей, Союз поэтов, Литерат. звено и т.д. Особенно группа, близкая по духу покойному — Есенин, Клычков, Орешин и др.), — все пришли отдать последний долг. Гроб был засыпан живыми цветами. В надгробных речах недостатка не было, но увы, оценка Ширяевца, как человека и, главное, как поэта-песнопевца была несколько запоздалой. Похоронен покойный на Ваганьковском кладбище, рядом с могилой писателя А.С.Неверова, в 3 ч. дня 16 мая⁵.

Не могу не сказать об одном трогательном явлении в этот момент незабываемый: когда окончились речи и гроб опустили в могилу, над нею, тут же, на ветке березы, спускавшейся к могиле, громко запел соловей. В полдень, в присутствии большой толпы народа, на виду у всех, — вольный лесной певец отдавал последний долг своему старшему собрату-певцу — человеку. Это была самая лучшая надгробная песнь. И это тогда же всех поразило. Об этом многие говорят и сейчас.

Литературное наследство покойного передано специальной комиссией, избранной Всер. Союзом Писателей. Сочинения его предполагается издать в двух томах, а доход с издания употребить на постройку надгробного памятника. Сейчас на могиле стоит крест. Покойного отпели в одной из церквей Москвы, т.к. он выражал незадолго до смерти в этом смысле свое желание.

Вот все. Думается, последним заветом покойного всем нам было: не отчаиваться и жить, несмотря ни на что, чтоб войти в Лету этой жизнью оправданным.

С глубоким уважением *Лимен Карпов*

P.S. Личное небольшое имущество покойного передано Союзу Писателей на его усмотрение.

П.К.

Смерть поэта Александра Ширияевца была первой в ряду литераторов, близких Есенину. И, может быть, самой загадочной: таинственный волжский корень, таинственная незнакомка в вуали, знак вопроса над историей болезни... И все-таки в чем же причина гибели тридцатисемилетнего богатыря? Что это — следствие тяжелой болезни? Самоубийство? Или...

Пока на этот вопрос однозначного ответа нет.

Бесспорно одно — духовное здоровье Ширияевца, непоколебимая твердость его убеждений, вера в грядущее возрождение Руси и, конечно же, исключительное жизнелюбие. Почти все песни поэта излучают мощный заряд энергии, свет доброты и жар его щедрого сердца. Недаром он так любил восклицательный знак!

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Ширияевец А. Волжские песни. М. Круг. 1928. С. 5—22.

2 Там же. С. 9—10.

3 Там же. С. 10.

4 Там же. С. 11—14.

5 Автор ошибся. Похороны состоялись 17 мая.

Земляки

С. Есенин и П. Радимов

Поздней осенью 1915 года на улицах Петрограда появилась неброская афиша, извещавшая публику о том, что в концертном зале Тенишевского училища в воскресенье, 25 октября 1915 года состоится вечер “Краса” с участием поэтов Сергея Городецкого, Алексея Ремизова, Сергея Есенина, Николая Клюева¹. Были указаны еще три фамилии: Александр Ширияевец, Сергей Клычков и Павел Радимов. Поскольку эти три автора непосредственного участия в вечере не принимали, их произведения, как значилось в афише, читала артистка Бел-Конь-Любомирская.

Много лет спустя организатор этого выступления поэт С. М. Городецкий писал: “Даже теперь я не могу упрекнуть эту группу в квасном патриотизме, но острый интерес к русской старине, к народным истокам поэзии, к бытине и частушке был у всех нас. Я назвал всю эту компанию и предполагавшееся ею издательство — “Краса”... Это был первый публичный успех Есенина, не считая предшествовавших закрытых чтений в литературных собраниях. Был объяв-

лен сборник “Краса” с участием всей группы. В неосуществившемся же издательстве “Краса” были объявлены первые книги Есенина: “Рязанские побаски, канавушки и страдания” и “Радуница”. “Краса” просуществовала недолго”².

Творчество троих поэтов, отсутствовавших на вечере (не говоря о тех, кто принимал непосредственное в нем участие), было хорошо знакомо Есенину: с Александром Ширяевцем, жившим в далеком Ташкенте, он состоял с начала года в дружеской переписке, с Клычковым встречался лично, а Радимова знал по публикациям и по литературной критике. Все это были единомышленники, единоверцы, а Павел Радимов, кроме всего, доводился и земляком.

В 1965 году, когда Россия отмечала 70-летие со дня рождения Сергея Есенина, в журнале “Огонек” (№ 40) появились воспоминания старейшего поэта и художника Павла Радимова “Строки о Есенине”. Много мог бы рассказать автор о встречах с поэтом, но скромнейший Павел Александрович ограничился всего лишь несколькими эпизодами.

Их первая встреча состоялась в 1921 году в Москве, на вечере под председательством Валерия Брюсова, где выступали представители разных литературных направлений. Вот как рассказал об этом Радимов: “Прочитанные мною стихи о русском пейзаже — “Журавли” — были тепло встречены аудиторией. Когда я уходил с эстрады за кулисы, ко мне, протягивая руки, подошел веселый, улыбающийся Есенин. В то время ему было двадцать шесть лет. Серые глаза Есенина светились задорным блеском, волосы цвета льна прядью спустились на лоб. Весь в движении, стройная фигура, мягкая поступь — милый, молодой, ладно скроенный парень с открытым русским лицом”³.

Позднее они встречались неоднократно, читали друг другу стихи, делились творческими планами, с теплой грустью вспоминали Рязанщину, родную Оку, древний Солотчинский монастырь, где в разное время им обоим доводилось бывать.

Павел Александрович Радимов был старше Есенина на восемь лет. Он родился в селе Ходяйново Зарайского уезда Рязанской губернии в крестьянской семье. В 1911 году окончил историко-филологический факультет Казанского университета, а в следующем выпустил первую книгу стихов “Полевые псалмы”. Критика доброжелательно отнеслась к дебютанту: талант Радимова и как поэта, и как художника отмечали А.М.Горький и В.Я.Брюсов, добрые слова о творчестве начинающего стихотворца сказали Ю.Айхенвальд и Н.Гумилев. Последний отметил: “Радостно видеть, что в его книге есть все качества, необходимые для хорошего поэта... Это — материал, но материал ценный, над которым можно и должно работать”⁴.

Серьезные занятия живописью привели молодого литератора в среду профессиональных художников: в 1914 году по рекомендации И.Репина и В.Поленова он вступает в Товарищество передвижников, принимает активное участие в выставках. Ему суждено было впоследствии стать последним председателем товарищества! Но живопись не сумела отнять его у поэзии: в том же 1914 году в Казани выходит вторая книга поэта “Земная риза”, которая так же, как и первая, не осталась незамеченной. Н.Гумилев отмечал: “...его описания оживляет чисто-русская, даже народная, лукавая насмешливость... Хорошо читать его длинную поэму в гекзаметрах “Попадуду”, историю только что окончившего семинариста, едущего с отцом по соседним приходам выбирать себе невесту. Ни на минуту не волнует она читателя, но он все время слышит запах травы и лип, внимает стрекозам, благовесту и пристойным речам на букву “о” и любит всех этих скромных поповен с русыми косами в руку толщиной”. Впрочем, резюмировал будущий вождь акмеизма, — “у реализма есть много средств очаровывать душу, но ему нечего сказать, некуда позвать”⁵.

Революция застала П.Радимова в Казани. До 1921 года он работал здесь инструктором и заведующим отделом изобразительных искусств Татнаркомпроса, а в 1922 году перебрался в Москву. Литература и живопись продолжали идти бок о бок. Он был одним из организаторов и руководителей АХРРа (Ассоциация художников революционной России), последним председателем ВСП (Всероссийский союз поэтов) — организации, просуществовавшей до 1929 года. Одна за другой выходят поэтические сборники Радимова: “Деревня” (1924), “Телега” (1926), “Земное” (1927) и т.д.

В последний год жизни Сергея Есенина земляки встречались наиболее часто. Поэт Василий Наседкин вспоминал: “В первой половине марта Есенин заговорил об издании своего альманаха. Вместе составляли план. Часами придумывали название и, наконец, придумали: По-ля-не... По замыслу Есенина, альманах должен стать вехой современной литературы, с некоторой ориентацией на деревню”⁶.

В письме к Н.Н.Накорякову, заведующему отделом художественной литературы Госиздата, Есенин 27 марта 1925 года писал: “Дело с альманахом “Поляне” представляю себе так: сейчас набирается материал, но первый ударный № издается в начале сентября. За это время набирается попутно материал и для 2-го номера. Полагаю, что в этом году больше двух NN № издать не удастся... Редколлегия окончательно сконструирована в таком виде: Вс. Иванов, Пав. Радимов и я...” (VI, 180—181).

Несмотря на горячий запал издателей и поддержку Накорякова, издание не состоялось, хотя осенью 1925 года

Есенин снова вернулся к работе над первым номером, свидетельством чему является набросок плана, составленный поэтом.

Незадолго до гибели Есенин подарил Радимову свою книгу “Персидские мотивы”, сделав чернилами на титульном листе следующую надпись (частное собрание, Москва; публикуется впервые):

Милому Паше
Радимову
земляк друг
19 17/XI 24 г.

По всей вероятности, это была их последняя встреча. За три дня до нее Есенин закончил работу над “Черным человеком”, девять дней спустя лег на лечение в клинику. До страшной ночи в “Англетере” оставалось ровно сорок дней...

Павел Александрович пережил своего поэтического собрата более чем на сорок лет. Он скончался в деревне Хотьково Московской области 12 февраля 1967 года.

На склоне лет, вспоминая “о невозвратных и далеких” днях своей молодости, он набросал красочный поэтический портрет Есенина:

Начинает разворачиваться лист,
Скоро кинет кисть черемуха в саду.
По проселку ходит с песней гармонист,
Как Есенин в незапамятном году.

Эти песни он у родины узнал,
Не одну он деву-красу целовал,
Оттолкнуть его девчонка не могла,
И черемуха, как кипень, зацвела.

Где ты, гений незадачливый Сергей,
Песней Русь теперь прославилась твоей,
Средь полей ты бродишь и среди долин
Русокудрый юный Лель, крестьянский сын.

Именно таким — русокудрым, широким, звонким, былинно-русским — и вспоминают Сергея Есенина все, кому довелось встречаться с поэтом, и среди них — талантливый представитель крестьянской купницы, поэт и живописец Павел Александрович Радимов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 С.А.Есенин в воспоминаниях современников. Сборник. Т.1. М., "Худож. лит.", 1986. С.176.
- 2 Там же, с. 181.
- 3 Сергей Есенин. Юбилейный сборник. Исследования, мемуары, выступления. Под общ. ред. Ю.Прокушева. М., "Просвещение", 1967. С.256.
- 4 Н.Гумилев. Собр. соч. в 4-х тт. Изд. книжного магазина "Виктор Камкин". Вашингтон, 1968. Т.4. С.294.
- 5 Там же, С.341.
- 6 С.А.Есенин в воспоминаниях современников. Сборник. Т.2, С.304—305.

СОВРЕМЕННОКИ ЕСЕНИНА О “РОМАНЕ БЕЗ ВРАНЬЯ” МАРИЕНГОФА

Тему этого сообщения подсказали мне материалы, которые встретились в процессе работы над книгой “С.Есенин. Жизнеописание в документах”.

Мне показалась небезынтeресной нигде ранее не публиковавшаяся “Анкета Учредителя общества поэтов и литераторов “Литература и Быт”, содержащая элементы биографии, заполненная А.Б.Мариенгофом в 1928 году: “год рождения — 1897, место жительства — Петровка, Петровский, 3, кв. 4, б/п, не судился, избирательным правом пользуюсь. С 14 по 17 гг. учился. С 17 по 18 гг.— секретарь издательства ВЦИК, с 19 г. по настоящее время занимаюсь исключительно литературной работой, исключая 25 год, когда я работал в Пролеткино в качестве секретаря Отдела”¹.

К тому времени А.Мариенгофом были изданы книги: “Витрина сердца”, “Кондитерская солнц”, “Магдалина”, “Буян-Остров”, “Руки галстуком”, “Тюк звезд”, “Развратничая с вдохновеньем”, “Разочарование”, “Заговор дураков”, “Двуногие”, “Циники”.

В 40-е — 50-е годы он писал в основном пьесы: “Тарас Бульба”, “Шут Балакирев”, “Мистер Б.”, “Наша девушка”, “Ленинградские подруги”, “Совершенная Виктория”, “Кукушка”, “Дядя Саша”, “Тетя Нюша”, “Ничего общего”, “Суд жизни”, “Рождение поэта”.

Незадолго до смерти (скончался в 1962 г.) Мариенгоф закончил работу над книгой воспоминаний. Под названием “Роман с друзьями” и с большими сокращениями она увидела свет в журнале “Октябрь” в 1965 году (NN^o 10—11). Полная редакция под другим названием — “Мой век, мои друзья и подруги” была опубликована в 1988 г. и переиздана в 1990 г.

Очевидно, все же я не погрешу против истины, если скажу, что из всего созданного А.Мариенгофом наибольшую известность имеет его “Роман без вранья”.

“Воспоминания о Есенине” были написаны вскоре после смерти поэта и вышли в “Библиотеке “Огонька” в 1926 году. Затем Мариенгоф вдвое расширил их и под названием “Ро-

ман без вранья” они выходили при его жизни тремя изданиями — в 1927, 1928 и 1929 г. В 60-е годы “Роман” издавался на польском, чешском и югославском языках. У нас переиздание было осуществлено в 1988 и 1990 годах Б.Аверинным и С.Шумихиным, однако в сопровождающих книги статьях они не упомянули о том, что в середине 40-х годов Мариенгоф вновь возвращался к работе над “Романом” и подготовил “Предисловие”.

Мне встретилось его письмо, датированное августом 1948 г. и адресованное неустановленному лицу. “Дорогой Исаак Осипович! — писал Мариенгоф. — Оставляю Вам рукопись “Романа без вранья”. Держите совет, оцените, а я загляну к Вам в воскресенье. К рукописи я написал вроде предисловия. Думаю, оно будет представлять интерес”².

“Предисловие” находится вместе с рукописью в ИРЛИ, а черновик — в Государственном музее-заповеднике в Константинове. Поскольку оно не публиковалось и имеет отношение к моей теме, процитирую некоторые места из него:

“Роман без вранья” был написан, как говорится, одним духом. Примерно за три месяца. Мы жили тогда на даче под Москвой, в Пушкине.

Это первый черновик. Заготовительные листки — “первейшие”, к сожалению, не сохранились. Так же, как и машинописный экземпляр. От руки вторично я не переписывал. В книгу вошло не все. Кое-что не попало. Кое-что изъят сам. Кое-что вычеркнули.

К “Роману”, когда он вышел, отнеслись по-разному. Люди, не знавшие Есенина близко, кровно обиделись за него и вознегодовали на меня: “Оскорбил-де память”.

Близкие же к Есенину, кровные — не рассердились. Мы любили его таким, каким был.

Хуже дело обстояло с другим персонажем. Клюев при встрече, когда я ему протянул руку, заложил свою за спину и сказал: “Мариенгоф!.. Ох, как страшно!..” Покипятился, но ненадолго чудеснейший Жорж Якулов. “Почем-Соль” (Григорий Романович Колобов — товарищ мой по пензенской гимназии) оборвал дружбу. Умный, скептический Кожебаткин (издатель “Альциона”) несколько лет не здоровался. Не мог простить “перышных” носков и нечистого носового платка. Явно я переоценил чувство юмора у моих друзей. Совсем уж стали смотреть на меня волками Мейерхольд и Зинаида Райх. Но более всего разогорчила меня Изадора Дункан, самая замечательная женщина из всех, которых я когда-либо встречал в жизни. И вот она разорвала со мной добрые отношения...

О многом я в “Романе” не рассказал. Почему? Вероятно, по молодости торопливых лет. Теперь бы я, думается, написал полней, но вряд ли лучше...”³.

Сохранилось несколько писем друзей Есенина, в которых встречаются их высказывания о “Романе без вранья”. Так в июне 1926 г. Г.Р.Колобов писал С.А.Толстой-Есениной: “Выходит в Госиздате сборник воспоминаний о Сереже. И вышла здесь у нас еще о нем книжечка (речь идет о воспоминаниях Киришона “Сергей Есенин”). Откровенно — все плохо, за исключением местами прекрасных и теплых строк Воронского. Все больше стараются полилитературничать, написать по-краше, а выходит ведь весьма плоховато, “от ума”, как говорил Сережа... А Сережа любил слово, чтил его, как древний христианин свое Евангелие или мусульманин свой Коран... А.Мариенгоф пишет целую повесть. Читал мне первую главу. Нравится мне и не нравится. Что больше — не знаю...”⁴. В этом письме Колобов имеет в виду первую книгу Мариенгофа — “Воспоминания о Есенине”, а в другом, от 3 декабря 1926 г., он сообщает жене поэта о новой работе Мариенгофа: “Слышал я, что А.Б.Мариенгоф выпускает добавочную книжицу, той, вероятно, мало. Говорил мне, что во второй появлюсь и я. Подальше от таких воспоминаний. Ну черт с ним. Пусть пишет, прославляется, зарабатывает на кусок хлеба...”⁵.

Отношение к “Роману” высказано и в письме В.С.Чернявского к С.А.Толстой-Есениной от 17 мая 1927 года: “Выпуск 10000 экземпляров книжки Мариенгофа явно поощряется, а простая популяризация поэта вредна и недопустима. Это очень характерно! Мариенгоф сначала меня возмутил, потом, прочтя книгу вторично, я с ней примирился кое за что. Она раскупается и имеет успех (говорят: “очень интересно!”), и развязная фельетонность, насквозь пропитанная запахом мариенгофовского пробора, конечно, не бездарна. Я ждал худшего. Колобов давно говорил мне, что против выхода этой книги организована целая кампания — с Чагиным во главе, предлагал и мне присоединиться, но, видимо, дело заглохло. Противны мне очень лишь отдельные места — до зловредности,— а мне лично, весь тон книжки...”⁶.

Примечательно высказывание о “Романе” Д.А.Лутохина, писавшего 16 сентября 1927 г. А.М.Горькому: “Понравился мне “Роман без вранья” Мариенгофа. В нем много искренности и свежести. Скомкан только конец. От “Романа” у меня осталось подозрение, что Есенин покончил с собой, заразившись нехорошей болезнью. Или просто с перепою?”⁷. Горький сразу же отреагировал на письмо Лутохина и 21 сентября 1927 г. написал: “Не ожидал, что “Роман” Мариенгофа понравится Вам. Я отнесся к нему отрицательно. Автор — явный нигилист, драма не понята. А это глубоко поучительная драма, и она стоит не менее стихов Есенина... Есенин не

болел “дурной болезнью”, если не считать его разрыв с деревней, с “поэзией полей”...”⁸.

В заключение позволю себе высказать предложение, что поводом для написания Мариенгофом воспоминаний о Есенине отчасти послужила и статья Б.Лавренева “Казненный дегенератами”. Напомню несколько строк из нее: “Есенин был захвачен в прочную мертвую петлю. Никогда не бывший имажинистом, чуждый дегенеративным извертам, он был объявлен вождем школы, родившейся на пороге лупанария и кабака, и на его славе, как на спасительном плоту, выплыли литературные шантажисты, которые не брезговали ничем и которые науськивали наивного рязанца на самые экстравагантные скандалы, благодаря которым, в связи с именем Есенина, упоминались и их ничтожные имена. Не щадя своих репутаций, ради лишнего часа, они <...> не пощадили и его жизни”⁹.

Мариенгоф понял, кого имел в виду Лавренев, и обратился в Союз писателей за помощью. Об этом можно судить по неопубликованному письму, отправленному Лавреневым Мариенгофу в феврале 1926 г.: “Милостивый государь. Я чрезвычайно обрадован, что на Вас немедленно загорелась шапка и что самим фактом составления письма и своей подписью в нем Вы расписались в получении пощечины...

Вы изволите обращаться в Правление Союза с просьбой — или “исключить вас из Союза, или одернуть зарвавшегося клеветника” Лавренева. Я не прочь был бы поставить этот вопрос таким же образом, но, к сожалению, устав Союза не предусматривает возможности надзора за нравственной личностью своих членов и состояние в нем основывается на формальном признаке, наличии печатных трудов, а они у вас имеются. Мое мнение о них может не сходиться с другими мнениями, и Союз не правительственная партия, имеющая единую литературную и общественную идеологию. Я же считаю себя в полном праве считать Ваше творчество бездарной дегенератской гнилью и никакой Союз не может предписать мне изменить мое мнение о Вас и Кусикове, как о литературных шантажистах. В Вашем праве путем печати доказать, что не Вы с Кусиковым, а я создал вокруг Есенина ту обстановку скандала, спекуляции и апашества, которая привела Сергея к гибели. Если у вас есть для этого данные,— пожалуйста.

Я же с вами ни в какие объяснения вступать не желаю, ни на какие суды с вами не пойду, ибо не считаю ни Вас, ни Кусикова достойными имени порядочного человека. Еще раз приходится пожалеть о том, что благодаря излишней щепетильности редакции ваши имена были вычеркнуты из текста статьи, что и дало вам возможность с чисто мошен-

нической ловкостью сделать пельмель* из вашего имени и двух ничем не запятнанных имен, на которых вы пытались также выехать из грязи, как выезжали некогда на имени Есенина.

Примите уверения в моем полном нежелании вступать в дальнейшем в какие бы то ни было споры с Вами по этому делу.

Готовый к услугам

*Борис Лавренев*¹⁰.

Общеизвестна сложность взаимоотношений между Есениным и Мариенгофом, но, к сожалению, до сего времени нет сколько-нибудь значительного исследования, посвященного этой проблеме. Сегодняшние публикаторы произведений Мариенгофа призывают помнить о том, что Есенин посвятил Мариенгофу "одно из нежнейших своих стихотворений", что поэтов "несколько лет связывала тесная дружба". Утверждения эти кажутся мне весьма поверхностными и как охранную грамоту я их не воспринимаю.

В 1973 году югославский есениновед Миодраг Сибинович писал: "...в книге Мариенгофа достаточно сальериевской зависти посредственного литературного работника к таланту великого поэта". Мне импонирует такая точка зрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 РГАЛИ, ф. 645, оп. 1, ед. хр. 397, л. 49.
- 2 ИРЛИ, ф. 817, оп. 1, ед. хр. 37, л. 72.
- 3 Здесь текст дается по черновику, хранящемуся в Гос. музее-заповеднике в Константинове.
- 4 ГЛМ, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 109.
- 5 ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 409.
- 6 ГМТ, Архив Софьи Толстой-Есениной — 20551.
- 7 ИМЛИ, Архив Горького, КГ-П 46а-1-112.
- 8 Собр. соч. А.М.Горького, М., 1955 г., т. 30, с. 37.
- 9 Б.Лавренев. Бессменная вахта. М., 1973, с. 207.
- 10 ОР ИМЛИ, ф. 32, оп. 3, ед. хр. 21. Во время подготовки сборника материал опубликован в: Солнцева Н.М. Китежский павлин. М., "Скифы", 1992, с. 246—247.

* От французского *pele-mele*, что означает "смесь", "мешанина".

Не стало Татьяны Петровны Флор-Есениной — племянницы великого поэта России. Жизнь ее оборвалась на шестидесятом году после тяжелой болезни — 12 февраля. Она была неутомимой труженицей, умела и любила работать. Она многое успела в жизни, оставив после себя сотни отредактированных книг российских писателей, ряд интересных научных публикаций, теле- и радиоинтервью. Она подготовила к печати уникальную объемную книгу “Сергей Есенин. Жизнеописание в документах”. Будучи членом научной группы ИМЛИ им. А.М.Горького РАН по подготовке Академического собрания сочинений Есенина, Татьяна Петровна принимала активное участие в ее работе, готовила к изданию пятый том этого собрания.

Т.П. Флор-Есенина была членом Есенинского комитета Союза писателей, одним из организаторов общества “Радуница” и ежегодных Есенинских чтений.

Много сил и энергии отдавала она музею-заповеднику на родине поэта в Константиново, восстановлению дома в Большом Строченовском переулке в Москве, где Есенин жил с отцом в юные годы.

После смерти своей матери — Александры Александровны Есениной, младшей сестры поэта — Татьяна Петровна считала своим прямым долгом продолжить ее благородную заботу и усилия по увековечению памяти Сергея Есенина.

Еще совсем недавно, в январе этого года, москвичи и зарубежные гости — участники международного фестиваля, посвященного искусству Айседоры Дункан, приветствовали символическую встречу Т.П. Флор-Есениной и Лигоа Дункан, племянниц Сергея Есенина и Айседоры Дункан...

Трудно поверить и представить, что не стало Татьяны Петровны.

Что делать! Неумолимо сужается круг людей, кровно, родственно близких великому поэту.

Астахов В.И., Бичуков А.А., Воронцов К.П., Вдовин В.А., Громова Л.Д., Гусева Н.И., Есенина Н.В., Игнатова Л.В., Козловский А.А., Кошкин С.П., Кузнецова В.Е., Кузнецов Ф.Ф., Ляпин И.И., Митрофанова С.П., Митрофанов И.А., Осипов В.О., Паркаев Ю.А., Прокушев Ю.Л., Парпара А.А., Попов А.В., Палиевский П.В., Сафонов Э.И., Сорокин В.В., Скороходов М.В., Стахова М.В., Субботин С.И., Тавризлов А.А., Ушаков А.М., Шахалова Н.В., Штракова С.Н., Юсов Н.Г.

* Печатается по: “Литературная Россия” от 19 февраля 1993 г., с. 6.

ПЕСНИ ДЖАББАРА КАРЯГДЫ

Из кавказских встреч поэта

Шел уже одиннадцатый час дня, а Есенин еще не проснулся. Разбудил его осторожный стук в дверь.

— Кто там? — хриплым голосом крикнул Есенин: вчерашнее холодное пиво на вышке ресторана “Новой Европы” давало себя знать.

— Товарищ Есенин, — был ответ из-за двери, — звонит товарищ Петр Ваньч — кабинет директора... Вас просят...

— Скажите ему, иду, — Есенин быстро встал с кровати, оделся и спустился на нижний этаж.

— Ты, небось, дрыхнешь, как праведник, — услышал он из трубки знакомый голос. — Ну, здравствуй. Извини, что разбудил. Тут, понимаешь, только что встретил у ЦК бакинскую знаменитость — ханенде Джаббара Карягды. Не знаешь, кто такой ханенде? Ханенде — певец. Так вот, ханенде Джаббар приглашает нас к себе, хочет с тобой познакомиться, угостить чайком. Часа через два — сможешь? Живет он неподалеку от гостиницы. Мне-то надо быть у Мироныча, а ты сходи: обижать певца нельзя. Я тебе пришлю провожатого — кого-нибудь из редакционных поэтов. Сергей Александрович, сходи непременно. Сходишь? Ну вот и договорились. Потом — в редакцию.

Есенин поднялся к себе в номер, тщательно, как всегда, побрился и пошел в ресторан — завтракать.

Есть не хотелось. Он попросил официанта принести стакан чая и порцию холодной печени — здесь ее готовили по-особому, с острыми специями. В просторном зале пахло жареной бараниной и чесноком.

К концу завтрака в дверях появился рослый, с простодушным лицом парень в синей косоворотке. На его голове возвышалась копна черных вьющихся волос. Увидев Есенина, направился к его столику.

— Здравствуйте, — тихо, но ясно сказал пришедший. — Меня прислал Петр Иванович. Я подожду в коридоре. Не торопитесь.

И, улыбнувшись, быстро ушел. Есенин даже не успел пригласить его за столик. Не допив чай, Есенин вышел в

коридор. У перил каменной лестницы стоял провожатый и что-то записывал в синюю книжечку.

— Сочиняет, наверно, — подумал Есенин и, подойдя к парню, слегка хлопнул его по плечу. — Ну, давайте знакомиться...

— Данилов Михаил, — робко произнес черноволосый.

— А-а, — “глаз во лбу”, — вспомнил Есенин и спросил: — Это ваше — “В слепой час”?

— Мое, — чуть слышно пролепетал Данилов и покраснел, как нашкодивший школьник. — А вы прочитали?

Есенин кивнул головой:

— Идемте, на ходу поговорим.

“В слепой час” — название стихотворения Михаила Данилова. Оно было напечатано на второй полосе “Бакинского рабочего”, номера, который в кабинете Чагина читал Есенин. Стихотворение было посвящено памяти Степана Шаумяна. Есенину запомнилась строфа:

У ночи свой час слепой есть,

Гасит она глаз во лбу...

И в час этот черный поезд

Из тьмы подошел к столбу.

— Прочитал, а как же, — начал Есенин, когда они из гостиницы вышли на улицу. — Мне понравился образ ночи с горящим глазом во лбу... Образ чего-то страшного, зловещего. И слепой час тут на месте...

Данилов шел рядом с Есениным и сосредоточенно слушал его.

— А вот из той же строфы, — продолжал Есенин, — не ясно, кто черный — час или поезд? И еще. Поезд подошел к столбу. Почему — к столбу? Вот видите: две строчки — два вопроса. Надо ли стихотворение превращать в ребус?

— Конечно, не надо, — растерянно проговорил Данилов.

— Вы на меня не сердитесь, — Есенин остановился и посмотрел в глаза спутнику. — Может быть, я слишком придирчив. На досуге подумайте, прикиньте, что к чему, — тогда, может, и все прояснится. Далеко еще идти?

— Да мы уже почти пришли, — живо ответил воспрянувший духом молодой поэт. — Вон дом слева, видите? На втором этаже и живет Джаббар. Вы идите, а я пока погуляю.

Есенин предложил Данилову разделить с ним компанию, но тот из-за скромности отказался.

Дом, в котором жил Джаббар, весело смотрел открытыми окнами на неширокую замощенную диким камнем улицу. От его белых стен веяло теплом и уютом.

— Здесь, должно быть, живут душевные люди, — почему-то подумалось Есенину, когда он, войдя в легко открывшуюся дверь, стал подниматься по узкой лестнице на второй

этаж. Наверху его встретил худощавый среднего роста человек в сером костюме и, протянув гостю руку, воскликнул с легким акцентом:

— Здравствуйте! Добро пожаловать! Мы вас ждали и рады, что вы у нас, Сергей Александрович!

Джаббар весь сиял. Он позвал жену и двух черноглазых девочек в светлую, устланную коврами комнату, куда он провел Есенина, и представил ему их одну за другой. Видя суету хозяина, радушие хозяйки, сверкающие глазенки девочек, можно было подумать, что приход русского поэта — самый радостный праздник в этом доме...

— Да для отца это и был чудесный праздник, — рассказывает младшая дочь Джаббара Карягды — Шахла. Мы беседуем с ней спустя полвека с того дня, когда у них дома побывал Сергей Есенин. Тогда ей было семь лет. Запомнила ли она поэта? Очень хорошо запомнила.

— У нас часто бывали гости: отец был общительным, любящим дружеские компании человеком, — вспоминает Шахла. — Я читала, что многим людям, впервые видевшим Есенина, бросались в глаза его золотистые волосы. Но меня, девчонку, тогда больше всего привлекла его улыбка — такая по-детски доверчивая, немного озорная.

Шахла раскрывает книгу Есенина, смотрит на его портрет и продолжает:

— Мне он показался моложе, чем на этой фотографии. Помню: он наклонился ко мне, сказал несколько ласковых слов. Потом присел передо мною на корточки и пристально посмотрел мне в глаза. Может быть, это я уже теперь рассуждаю: ему вспомнилась его дочка? Наверно, это так: ведь он ее любил, тосковал по ней. Тут же мама увела меня с сестрой в другую комнату. Я не слышала их разговора, но когда отец запел — услышала. Это была песня “Не дуй, ветер!” — отец часто пел ее дома, и мне она очень нравилась. В переводе она звучит так:

Не дуй, утренний ветер,
Не трепли мои волосы.
Я жду свою любимую
И знаю — она не обманет.

Кружит надо мною ястреб желтый,
Мы оба судьбой гонимые.
Он в горы улетает отсюда,
Я в далекий край с любимой уеду.

Пусть луна и солнце
Позавидуют нашей радости.
Мы до дна с любимой выпьем
Счастье любви и воли.

— Пел отец под звуки тара, иногда брал в руки бубен, вот такой,— Шахла показала на бубен, висящий на стене.— Сейчас я часто слышу по радио: выступает вокально-инструментальный ансамбль... Отец тоже был в составе такого ансамбля — сазандари. В него входили ханенде, тарист, кеманчист и бубнист. Квартет исполнял мугам или мугамы — так у нас называют одну или несколько близких по теме лирических песен. Ханенде-певцов еще зовут мугамати-стами. До революции квартет отца гастролировал в Петербурге, Киеве, Варшаве, во многих других городах — и везде с большим успехом.

Я смотрю на Шахлу, и мне хочется представить ее той семилетней девчонкой, которой смотрел в глаза Сергей Есенин. Но это невозможно. Годы сделали свое дело: морщины прорезали некогда дышащее свежестью лицо, поседели волосы, поблекли когда-то живые, брызжущие золотыми искорками глаза...

— А еще какую-нибудь песню отца помните? — спрашиваю я.

— Помню. Называется она “На базаре”.

На базаре продают цветочный мед.

На твоем прекрасном лице цветут родинки.

Я тебя долго просил о любви, но теперь не стану.

Для певца это был длинный и утомительный путь.

Ты сама должна пойти мне навстречу

И помочь мне печаль сменить на радость.

Неужели ты не видишь моих страданий?

Так приблизь же к моим губам свои родинки.

Шахла замолчала, перебирая плохо слушающимися пальцами бахрому пледа.

— Этот мугам,— сказала она после некоторого молчания,— отец пел однажды в присутствии Кирова. Мама, со слов отца, говорила мне позже, что Сергей Миронович был тронут этой песней и назвал ее исполнение замечательным...

— Я о вас слышал не раз и знаком с некоторыми вашими стихами,— сказал Джаббар Есенину, когда они сели на ковер перед низким инкрустированным кусочками дерева столиком.— Ведь вы — из деревни?

— Да, я деревенский. Люблю деревню. Но, как сказано, по воле рока попал в город.

— “На синем скакуне несется рок”. Это — из Низами,— произнес певец.

— Почему — на “синем”? — удивился Есенин.

— Синий цвет — цвет траура в мусульманских странах,— был ответ.

Есенин хлопнул себя по лбу и рассмеялся.

Карягды вопросительно посмотрел на гостя.

— Извините меня. Дело в том, что совершенно не зная этого, я написал такие стихи:

Синий свет, свет такой синий!

В эту синь даже умереть не жаль...

(II, 75)

Друзья спрашивали, почему именно в синь не жаль умереть, а я только пожимал плечами. Теперь понял, что эту связь я чувствовал интуитивно. Ведь может же так быть?

— Я думаю — может,— согласился певец.— Я родился и рос в Карабахе, в Шуше. Оттуда, кстати, почти все наши мугаматисты. Природа там божественная! И вот я, мальчишка, сын кустаря-красильщика, дня и ночуя среди лесов и лугов, вдруг и себя ощутил частью этой природы. Мне казалось, что деревья разговаривают со мной, что-то ласковое шепчет ручей, а птицы напевают мне песни. Это открытие пришло как-то само собой, и я подумал, что оно пришло ко мне первому из людей. Но я, к счастью, ошибся.

Джаббар закрыл глаза и заговорил нараспев:

Разве в колосьях заметили непокорность,

Что за это в конце концов отрезали им голову?

Затем сняли с них кожу палками

И покрутили на их голове мельничный жернов.

Кончив четверостишие, певец открыл глаза и продолжал:

— Так говорит наш несравненный Низами. Для него нет мертвой природы. Для него все сущее в ней одухотворено. У него в стихах колосья — живые существа. У него “фиалки от смущенья отправились восвояси”, и с луной он разговаривает на равных.

Есенин слушал Джаббара и удивлялся совпадению восприятия природы бессмертным Низами и своим собственным. Даже о колосьях Есенин написал нечто похожее:

Вот она, суровая жестокость,

Где весь смысл — страдания людей!

Режет серп тяжелые колосья,

Как под горло режут лебедей.

А потом их бережно, без злости,

Головами стелют по земле

И цепями маленькие кости

Выбивают из худых телес.

Никому и в голову не встанет,

Что солома — это тоже плоть!..

Людоедке-мельнице — зубами

В рот суют те кости обмолоть...

(I, 176)

Позже Есенин признавался Чагину:

— Ведь надо же! Можно подумать, что в “Песне о хлебе” я подражал Низами. Но, ей-богу, я не знал его стихов о колосьях. Да и вообще переводы из Низами мне почти не попадались...

Жена Джаббара разлила по стаканам крепкий чай, поставила на столик тарелку с пахлавой, большую вазу с фруктами и бесшумно удалилась.

— Вы впервые в Баку? — спросил певец, отхлебывая маленькими глотками из стакана.

— Можно сказать, впервые. Внимание ко мне большое, но, знаете, уже тянет домой, в родные палестины. Иной раз ночью такая тоска находит, что хоть плачь.

— Со мной тоже такое бывало, — Джаббар поставил пустой стакан на стол. — В Варшаве, помню, мы работали недели две. Но уже после первой я захандрил. Ни к чему не лежит душа — и конец. Так бы пешком и ушел к родному Хазару. Одно спасенье было — песня.

Джаббар взял тар, несколько раз ударил по струнам и запел. Есенин не понимал слов, но чувствовал: в песне говорится о боли разлуки с любимой, с родным домом. Голос певца замирал в тоске и печали и снова набирал силу, как бы обещая близкую встречу. Песня закончилась, и Джаббар перевел ее:

Судьба меня превратила в бродягу.
Неуютно мне в чужом краю.
Где мой дом? Где ты, моя любимая?
Избавьте меня от печали.

Что со мной случилось? Хожу больной.
Ничто меня нынче не радует.
Ах, приснитесь мне, руки любимой
И дымок над родимым кровом.

Есенин, слушая Джаббара, наблюдал, как стоящие на резной подставке цветы беззвучно опадали. Розовые лепестки касались краев плетеной корзиночки и ложились на ковер — тихо, покорно.

— Не надо грусти! — воскликнул Джаббар. — “Живи ты радостно, век наш не стоит горестей”, — провозглашено в давние времена. Последуем же этому совету!

И они последовали этому совету, выпив по полному серебряному рогу шушинского вина, присланного Джаббару его земляками.

Джаббар попросил Есенина прочитать самое любимое стихотворение. Поэт выбрал давнее — “Выткался на озере алый свет зари...” Он поднялся с ковра, помолчал, вспоминая, а потом прочитал стихотворение раскованно, широко, наполнив

всю комнату полководьем молодого, не знающего удержу чувства. Закончив предпоследнее двестишье:

Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет,
(I, 73)

он сел и большими глотками допил чай.

— Bravo! — Джаббар пожал руку Есенину. — Русский человек и русская песня... Bravo!

Провожать гостя вышла вся семья.

И поэт снова опустил на корточки перед младшей дочерью Джаббара, несколько мгновений смотрел в ее глаза и сказал:

— Пусть на твоём пути будет много роз, девочка!

У выхода из дома Есенина ждал Данилов.

— А я уже в редакцию ходил, Сергей Александрович. Вот вам сегодняшний номер. Тут вы именинник!

Есенин остановился и развернул газету. На второй полосе было напечатано: "Стихи Сергея Есенина". Первым шло "Сукин сын". Вторым — под звездочками — "Отговорила роща золотая..."

А на четвертой полосе объявлялось:

"В среду в 6 часов вечера в Черном городе, в клубе им. Пятакова состоится собрание рабочих писателей и поэтов с участием поэта Сергея Есенина, находящегося в настоящее время в Баку. Повестка дня: читка стихов Есенина автором".

Последняя строка в объявлении вызвала у Есенина улыбку.

— Спасибо, Миша, — повернулся он к Данилову. — А Чагин — у себя?

— У себя.

Войдя в редакторский кабинет, Есенин встал в позу просителя и с серьезным видом проговорил:

— Товарищ Петр Ваныч... пришел таварыщ Есенин, стихи каторой чтает автыр...

И расхохотался...

А потом, уже серьезно, добавил:

— Как хорошо, что я познакомился с Джаббаром! Спасибо тебе, Петр. Слушал его песни — словно на причастье побывал, право слово...

III. НА РАЗНЫХ ШИРОТАХ И ЯЗЫКАХ

Текстологические разыскания
и библиографические обзоры

Г. МАКВЕЙ

С.А.ЕСЕНИН В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАН

Обзор

Интерес к творчеству Сергея Есенина (Sergei/Sergey Esenin/Yesenin) все растет на Западе. Эта статья рассматривает некоторые воспоминания, исследования и переводы, появившиеся в Англии и Северной Америке за последние шестьдесят лет. В редких случаях упоминаются работы на английском языке, опубликованные за пределами Англии и Северной Америки, так же, как и материалы на русском языке, изданные в США. Ссылки также даются на изображение Есенина в фильмах, пьесах и балетах.

I

Воспоминания и биографические работы о Есенине

Не считая американских газет, которые сообщали о пребывании Айседоры Дункан и Есенина в Америке и Европе в 1922—23 гг.¹, первые воспоминания о Есенине на английском языке встречаются, кажется, в книгах, посвященных Айседоре Дункан в 1928—29 гг. (Айседора погибла в автомобильной аварии в Ницце 14 сентября 1927 года. Печальным совпадением является то, что название места смерти как Айседоры, так и Есенина, связано с Англией — Есенин умер в гостинице “Англетер”, Айседора погибла на “Бульваре Англичан”/Promenade des Anglais/.)

Сюзл Стокс в книге “Айседора Дункан. Интимный портрет” (1928) приводит слова Айседоры, которая говорила ему: “Есенин... всегда угрожал нам, что покончит с собой. На одной вечеринке, которую я устроила в Париже, он попытался повеситься. Когда мои гости вошли в гостиную, они застали его висящим на лампе (с потолка). Но он не был мертв. Итак, они просто посмеялись. Они сказали мне, что я напрасно волнуюсь, и что он старается просто напугать меня. Но вы знаете, что в конце концов случилось с бедным мальчиком”². Ханнен Суоффер сообщил Сюзлу Стоксу: “...Говорят, что до революции он (Есенин) однажды даже шлепнул царицу по спине...”³

Такое утверждение — явная нелепость, но оно типично для многих анекдотов, встречающихся в некоторых воспоминаниях того периода. Мэри Дести, подруга Айседоры с 1901 года, встретила Есенина и Айседору в Париже в 1923 г. Но ее книга, “Конец Айседоры Дункан” (1929), хотя интересная и местами пронизательная, часто представляет Есенина просто скандальным, сумасбродным “сумасшедшим мальчишкой”. Большая часть ее воспоминаний написана понаслышке, и поэтому она приводит нелепый рассказ о том, как мальчик Есенин впервые привлек к себе внимание царского двора⁴. Дести описывает многие эпизоды из жизни Айседоры с Есениным, но порой неправдоподобно и из вторых рук, так как сама Дести не была в России при жизни Есенина. Она рассказывает о первой встрече Айседоры с Есениным, “великим”, но “сумасшедшим” гением: “Бедный Сергей жаждал любви как единственного спасения... Айседора знала это... Жизнь его была печальна, и он беспрестанно думал о самоубийстве... Политика мало интересовала его. Он жил поэзией и скандалами”⁵. Дести упоминает “сумасшедшую черту в крови этого мальчика” (эпилепсию): “Он всегда выглядел красивым, за исключением того времени, когда он находился в одном из своих страшных эпилептических припадков, и тогда он был похож на воплощение дьявола. Тогда вся его личность менялась, и даже цвет его глаз становился другим...”⁶ Дести наблюдала есенинский “припадок” в Берлине в 1923 году: “В своих припадках этот мальчишка обладал неимоверной силой. Я в дальнейшем была свидетельницей многих таких сцен, и они всегда начинались одинаково. Он, бывало, сидел за столом или разговаривал совсем нормально, но вдруг, без малейшей причины, его лицо становилось бледным, как у мертвеца, и зрачки его довольно бледных голубых глаз расширялись до такой степени, пока весь глаз не становился похожим на сгоревший черный уголь, который страшно было видеть. Иногда можно было отложить кризис просьбой, чтобы он спел, но только в том случае, если останавливали его в нужный момент и имели смелость это

сделать. Десятки раз эта наивная хитрость имела успех, но она успокаивала его ненадолго, так как припадок обычно вспыхивал еще раз через некоторое время...”⁷

Дести, правда, проявляет очень мало сострадания в отношении к Есенину — но она несомненно была свидетельницей его скандального поведения в Париже и Берлине в 1923 году, и имела основание утверждать, что “страшная смесь, из которой он был составлен, смесь монашеского смирения и свирепости Пугачева... были причиной его беспрерывных резких перемен от кротости к жестокости.”⁸

В американском издании воспоминаний Дести — нелепая ошибка. На вклейке между стр. 182 и 183 воспроизведено будто бы предсмертное стихотворение Есенина. На самом деле это совсем другое стихотворение, “Небо сметаной обмазано”, с явной датой “9 июля 1916 г.”⁹

Несколько более сдержанное описание жизни Айседоры с Есениным дается в книге Ирмы Дункан (ученицы и приемной дочери Айседоры) и Аллана Росса Макдугалла (бывшего секретаря Айседоры), — “Русские дни Айседоры Дункан и ее последние годы во Франции” (1929). Автобиография самой Айседоры, недописанная из-за ее внезапной смерти, кончилась ее путешествием, полным надежд, в Россию в 1921 году¹⁰, и авторы стремились в своей книге проследить шесть последних лет жизни Айседоры. Они рассказывают о путешествии Айседоры в Россию и о ее революционном подъеме; они описывают ее особняк на Пречистенке и ее попытки образовать там школу танца¹¹. Затем они описывают Есенина, не совсем точно, и утверждают, что Айседора познакомилась с Есениным в начале ноября 1921 г.¹² Авторы часто прибегают к “Роману без вранья” Мариенгофа в описаниях отдельных эпизодов. Они подробно описывают американское турне Айседоры и Есенина, часто цитируя газетные сообщения того периода¹³, и их возвращение в Европу и, наконец, в Россию. Они также приводят текст телеграммы, составленной Айседорой на смерть Есенина¹⁴.

Вальтер Дюранти (1935) вспоминает Есенина в кафе имажинистов “Стойло Пегаса” (Москва, 1923 год?)¹⁵:

“...Затем Есенин стал читать поэму “Черный человек”... Поэма изображала чувства пьяницы, близкого к белой горячке, которого преследовало лицо улыбающегося ему негра. Лицо это не было неприветливым, но оно показывалось везде — в зеркале за его спиной, когда он брился; рядом с ним на подушке в его постели; поджидая его утром около его башмаков, когда он хотел их надеть.

Мне была известна история этой поэмы. Лицо негра — это лицо Клода Маккая, поэта, посетившего Москву за год до этого и подружившегося с Есениным...”¹⁶

Предположение, будто “Черный человек” описывает негра, очень интересно — тем более, когда Дюранти отождествляет негра с Клодом Маккаем¹⁷. Однако сам Клод Маккай пишет, что он никогда не встречался с Есениным¹⁸. Итак, гипотеза Дюранти кажется безосновательной. Тем не менее, детали, которые вспоминает Дюранти из поэмы “Черный человек”, возможно, помогают воссоздать ранний вариант поэмы. В дошедшей до нас версии поэма написана лишь в ноябре 1925 года.

Ценный портрет Есенина дает полячка Лола Кинел в своей книге “Под пятью орлами” (1937). Ее воспоминания о пребывании Айседоры и Есенина в Германии и Италии в 1922 году кажутся честными и правдивыми, и, отлично владея русским языком, Кинел могла понять Есенина гораздо лучше, чем Мэри Дести и Ирма Дункан¹⁹. Двадцатитрехлетняя Кинел приехала в Висбаден в середине 1922 года, чтобы стать секретаршей Айседоры. В Брюсселе в июле 1922 года Кинел слушала, как Есенин читал свои стихи:

“Он выбрал отрывки из драматической поэмы “Пугачев”... Я была сразу же заморожена; южнорусский мужицкий голос Есенина, мягкий и слегка протяжный, выражал изумительную гамму чувств, от нежнейшей напевности, похожей на ласку, до совсем свирепых, хриплых выкриков. Он и был Пугачевым, измученным мужиком <...> сначала долготерпеливым, растерянным, а затем неистовым, хитрым, гневным, страшным в своей ярости и в своем страстном стремлении к свободе и мести... а потом в конце, когда его предали, кротким и грустным... Есенин-Пугачев по очереди жаловался напевным полусшепотом, рассказывал, говорил; он кричал, плевал и богохульствовал, качаясь в такт словам, пока не начало казаться, будто вся комната дрожит от силы его чувств; и затем, в конце, уже побежденный, он съезжился <...> он зарыдал...”²⁰

Вместе с Есениным и Айседорой Лола Кинел поехала в Италию в августе 1922 года. Однажды ночью, в гондоле, в Венеции, Есенин вспоминал свою прошлую жизнь: “Его голос был тихим и глаза его были мечтательными, и в нем было то, что заставляло меня думать, что душа его похожа на душу ребенка, таинственно мудрую, но совершенно нежную...” Вскоре, однако, Есенин стал совсем иным: “...Это был типичный Есенин, которого я хорошо знала: вежливый, уклончивый, прикидывающийся дурачком, но довольно скрытный, с таким хитрым выражением в уголках глаз...”²¹

В Венеции (август 1922 г.) Есенин попросил Кинел перевести некоторые его стихотворения на английский язык, для того, чтобы еще миллионы людей узнали его. Он издевался над Айседорой, говоря, что ее слава танцовщицы умрет с

ней, в то время, как его стихи будут вечно жить²². В Венеции, после того, как он больше двух месяцев воздерживался от алкоголя, Есенин напился пьяным, и Кинел ярко описывает его лицо²³. Лола Кинел рассталась с Есениным и Айседорой в Италии, после того, как она поссорилась с Есениным, и вернулась в Берлин. Она провела два незабываемых месяца с поэтом и танцовщицей.

В 1947 году Сол Юрок, организатор турне Айседоры по Америке в 1922—23 гг., опубликовал книгу мемуаров “Импрессио”. Вообще Юрок пишет довольно туманно и иногда неточно. Есенин для него — “сумасшедший поэт Есенин”, который мучил Айседору “чередующимися чувствами любви и презрения”²⁴. Юрок описывает американское турне Айседоры и Есенина тоном, который часто очень близок к рассказам Мэри Дести и к тогдашним газетным сообщениям²⁵. Юрок также делает некоторые явно необоснованные и даже нелепые утверждения в связи с последними месяцами и самоубийством Есенина²⁶.

В 1951 году в Нью-Йорке была посмертно издана книга Иванова-Разумника “Писательские судьбы”. Иванов-Разумник утверждает: “Гибель Есенина в 1925 г. тесно связана не только с его болезнью... ведь и самая болезнь была следствием невозможности писать и дышать в гнетущей атмосфере советского рая. Знаю об этом из разговора с Есениным за год до его смерти, когда он приехал ко мне летом 1924 г. в Царское Село...”²⁷

В 1953 году в нью-йоркской газете “Новое Русское Слово” (издающейся на русском языке), Л.Сабанев вспоминает о первой встрече Айседоры с Есениным²⁸. В этой же газете Вениамин Левин рассказывает про пребывание Есенина в Америке. Много статей о Есенине появилось в газете “Новое Русское Слово”²⁹.

В Нью-Йорке в 1954 году был опубликован на русском языке сборник статей и воспоминаний Владислава Ходасевича³⁰. Также интересны воспоминания Георгия Иванова³¹ и Марины Цветаевой³².

В статье “Есенин в Нью-Йорке” (1957) А.Ярмолинский разбирает скандал у Мани-Лейба в начале 1923 года, и приводит текст письма Есенина³³.

Есенин упоминается в книге Аллана Росса Макдугалла, посвященной Айседоре Дункан (1960)³⁴, и в книгах Вальтера Терри (1963) и Дэвида Вейсса (1965)³⁵.

В 1965 году в Лондоне вышел на английском языке перевод автобиографии художника Марка Шагала. Картины Шагала часто напоминают по духу поэзию Есенина³⁶, и Шагал пишет, что поэзия Есенина “быть может, не без изъянов; но не является ли она единственным криком души России, за исключением поэзии Блока?...”³⁷

В 1966 году художник Юрий Анненков опубликовал свою книгу "Дневник моих встреч", в которой отдельная глава посвящена Есенину³⁸. Он представляет Есенина хулиганом, пьяницей, не материалистом — и замечательным, трогательным, нежным русским поэтом. Анненков впервые встретился с Есениным около 1915 года; в книге воспроизводится портрет Есенина, нарисованный автором в 1923 году³⁹.

Есенин кратко упоминается в автобиографии Ирмы Дункан (1966)⁴⁰. Воспоминания Ильи Шнейдера об Айседоре Дункан и Есенине вышли в английском переводе в 1968 году⁴¹. Эти неглубокие воспоминания небрежно переведены.

Джозеф Берджер (1971) рассказывает о встречах с двадцатидвухлетним сыном Есенина, Юрием, в Москве в 1938 году⁴².

За последние пятнадцать лет значительно вырос интерес к Айседоре Дункан (см. телевизионный фильм Би-Би-Си и кинофильм "Айседора")⁴³, Есенин часто упоминается в биографии Виктора Серова "Настоящая Айседора" (1971 и 1972)⁴⁴. Серов был лично знаком с Айседорой лишь в последние два-три года ее жизни и случайно встретился с Есениным только один раз, в Париже в 1923 году⁴⁵. К сожалению, автор часто ссылается на неавторитетные воспоминания Ильи Шнейдера. Книга Серова изобилует неточностями.

Есенин изображается в новом балете "Айседора", который исполнил английский Королевский Балет в Англии и США в 1981 году⁴⁶. Есенин изображается или упоминается и в некоторых американских спектаклях⁴⁷.

Николай Набоков опубликовал (1975) любопытные воспоминания, изображающие Есенина и Дункан в Берлине в 1922 году⁴⁸. Роман Гуль (1978—1981) также описывает встречи с Есениным в Берлине, в 1922 и 1923 годах⁴⁹.

В 1972 году вышла в английском переводе интересная книга Виктора Ворошилски "Жизнь Маяковского". В главе, посвященной Есенину, приводятся отрывки из советских воспоминаний, главным образом, о взаимоотношениях Есенина и Маяковского. Цитируемые мемуаристы — Пастернак, Каменский, Маяковский, Эренбург, Сейфуллина, Мариенгоф, Полетаев, Л.Брик и Асеев⁵⁰.

Статья Маяковского "Как делать стихи?" и его стихотворение "Сергею Есенину" вышли в английском переводе в 1970 году⁵¹. Появились в английском переводе и очерк М.Горького "Сергей Есенин"⁵², и "Охранная грамота" и "Люди и положения" Бориса Пастернака⁵³.

Автор настоящей статьи опубликовал две книги. Первая книга — подробная биография Сергея Есенина (1976)⁵⁴. Вторую книгу, "Айседора и Есенин" (1980), автор посвятил подробному анализу взаимоотношений Сергея Есенина и Айседоры Дункан в период их совместной жизни⁵⁵. Помимо

двух книг, автор настоящей статьи опубликовал статью о Есенине в Петрограде в 1915—16 годах⁵⁶; материалы о взаимоотношениях Есенина и Клюева⁵⁷; статью о Мариенгофе и Есенине, с двадцатью фотографиями⁵⁸; письма Есенина Льву Повицкому, отрывки из воспоминаний Повицкого, и фотографии Есенина с Мариенгофом и Кусиковым⁵⁹; некоторые другие материалы и письма, относящиеся к Есенину⁶⁰; статью (на английском языке) о Есенине и Дункан⁶¹; статью (на русском языке) о Есенине и Дункан⁶²; статью о пребывании Есенина в США в 1922—23 годах⁶³; письмо Есенина А.Б.Кусикову от 7 февраля 1923 года⁶⁴; статью о последних неделях жизни Есенина и о причинах его самоубийства⁶⁵; и сорок две фотографии Есенина и его окружения, с комментариями⁶⁶.

II

Критические работы о творчестве Есенина

При жизни Есенина мало писали на английском языке о его поэзии. Когда Есенин находился в Америке в октябре 1922 года, Авраам Ярмолинский опубликовал краткую рецензию на пьесу “Пугачев” в нью-йоркской газете⁶⁷.

В своей книге “Современная русская литература 1881—1925” (1926) Д.С.Мирский осудил “скифские” поэмы Есенина 1917—18 гг. и отрицал мнение, будто в Есенине есть какая-то глубокая религиозность⁶⁸. В 1926 году Мирский напечатал некролог, посвященный Есенину⁶⁹.

В 1929 году была опубликована статья Кларенса Аугустуса Маннинга “Трагедия Есенина”, приписывающая самоубийство поэта конфликту города и деревни, а также есенинской некультурности⁷⁰. В том же году вышла книга Джорджа З.Патрика с переводами некоторых стихотворений Есенина⁷¹.

Интересная глава — “Самоубийство Есенина” — есть в книге Макса Истмана (1934)⁷².

Глеб Струве (1935) утверждал, что Есенин имел “в основном религиозное мировоззрение, даже тогда, когда он старался богохульствовать”⁷³.

Александр Каун (1943) написал ценный очерк об имажинистах и Есенине⁷⁴. Р.Невадовская (1944) вспоминает высокую оценку, данную Андреем Белым есенинской “Песне о собаке”⁷⁵; Эрнест Дж. Симмонс (1944) кратко упоминает Есенина⁷⁶.

Начиная с 1945 года число книг, в которых упоминается Есенин, особенно быстро растет. Джордж Риви заметил в 1946 году, что поэзия Есенина “замалчивалась” после его

самоубийства, но тем не менее “двадцатая годовщина его смерти была достойно отмечена 28 декабря 1945 г.”⁷⁷.

Ричард Хэйр (1947) подчеркнул глубокую привязанность Есенина к русской деревне⁷⁸. Джанко Лаврин опубликовал книгу “От Пушкина до Маяковского” (1948), в которой одна глава посвящена Есенину⁷⁹.

В ежегоднике “Оксфордские Славянские Записки” (1951) Пьер Паскаль опубликовал (на французском языке) одну из лучших статей, дающих общую характеристику поэзии Есенина⁸⁰.

В 1951 году Глеб Струве кратко упомянул Есенина в своей книге “Советская русская литература. 1917—50”⁸¹. Некоторые западные и эмигрантские критики считают поэзию Есенина “ниже”, чем творчество некоторых других поэтов. Например, Струве написал (1954): “В конечном счете Осип Мандельштам и Борис Пастернак несомненно займут более высокое место в русской поэзии, чем Маяковский и Есенин”⁸².

Борис Филиппов рассматривает взаимоотношения Клюева и Есенина (1954; также 1969)⁸³. Збигнев Фолеевский (1955) опубликовал на английском языке неглубокую статью о Есенине и Маяковском⁸⁴.

Уильям Е.Харкинс (1957) тенденциозно относит Есенина к числу “внутренних эмигрантов”⁸⁵. Харкинс пишет, что Есенин — “самый читаемый русский поэт двадцатого века, как в Советском Союзе, так и среди эмигрантов”⁸⁶.

Елена Грот (1957) пытается доказать, что корни мировоззрения Есенина лежат в вере и образной системе старообрядцев⁸⁷.

Вячеслав Завалишин (1958) приводит интересные наблюдения относительно некоторых произведений Есенина (например, “Ключи Марии”, “Пугачев”, “Страна негодяев”)⁸⁸.

В книге Ренато Поджиоли “Поэты России. 1890—1930”, (изданной в 1960 году), имеется содержательная статья о Есенине⁸⁹.

Хелен Мучник заявила (1963): “...Хотя, может быть, несправедливо приписывать гибель Есенина и Маяковского влиянию общества, в котором они жили, можно с уверенностью утверждать, что жестокость этого общественного строя послужила мощным фактором, способствовавшим их гибели”⁹⁰.

Виктор Эрлих утверждает (1964): “Как и Блока, публика рассматривала Маяковского и Есенина преимущественно как литературных персонажей, как воплощенные поэтические судьбы, а не просто как поэтов, т.е. как творцов поэтических ценностей”⁹¹.

Макс Хэйвард пишет о Есенине (1964): “В отличие от Блока он сумел спасти кое-что из краха своих мечтаний и

излить свое разочарование в стихах, которые, может быть, лучше всего другого выражают трагическое отчуждение русской интеллигенции в двадцатые годы... Он не был против нового строя и новой жизни, но он не мог в них участвовать..."⁹²

Относительно поведения Есенина в 1922—24 гг. Марк Слоним (1964) пишет: "...Чтобы заглушить свою женственную чуткость и свою тоску, он пил, употреблял наркотики, принимал цинические позы, часто менял жен и любовниц, всячески озорничал... Все его позы служили только ширмой; то, что он на самом деле любил и признавал в своих лучших стихах — это были деревенские проселки, пруды под тенью старых берез, воспоминания о счастливой юности и свою родину..."⁹³ В заключение Слоним пишет: "Можно сказать, что он пел о целом поколении, сильно страдавшем от революции..."⁹⁴

Вера Александрова (1964) уделяет чрезмерное внимание антибольшевистским настроениям Есенина. Она утверждает: "Есенин был первым поэтом революции, который отверг не революцию, а ее режим, и который порвал с этим режимом. Многое, написанное им, никогда так и не публиковалось при жизни. Часто его стихи передавались из рук в руки, в рукописях..."⁹⁵ Думая о Есенине, В.Александрова пишет: "Анархический протест неизбежен, когда ложь становится официальной религией государства..."⁹⁶ Вера Александрова преувеличивает неприязнь Есенина к большевикам.

Книга на английском языке, написанная Франсес де Граафф, "Сергей Есенин. Биографический очерк" (1966), — весьма слабая и неудовлетворительная⁹⁷. Книга мало отличается от критико-биографического очерка о Есенине, опубликованного де Граафф в 1933 году на французском языке⁹⁸. Слишком много места в тексте занимают обширные цитаты из стихов Есенина — и на русском языке, и в прозаическом английском переводе. В книге мало проницательных оценок поэзии Есенина, а биографическая часть неполная и иногда неточная⁹⁹.

Владимир Марков заявляет (1966): "Есенин дает советскому читателю как раз то, что этот читатель хочет — смесь сентиментальности, патриотизма, иногда пьяного разгула и приятной напевности. На самом деле, у Есенина очень мало того, чего бы не было у Блока в еще большей степени, но Россия с давних пор имеет слабость к "поэтам из народа", хотя эти поэты никогда не пробивались в большую литературу..."¹⁰⁰

Есенин часто упоминается в содержательном двухтомнике Владимира Маркова об имажинизме (1980)¹⁰¹.

В 1971 году Глеб Струве резюмировал жизнь и творчество Есенина¹⁰². Статья Александра Фодора "О посмертной судьбе

Сергея Есенина” цитирует критические отзывы о самоубийстве Есенина, есенинщине и “Стране негодяев”¹⁰³. Борис Томсон (1972) пишет интересно, например, о том, был ли Есенин “крестьянским поэтом”¹⁰⁴. Есть несколько публикаций Питера Соскиса (Новая Зеландия)¹⁰⁵.

Есенин кратко упоминается в многочисленных книгах¹⁰⁶. Статьи о Есенине (Esenin или Yesenin) встречаются в некоторых литературных энциклопедиях¹⁰⁷. Среди английских переводов русских источников, относящихся частично или целиком к Есенину, можно назвать произведения следующих авторов: Ю.Тынянов¹⁰⁸, Е.Замятин¹⁰⁹, М.Зощенко¹¹⁰, В.Шкловский¹¹¹, Е.Евтушенко¹¹², К.Зелинский¹¹³ и Ю.Прошев¹¹⁴.

В настоящее время некоторые исследователи в Англии и Северной Америке занимаются Есениным. В 1968 году К.В.Пономарев (Канада) опубликовал обстоятельный анализ поэтической теории имажинистов, хотя можно спорить, заслуживает ли эта теория такого серьезного внимания¹¹⁵. К.В.Пономарев также провел анализ поэтической формы Есенина¹¹⁶. “В поэзии Есенина тема смерти является главным лейтмотивом”¹¹⁷, утверждает Пономарев вслед за А.Крученых и В.Марковым¹¹⁸. Пономарев приводит много примеров из стихов Есенина, чтобы проследить мотивы отчуждения, смерти и упадка.

В 1978 году вышла монография Константина В.Пономарева “Сергей Есенин”¹¹⁹. В книге три главных раздела: биография; анализ “поэтического видения Есенина”; оценка критических откликов на поэзию Есенина в 1917—27 годах.

У Линн Виссон (Линн Виссон Фишер, США) есть несколько публикаций о Есенине¹²⁰. В 1980 году вышла ее книга “Сергей Есенин. Поэт перепутья”¹²¹. Отдельные главы посвящены значительным сторонам поэзии Есенина: ее автобиографичности; теме женщин и любви; роли религии; природе; теме России; роли фольклора.

Джесси Дэйвис (Англия) написала небольшую статью о животных в поэзии Есенина¹²²; перепечатала, со своей вступительной статьей, первое издание “Радуницы”¹²³ и опубликовала (на русском языке) отрывки из дневника Г.А.Бениславской¹²⁴.

Помимо биографических исследований (см. примечания 54—66), автор настоящей статьи (Англия) опубликовал рукописные тексты Есенина¹²⁵; статью о посмертной славе Есенина и о судьбе его друзей¹²⁶; фотографии и тексты Есенина, Клюева, Клыкова и Орешина¹²⁷; стихи Рюрика Ивнева, посвященные Есенину¹²⁸; статью о поэзии имажиниста Александра Кусикова¹²⁹; высказывания советских поэтов о Есенине¹³⁰; статью о встречах с поэтом Алексеем Крученых¹³¹; высказывания Евгения Евтушенко о Есенине¹³²; обзор англ-

лийских и американских публикаций о Есенине по 1973 год¹³³; рецензии на многочисленные книги о Есенине¹³⁴.

III

Переводы стихов Есенина на английский язык

Начиная с 1921 года переводы отдельных стихотворений Есенина то и дело встречаются в разных антологиях на английском языке¹³⁵. Большинство опубликованных переводов неудовлетворительно: переводы эти большей частью — неуклюжие, прозаические и неестественные, и редко передают дух подлинника. Перечислю некоторые переводы стихов Есенина, изредка оценивая их качество¹³⁶.

1. *Modern Russian Poetry*. An anthology, chosen and translated by Babette Deutsch and Avrahm Yarmolinsky (New York, 1921; London, 1923).
Стр. 165—68: “Табун” (стр. 1—8); “Голубень” (строки 9—16, 1—8); “Преображение” (часть 3)¹³⁷.
2. *Russian Poetry*. An anthology, chosen and translated by B. Deutsch and A. Yarmolinsky (London, [1929]).
То же, что в № 1, а также “Там, где капустные грядки...” и “Осень”. (Переводы неуклюжие).
3. In C. A. Manning’s article, “The Tragedy of Eсенин”, in *The Slavonic Review* (London, March 1929, Vol. 7, No. 21, pp. 676—86).
“За горами, за желтыми долами...”; “Пасхальный благовест”; “Нивы сжаты, рощи голы...”; “Да! Теперь решено. Без возврата...”; “Шаганэ ты моя, Шаганэ!..” (Переводы посредственные).
4. George Z. Patrick, *Popular Poetry in Soviet Russia* (Berkeley, California, 1929).
Стр. 183—92: переводы в прозе следующих произведений: “Мир таинственный, мир мой древний...”; “О верю, верю, счастье есть!..”¹³⁸; “Гляну в поле, гляну в небо...”; “Товарищ”; “Русь” (часть 5); “Запели тесаные дроги...”; “Я по первому снегу бреду...”; “Гой ты, Русь, моя родная...”; “Пойду в скуфье смиренным иноком...”; “Заглушила засуха засевок...” (Переводы не претендуют на поэтичность).
5. *Soviet Literature. An Anthology*, edited and translated by George Reavey and Marc Slonim (London, 1933).
Стр. 353—59: “Устал я жить в родном краю...”; “Я последний поэт деревни...”; “Мир таинственный, мир мой древний...”; стихи из цикла “Москва кабацкая” (“Да! Теперь решено. Без возврата...”; “Снова пьют

- здесь, дерутся и плачут...”; “Сыпь, гармоника. Скука... Скука...”; “Пой же пой. На проклятой гитаре...”).
6. *Modern Poems from Russia*, translated by Gerard Shelley (London, 1942).
Стр. 45—62: “Голубень”; “Вот оно, глупое счастье...”; “Нивы сжаты, рощи голы...”; “Закружилась листва золотая...”; “Запели тесаные дроги...”; “Ночь и поле, и крик петухов...”; “Я снова здесь, в семье родной...”; “Где ты, где ты, отчий дом...”; “Табун”; “Песнь о собаке”; “Преображение”; “Хулиган”; “Я последний поэт деревни...”; “Устал я жить в родном краю...”; “Исповедь хулигана”. (Эти переводы редко передают ритмы, рифмы и образы оригиналов).
7. *A Book of Russian Verse*, translated into English by various hands and edited by С. М. Bowra (London, 1943).
Стр. 121—23: “Табун” и “Где ты, где ты, отчий дом...” (прекрасные переводы С. М. Bowra); “О пашни, пашни, пашни...” (перевод R. M. Hewitt)¹³⁹.
8. Alexander Kaun, *Soviet Poets and Poetry* (U.S.A., 1943; reprinted 1968).
Стр. 75—76: “Да! Теперь решено. Без возврата...” (перевод в прозе).
9. *A Second Book of Russian Verse*, translated into English by various hands and edited by С. М. Bowra (London, 1948).
Стр. 134—37: “Осень”; “Песнь о собаке”; “Я последний поэт деревни...”; “До свиданья, друг мой, до свиданья...” (переводы С. М. Bowra), и “Да! Теперь решено. Без возврата...” (перевод R. M. Hewitt)¹⁴⁰. См. также xiv.
10. *A Treasury of Russian Verse*, edited by Avrahm Yarmolinsky (New York, 1949).
Стр. 244—48: Переводы некоторых стихотворений (см. № 1 и № 2 по этому списку); также “Иорданская голубица” (часть 2); “Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...”; “Неуютная жидкая лунность...”
11. *Russian Poetry 1917—1955*, selected, translated and with an introduction by Jack Lindsay (London, 1957).
Стр. 55—58: “Не напрасно дули ветры...”; “Разбуди меня завтра рано...”; “Исповедь хулигана” (за исключением строк 1—5). (Переводы по-своему хорошие).
12. *An Anthology of Russian Literature in the Soviet Period from Gorki to Pasternak*, edited, translated and annotated by Bernard Guilbert Guerney (New York, 1960).
Стр. 42: “Табун”.
13. *Lyrics from the Russian*, translated by Gilbert F. Cunningham (Great Britain, 1961).

Стр. 107—110: “Мне осталась одна забава...”; “Все живое особой метой...”; “Не жалею, не зову, не плачу...”; “Этой грусти теперь не рассыпать...”. См. также vi—vii, 106. (Переводы неплохие).

14. *Dissonant Voices in Soviet Literature*, edited by Patricia Blake and Max Hayward (London, 1964).

Стр. 29—32: “Русь советская” (перевод George Reavey).

15. *Modern Russian Poetry*. An anthology with verse translations. Edited and with an introduction by Vladimir Markov and Merrill Sparks (Britain, 1966).

Стр. 570—85: “Там, где капустные грядки...”; “Сохнет стаявшая глина...”; “Песнь о собаке”; “Песнь о хлебе”; “Не жалею, не зову, не плачу...”; “Да! Теперь решено. Без возврата...”; “Сыпь, гармоника. Скука... Скука...”; “Сукин сын”. (Тексты на русском языке и в английском переводе. Переводы местами удачны).

16. *Two Centuries of Russian Verse*. An Anthology, edited, with an Introduction and notes by Avrahm Yarmolinsky, translated by Babette Deutsch (New York, [1966]).

Стр. 202—207: Разные переводы (см. NN^o 1 и 2, и особенно № 10 по этому списку), и “Я по первому снегу бреду...” См. также liii, 310.

17. *Poets on Street Corners. Portraits of Fifteen Russian Poets*, by Olga Carlisle (New York, 1970).

Стр. 223: “Русь советская” (строки 32—39) (“версия” Rose Styron).

- Стр. 228—37: “В том краю, где желтая крапива...”; “Свищет ветер под крутым забором...”; “Сорокоуст” (часть 3); “Я последний поэт деревни...”; “Да! Теперь решено. Без возврата...”; “Снова пьют здесь, дерутся и плачут...” (Тексты на русском языке и переводы W. S. Merwin; переводы стихотворений “В том краю...” и “Свищет ветер...” очень удачные)¹⁴¹. См. также стр. 226—27.

18. *Journal of Russian Studies* (England, 1970, No. 19).

Стр. 83—85: “Собаке Качалова” (переводы В. Р. Ellis и S. M. Allen). (Перевод В. Р. Ellis особенно удачен).

19. *MPT 6 (Modern Poetry in Translation)*, edited by Ted Hughes and Daniel Weissbort (London, 1970).

Стр. нумерованные: “О пашни, пашни, пашни...”; “Ветры, ветры, о снежные ветры...”; “Все живое особой метой...”; “Не жалею, не зову, не плачу...”; “Мир таинственный, мир мой древний...”; “Да! Теперь решено. Без возврата...”; “Отговорила роща золотая...”; “Пушкину”; “Голубая кофта. Синие глаза...”; “Клен ты мой опавший, клен заледенелый...”; “Ах, как много на свете кошек...”; “Ах, метель такая, просто черт возьми...” (переводы Nigel Stott); “Стансы”; “Письмо к сестре” (переводы Geoffrey Thurley).

20. *Poems by Esenin*, translated by Charles Beach and Peter Soskice (Wai-te-eta Press, Wellington, New Zealand, 1970).
Отдельная книга с переводами двадцати четырех стихотворений: “Вот уж вечер. Роса...”; “Калики”; “Темна ноченька, не спится...”; “Береза”; “С добрым утром!”; “Край любимый! Сердцу снятся...”; “Край ты мой заброшенный...”; “Пороша”; “За темной прядью перелесиц...”; “Я снова здесь, в семье родной...”; “Заря над полем — как красный тын...”; “О пашни, пашни, пашни...”; “О верю, верю, счастье есть!..”; “Исповедь хулигана”; “Вечер черные брови насопил...”; “Пускай ты выпита другим...”; “Мне грустно на тебя смотреть...”; “Письмо матери”; “Метель”; “Собаке Качалова”; “Цветы мне говорят — прощай...”; “Золото холодное луны...”; “Воспоминание”; “Какая ночь! Я не могу...”. (Переводы посредственные).
21. Vladimir Mayakovsky, *How Are Verses Made?*, translated by G. M. Hyde (London, 1970).
Стр. 59: “До свиданья, друг мой, до свиданья...”¹⁴².
22. *Confessions of a Hooligan*, fifty poems by Sergei Esenin, translated from the Russian and introduced by Geoffrey Thurley (Carcanet Press, Cheshire, 1973).
Стр. 25—107. Переводы пятидесяти стихотворений и поэм всех периодов. (Переводы посредственные; многочисленные слова, и даже целые строки, неправильно переведены. Вступительная статья [7—22] иногда интересная, но слишком обобщенная).
23. *Russian Literature Triquarterly* (Ann Arbor, U.S.A., 1974, No. 8).
Стр. 17—21: “Я последний поэт деревни...”; “Устал я жить в родном краю...”; “Да! Теперь решено. Без возврата...”; “До свиданья, друг мой, до свиданья...” (переводы Nils Johnson Jr.); “Песнь о хлебе” (перевод Edward Hirsch и Dennis Whelan).
24. Simon Karlinsky, “Russia’s Gay Literature and History (11th—20th centuries)”, in *Gay Sunshine* (San Francisco, Summer/Fall 1976, No. 29—30).
Стр. 6: “Еще не высох дождь вчерашний...”; “Сорокоуст” (часть 1); “До свиданья, друг мой, до свиданья...”. См. также 1, 4—6.
25. *Russian Poetry: The Modern Period*, edited by John Glad and Daniel Weissbort (Iowa City, 1978).
Стр. 64—68: “Ветры, ветры, о снежные ветры...”; “Ах, как много на свете кошек...”; “О пашни, пашни, пашни...”; “Отговорила роща золотая...”; “Не жалею, не зову, не плачу...”; “Мир таинственный, мир мой древний...” (переводы Nigel Stott — как № 19 по этому списку, с небольшими изменениями). См. также XXXIII—XXXIV, XXXVI.
26. *Sergei Esenin: Selected Poems*, translated by Jessie Davies (Hub Publications, Youlgrave, Bakewell, Derbyshire, England, 1979; XXIX + 169 pp.).

Самое полное собрание переводов произведений Есенина на английском языке. Переведены сто сорок четыре произведения всех периодов, частично или целиком. В книге также биографическая справка и заметки переводчицы¹⁴³.

27. *Journal of Russian Studies* (England, 1979, No. 38).

Стр. 40—41: “Я снова здесь, в семье родной...” (переводы Barbara P. Ellis и Eva Strauss).

28. Gordon McVay, *Isadora and Esenin* (Ann Arbor and London, 1980).

“Не жалею, не зову, не плачу...” (50); “Сыпь, гармоника. Скука... Скука...” (67—68); “Песнь о собаке” (69—70); “Черный человек” (172—76); “Да! Теперь решено. Без возврата...” (191—92); “Грубым дается радость...” (231); “Этой грусти теперь не рассыпать...” (232); “Мы теперь уходим понемногу...” (249—50).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Gordon McVay, “Sergey Esenin in America”, *Oxford Slavonic Papers*, 1973, New Series, Vol. VI, 82—91; Gordon McVay, *Isadora and Esenin* (Ann Arbor and London, 1980).

² Sewell Stokes, *Isadora Duncan. An Intimate Portrait* (London, 1928), 173.

³ Там же, 174—75. Книга Сюэла Стокса переиздана (Лондон, 1968) — тут ссылки на Есенина на стр. 119—20, и фотография Есенина и Айседоры Дункан между 112—13 стр. См. также Sisley Huddleston, *Bohemian Literary and Social Life in Paris: Salons, Cafés, Studios* (London, 1928), 226—27; Валериан Светлов, “Дункан и Есенин (Браки танцовщиц)”, в газете “Возрождение”, 21 октября 1934 г.

⁴ См. Mary Desti, *Isadora Duncan's End* (London, 1929), 126—27.

⁵ Там же, 117, 119.

⁶ Там же, 126, 129.

⁷ Там же, 177.

⁸ Там же, 223.

⁹ См. Mary Desti, *The Untold Story. The Life of Isadora Duncan 1921—1927* (New York, 1929), opposite p. 182.

¹⁰ См. Isadora Duncan, *My Life* (London, 1928, and many reprints).

¹¹ Книга Ильи Шнейдера, “Встречи с Есениным” (Москва, 1965 и 1974) почти ничего нового не добавляет к тому, что уже давно известно из книг Мэри Дести или Ирмы Дункан и Аллана Росса Макдугалла.

¹² См. Irma Duncan and Allan Ross Macdougall, *Isadora Duncan's Russian Days and her Last Years in France* (London, 1929), 97.

¹³ Там же, 155—83.

¹⁴ Там же, 328. См. также William Bolitho, *Twelve Against the Gods* (Penguin Books, 1939), 258; first published 1929.

¹⁵ См. Walter Duranty, *I Write As I Please* (London, 1935), 223, 225.

¹⁶ Там же, 226. См. также “усмехающееся лицо негра, которое Есенин видел под своей кроватью” (там же, 233—34).

¹⁷ Аллан Росс Макдугалл также пишет, что “Черный человек” “...связан, говорят, с американским негром, поэтом Клодом Маккаем” (Allan Ross Macdougall, *Isadora. A Revolutionary in Art and Love* [New York, 1960], 204).

¹⁸ См. Claude McKay, *A Long Way From Home* (New York, 1969), 188 (copyright, 1937).

¹⁹ См. Lola Kinel, *Under Five Eagles (My Life in Russia, Poland, Austria, Germany and America, 1916—1936)*, (London, 1937), xxii, 211—52.

²⁰ Там же. 217.

- 21 Там же, 225—27.
- 22 Там же, 229—34.
- 23 Там же, 245.
- 24 *Impresario*. A Memoir by S. Hurok, in collaboration with Ruth Goode (London, 1947), 93, 94.
- 25 Там же, 96—116.
- 26 Там же, 117, 118.
- 27 Р.Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Нью-Йорк, 1951, стр. 21 (на русском языке). См. там же, 3, 10, 36, 51 и Р.В.Иванов-Разумник, Тюрьмы и ссылки. Нью-Йорк, 1953, стр. 89, 227 (на русском языке). Последняя книга переведена на английский язык — см. *The Memoirs of Ivanov-Razumnik* (London — New York — Toronto, 1965), перевод и примечания Р. S. Squire, с небольшой вступительной статьей G. Jankovsky. Есенин упоминается там же, стр. 68, 80, 196.
- 28 См. Л.Сабанеев, “Мои встречи. Айседора Дункан”, в газете “Новое Русское Слово”. Нью-Йорк, 15 февраля 1953 г., стр. 2. См. также Л.Сабанеев, там же, 3 ноября 1979 г.
- 29 См. В.Левин, “Есенин в Америке”, там же, 9, 10, 11, 12 и 13 августа 1953 г. См. также следующие материалы в нью-йоркской газете “Новое Русское Слово”, на русском языке:
Сергей Максимов, “Последний из рода Есениных”, 20 февраля 1948 г. К.С., “О творчестве С.Есенина”, 26 ноября 1950 г.
Георгий Адамович, “К спорам о Есенине”, 17 и 29 декабря 1950 г.
Георгий Александров. “Свет и тени в творчестве Есенина”, 30 декабря 1950 г.
Юрий Трубецкой, “Сергей Есенин”, 11 февраля 1951 г.
Владимир Лебедев, “Сталин — Клементис — Есенин”, 1 июля 1953 г.
Вяч. Завалишин, “Плач о Есенине”, 11 апреля 1954 г.
Борис Нарциссов, “Лермонтов и Есенин”, 25 декабря 1955 г.
Сергей Максимов, “Черная метель (Глава романа из жизни Сергея Есенина и Айседоры Дункан)”, 29 апреля 1956 г.
С.Максимов, “Мои первые литературные шаги”, 9 декабря 1962 г.
Юр. Большухин, “Как увековечат Есенина?”, 1 марта 1964 г.
Владимир Ушаков, “Сергей Есенин”, 2 июля 1964 г.
Ирина Одоевцева, “Встреча с Сергеем Есениным”, 6 июня 1971 г.
Родион Березов, “Сергей Есенин”, 16 ноября 1975 г.
Владимир Рудинский, “На севере девушка тоже”, 12 января 1977 г.
См. также спор вокруг книги Gordon McVay, *Esenin. A Life*, в статьях и письмах, опубликованных в газете “Новое Русское Слово” от 9 июля, 29 августа, 30 сентября, 19 октября, 31 октября, 6 ноября, 1 декабря и 11 декабря 1976 года.
- 30 См. В.Ходасевич, Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк, 1954, стр. 231 (статья написана в 1930 г.). См. также статью Ходасевича о Есенине в журнале “Современные записки”, Париж, 1926, кн. 27, стр. 292—322.
- 31 См. Георгий Иванов, Петербургские зимы. Париж, 1928 и Нью-Йорк, 1952. Глава о Есенине переведена на английский язык — см. Georgy Ivanov, “Esenin's fate”, translated by Brant Bassett, *TriQuarterly* (Evanston, Illinois), Spring 1973, No. 27, 169—87; и в книге *The Bitter Air of Exile: Russian Writers in the West 1922—72*, edited by Simon Karlinsky and Alfred Appel, Jr. (Berkeley — Los Angeles — London, 1977), 169—87.
- 32 См. Марина Цветаева, Проза. Нью-Йорк, 1953, стр. 271—85. Глава “Нездешний вечер” переведена на английский язык — см. перевод Marian Schwartz и Richard Sylvester в книге Marina Tsvetaeva, *A Captive Spirit: Selected Prose*, edited and translated by J. Marin King (Ann Arbor, 1980).

- ³³ См. А. Ярмолинский, "Новый журнал", Нью-Йорк, 1957 г., кн. 51, стр. 112—19.
- ³⁴ См. Allan Ross Macdougall, *Isadora. A Revolutionary in Art and Love* (New York, 1960), 202—26.
- ³⁵ См. Walter Terry, *Isadora Duncan. Her Life, Her Art, Her Legacy* (New York, 1964), 67—72; David Weiss, *The Spirit and the Flesh, A novel inspired by the life of Isadore Duncan* (London, 1965), 396—430, 449—50.
- ³⁶ См. также раннее стихотворение Шагала в журнале "Литературный современник", Мюнхен, 1951, № 2, стр. 106.
- ³⁷ Marc Chagall, *My Life* (London, 1965), 154. Перевод Dorothy Williams с французского на английский. Шагал предпочитал Есенина Маяковскому (там же, 153).
- ³⁸ См. Юрий Анненков, Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Нью-Йорк, 1966 г., т. 1, стр. 154—76.
- ³⁹ Там же, стр. 153. См. также т. 2, Нью-Йорк, 1966 г. Воспоминания Ю. Анненкова о Есенине частично переведены на английский язык — см. *The Russian Review* (U.S.A.), April 1967, Vol. 26, No. 2, 129—43. См. также журнал "Опыты", Нью-Йорк, 1954 г., № 3, стр. 160—79.
- ⁴⁰ См. *Duncan Dancer. An Autobiography* by Irma Duncan (Middletown, Connecticut, 1966).
- ⁴¹ См. Ила Schneider, *Isadora Duncan. The Russian Years*, translated by David Magarshack (London, 1968).
- ⁴² См. Joseph Berger, *Shipwreck of a Generation. Memoirs* (London, 1971), 150—54.
- ⁴³ Есенин поверхностно изображен пьяным мужиком в телевизионном фильме Би-Би-Си *Isadora* (1966 — режиссер — Ken Russell, сценарий — Sewell Stokes and Ken Russell), и в кинофильме *Isadora* (1968 — режиссер — Karel Reisz).
- ⁴⁴ См. Victor Seroff, *The Real Isadora* (New York, 1971; London, 1972), 289—354, 381—85.
- ⁴⁵ Там же, 336—38. См. также M. R. Werner, *To Whom It May Concern. The Story of Victor Ilyitch Seroff* (London, 1932), 255—56, 272—73.
- ⁴⁶ *Isadora*, балет в двух действиях, хореография — Kenneth MacMillan; музыка — Richard Rodney Bennett; сценарий — Gillian Freeman. Премьера состоялась 30 апреля 1981 года в Лондоне, в Royal Opera House, Covent Garden. Роль Есенина исполнял танцовщик Stephen Jefferies. В ходе балета Айседора (Mary Miller) читает вслух отрывки из стихотворений Есенина: "Сыпь, гармоника. Скука... Скука...", "Песнь о собаке" и "Пой же, пой. На проклятой гитаре..." в английском переводе Гордона Маквея (из книги *Isadora and Eсенин*).
- ⁴⁷ См., например: Jeff Wanshel, *Isadora Duncan Sleeps With the Russian Navy* (Нью-Йорк, 1977). См. также *Love, Isadora* (США, 1978—81, пьеса с танцами, текст и постановка — Rick Foster, хореография — Rael Lamb. Исполняет роль Айседоры и все роли в спектакле — танцовщица Shela Xoregos).
- ⁴⁸ См. Nicolas Nabokov, *Bagazh. Memoirs of a Russian Cosmopolitan* (New York, 1975; London, 1976), 124—31. См. также слабую статью (на русском языке): Владимир Самарин, "Есенин за границей", в журнале *Современник* (Торонто), 1978, № 39—40, 124—31.
- ⁴⁹ См. Роман Гуль, *Я унес Россию. Том I, "Россия в Германии"* (Нью-Йорк, 1981), особенно раздел "Сергей Есенин за рубежом" (о Берлине, 1922—23 гг.), 154—65. Эти воспоминания раньше публиковались, с некоторыми неточностями, в журнале *Новый журнал* (Нью-Йорк), сентябрь 1979, кн. 136, стр. 91—102 (см. также выпуски 131—135).
- ⁵⁰ См. Wiktor Woroszyński, *The Life of Mayakovsky* (London, 1972), 384—98. Translated from the Polish by Boleslaw Taborski.

- 51 См. Vladimir Mayakovsky, *How Are Verses Made?* (London, 1970), 26—55, 59—71. Translated from the Russian by G. M. Hyde. См. также *Mayakovsky*, translated and edited by Herbert Marschall (London, 1965), 345—50; Vladimir Mayakovsky, *Poems* (Progress Publishers, Moscow, 1972), 64—68, translated by Dorian Rottenberg.
- 52 См. Maxim Gorky, *On Literature. Selected Articles* (Foreign Languages Publishing House, Moscow, without date), 349—56, translated by Julius Katzer.
- 53 См. например: Boris Pasternak, *Safe Conduct. An Early Autobiography and Other Works* (London, 1959), 254, 259, translated by Alec Brown; *Novy Mir. A Selection 1925—1967* (London, 1972), edited and introduced by M. Glenny.
- 54 См. Gordon McVay, *Esenin: A Life* (Ann Arbor and London, 1976), 352 стр. текста, и 61 стр. с фотографиями. См. рецензии на эту книгу, например: *The New York Times Book Review*, 9 May; *The Sunday Times*, London, 27 June 1976; *The Sunday Telegraph*, London, 27 June 1976; *New Statesman*, London, 16 July 1976; *The Observer*, London, 18 July 1976; *Times Literary Supplement*, London, 17 December 1976; *Journal of Russian Studies, England*, No. 33, 1977; *Slavic Review*, U.S.A., September 1977; *Slavonic and East European Review*, London, October 1977; *Books and Bookmen*, London, July 1978; *Russian Language Journal*, U.S.A., Winter 1978; *Modern Language Review*, England, April 1979.
- 55 См. Gordon McVay, *Isadora and Esenin* (Ann Arbor and London, 1980), 335 стр. текста и 64 стр. с фотографиями. См. рецензии на эту книгу, например: *Tatler*, London, April 1980; *The Guardian*, London, 10 July 1980; *The Sunday Times*, London, 10 August 1980; *Русская мысль*, Paris, 14 August 1980; *New Statesman*, London, 12 September 1980; *The Observer*, London, 5 October 1980; *Dance Magazine*, New York, October 1980; *The Russian Review*, U.S.A., October 1980; *The Modern Language Review*, England, July 1981.
- 56 "Esenin's First Steps to Fame: Petrograd, 1915—16", *Journal of Russian Studies* (England, 1973), No. 25, 3—26.
- 57 См. Николай Клюев, *Сочинения, том I* (ФРГ, 1969), 193—97.
- 58 Gordon McVay, "Anatoly Mariengof and Sergei Esenin", в книге: Анатолий Мариенгоф, *Роман без вранья*, перепечатка с издания 1928 г. (Meeuws, Oxford, 1979).
- 59 *Russian Literature Triquarterly* (Ann Arbor, U.S.A., Fall 1972), no. 4, 396—416. См. также № 8, 573.
- 60 *Новый журнал* (Нью-Йорк, 1972), кн. 109, 150—67.
- 61 *Slavic and East-European Studies* (Quebec, 1971), Vol. XVI, 52—70.
- 62 См. Гордон Маквей, "Сергей Есенин и Айседора Дункан", в книге *Русский Альманах* (Париж, 1981), 205—221.
- 63 *Oxford Slavonic Papers* (1973), New Series, Vol. VI, 82—91.
- 64 *The Slavonic and East European Review* (London, July 1968), Vol. XLVI, no. 107, 479—80; *Новый журнал* (Нью-Йорк, 1969), кн. 95, 227—30.
- 65 *Canadian Slavonic Papers* (Ottawa, 1972), Vol. XIV, no. 3, 489—534.
- 66 *Russian Literature Triquarterly* (Ann Arbor, U.S.A., Winter 1974), no. 8, 409—61. См. также там же (Ann Arbor, U.S.A., Spring 1975), no. 12, 328 (фотография Вадима Шершеневича).
- 67 См. *New York Herald*, 29 October 1922, section 8, 27.
- 68 D. S. Mirsky, *Contemporary Russian Literature. 1881—1925* (London, 1926), 264—65. См. также D. S. Mirsky, *A History of Russian Literature* (London, 1964), 494.
- 69 D. S. Mirsky, "S. A. Esenin (obituary)", *The Slavonic Review* (London), 1925—26, Vol. 4, 706—07. См. также D. S. Mirsky, в журнале *The London Mercury*, 1921, Vol. IV, 414.
- 70 См. Clarence Augustus Manning, "The Tragedy of Esenin", *The Slavonic Review* (London), March 1929, Vol. 7, no. 21, 676—86.

- 71 См. George Z. Patrick, *Popular Poetry in Soviet Russia* (Berkeley, California, 1929), 182—92.
- 72 См. Max Eastman, *Artists in Uniform. A Study of Literature and Bureaucratism* (London, 1934), 50—60, 74.
- 73 Gleb Struve, *Soviet Russian Literature* (London, 1935), 168. See also Gleb Struve, *25 Years of Soviet Russian Literature (1918—1943)* (London, 1944), 168.
- 74 See Alexander Kaun, *Soviet Poets and Poetry* (Berkeley and Los Angeles, 1943). Reprint New York, 1968. Стр. 65—72 — об имажинистах; стр. 72—77 — о Есенине.
- 75 См. журнал *Новоселье* (Нью-Йорк), июль-август 1944, № 12—13, 123.
- 76 Ernest J. Simmons, *An Outline of Modern Russian Literature (1880—1940)* (Ithaca, New York, 1944), 38—39. (Reprint Westport, Connecticut, 1971.)
- 77 George Reavey, *Soviet Literature To-day* (London, 1946), 132. (Reprint New York, 1969.)
- 78 Richard Hare, *Russian Literature from Pushkin to the Present Day* (London, 1947), 215.
- 79 См. Janko Lavrin, *From Pushkin to Mayakovsky* (London, 1948), 262—78. Есенин упоминается в некоторых книгах, написанных Janko Lavrin.
- 80 См. Pierre Pascal, "Esenine, poète de la campagne russe", *Oxford Slavonic Papers* (1951), Vol. 2, 55—71.
- 81 Gleb Struve, *Soviet Russian Literature, 1917—50* (University of Oklahoma Press, 1951), 22.
- 82 Gleb Struve, *Books Abroad, Autumn 1954*, Vol. 28, no. 4, 394. См. также Георгий Адамович, в журнале *Опыты* (Нью-Йорк), 1956, № 7, 28—29.
- 83 См. Борис Филиппов, "Николай Клюев. Материалы к биографии", в книге: Н.Клюев, *Полное собрание сочинений* (Нью-Йорк, 1954), том. 1, 43—49, 54, 64—66, 76—82, 84—86, 88, 91—95, и др. См. также Б.Филиппов, в более полном двухтомнике, Н.Клюев, *Сочинения* (ФРГ, 1969).
- 84 См. Zbigniew Folejewski, "Esenin and Maiakovskii as Antipodes in Russian Postrevolutionary Literature", *Studies in Modern Slavic Poetry. I*, Uppsala Universitets Arsskrift 1955: 4 (Uppsala, 1955), 5—21.
- 85 William E. Harkins, *Dictionary of Russian Literature* (London, 1957), 110.
- 86 Там же, 428—29.
- 87 См. Е.Грот, "Корни творчества Сергея Есенина", в сборнике *У золотых ворот* (Сан-Франциско, ок. 1957), 76—86.
- 88 См. Vyacheslav Zavalishin, *Early Soviet Writers* (New York, 1958), 118—30.
- 89 См. Renato Poggioli, *The Poets of Russia 1890—1930* (Cambridge, Massachusetts, 1960), 269—75. См. ранний вариант этого раздела: Renato Poggioli, "Russian Futurism, Xlebnikov, Esenin", *The Slavic and East European Journal* (Indiana, U.S.A.), Spring 1958, Vol. 16, No. 1, 3—21.
- 90 Helen Muchnic, in: *Literature and Revolution in Soviet Russia 1917—62. A Symposium* edited by Max Hayward and Leopold Labedz (London, 1963), 40. Есенин кратко упоминается в книге: Helen Muchnic, *From Gorky to Pasternak* (London, 1963), 172, 250—52.
- 91 Victor Erlich, *The Double Image. Concepts of the Poet in Slavic Literatures* (Baltimore, Maryland, 1964), 134.
- 92 Max Hayward, introduction to *Dissonant Voices in Soviet Literature*, edited by Patricia Blake and Max Hayward (London, 1964), xi. Есенин упоминается в некоторых публикациях Макса Хэйварда. См. например: "Literature in the Soviet Period (1917—1975)", в книге *An Introduction to Russian Language and Literature*, edited by Robert Auty and Dimitri Obolensky (Cambridge, 1977), 187, 189—90, 193, 205.

- ⁹³ См. Marc Slonim, *Soviet Russian Literature. Writers and Problems* (New York, O.U.P., 1964), 15—16. Глава, посвященная Есенину, там же, 11—18.
- ⁹⁴ Там же, 17. Есенин упоминается в некоторых публикациях Марка Слонима.
- ⁹⁵ См. Vera Alexandrova. *A History of Soviet Literature, 1917—1964. From Gorky to Solzhenitsyn*, translated by Mirra Ginsburg (New York, 1964), 91. Глава, посвященная Есенину, там же, 80—96.
- ⁹⁶ Там же, 80.
- ⁹⁷ См. Frances de Graaff, *Sergej Esenin. A Biographical Sketch* (The Hague, 1966), 7—160, plus bibliography (161—78).
- ⁹⁸ См. Francisca de Graaff, *Serge Esenine (1895—1925), sa vie et son oeuvre* (Leyde, 1933).
- ⁹⁹ См. рецензии на книгу де Грааф (№ 97) в журналах: *The Slavonic and East European Review* (London), January 1968, Vol. 46, no. 106, 231—32; *The Slavic and East European Journal* (U.S.A.), 1969, Vol. 13, 508—09.
- ¹⁰⁰ V. M[arkov], in his Preface to *Modern Russian Poetry, An Anthology with Verse Translations* (Britain, 1966), lxviii. См. также статью В.Маркова о Есенине, *Грани* (Франкфурт-на-Майне, 1955), № 25, 139—62; его замечания об отношении Есенина к животным. *Опыты* (Нью-Йорк, 1955), № 5, 70—72; и Vladimir Markov, *Russian Futurism: A History* (London, 1969), 252, 370, 381, 418.
- ¹⁰¹ См. Vladimir Markov, *Russian Imaginism: 1919—1924* (Giessen, 1980). Том 1: История имажинизма (на английском языке), 144 стр. Том 2: Антология произведений имажинистов (на русском языке), 323 стр. См. также следующую книгу: Anna Lawton, *Vadim Shcherchenevich. From Futurism to Imaginism* (Ann Arbor, 1981).
- ¹⁰² См. Gleb Struve, *Russian Literature under Lenin and Stalin, 1917—1953* (University of Oklahoma Press, 1971), 23—26. Глеб Струве является также автором статьи о Есенине в *Encyclopaedia Britannica* (U.S.A. 1967, Vol. 8, 701).
- ¹⁰³ См. *Journal of Russian Studies* (England, 1972), no. 23, 21—32.
- ¹⁰⁴ См. Boris Thomson, *The Premature Revolution. Russian Literature and Society 1917—1946* (London, 1972), 129—30, 132—35, 154. См. также Boris Thomson, *Lot's Wife and the Venus of Milo* (Cambridge, 1978), 57.
- ¹⁰⁵ См., например, статьи Питера Соскиса: "Apocalypticism in Esenin"; "Esenin's "Anna Snegina". A comparison with Nekrasov's poem "Korobeyniki", and some comments on its relevance as a social document" (*New Zealand Slavonic Journal* [Wellington], Winter 1972, no. 9, 38—49). См. также неопубликованную диссертацию в Австралии: M. J. Rasmussen, "Esenin's tragedy in the light of social events in his epoch". M. A. (Melbourne), 1960, 191 pp.
- ¹⁰⁶ См., например, следующие книги:
René Fulop-Miller, *The Mind and Face of Bolshevism: An Examination of Cultural Life in Soviet Russia* (London and New York, 1927), 173.
Paul Scheffer, *Seven Years in Soviet Russia* (London, 1931; Westport, Conn. 1973), 23—24.
Kurt London, *The Seven Soviet Arts* (London, 1937), 131, 157, 159.
John Maynard, *The Russian Peasant: And Other Studies* (London, 1942), 102.
Paul Miliukov, *Outlines of Russian Culture, Part II. Literature* (Philadelphia, 1943), 73, 80, 113.
C. M. Bowra, *The Creative Experiment* (London — Melbourne — Toronto, 1967), 129 (first published 1949).
Gerd Ruge, *Pasternak. A Pictorial Biography* (London, 1959), 44—46, 48—49, 55—56, 64—65, 122, 129, 134.
Olga Andreyev Carlisle, *Voices in the Snow* (London, [1962]), 85, 199.

- Harold Swayze, *Political Control of Literature in the USSR, 1946—1959* (Cambridge, Massachusetts, 1962), 34—35, 53.
- Assya Humesky, *Majakovskij and his Neologisms* (New York, 1964), 12, 30, 34, 40, 41, 49.
- Valentin Kiparsky, *English and American Characters in Russian Fiction* (Berlin, 1964), 112—13, 136.
- John Berger, *The Success and Failure of Picasso* (Britain, 1965), 40.
- Mihajlo Mihajlov, *Moscow Summer* (New York, 1965), 25, 63, 181—82.
- James H. Billington, *The Icon and the Axe* (New York and London, 1966), 506—07, 522, 570, 767, 768.
- Katherine Hunter Blair, *A Review of Soviet Literature* (Britain, [1966]), 15, 19, 27, 28, 124, 147, 160.
- C. M. Bowra, *Poetry and Politics 1900—1960* (Cambridge, 1966), 107, 108, 110, 111, 116.
- Simon Karlinsky, *Marina Cvetaeva. Her Life and Art* (Berkeley and Los Angeles, 1966), 3, 5, 6, 38, 69, 70, 81, 113, 130, 161, 267.
- Robert Conquest, *The Great Terror. Stalin's Purge of the Thirties* (Britain, 1968), 325, 330.
- Robert A. Maguire, *Red Virgin. Soil. Soviet Literature in the 1920's* (Princeton University Press, 1968), 74, 76, 105, 356—57.
- Nina Berberova, *The Italics Are Mine* (Longmans, U.S.A., 1969), 142, 201, 206, 235, 283, 297, 415, 545, 554, 557, 561, 562.
- Edward J. Browin, *Russian Literature Since the Revolution* (London, 1969, revised edition), 28—29, 233, 303, 307, 335.
- Erik de Mauny, *Russian Prospect. Notes of a Moscow Correspondent* (London, 1969), 217, 250—51.
- Jürgen Rühle, *Literature and Revolution. A Critical Study of the Writer and Communism in the Twentieth Century* (London, 1969), 4, 5, 9—12, 19, 468, 472.
- Avrahm Yarmolinsky, *The Russian Literary Imagination* (New York, 1969), 218—20.
- Nils Ake Nilsson, *The Russian Imaginists* (Stockholm, 1970), 5—7, 12, 20, 22—25, 48, 52, 59, 68, 85, 89, 91.
- Jerzy Peterkiewicz, *The Other Side of Silence: The Poet at the Limits of Language* (London, 1970), 26—28, 54.
- A. Alvarez, *The Savage God. A Study of Suicide* (London, 1971), 198, 205—06.
- The Completion of Russian Literature. A Cento.* Compiled by Andrew Field (Britain, 1971), 211, 224, 270—71, 281, 286.
- Nadezhda Mandelstam, *Hope Against Hope. A Memoir* (London, 1971), 343, 417—18.
- Temira Pachmuss, *Zinaida Hippus. An Intellectual Profile* (Southern Illinois University Press, 1971), 370—80. См. ее же статью, "Зинаида Гиппиус и Сергей Есенин", *Новый журнал* (Нью-Йорк, 1966), кн. 83, 98—111.
- J. D. Elsworth, *Andrey Bely* (Letchworth, England, 1972), 93.
- The Left Bank Revisited: Selections from the Paris Tribune 1917—1934*, edited with an introduction by Hugh Ford (University Park and London, 1972), 59—61.
- Johannes Holthusen, *Twentieth-Century Russian Literature* (New York, 1972), 73, 86—88, 137, 197, 216, 267, 268.
- Robert Lord, *Russian and Soviet Literature. An Introduction* (London, 1972), 31, 60, 65—68, 72, 75.
- Modern Slavic Literatures. Volume 1: Russian Literature*, compiled and edited by Vasa D. Mihailovich (New York, 1972), vi, 369—75.
- Robert C. Williams, *Culture in Exile. Russian Emigres in Germany, 1881—1941* (Ithaca and London, 1972), 139, 253—54, 256—58, 273.
- Edward J. Brown, *Mayakovsky: A Poet in the Revolution* (Princeton, New

- Jersey, 1973), 6, 8, 87, 300, 307, 312—17.
- Harry T. Moore and Albert Parry, *Twentieth-Century Russian Literature* (U.S.A., 1974; London, 1976), 17, 18, 21—22, 79, 88, 90, 166.
- George Saunders (ed.), *Samizdat. Voices of the Soviet Opposition* (New York, 1974), 60—616 186—88.
- Francis Steegmuller, "Your Isadora": *The love story of Isadora Duncan and Gordon Craig* (New York and London, 1974), 35, 340, 376.
- Victor Erlich (ed.), *Twentieth-Century Russian Literary Criticism* (New Haven and London, 1975), 139—41, 157—58, 176, 237.
- John Berryman, *The Freedom of the Poet* (New York, 1976), 317.
- George Gibian and H. W. Tjalsma (eds.), *Russian Modernism. Culture and the Avant-Garde, 1900—1930* (Ithaca and London, 1976), 125.
- Amanda Haight, *Anna Akhmatova: A Poetic Pilgrimage* (New York and London, 1976), 89.
- Ruth Brandon, *Singer and the Sewing Machine* (London, 1977), 219.
- Henry Gifford, *Pasternak. A Critical Study* (Cambridge, 1977), 1, 5, 124—25, 127, 199, 218.
- Nikolai Klyuev, *Poems*, translated by John Glad (Ann Arbor, 1977), ix, xiv—xviii, 20, 23, 34, 36, 39—46, 69, 70.
- Herbert Marshall, *The Pictorial History of the Russian Theatre* (New York, 1977), 179, 182.
- Jeff Wanshel, *Isadora Duncan Sleeps With the Russian Navy* (New York, c. 1977—79), 4, 28, 45—50, 53.
- Robert C. Williams, *Artists in Revolution: Portraits of the Russian Avant-garde, 1905—1925* (Indiana, 1977; London, 1978), 142, 144.
- Deming Brown, *Soviet Russian Literature since Stalin* (Cambridge, 1978), 99, 110, 115, 221.
- Thais S. Lindstrom, *A Concise History of Russian Literature from 1900 to the Present*, Volume 2 (New York, 1978).
- Harrison E. Salisbury, *Russia in Revolution 1900—1930* (London, 1978), 278—79.
- Sidney Alexander, *Marc Chagall: A Biography* (London, 1979), 166, 217, 249, 339.
- Edward Braun, *The Theatre of Meyerhold: Revolution on the Modern Stage* (London, 1979), 163.
- A.D.P. Briggs, *Vladimir Mayakovsky: A Tragedy* (Oxford, 1979), 2, 99—101, 113.
- Ann and Samuel Charters, *I Love: The Story of Vladimir Mayakovsky and Lili Brik* (New York and London, 1979), 109, 168—70, 278, 288—91, 356, 361, 363, 373, 394.
- Ronald Hingley, *Russian Writers and Soviet Society 1917—1978* (London, 1979), 14, 35, 53, 61, 68—69, 71, 100, 158, 184, 189, 240.
- Avril Pyman, *The Life of Aleksandr Blok: Volume 1* (Oxford, London, New York, 1979), 209; *Volume 2* (Oxford, London, New York, 1980), 216—17, 281, 287, 292, 295, 297.
- Margot Fonteyn, *The Magic of Dance* (London, 1980), 78.
- Ellendea Proffer (ed.), *Tsvetaeva: A Pictorial Biography* (Ann Arbor, 1980), 143.

¹⁰⁷ См., например, следующие книги:

- A Dictionary of Modern European Literature*, edited by Horatio Smith (London, 1947), 879—80, entry by Nikander Strelsky (third printing, *Columbia Dictionary of Modern European Literature* [New York and London, 1963], 879—80).
- Cassell's Encyclopedia of Literature*, edited by S. H. Steinberg (London, 1953), Vol. 2, 1773—74, brief entry by J. M. Lavrin. См. также *Cassell's Encyclopedia of World Literature* (London, 1973), Vol. 2, Biographies A-K, 446, brief entry by J. M. Lavrin.
- The Concise Encyclopedia of Modern World Literature*, edited by Geoffrey

- Grigson (London, 1963), 134, 153; (London, 1970), 116—17.
- The Reader's Encyclopedia*, edited by William Pose Benet, second edition (London, 1965), 321—22.
- Encyclopedia of World Literature in the 20th Century*, edited by W. B. Fleischmann (New York, 1967), Vol. 1, A-F, 354—55, entry by Heinrich Stammeler.
- The Penguin Companion to Literature: Europe*, edited by Anthony Thorlby, revised edition (London, 1971), 833, entry by R. R. Milner-Gulland.
- Martin Seymour-Smith, *Guide to Modern World Literature* (London, 1973), 979—80.
- World Authors: 1950—1970*, edited by John Wakeman (New York, 1975), 1576—78.
- Martin Seymour-Smith, *Who's Who in Twentieth Century Literature* (London, 1976), 111.
- 108 См. *The Futurists, the Formalists, and the Marxist Critique*, edited and introduced by Christopher Pike (London, 1979), 108—11, 139; *Readings in Russian Poetics: Formalist and Structuralist Views*, edited by Ladislav Matejka and Krystyna Pomorska (Cambridge, Massachusetts, 1971), 74—75.
- 109 См. *A Soviet Heretic: Essays by Yevgeny Zamyatin*, edited and translated by Mirra Ginsburg (Chicago and London, 1970), 24, 29, 30, 39, 46, 63, 124, 146—49.
- 110 См. Mikhail Zoshchenko, *Before Sunrise. A Novella*, translated by Gary Kern (Ann Arbor, 1974), 83—85, 290—91, 336.
- 111 См. Viktor Shklovsky, *Mayakovsky and his Circle*, edited and translated by Lily Feiler (New York, 1972; London, 1974), 61, 89, 129, 130, 155—59, 201, 249.
- 112 См. e. g., Yevgeny Yevtushenko, *A Precocious Autobiography* (London, 1963), 34, 67, translated by Andrew R. MacAndrew; *Post-War Russian Poetry* (Penguin Books, 1974), 161—63.
- 113 См. K. Zelinsky, *Soviet Literature. Problems and People* (Progress Publishers, Moscow, 1970), 67—73.
- 114 См. Yuri Prokushev, *Sergei Yesenin: The Man, the Verse, the Age* (Progress Publishers, Moscow, 1979).
- 115 См. C. V. Ponomareff, "The Image Seekers: An Analysis of Imaginist Poetic Theory, 1919—1924", *The Slavic and East European Journal* (Wisconsin), Fall 1968, Vol. XII, No. 3, 275—96.
- 116 См. C. V. Ponomareff, "Death and Decay: An Analysis of S. A. Esenin's Poetic Form," *Canadian Slavonic Papers*, 1968, Vol. X, no. 2, 180—209.
- 117 Там же, 203.
- 118 См. многочисленные книги Алексея Крученых в 1926 г. (например, *Черная тайна Есенина; Новый Есенин*); В. Марков, в ж. *Грани* (Франкфурт-на-Майне, 1955), № 25, 156—57.
- 119 См. Constantin V. Ponomareff, *Sergey Esenin* (Boston, 1978), 194 стр. См. рецензию на эту книгу, в *The Modern Language Review* (Britain), April 1980, Vol. 75, No. 2, 472—74. См. также C. V. Ponomareff, "Woman as Nemesis: Card Symbolism in Hebel, Esenin and Pushkin", *Germano-Slavica*, 6, Fall 1975, 67—70.
- 120 См. "Плач матери Есенина", в газ. *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк), 28 ноября 1971; "О Сергее Есенине (Письмо в редакцию)", там же, 19 августа 1972; "Esenin's Literary Reworking of the Riddle", *Slavic and East European Journal* (Urbana, Illinois), Spring 1974, Vol. 18, No. 1, 20—30; письмо Зинаиды Райх к Андрею Белому, *Russian Literature Triquarterly* (Ann Arbor), Fall 1975, No. 13, 567, 569.
- 121 См. Lynn Visson, *Sergei Esenin: Poet of the Crossroads* (Würzburg, 1980), 207 pp.
- 122 См. Jessie Davies, "Animal Motifs in the Poetry of Esenin", *Journal of Russian Studies* (England, 1970), no. 19, 43—47.

- 123 См. Сергей Есенин, *Радуница* (Петроград, 1916; перепечатана Lincoln Davies & Co., Liverpool, 1972).
- 124 См. Джесси Дэйвис, "Она любила Сергея Есенина (Дневник Галины Бениславской)", в газете на русском языке *Новый американец* (Нью-Йорк), 30 мая — 4 июня 1980, № 16, стр. 24—25. Более подробно в сборнике *Глагол* (Ann Arbor, 1981), № 3, стр. 252—288.
- 125 См. Gordon McVay, "Manuscripts of Sergei Esenin", *Russian Literature Triquarterly* (Ann Arbor, 1974), no. 8, 462—71.
- 126 См. "Yesenin's Posthumous Fame, and the Fate of his Friends", *The Modern Language Review* (Britain, July 1972), Vol. 67, no. 3, 590—602.
- 127 См. *Russian Literature Triquarterly* (Ann Arbor, 1979), no. 16, 281—301. См. также там же, с. 106—08 (М.Осоргин о С.Есенине).
- 128 См. "Black and Gold: The Poetry of Ryurik Ivnev", *Oxford Slavonic Papers*, 1971, New Series, Vol. IV, 83—104. См. также мой некролог о Рюрике Ивнев, газ. *The Times* (London, March 30, 1981).
- 129 См. "The Tree-Stump and the Horse: The Poetry of Alexander Kusikov", *Oxford Slavonic Papers*, 1978, New Series, Vol. XI, 101—31.
- 130 См. "Soviet Poets Discuss Sergey Yesenin", *The Slavonic and East European Review* (London, October 1970), Vol. 48, no. 113, 506—19; "Советские поэты о Сергее Есенине", *Новый журнал* (Нью-Йорк, 1970) кн. 100, 182—94.
- 131 См. "Alexei Kruchenykh: The Bogyman of Russian Literature", *Russian Literature Triquarterly* (Ann Arbor, 1975), no. 13, 570—90.
- 132 См. "An Interview with Evgeniy Evtushenko", *Journal of Russian Studies* (England, 1977), no. 33, 13—18.
- 133 См. "S. A. Esenin in England and North America: A Review Article", *Russian Literature Triquarterly* (Ann Arbor, 1974), no. 8, 518—39.
- 134 См. мои рецензии на многочисленные книги о Есенине в: *The Slavonic and East European Review* (London, January 1970), Vol. 48, no. 110, 133—134; *ibid.* (London, January 1971), Vol. 49, no. 114, 145—47; *ibid.* (London, October 1976), Vol. 54, no. 4, 609—12; *ibid.* (London, July 1981), Vol. 59, no. 3, 477; *The Modern Language Review* (England, July 1973), Vol. 68, no. 3, 717—20; *ibid.* (England, April 1975), Vol. 70, no. 2, 473—77; *ibid.* (England, April 1980), Vol. 75, no. 2, 472—77; *Journal of Russian Studies* (England, 1981), no. 41, 64; *Slavic Review* (U.S.A., Summer 1981), Vol. 40, no. 2, 322.
- 135 См. *Russian Literature Triquarterly* (Ann Arbor, 1974), no. 8, 538—39 (прим. 123).
- 136 Перевод приписываемого Есенину стихотворения, "A Peasant's Lament" ("Плач крестьянина") опубликован в книге *Russian Literature Since the Revolution*, edited by Joshua Kunitz (New York, 1948), 418. Стихотворение звучит "по-есенински", но, кажется, не принадлежит его перу. На стр. 918 биографическая справка о Есенине.
- 137 *Преображение* (часть 3) лучше переведено в книге Hans von Eckardt, *Russia*, translated from German by C. A. Phillips (London, 1932), 548. Поэма тут ошибочно приписана Ключеву! Есенин упоминается на стр. 547.
- 138 Перевод "О верю, верю, счастье есть!" перепечатан в *The Russian Horizon*, An Anthology compiled by N. Gangulee (London, 1943), 67.
- 139 Перевод "О пашни, пашни, пашни" раньше опубликовался в *The Slavonic Review* (London, July 1933), Vol. 12, no. 34, 7.
- 140 В примечаниях неправильно утверждается (там же, 153), будто "первая строфа этого стихотворения пропущена в переводе". На самом деле, строфы 1 и 2 лишь перемещены.
- 141 Некоторые переводы W. S. Merwin впервые опубликовались в *The Hudson Review*, Spring 1968, Vol. 21, no. 1.

142 Другие переводы последнего стихотворения Есенина встречаются в: Jürgen Rühle, *Literature and Revolution* (London, 1969), 12; Wiktor Woroszyński, *The Life of Mayakovsky* (London, 1972), 394.

143 См. мою рецензию на эту книгу в *Journal of Russian Studies* (England, June 1981), no. 41, p. 64.

** После написания этой статьи вышли следующие материалы, достойные внимания:

Isadora Speaks, edited and introduced by Franklin Rosemont (San Francisco, 1981).

J. Davies, *Esenin. A Biography in Memoirs, Letters, and Documents* (Ann Arbor, 1982).

Gordon McVay, "Modern Drama in Theory and Practice", *Journal of European Studies* (England, 1982), Vol. XII (на стр. 288 упоминание о постановке есенинского *Пугачева* в театре на Таганке).

Sergei Esenin, *Selected Poetry*, translated by Peter Tempest (Progress Publishers, Moscow, 1982).

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ СТИХОВ
ЕСЕНИНА В ПЕРИОДИКЕ
1914—1918 гг.

Настоящая работа — попытка собрать воедино выявленные за последние годы в разных архивах и книгохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга редкие и забытые публикации стихотворений и поэм Сергея Есенина в газетах центральных и провинциальных городов и регионов России за период с 1914 по 1918 год включительно.

Все публикации даются в хронологической последовательности по годам (месяцам) выхода их в свет.

В небольших комментариях к ним отражено стремление автора сравнить тексты первых и малоизвестных повторных публикаций произведений поэта между собой, а также с текстами в Собрании сочинений С.А.Есенина в 6-ти томах 1977—80 гг. как наиболее полное научное издание, выпущенное к настоящему времени.

При этом указываются разночтения, ошибки, даются другие дополнительные сведения и оговариваются особенности их публикации в печатных органах.

1914

Кузнец (“Душно в кузнице угрюмой...”) // Эхо. Вологда, 1914. 13 июня.

Текст идентичен с текстом первой публикации в газете “Путь правды”. Пг., 1914. 15 мая. Под стихотворением подпись: “Сергей Еонкин” (ошибочно) и пометка (“П.П.”) — указание на перепечатку стихотворения из петроградской газеты “Путь правды”.

Богатырский посвист (“Грянул гром. Чашка неба расколота...”) // Сызранское утро. 1914. 27 ноябр.

Текст идентичен с текстом первой публикации в газете “Новь”. М., 1914. 23 ноябр., за исключением разночтений в 12-й строке, где слово “подымаются” читается как “поднимаются”, и в 19-й строке, где слово “наряжается” читается как

“наряживается”. И все-таки это, видимо, редакторская ошибка! Под стихотворением подпись: “Сергей Есенин” и пометка (“Н”) — указание на перепечатку из московской газеты “Новь”.

1915

Моя родина (“Гой ты, Руть, моя родная!..”) // Тамбовский листок. 1915. 17 ноябр.

Текст идентичен с текстом первой публикации в газете “Биржевые ведомости”. Утр. вып. Пг., 1915. 14(27) ноябр., кроме 13-й строки, где выражение “по мятой стежке” читается по-другому: “по мягкой стежке”. Что это — опечатка или разночтение? Скорее всего, редакторская поправка. Под стихотворением подпись: “С.Есенин” и пометка (“Б.В.”) — указание на перепечатку из петроградской газеты “Биржевые ведомости”.

Дайте родину мою!

Под таким заголовком было опубликовано стихотворение “Гой ты, Руть, моя родная...” в газете “Екатеринославский курьер”. 1915. 18 ноябр.

Текст абсолютно идентичен с текстом первой публикации. Под стихотворением подпись: “С.Есенин” и пометка (“Б.В.”) — указание на перепечатку из все той же газеты “Биржевые ведомости”. В то же время надо сказать, что текст этого стихотворения, опубликованный в газете “Биржевые ведомости”, имеет разночтения по сравнению с текстом в первой книге С.Есенина “Радуница”. Пг., 1916, а также с текстом наборного экземпляра 1-го тома, подготовленного самим поэтом в 1925 году, воспроизводимого в Собрании сочинений 1977 года. Приведем полностью текст в газете “Биржевые ведомости” (разночтения подчеркнуты):

* * *

Гой ты, Руть, моя родная!

Хаты, в ризах образа...

Не видать конца и края,

Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,

Я смотрю твои поля,

А у низеньких околиц

Кротко чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой тихий спас,
И гудит за хороводом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если кликнет рать святая,
Кинь ты, Русь, живи в раю,
Я скажу: не надо рая,
Дайте родину мою!

1916

“Край родной” — под таким названием было опубликовано стихотворение “Край родной! Поля, как святцы...” (ранняя редакция строк 1—2 стихотворения “Край любимый! Сердцу снятся...”) в газете “Иркутская жизнь”. 1916. 8 янв.

Название и текст стихотворения идентичны с названием и текстом первой публикации его в газете “Биржевые ведомости”. Утр. вып. Пг., 1915. 25 дек.

Под стихотворением подпись: “Сергей Есенин” и пометка (“Б.В.”) — указание на перепечатку из указанной выше газеты.

1917

Товарищ (“Он был сыном простого рабочего...”) // Народное эхо. Пятигорск, 1917. 25 июня.

Это вторая известная публикация после газеты “Дело народа”. Пг., 1917. 26 мая была осуществлена с грубой опечаткой и даже пропуском 37-й строки стихотворения “Все взлет и взлет...” В остальном газетные тексты одинаковы и совпадают с текстами в сборниках “Скифы”. 2-й. СПб., 1918 и “Красный звон”. Пг., 1918.

Позднее Есенин в своей авторской книге “Сельский часослов”. М., (1918) внес небольшие изменения. Так, в 57-й строке вместо словосочетания “С погасшими глазами” читается “С потухшими глазами”, в 76-й строке фраза “за равенство, за труд!” имеет вариант: “за равенство и труд!” Такое написание сохранилось в наборном экземпляре 2-го тома 1925 года, подготовленного самим поэтом, и, естественно, в Собрании сочинений 1977 года.

Отчарь (“Тучи — как озера...”) // Черноморская газета. Новороссийск, 1917. 19 сент. Это вторая известная публикация поэмы (первая состоялась 10 сентября 1917 года в той же петроградской газете “Дело народа”).

Тексты поэмы в названных газетах одинаковы. Вместе с тем они имеют разночтения с текстом, напечатанным в Собрании сочинений 1977 года (во втором томе в разделе “Из ранних редакций они почти все указаны, но тут вкралась одна маленькая неточность: в газетах в 3-й строфе слово “Радостней” читается как “Радостной”). Из неуказанных разночтений можно отметить следующие: в 69-й строке слово “Волховский” пишется с заглавной буквы, в 72-й строке вместо названия “Каспий” напечатано “Кама”.

“Запели тесаные дроги...” // Простая газета социалистов-революционеров для города и деревни. Пг., 1917. 10 ноябр.

Текст идентичен с текстом первой публикации этого стихотворения в петроградской газете “Биржевые ведомости” 17 апреля 1916 года.

1918

“Тучи с ожерёба...” // Вечерняя звезда. Пг., 1918. 26 янв. Газета издавалась с 22 января 1918 года, вышло всего 77 номеров. К сожалению, автор так и не смог найти NN№ 2, 4 и 7. Это первая известная публикация стихотворения. Текст его в газете идентичен с текстом в авторской книге Есенина “Голубень”, вышедшей в период 19—21 мая 1918 года в Петрограде, и с текстом наборного экземпляра.

“Сохнет стаявшая глина...” // Знамя борьбы. Пг., 1918. 4 мая. Газета была органом Петроградского комитета партии левых социалистов-революционеров и издавалась с 19 марта по 7 июля 1918 года (вышел 91 номер). Это более ранняя публикация стихотворения Есенина, чем было известно до этого, и с разночтениями в третьей строфе:

...Плещут окуни в затоне,
И песок краснее меди.
Кто-то в солнечном хитоне
На осленке рыжем едет...

В окончательном варианте она звучит по-другому:

...Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов — как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На осленке рыжем едет...

В этой же газете были напечатаны также следующие стихотворения Сергея Есенина: “Наша вера не погасла...”, “В том краю, где желтая крапива...”, “Покраснела рябина...”, “Певущий зов”, “Гляну в поле, гляну в небо...”, “То не тучи бродят за овином...”, “За темной прядью перелещиц...”, “Запели тесаные дроги...”

Тексты всех названных стихотворений идентичны с текстами в Собрании сочинений 1977—1980 гг.

“Наша вера не погасла...” // Изв. Шацкого Уезд. Исп. Ком. Советов Раб., Красноарм. и Крестьян. Депутатов. 1918. 5 июня¹. Текст стихотворения идентичен первой, второй и третьей публикациям в газетах “Дело народа”. Пг., 1917. 28 марта, “Знамя борьбы”. Пг., 1918. 21 марта и “Голос трудового крестьянства”. М., 1918. 12 апр. соответственно, за исключением разночтения в 4-й строке, где напечатано “На родимые холмы” вместо “На зеленые холмы”.

Трудно сказать: была ли это авторская публикация или нет?

Иорданская голубица (“Земля моя золотая!”) // Изв. Ряз. Губ. Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 18 авг.² Это самая первая известная на сегодняшний момент публикация поэмы. Напечатана она с эпиграфом: “Прощай прощай прощай масленица (Песня) и незначительными отличиями от текста в Собрании сочинений 1977—80 гг.: отсутствие тире в каждой строчке первой строфы второй главки и в словосочетании “Братья-миряне”; написание названия “Млечный Путь” со строчных, а слов “апостол” и “дева” с заглавных букв. Встречается и одна ошибка в слове “гостя” — напечатано: “гостья”.

Под текстом поэмы подпись: “Сергей Есенин” и дата “1918 г. июль”...

“Небо — как колокол...” (отрывки из поэмы “Иорданская голубица”, строки 17—20, 29—32), “Край ты мой заброшенный...” // Рабочий край. Иваново-Вознесенск, 1918. 24 авг.

Опубликованные строки из поэмы “Иорданская голубица” ничем не отличаются от текста во 2-м томе Собр. сочинений 1977 года, разве только знаками препинания, а вот в стихотворении “Край ты мой заброшенный...” 5 строфа опубликована в явно искаженном виде, скорее всего, по вине наборщика:

...Жизнь твоя и быть
Уже не сказ ли в прутнике
Что под вечер путнику —
Нашептал ковыль?

В библиографическом указателе “Русские советские писатели. Поэты. Т.8. М., 1985 почему-то это стихотворение не учтено в разделе “Публикации в периодических изданиях и коллективных сборниках”.

[Кантата] // Воля и Думы Железнодорожника. М., 1918. 26 окт. До сих пор считалось, что коллективно написанная тремя поэтами — М.П.Герасимовым, С.А.Есениным, С.А.Клычковым — “Кантата” впервые была напечатана в журнале “Зарево заводов”. Самара, 1919, янв. № 1. И вот теперь найдена более ранняя публикация этого произведения в указанной газете. Она анонимна; в газетном тексте имеются значительные расхождения по сравнению с журнальным.

Приведем полный текст, напечатанный в газете:

“Открытие мемориальной доски

Во время октябрьских торжеств на могиле жертв революции будет открыта мемориальная доска работы скульптора Каменского.

Для открытия мемориальной доски выработана следующая кантата:

1

Сквозь туман кровавой смерти
Чрез страдания и печаль
Мы пробьемся, знайте, верьте,
В золотую высь и даль.

* * *

Всех кто был вчера обижен,
Обойден лихой судьбой,
С дымных фабрик, черных хижин
Мы скликаем в светлый бой.

* * *

Пусть последней будет данью
Наша жизнь и тяжкий труд,
Все мы знаем: там за гранью
Зори новые цветут.

2

Спите, любимые братья,
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.

* * *

Новое в мире зачатъе
В зареве красных зарниц.
Спите, любимые братья,
В славе нетленных гробниц.

* * *

Солнце златою печатью
Стражем стоит у ворот,
Спите, любимые братья,
Мимо вас двинется ратью
К зорям вселенским народ.

3

Сойди с креста, народ распятый,
Преобразись, рабочих рать,
Врагу грозит судьба расплаты,
Грозит насилие покарать.

* * *

В бою последнем нет пощады,
Но там за гранями побед
Мы всех принять в объятья рады,
Простив неволю долгих лет.

* * *

Ревя, земля, последней бурей,
Сзывай на бой, скликай на пир,
Пусть светит новый день в лазури,
Преображая старый мир”.

В результате конкурсного отбора фактически исполнителем мемориальной доски стал скульптор С.Т.Коненков, чей проект был признан комиссией лучшим.

Несколько слов о публикации стихотворения Сергея Есенина “Заметает пурга...” в журнале “Жаворонок”. Пг., 1918. № 1. Во-первых, в Собрании стихотворений 1978 года ошибочно указано место издания этого детского журнала: “Москва”, во-вторых, в журнале по сравнению с первой публикацией в газете “Новая жизнь”. Пг., 1917. 24 дек. имеется разночтение в 13-й строке: “Эй вы” вместо “Гей вы” и опущена 7-я строфа стихотворения.

Наконец, хотелось бы сказать об одной публикации в газете “Вестник Маньчжурии”, которая издавалась с 1 января 1918 года в Харбине и была органом союза служащих,

мастеровых и рабочих Китайской Восточной ж/д (КВЖД принадлежала тогда еще России). В номере за 11 апреля 1918 года в рубрике “Среди печати” под заголовком “В духе времени” была опубликована заметка, в которой приводился фрагмент стихотворения “В том краю, где желтая крапива...” Эта заметка интересна тем, что она, по-видимому, явилась одним из самых первых откликов на творчество С.А.Есенина в периодике складывающегося русского зарубежья.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Публикацию нашел С.М.Титов, см.: Ряз. комсомолец. 1956. 9 дек.
- ² Публикацию нашел И.Н.Гаврилов, см.: Приокская правда. Рязань, 1979. 3 окт.

IV. С ДУМОЙ О ЕСЕНИНЕ

Слово поэта

В. СОРОКИН

БЕЛАЯ ВЬЮГА

Талант рождается один. Растет один. Творит один. И часто — воюет за призвание один. Но талант не одинок. Талант — вещий инструмент в руках народа, которым он, народ, измеряет жизнь, себя и время. Все на родной земле — для таланта: прошлое, настоящее, будущее. Все для таланта: совесть, честь, правда:

Думы мои, думы! Боль в висках и в темени.
Промотал я молодость без поры, без времени.

Слово Сергея Есенина — нравственный закон. Есенин в слове — как звезда в небе, звезда, рожденная атмосферой дали, высоты и глубины. Сергей Есенин, щемяще родной и справедливый, не мог быть холодным созерцателем. Не мог Сергей Есенин быть кривлякой-модником, не мог он быть и циником-ветрогоном.

Легко не ссориться. Легко не защищать. Легко иметь покладистое поведение, веселое брюхо и оптимистический облик. Легко, — но легко для неталантливого. Сытость и Есенин — вечные враги. Краснобайство и Есенин — вечные недруги. Нам просто принять:

Ветры, ветры, о снежные ветры,
Заметьте мою прошлую жизнь.
Я хочу быть отроком светлым
Иль цветком с луговой межи.

Сергей Есенин, что тебя, родной, так гнетет, так мучит?.. Тайна жизни, горе и радость, загадка смерти, любовь и ненависть: их никуда не денет поэт, и сам никуда от них не спрячется.

И небольшие поля, на которых шумят березы, и холмы, уходящие в глубь вековую, и река, повитая синью, и облака,

плывущие над землю,— все это близкое, свое, вечное. Имя этому — Родина, Отечество, Россия...

Лебединым криком и туманами отплакалась древняя Рязань. Крестами и пожарами означились ее веси. На каждую травину — по ордынскому копыту, на каждый дом — по черному пепелищу. Но — выдюжила, выросла, ратная и былинная, дала миру славу, поставила ему богатыря-Коловрата.

Не соловьиный перелив, не голос черемухи, а чистый, пронзительный, обжигающий зов человека услышали мы:

Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.

И:

Тоскуют брошенные пашни,
И вянет, вянет лебеда.

Рязань!.. Почти мальчик, юноша, молодой поэт, он встречает октябрьскую встряску восторженно, как встречают долгожданную грозу, смахивающую с земли ржавую накипь:

Дай с нашей овсяною волей
Засовы чугунные сбить,
С разбега по ровному полю
Заре на закорки вскочить.

Поэт и слово — все равно что роща и птицы. Глуха роща без птиц, неинтересна. Поэт без слова — улей без пчел. А слово — история. Слово — философия, натура народа. Нет плохих народов. Нет народов неискренних, неталантливых. Сергей Есенин искренен искренностью своего народа, талантлив его талантливостью.

* * *

Пророчества поэта — угадывающий взгляд на свою судьбу, на судьбу своего поколения, на судьбу своего народа из-под буревых дней. Надо обладать гигантской концентрацией света — способностью обобщений на катастрофическом переломе, способностью из кипящего колдоворота событий выхватить на мгновение то, что еще лишь “брезжит”, далеко, что еще лишь поддерживается твоим ощущением:

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.

“Я последний поэт деревни...” “Каждый сноп лежит, как желтый труп”. “Словно хочет кого придушить руками крестов погост”. “Здравствуй ты, моя черная гибель, Я навстре-

чу к тебе выхожу!” “Как и ты — я, отвсюду гонимый, Среди железных врагов прохожу”. “Как и ты — я всегда наготове, И хоть слышу последний рожок, Но отпробует вражеской крови Мой последний, смертельный прыжок”. “Я такой же, как вы пропащий, Мне теперь не уйти назад”. “Что-то всеми навек утрачено”.

И — драматичнее, драматичнее, фактовее, фактовее:

Гармонист с провалившимся носом

Им про Волгу поет и про Чека.

“Ты Рассея моя... Рас...сея... Азиатская сторона!” А “Рас...сея...” — Рассея — имя девушки, женщины, бабушки рассеянной, — так в деревнях называют неумех, забывчивых, доверчивых и надеющихся на чужую доброту, а вдруг — обман, вдруг — трагедия?... И — Рось. И — Росс. И — Рассея.

“Были годы тяжелых бедствий, Годы буйных, безумных сил”. “Как в смирительную рубашку, Мы природу берем в бетон”. “Прощай, Баку! Тебя я не увижу”. “Не вернусь я в отчий дом”. “Плачет и смеется песня лиховая. Где ты, моя липа? Липа вековая?” “В своей стране я словно иностранец”...

* * *

Поэт — боль и предчувствия, предчувствия неотвратимой беды. Не ее ли мы пытаемся превозмочь и сегодня? “Дайте Родину мою!” “Откуда закатился он, Тебя встревоживший мятежник?” “Россия, сердцу милый край! Душа сжимается от боли. Уж сколько лет не слышит поле Петушье пенье, песий лай”. “А ночью выплывает луна. Ее не слопали собаки: Она были лишь не видна Из-за людской кровавой драки”. “Я помню только то, Что мужики роптали, Бранились в черта, В бога и в царя”.

Сергей Есенин — в нас, в наших страданиях: как нам спасти пашню, крестьянство, русский дом? Поэт искал “корабль” судьбы России в стихиях времени, “Где каждой щепке, Словно кораблю” — простор. Но простор — буревой, простор — шторм и кровь. Шторм, срывающий национальные, хозяйственно-порядковые, духовно-нравственные якоря.

Впереди — чудовищные пожары, столпотворения в голодных городах и селах, истребление русских доносами, расправами, сталкивание их с “утопанных площадок”, пускание по ветру. И сам поэт — “на мушке”...

Хула на Сергея Есенина — хула на нас. Клевета на Сергея Есенина — клевета на нас. Ненависть к Сергею Есенину — ненависть к нам. Борьба за Сергея Есенина —

борьба за русских, за русскую жизнь, за “корабль” судьбы России:

Родимая!
Ну как заснуть в метель?
В трубе так жалобно
И так протяжно стонет.
Захочешь лечь,
Но видишь не постель,
А узкий гроб
И что тебя хоронят.

Похоронщики Сергея Есенина — похоронщики русских. Они и “бригадиры” их — сытые и жестокие хриstopродавцы, лакеи подачек.

Сидит Есенин на пляже в Америке. Дункан — с ним. Земля и небо поладили — родили ее под мерцание зари, и первый вздох ветра закружил ее и понес в танце: выросла в музыке и движениях.

А Сергею Есенину тошно. Холеные курортники. Холеные виллы. Холеные кушания. Песок — холеный. И ветер — холеный. Даже заря — холеная. Понурился. И золотые кудри рассыпались. Куда заехал? Кому нужен? О ком затосковал?

Америка посылает в Россию куртки, штаны, шапки... Россию — раскогтили: не пашет, не сеет путем, не жнет. Врагов народа сыщики обнаруживают на безбрежных просторах. Врагов — уйма, веси — непромеримые ни колесом, ни прибором... Угля, железа, нефти, алмазов — гребни экскаваторами.

А время бежит. Спицы мелькают. Телега погромыхивает. Паровоз дымом разбрасывается по рязанским луговинам и взгоркам. Бежит время. День — в день. Ночь — в ночь. Тошно.

И слышит Есенин — не песок шуршит, не вода шумит, не Америка блаженствует, а Россия кричит: огненные пули свистят и листву на березах прошивают, а русская кровь у порога отцовского дома красным озером плещет. Домой — дрогнуло сердце. Домой — скорее.

Ну и вернулся бы домой. Да... По вечерам — совы молчат. Мыши замирают. Зарево полыхает над Окою, и ни песен, ни молитв. Церкви — взорваны. А по хуторам — обелиски. Дешевые, заржавленные. Вместо детей — обелиски. Вместо стариков — обелиски. Мы уничтожены. На пирамидках — имена, фамилии, а люди-то где? Люди — в братских курганах...

Вернулся Сергей Есенин — погибших считать, а их мать давно сосчитала и оплакала. И — вьюга белая ей помогла: вост и снегом заметает — глухо.

Песок золотой. Жаркий. Виллы золотые. Браслеты и серьги из чистого золота. Золотая и бриллиантовая Америка нищим подает консервы и порошки... А за древним Константиновом — звон топора на белой вьюге скачет: мать поэта в лес за дровами пробилась, холодно.

Стук. Стук. Стук. Взмахивает топором бабушка Татьяна. Взмахивает. Взмах — год. Взмах — год. Бежит время. А над могилкой Сергея Есенина, сына ее голубоглазого, белая вьюга метет или Айседора в белом платье танцует?

А топор стучит. А в доме нетопленном — ледок в ведрах плавает. Лесник идет. Грузный. Грозный. Чужой...

— Кто там?..

— Я...

— А, ты, ты, поэт кулацкого мать? Запрещаю!..

А весною по рязанской земле — белые яблони качаются. И так они цветут, так они задыхаются и шелестят, веют порошей белою — Есенин с головою тонет, а мать и совсем не видать, и даже топора ее не слышно. Вьюга, белая вьюга, куда он заехал, куда ты летишь?..

Бунину легче обижаться на Есенина, легче журить его за уступчивые кивки советской власти. Бунин — господин. Бунина поймали в Крыму революционные ретивцы, интернациональные сыщики — давай понужать, подталкивать на расстрел, едва спасся.

А Есенину кого журить? Утенок — выныривает так из лопухов речных. Жаворонок кувыркается — в синеве так. Лилия — из воды так выходит. Есенин! Есть на русской земле из-за чего схватиться и повраждовать с баскаками: безвинных казнят — молчи.

Безвинные — срывай обиду на себе и на близком...

Советская власть-то не ночевала в России. Ее плакатами и транспарантами заполонили нам разум и очи заклеили. Советская власть — войны, войны, войны, советская власть — тюрьмы, тюрьмы, советская власть — расстрелы, расстрелы: где же советская власть?

Есенину хотелось видеть князя-объединителя, хозяина видеть хотелось, заступника России искал поэт в революции, и вождя — а нашел?.. Нам ли “поправлять” и “наставлять” Есенина?

Бунин — истаивал, мучимый верностью к России, к народу ее, а Есенин — не выплыл, не вышагнул, не поднялся из слез, из крови: белая вьюга помешала ему, белые яблони ладошки свели над ним.

Ныне невесты и жены будущих детей пугаются, нищета захлестывает Россию, а бандиты путешествуют, раздавая края. Внутри России и вокруг России народ — расколот, оттащили область от области, предали и разбазарили. Есенин — увидел это вчера. А мы — сегодня...

Каяться пора. Прощать пора. Молиться пора. Но разве бог выводит нас из ямы, откуда мамонту, загнанному, не выско-чить? Страшные — русские могилы. И в Москве — страш-ные. И в деревне — страшные. Разве мы уже умерли? Сын отцова креста не находит, и внук дедова — не находит.

Нить порвана — нить продолжения рода. Монголы добрее были: рубили и сжигали дотла. А эти — память вышибли, душу выстудили, и себя не удержали: рухнули со Спасской башни.

Беда. Стая воронов каркает. Старые могилы в туманах растворяются, а новые — вороны острым клювом перечерки-вают. Родина запустынивается. Избы бельмами смотрят. Есть ли еще где страна, на нашу Россию похожая?

* * *

Но великий Есенин не отвергал ни Разина, ни Пугачева, не отвергал их и Пушкин... А у Сергея Есенина тема русской вольницы, тема бунта, тема революции — борьбы за справед-ливость — завершилась драматической поэмой "Пугачев". Завершилась Уралом. Урал, срединный утес Земли, волно-вал и раннего Есенина:

Но и тебе из синей шири
Пугливо кажет темнота
И кандалы твоей Сибири,
И горб Уральского хребта.

Москва, Рязань, Поволжье, Урал, Сибирь, Персия, Украи-на, Грузия — манили поэта. Синева просторов России и золотистость просторов Азии звали Сергея Есенина к раз-думью, а древний Урал покачивал каменные крылья: одно — над Европой, другое — над Азией. А в русском человеке укоренилось ощущение евроазиатца. А русская поэзия между двух великих материков красным солнышком восходит.

Есенин не виноват в том, что идеалы и цели исковеркали и распродали, силуэт революции окровавили и колымскими барачными лучинами вытемнили. А пакостить чиновничьими жидкими опусами русское непокорство — трусливая смелость гоа...

Запевай, как Стенька Разин
Утопил свою княжну.

И:

Ты ли, Русь, тропой-дорогой
Разметала ал наряд?

Сергей Есенин — как великий поэт — рожден революцией. И не только революцией. Все его стихи о природе, о любви, о юности — искры молнии, взлетевшей из мощного водоворота. Трагедии обожгли и очистили слово, возвысили мысль, укрепили и облагородили. Нежность и гнев, скорбь и мужество — удел поэта. Раздумья утяжелились. Приобрели особую окраску и суть многие грани единого чувства:

Руки милой — пара лебедей —
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.

И:

Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты, бога ради,
Обучусь когда-нибудь!

Ненависть его — разумна, доброта его — адресна. Жизнь и совесть — древнее революции. Русские поэты дороги поэтам других народов личной встречей, дружбой вдохновений, взаимностью забот. Сергей Есенин дорог национальной честностью, мудростью, достоинством русского слова и русской стати.

Когда я думаю о прошлых временах Родины, я вижу Евпатия Коловрата и Андрея Рублева, Михаила Кутузова и Льва Толстого. Когда я думаю о близких временах, я вижу Георгия Жукова и Сергея Есенина... Есть Есенин — я вижу: он — свет мой!

На космических орбитах, на дорогах, распарывающих барханы, звенит огонь есенинских строк. Этот огонь — символ. И чем дальше мы от поэта, тем явственней он перед нами. Сергей Есенин — пример приближения таланта из народных глубин к той логике пытливости, где Вселенная и Личность единятся:

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Ядерный век — век Есенина, ибо каждое мгновение поэта — крик о траве, о звезде, о человеке. И сам он — звезда, взошедшая над океаном бытия. Звезда большая и неугасимая. Есенин открыто декларировал:

Хочу я быть певцом
И гражданином...

Мы говорим привычно: стихотворение, поэма, автор. А что за этим? Судьбы. Судьбы не только самих сочинителей — судьбы поколений и держав. Поэт, если только он поэт, никогда не потеряется в суете эпохи, никогда и никому не позволит навязать себе чье-то мнение, тенденцию, поскольку поэт — один, единственный, кто, в конечном-то счете, за себя отвечает. Опыт поэта — муки поэта:

Напылили кругом. Накопытили.
И пропали под дьявольский свист,
А теперь вот в родной обители
Даже слышно, как падает лист.

И ведь кто так говорит? Есенин!.. Есенин, кинувший в толпу:

Я более всего
Весну люблю.
Люблю разлив...

И:

Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звездного огня.
Те, кого любил я, отреклись,
Кем я жил — забыли про меня.

Думающий о страшных разломах того времени, о полях, иссеченных подковами конниц, о молодом крестьянине, оторванном от плуга и ввергнутом в “классовое сражение”, Есенин, как сострадалец, не может осязать лишь “правоту дела Октября”, не может. Он слышит кровь правоты и неправоты, пожар слышит.

За победным шумом красных знамен поэт видит между. А на ней встретились — враг с врагом? Брат с братом? Пожать руку друг другу над бездной века? Или снять голову друг с друга над этой же бездной века? Пропасть...

Мне порой стыдно читать: “Есенин — наш, советский. Есенина нельзя отделить от революции!”... Нам ли требуется доказывать? Если бы не революция, если бы не ее ураган, Есенин не создал бы такие могучие вещи, как “Русь уходящая”, “Песнь о великом походе”, “Гуляй-поле”, “Поэма о 36”, “Пугачев”, “Анна Снегина”, “Страна Негодяев”, “Черный человек” и многие ключевые для русской и мировой литературы произведения.

Есенин не мог отклониться в сторону от событий. Соловьиная душа не способна эмигрировать... Она, душа, все вбирает в себя, весь ветер, жуткий и кровавый...

По уральским горным рекам после войны гнали золотистый сосновый лес русские заключенные. Мы, мальчишки, всюду натыкались на них: в палатках, в избах, на делянках и даже — на сенокосах. Мы подсовывали им вареную картошку, махорку, а они нам хлеб. Колхозники в то время хлеб видели — только на корню... И трудно было определить: кто настоящий заключенный — заключенные или свободные колхозники, ведь ни у тех, ни у этих прав, собственно, никаких не имелось, быт и в тюрьме и на свободе — нищий.

Заключенные свободно, почти свободно, передвигались по определенной территории, колхозники — по своему району. И вот однажды у костра совершенно седой человек, лет сорока, мускулистый, голый по пояс и разутый, начал наизусть читать стихи Сергея Есенина, подшлепывая по утоптанной теплой земле то правой, то левой ступнею. А на каждой ступне наколка: “Ох, она и устала!”

Под окнами
Костер метели белой.
Мне девять лет.
Лежанка, бабка, кот...

И дальше, дальше, все большее и большее, все шире и шире, пронзительнее и пронзительнее звучали над рекою разрывающие сердце строки великого поэта. Я смотрел на грубые загорелые ступни, скользя к лицу заключенного — нежному, глубокому, серьезному лицу. А потом, уже пробуя рифму на язык, я увидел самого Есенина: очень интеллигентный, на портрете, сдержанно-вдохновенный, чуть в себе затаивший что-то чудесное, вечное.

Мелькнула мысль: “Он так пишет, как мы живем — горько, ясно и понятно, вроде маминой молитвы — доступно, а очень интеллигентный, одет модно, в шляпе и кашне!”...

* * *

И потом, с годами, свет русской природы и свет русской души слились в моем воображении в единый образ — в образ великого национального поэта Сергея Есенина. Я согласился радостно: да, он обязан был явиться золотоволосым, с грустной синевою очей, чуткий, статный, умный — пророк и врачеватель. Цветок, срезанный разбойным ножом палачей...

Есенин собрал родной народ у подножия разрушенного храма и через расстрелы, геноцид, предательство демагогов-вождей ввел его в храм. Мы, русские, лечились есенинской душевностью, есенинской красотой и нежностью много десятков лет — строя, воюя, сидя у тюремного костра, как тот седой заключенный... Есенин неповторим!

И сегодня, выясняя причины ранней трагической гибели поэта, мы чаще и чаще употребляем вокруг него глиняно-могильные слова: “удушье”, “от побоев”, “шрам”, “желудок”, “мозг” и т. д. и т. п. А поэт — красивый такой! Высокий лоб, вьющиеся золотые волосы, удивительная народная элегантность — достоинство, память и зоркость.

Будем осторожны. Красота неприкосновенна. А тайна трагедии, смерть поэта, не нам одним досталась, она досталась всему русскому народу, полуистребленному жестокостью планетарных негодяев... Мне кажется, полемика и обвинения между есениноведами есть то, чего мы не должны допустить. Поэт не матрешка, не семейная реликвия, и никто не имеет права присваивать имя Есенина своему дому или своей идее, включая и различные версии... Не смущай гения суетою.

И уподобляться гранитному лермонтоведу или бронзовому пушкиноведу — не стоит: классиков не переплюнешь, а себя осмеешь. Сидел же у тюремного костра заключенный, а на всю мою жизнь — он Сократ!.. Да, а мы из-за пустяков нервничаем. Порезе надо встречать туда, где должны работать независимые специалисты, спешить не надо кричать о ранах, профессионалы лучше нас о том поведают.

Раздаются голоса: “Могилу вскрыть!”... Иногда жуя папиросу, иногда хлебая щи, поддерживают: “Вскрыть!”... Пусть вскроют. А чью могилу еще не вскрыли? До гроба Петра I добрались, Ивана Грозного потревожили. Вскроем, а там?.. И что? Что, спрашиваю, дальше? Более страшная тайна? Пакет с готовым ответом?”

Красота неприкосновенна. А истина требует доказательств. Но если у людей сведущих соберутся неодолимые факты, почему же и не вскрыть могилу? А кто примет подобную акцию на личную ответственность? Значит — нет среди нас “правильных” и “неправильных”, мы — близкие, свои...

Нельзя хватать куст цветущей черемухи или веющую белыми лепестками яблоню за горло и трясти, трясти до полного осыпания: мол, изучу подробнее процесс угасания красоты — нельзя! Есенин очень красив.

Давайте соберемся не навязывать “истину”, а думать, как нам ее, эту трагическую долю поэта, понять и бережно “передать” народу.

Не в упреках ведь смысл. Не в охранных притязаниях на Есенина. Смысл — общий костер, около которого и заключенным было светло, а всему народу — помощно.

Золотые мои уральские сосны давно уплыли по горным рекам, а золотые рязанские березы каждую осень летят в славянские дали. И небо — синее, как русские очи поэта. Куда же деть такое? Ведь это — не легче трагедии: летит и летит, это — лебединая Россия наша, песня, вот набегающая

русой моросью, вот сияющая зарею, золотым подсолнухом
Скифии...

Звени, звени, золотая Русь,
Волнуйся, неуемный ветер!

Все еще — впереди, даже Россия наша — еще впереди!..

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАРАНОВ Вадим Сергеевич, инженер-конструктор (Самара), литератор, автор повести о Есенине "В селе, под Рязанью" и ряда публикаций.

КИСЕЛЕВА Людмила Александровна, доцент филологического факультета Киевского университета, кандидат филологических наук, автор работ о творчестве Н.Клюева, С.Есенина, С.Клычкова, М.Булгакова, А.Ахматовой и др.

КОШЕЧКИН Сергей Петрович, старший научный сотрудник ИМЛИ, литературовед, критик, член Союза писателей. Заслуженный работник культуры России. Автор стихотворных сборников "Земля родимая", "Рассвет над Волгой", "Простор" и др., книг "Сергей Есенин. Раздумья о поэте", "Сергей Есенин и его поэзия", "Весенней гулкой ранью.. Этюды, раздумья о Есенине", "Несказанный свет", составитель ряда сборников поэта.

МАКВЕЙ Гордон — профессор университета в Норвиче (Восточная Англия), специалист по русской литературе, автор книг на английском языке "Жизнь Есенина", "Есенин и Айседора", а также ряда статей о С.Есенине и его окружении. Переводчик и публикатор стихов поэта.

НИКОЛЮК Вадим Викторович — организатор и директор музея С.А.Есенина в Ташкенте, автор статей и публикаций о пребывании поэта в Средней Азии.

ПАРКАЕВ Юрий Александрович — поэт, переводчик, литературовед, член Союза писателей. Автор книг "Испытание", "Дозор", "Гора Городина" и др., а также ряда статей о С.Есенине.

ПРОКУШЕВ Юрий Львович — критик, литературовед, член Союза писателей, лауреат Гос. премии России им. А.М.Горького, председатель Есенинского комитета, руководитель сектора по подготовке ПСС С.А.Есенина ИМЛИ и главный редактор издания. Автор более тридцати книг: "Сергей Есенин", "Подвиг Пушкина", "Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха"; "Даль памяти народа", "Дума о России", "И неподкупный голос мой..." и др., а также многих публикаций о С.Есенине и других русских поэтах.

САВЧЕНКО Татьяна Константиновна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка им. А.С.Пушкина, автор монографии "Сергей Есенин и его окружение" и ряда статей.

САМОДЕЛОВА Елена Александровна, фольклорист, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИМЛИ, автор статей по фольклору, в том числе — о фольклорных мотивах в творчестве С.Есенина.

СОРОКИН Валентин Васильевич, поэт, член Союза писателей, лауреат Гос. премии им. А.М.Горького, сопредседатель Есенинского комитета, Секретарь Союза писателей России, проректор литературного института им. Горького, автор более 20-ти поэтических сборников "Огонь", "Хочу быть ветром", "Лирика", книги критической прозы "Благодарение", очерков и статей о русской литературе.

СУББОТИН Сергей Иванович — старший научный сотрудник ИМЛИ, кандидат химических наук, автор историко-литературных и текстологических

работ о творчестве Н.Клюева, С.Есенина, С.Клычкова, А.Ширяевца, А.Ремизова и др.

ФЛОР-ЕСЕНИНА Татьяна Петровна — племянница С.А.Есенина, литературный редактор. Многие годы работала в издательстве “Современник”, была членом Есенинского комитета. Составитель ряда книг и автор публикаций о С.Есенине.

ЧИСТЯКОВ Николай Дмитриевич, преподаватель средней школы. Член Есенинского общества “Радуница”. Автор ряда статей о жизни и творчестве С.Есенина.

ШИПУЛИНА Галина Ивановна, доцент Азербайджанского педагогического института русского языка и литературы им. М.Ф.Ахундова, кандидат филологических наук. Автор монографии “Венок Востока русскому поэту” (в печати), а также многих публикаций о С.Есенине и его окружении.

ШУБНИКОВА-ГУСЕВА Наталия Игоревна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИМЛИ. Автор статей о новейшей русской поэзии, в том числе о Есенине. Составитель и автор комментария к книгам: “С.А.Есенин. Материалы к биографии”, “Русское зарубежье о Есенине”.

ЮСОВ Николай Григорьевич, научный сотрудник ИМЛИ, подполковник запаса, председатель Есенинского общества “Радуница”, библиофил-есениновед. Автор многих публикаций о С.Есенине в периодике и научных изданиях, а также книги “В степи под Херсоном”. Подготовил к печати монографию “Прижизненные издания С.А.Есенина”.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов С.С.— 37
 Авдотья — см. Клычкова А.
 Аверин Б.В.— 181
 Адамович Г.В.— 45, 47-51, 53, 56-59, 208, 211
 Адрианова-Перетц В.П.— 94
 Айвазян М.А.— 38
 Айхенвальд Ю.И.— 104, 176
 Акульшин Р.М. (Березов Родион) — 45, 54, 208
 Александра Федоровна — 54
 Александров Г.— 50, 58, 208
 Александрова Вера (Шварц В.А.)— 201, 211
 Анисарова Е.М. — 93
 Анненков Ю.П.— 198, 209
 Асеев Н.Н.— 198
 Астахов В.И. — 185
 Афанасьев А.Н.— 60-61, 74, 86, 90, 91, 92, 93, 94, 115
 Афиногенов А.Н.— 133, 135
 Афонин В. — 90
 Ахматова (Горенко) А.А.— 45-47, 52, 57, 59, 214, 237
- Базанов В.Г. — 27, 93, 115, 119, 120
 Балзамова М.П. — 138, 150
 Бальмонт К.Д.— 126
 Баранов В.С. — 137, 237
 Бартен С.— 146
 Баурина В.— 93
 Бедный Демьян (Придворов Е.А.) — 163
 Бел-Конь-Любомирская — см. Городецкая А.А.
 Белинский В.Г.— 23
 Белоусов В.Г.— 57, 134, 146, 150, 152, 159, 161, 167, 169, 171
 Белоусов И.А.— 140-141, 146
 Белый Андрей (Бугаев Б.Н.) — 105, 108, 111, 199, 214, 216
 Бениславская Г.А.— 123, 128, 167, 202, 216
 Берберова Н.Н.— 52, 59, 213
 Берджер Дж.— 198, 209, 213
 Бердяев Н.А.— 49, 58
- Березов Родион — см. Акульшин Р.М.
 Берзинь А.А.— 128, 166-169
 Бернштам Т.А.— 85, 93
 Бичуков А.А. — 185
 Бишарев О.Л.— 121, 133, 134, 135
 Блок А.А.— 39, 47, 49, 51, 54, 99, 104, 106, 108, 110, 115, 126, 144, 197, 200, 201, 214
 Богомолов Н.А.— 59
 Большухин Ю.— 208
 Боровиков С.Г.— 9, 26, 44, 46, 57
 Брагинский (Мани-Лейб) М.Л.— 55, 197
 Браун Н.Л.— 40
 Брик Л.Ю.— 198, 214
 Брюсов В.Я.— 106, 123, 126, 176
 Булгаков В.Ф.— 48
 Булгаков М.А.— 237
 Бунин И.А.— 17, 48, 50, 51, 57, 230
 Буслаев Ф.И.— 115
 Бухарин Н.И.— 8, 44, 133
 Быстров С.Ф.— 158
- Васильев П.Н.— 31, 130
 Вейсс Д.— 197, 209
 Велецкая Н.Н.— 93
 Верлен П.— 51
 Вдовин В.А.— 57, 120, 185
 Виноградская С.С.— 122, 133, 134, 135
 Виссон Л.— 202, 215
 Вихрев Е.Ф.— 129
 Воздвиженский В.Г.— 46, 57
 Волков А.А.— 135
 Волков С.— см. Куняев С.С.
 Вольнский (Флексер Х.Л.) А.Л.— 151
 Вольпин В.И.— 170
 Вольпин Н.Д.— 153, 155-160
 Вороновичев — 142
 Воронский А.К.— 18, 58, 129, 148, 182
 Воронцов К.П.— 185
 Ворошильский В.— 198, 209, 217
 Воскресенский В.Е.— 140
 Высоцкая — 164

- Гаврилов И.Н.— 225
 Гамкрелидзе Т.В.— 64, 90
 Ганзин — 138
 Ганин А.А.— 31
 Герасимов М.П.— 171, 223
 Гете И.Ф.— 153
 Гиляревский А.Г.— 32-34, 39, 41
 Гиппиус З.Н.— 17, 20, 45, 48-49, 57, 95, 213
 Гиппиус (Гиппийус) К.К.— 143-144
 Гладков Л.— 130
 Глинка М.И.— 48
 Глушкова А.П.— 146
 Гоголь Н.В.— 124
 Гораций (Квинт Гораций Флакк) — 153
 Городецкая (Бел-Конь-Любомирская) А.А.— 175
 Городецкий С.М.— 52, 60, 123, 134, 170-172, 175
 Горшков В.В.— 139, 171
 Горшкова А.В.— 144
 Горький Максим — 19, 123, 134, 176, 182, 198, 204, 210, 211, 212
 Грааф де Ф.— 201, 212
 Грацианская Н.И.— 94
 Грачев А.А.— 139-140
 Грибоедов А.С.— 9
 Гримм В.К.— 94
 Гримм Я.— 94
 Громов А.П.— 33
 Громова-Опульская (Громова) Л.Д.— 185
 Грот Е.— 200, 211
 Груздев И.А.— 134
 Грузинов И.В.— 20, 44, 158-159
 Гуль Р.Б.— 17, 198, 209
 Гумилев Н.С.— 45, 47, 49-51, 54, 176, 179
 Гурвич Е.А.— 162-163, 165
 Гурвич Т.Е.— 163
 Гусев — 164
 Гусева Н.И.— см. Шубникова-Гусева Н.И.
 Гюго В.— 153
 Даль В.И.— 90-91, 94
 Данилов М.Х.— 165, 187, 192
 Дедов Н.Н.— 35-36, 38
 Деев-Хомяковский Г.Д.— 142, 145-146
 Десярев А.М.— 36, 38
 Дельвиг А.А.— 39
 Демидов И.В.— 38
 Дести М.— 194-197, 207
 Дидаев П.— 164
 Диттель — 93
 Добролюбов Н.А.— 148
 Дон-Аминадо (Шполянский А.П.) — 48, 57
 Достоевский М.А.— 139
 Достоевский Ф.М.— 22, 39, 139
 Дружинин П.Д.— 170
 Дубинский И.— 121, 133
 Дункан А.— 30, 49, 55, 181, 185, 193-199, 207-210, 214, 217, 229, 237
 Дункан И.— 195-196, 198, 207, 209
 Дункан Л.— 185
 Дынник (Дынник-Соколова) В.А.— 124, 134
 Дэйвис Дж.— 202, 206, 216, 217
 Дюранти В.— 195-196, 207
 Евдокимов И.В.— 61
 Евпатий Коловрат — 227, 232
 Евтушенко Е.А.— 202, 215, 216
 Еремина В.И.— 75, 92
 Есенин А.Н.— 138
 Есенин Г.С.— 31, 198
 Есенин К.С.— 40
 Есенина А.А.— 27, 39-40, 42, 185
 Есенина Е.А.— 27, 31, 39-40, 42, 149, 167
 Есенина Н.В.— 185
 Есенина Т.С.— 40
 Жекулина В.И.— 93
 Жуков Г.К.— 232
 Жуковский В.А.— 39
 Заболоцкий Н.А.— 130
 Завалишин В.К.— 200, 208, 211
 Замятин Е.И.— 202, 215
 Зварич В.В.— 94
 Зелинский К.Л.— 93, 202, 215
 Зиновьев П.— 131
 Зозуля Е.Д.— 128, 135
 Зощенко М.М.— 202, 215
 Иван IV Грозный — 235
 Иванов Вс.В.— 64, 90, 124, 177

- Иванов Г.В. — 45, 47-48, 51-54, 56-59, 197, 208
 Иванов-Разумник (Иванов) Р.И. — 95, 105, 108-111, 113-114, 116, 119, 197, 208
 Иванова Р. — 91
 Ивнев Рюрик (Ковалев М.А.) — 40, 48, 202, 216
 Игнатова Л.В. — 185
 Изряднова А.Р. — 143-144, 147
 Изряднова Н.Р. — 143
 Изрядновы — 144
 Исаак Осипович — 181
 Истман М. — 199, 211
- К.С. — 208
 Каганович Л.М. — 132
 Каменский — 223
 Каменский В.В. — 198
 Карпов Е. — 93
 Карпов П.И. — 171-172, 174
 Карягды Д. — 186-192
 Катышев М.Б. — 36
 Каун А. — 199, 204, 211
 Качалов (Шверубович) В.И. — 148
 Кашина Л.И. — 79, 112, 114
 Кедров К.А. — 93
 Кинел Л. — 196-197, 207
 Киреевский П.В. — 90, 92
 Кириллов В.Т. — 135, 170-171
 Киров (Костриков) С.М. — 186, 189
 Кириша Данилов — 93
 Киришон В.М. — 182
 Киселева Л.А. — 95, 119, 237
 Кислов Ф.А. — 142, 144-145
 Клейнборг Л.М. — 146
 Клементис В. — 208
 Клычков С.А. — 31, 61, 90, 124, 125, 134, 135, 170-172, 174, 175, 202, 223, 237
 Клычкова А. — 61
 Клычкова Ф.А. — 61
 Клюев Н.А. — 31, 51, 61, 95-99, 103-111, 113-120, 122, 135, 146, 175, 181, 199, 200, 202, 210, 211, 214, 216, 237
 Кобельков Н. — 164
 Ковалев — 164
 Кожебаткин А.М. — 181
 Козловский А.А. — 27, 29, 110, 113, 185
 Колесников А. — 145
 Колобов Г.Р. — 181-182
- Коненков С.Т. — 224
 Коржан В.В. — 93
 Коргузалов В.В. — 93
 Корнилов Б.П. — 130, 135
 Котовский Г.И. — 132
 Кошечкин С.П. — 38, 46, 134, 185, 186, 237
 Кошкарлов (Сергей Заревой) С.Н. — 139, 142, 144-145
 Кралин М.М. — 45, 57
 Красильников В.К. — 128, 135
 Крученных А.Е. — 18, 41, 44, 202, 215, 216
 Крылов Н.В. — 137-139
 Крылова А.Ф. — 137
 Крюков А.Н. — 37, 38
 Крючков В. — 57
 Кузмин М.А. — 47-48
 Кузнецов Ф.Ф. — 185
 Кузнецова В.Е. — 185
 Кукрыниксы (Куприянов М.В., Крылов П.Н., Соколов Н.А.) — 135
 Куняев С.С. (Волков С.) — 33, 38, 61, 90
 Куняев С.Ю. — 168-169
 Кусиков (Кусикян) А.Б. — 17, 19, 45, 183, 199, 202, 216
 Кусиковы, братья — 31
 Кутузов М.И. — 232
- Лавренев Б.А. — 43, 183-184
 Лаврин Дж.М. — 200, 211, 214
 Лазовский П.П. — 123, 124, 134
 Лебедев В. — 208
 Левин В.М. — 54-55, 59, 197, 208
 Лермонтов М.Ю. — 16, 105, 148, 208
 Лесочевский Н.В. — 135
 Ливкин Н.Н. — 145, 147
 Лившиц Е.И. — 25, 160
 Липа (Олимпиада) — 152
 Лихоносов В.И. — 51, 58
 Лобанов М.А. — 93
 Логинов (Тихоплесец-Логинов) М.А. — 142
 Ломан А.П. — 45
 Лукницкий П.Н. — 40
 Луначарский А.В. — 134
 Лутохин Д.А. — 182
 Лысцов И.В. — 38
 Львов-Рогачевский (Рогачевский) В.Л. — 123, 134, 169-170

- Любимова К.А. — 88
 Любович Н. — 135
 Ляпин И.И. — 185
 Ляшко (Ляшенко) Н.Н. — 171
- Майлис Н.П. — 38
 Маквей Г. — 193, 207, 208, 209,
 210, 216, 217, 237
 Макдугалл А.Р. — 195, 197, 207,
 209
 Маккай К. — 195-196, 207
 Маковский С.К. — 45, 47, 54-55, 59
 Максим — см. Овчаренко М.Я.
 Максимов (Пашин) С.С. — 208
 Мандельштам О.Э. — 46, 48, 50,
 200
 Мани-Лейб — см. Брагинский М.Л.
 Маннинг К.А. — 199, 203, 210
 Мансуров А.А. — 61, 91, 92, 93
 Мануйлов В.А. — 116, 120, 128
 Мариенгоф А.Б. — 48, 58, 117,
 120, 148, 153, 155, 158, 159,
 180-184, 195, 198, 199, 210
 Марков В.Ф. — 201, 202, 205, 212,
 215
 Маркова Л.В. — 91
 Марфа Никитична — см. Панфило-
 ва М.Н.
 Марченко А.М. — 90, 93
 Маслов А.В. — 33, 38
 Маслова Г.С. — 90, 92
 Махно Н.И. — 25
 Маяковский В.В. — 41, 52, 53, 133,
 163, 198, 200, 206, 210, 211,
 213, 214, 215, 217
 Мейерхольд В.Э. — 181, 214
 Мережковский Д.С. — 20, 95
 Миклашевская А.Л. — 22
 Милонов Ю.К. — 121, 133
 Милонова Н.П. — 121
 Миролюбов В.С. — 109-111, 119
 Миронич — см. Киров С.М.
 Мирский Д.С. — 199, 210
 Митрофанов И.А. — 185
 Митрофанова В.В. — 93
 Митрофанова С.П. — 185
 Муран К.М. — 163
 Мурашев (Мурашов) М.П. — 40
 Мучник Х. — 200, 211
- Набоков Н.Д. — 198, 209
 Назарова А.Р. — 128, 135
- Накоряков Н.Н. — 177
 Наровчатов С.С. — 27
 Нарциссов Б.А. — 208
 Наседкин В.Ф. — 31, 123, 177
 Наумов Е.И. — 93
 Невадовская Р. — 199
 Неверов А.С. — 174
 Нейман Б.В. — 90
 Некрасов Н.А. — 148, 212
 Низами Гянджеви Абу Мухаммед
 Ильяс ибн Юсуф — 189-191
 Никандров Н.Н. — 171
 Никитин С.А. — 37-38
 Никитина Е.Ф. — 129, 135
 Николок В.В. — 153, 237.
 Новикова-Костелова М.П. — 172
 Носович О.И. — 151-152
- Облезлов Ф.А. — 139
 Оболенский Д. — 211
 Овидий (Публий Овидий Назон)
 153
 Овчаренко М.Я. — 126, 136
 Одоевский А.И. — 148
 Одовцева (Гейнике И.Г.) И.В. —
 48, 57, 208
 Орешин П.В. — 31, 125, 135, 170-
 172, 174, 202
 Осипов В.О. — 185
 Осоргин (Ильин) М.А. — 48, 57,
 216
 Оськин М.С. — 151
 Оськин Я. — 151-152
 Охрименко П.П. — 134
- Палиевский П.В. — 185
 Панфилов Г.А. — 138, 148-151
 Панфилова М.Н. — 150
 Паркаев Ю.А. — 166, 185, 237
 Парпара А.А. — 185
 Паскаль П. — 200, 211
 Пастернак Б.Л. — 198, 200, 204,
 210, 211, 212, 214
 Пастухов В.Л. — 48, 57
 Патрик Дж.З. — 199, 203, 211
 Петр I, Великий — 235
 Перцов В.О. — 27
 Печковская Н. — 145
 Печковский А.П. — 145
 Пильняк (Vogau) Б.А. — 163
 Пир (Пиравердиев) — 163
 Плаксин В.О. — 34, 37

- Повицкий Л.О.— 199
 Погибко Ю.Н.— 38
 Погодин (Стукалов) Н.Ф.— 163
 Поджиоли Р.— 200, 211
 Поленов В.Д.— 177
 Полетаев Н.Г.— 198
 Полонский В.П.— 128, 132
 Померанцев К.Д.— 54, 59
 Пономарев К.В.— 202, 215
 Попов А.В.— 185
 Попов В.А.— 145
 Потапенко И.Н.— 171
 Приблудный Иван (Овчаренко Я.П.) 31, 47, 121-136
 Пришвин М.М.— 171
 Прокофьев Н.И.— 93
 Пропп В.Я.— 70, 91-92
 Проскуряков П.И.— 152
 Прокушев Ю.Л.— 5, 27, 40, 44, 46, 93, 140, 147, 152, 153, 179, 185, 202, 215
 Пугачев Е.И.— 195, 196
 Пушкин А.С.— 16, 23-24, 50-51, 53, 148, 200, 211, 215, 231, 237
 Пушин И.И.— 148
 Пыриков Д.— 150
- Радимов П.А.— 175-178
 Разин С.Т.— 231
 Райс Э.М.— 46, 57
 Райх З.Н.— 42, 181, 215
 Ремизов А.М.— 60, 175, 237
 Репин И.Е.— 177
 Риви Дж.— 199, 203, 205, 211
 Рождественская С.Б.— 91
 Рождественский Вс.А.— 40, 43, 87
 Розанов И.Н.— 147
 Ройзман М.Д.— 135
 Рублев Андрей — 232
 Рудинский В.— 208
 Руднева А.В.— 92
 Рыбаков Б.А.— 92
 Рыков — 139
 Рязанцев Г.К.— 143
- Саади (Муслихаддин Абу Мухаммед Абдаллах ибн Мушрифиддин) — 232
 Сабанеев Л.Л.— 197, 208
 Савченко Т.К.— 121, 237
 Садовников Д.Н.— 115
 Сазонова Л.И.— 91
- Сакулин П.Н.— 90, 143
 Самарин В.— 209
 Самоделова Е.А.— 60, 237
 Сардановский Н.А.— 143, 147
 Сафонов Э.И.— 185
 Сахаров А.М.— 20, 158
 Саша — 164
 Свадковский Б.С.— 33, 41, 44, 46, 54
 Светлов В.— 207
 Свирский А.И.— 171
 Седых А. (Швибак Я.М.) — 50, 58
 Сейфуллина Л.Н.— 198
 Селиванов В.В.— 91
 Селиванов Ф.М.— 83, 93
 Семеновский Д.Н.— 124, 134, 144, 147
 Сенин А.И.— 38
 Серов В.И.— 198, 209
 Сибинович М.— 184
 Сидорина Н.К.— 33
 Симмонс Э.Дж.— 199, 211
 Скороходов М.В.— 185
 Скрипов А.— 121, 133
 Слоним М.Л.— 48-49, 58, 201, 203, 212
 Соболев Ю.— 171
 Соболев Андрей (Юлий Михайлович) — 172
 Сокол (Соколов) Е.Г.— 170
 Соколов — 139
 Соколова В.К.— 91
 Сократ — 235
 Солнцева Н.М.— 184
 Сологуб Ф.К.— 47
 Соловьев В.Н.— 38
 Сорокин В.В.— 38, 185, 226, 237
 Соскис П.— 202, 206, 212
 Сосновский Л.С.— 8, 19, 43-44
 Сталин (Джугашвили) И.В.— 208, 212, 213, 214
 Старцев И.И.— 170
 Стасов В.В.— 115
 Стахова М.В.— 185
 Степанов 138
 Степун Ф.А.— 56, 58, 59
 Стокс С.— 194, 207, 209
 Столица Л.Н.— 146
 Струве Г.П.— 50-51, 58, 199, 200, 201, 211, 212
 Субботин С.И.— 104, 119, 120, 185, 237
 Суворин А.А.— 145
 Сумцов Н.Ф.— 94

- Суоффер Х. — 194
 Суриков И.З. — 142
 Сытин И.Д. — 140, 143, 144, 149
- Тавризов А.А. — 185
 Тарасов А.Г. — 163
 Терри В. — 97, 209
 Тимофеев Л.И. — 27
 Титов В.А. — 36
 Титов С.М. — 225
 Тихоплесец-Логинов — см. Логинов М.А.
 Толстая-Есенина С.А. — 29, 40, 42, 112, 167-168, 182, 184
 Толстой А.Н. — 9, 22
 Толстой Л.Н. — 22, 168, 239
 Толстые — 29
 Томилин В.В. — 33
 Томсон Б. — 202, 212
 Троцкий (Бронштейн) Л.Д. — 27
 Трубецкой Ю.П. — 45, 54, 208
 Турабов С.Ф. — 165
 Тынянов Ю.Н. — 202
- Ушаков А.М. — 185
 Ушаков В. — 208
- Фасмер М. — 94
 Федоров А.Ф. — 91, 93
 Федоров В.В. — 131
 Федоров В.Д. — 14, 27
 Фекла Алексеевна — см. Клычкова Ф.А.
 Филимонова Т.Д. — 94
 Филиппов (Филистинский) Б.А. — 200, 211
 Флор-Есенина Т.П. — 94, 180, 185, 238
 Фодор А. — 201
 Фолеевский З. — 200, 211
- Харкинс У.Е. — 200, 211
 Харузина В.К. — 68, 91
 Харчевников В.И. — 93
 Хитров Е.М. — 150
 Хлебников Велимир (Виктор Владимирович) — 153, 158-159, 211
 Хлысталов Э.А. — 33, 38
 Ходасевич В.Ф. — 45, 48, 58, 197, 208
- Храпченко М.Б. — 27
 Хомякова Э.И. — 36, 38
 Хэйр Р. — 200, 211
 Хэйвард М. — 200, 205, 211
- Цветаева М.И. — 45, 48, 57, 197, 208, 213, 214
- Чагин (Болдовкин) П.И. — 40, 148, 186-188, 191-192
 Чапыгин А.П. — 117
 Чернышев А.М. — 145
 Чернышева-Кобелькова типография — (владельцы — Чернышев Д. и Кобельков Н.) — 144
 Чернявский В.С. — 108, 120, 182
 Черняев Г. — 150
 Чехонадский Ю.Н. — 38
 Чистяков Н.Д. — 148, 238
- Шагал М.З. — 197, 209, 214
 Шалагинова Л.М. — 146, 147
 Шаров Е.Е. — 142, 146
 Шаумян С.Г. — 187
 Шахалова Н.В. — 185
 Шахла — 188-189
 Швецова Л.К. — 119
 Шейн П.В. — 90, 93, 94
 Шепеленко Д.И. — 171
 Шершеневич В.Г. — 153, 161, 210, 212
 Шетракова С.Н. — 185
 Шилина А. — 150
 Шипулина Г.И. — 162, 238
 Ширяевец (Абрамов) А.В. — 61, 113, 142, 144, 154, 169-175, 237
 Шкловский В.Б. — 202, 215
 Шнейдер И.И. — 198, 207, 209
 Шолохов М.А. — 27
 Шубникова-Гусева (Гусева) Н.И. — 45, 185, 238
 Шумихин С.В. — 181
- Щелокова А. — 93
 Шуренков В.А. — 141
- Эренбург И.Г. 198
 Эрлих Виктор — 211, 214
 Эрлих В.И. — 31, 122, 133

Юрок С.— 197, 208
Юсов Н.Г.— 185, 218, 238
Ютанов В.П.— 171
Юшин П.Ф.— 93, 149, 152

Яковлева В.Я.— 94
Якулов Г.Б.— 154, 181
Якушкин П.И.— 90
Ярмолинский Авраам (Абрам Цалевич) — 155, 197, 199, 203, 204, 205, 209, 213

Akhmatova A.— см. Ахматова А.А.
Alexander S.— 214
Alexandrova V.— см. Александрова В.А.
Allen S.M.— 205
Alvarez A.— 213
Appel A.— 208
Auty R.— 211

Basset B.— 208
Beasch Ch.— 206
Bely A.— см. Белый Андрей
Benet W.R.— 215
Bennet R.R.— 209
Berberova N.— см. Берберова Н.Н.
Berger J.— см. Берджер Дж.
Berryman J.— 214
Billington J.H.— 213
Blake P.— 205, 211
Blair K.H.— 213
Blok A.— см. Блок А.А.
Bolitho W.— 207, 212
Bwona C.M.— 204, 212, 213
Brandon R.— 214
Briggs A.D.P.— 214
Brik L.— см. Брик Л.Ю.
Browin E.J.— 213
Brown A.— 210
Brown D.— 214
Brown E.— 214

Carlisle O.A.— 205, 212
Chagall M.— см. Шагал М.З.
Charters A.— 214
Charters S.— 214
Conquest R.— 213
Craig G.— 214
Cunningham G.F.— 204

Davis J.— см. Дэйвис Дж.
Davies L.— 215
Desti M.— см. Дести М.
Deutsch B.— 203, 205
Duncan I.— см. Дункан И.
Duncan Is.— см. Дункан А.
Duranty W.— см. Дюранти В.

Eastman M.— см. Истман М.
Eckardt von, H.— 216
Ellis B.P.— 205, 207
Elsworth J.D.— 213
Erlich Victor — см. Эрлих Виктор

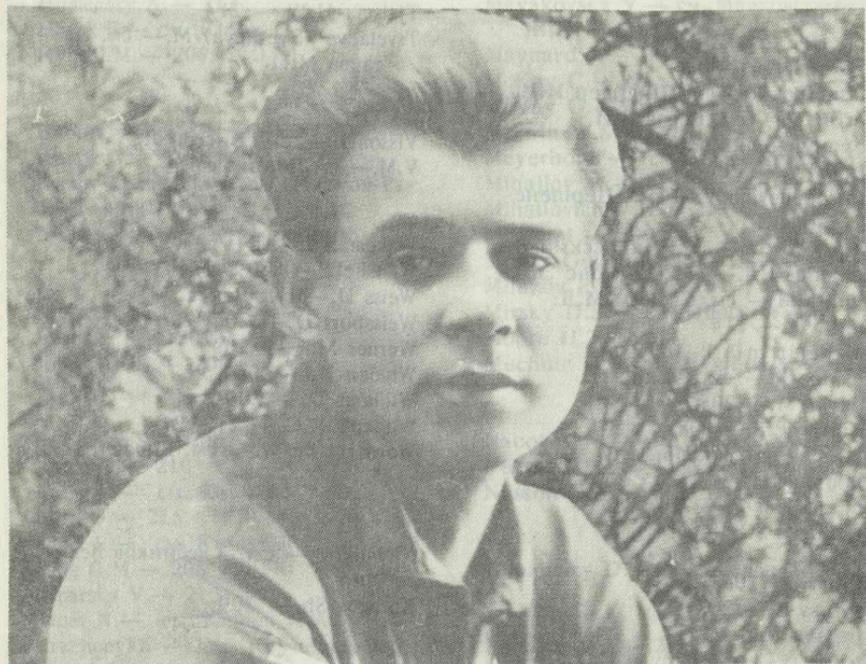
Feiler L.— 215
Field A.— 213
Fleischmann W.B.— 215
Folejewski Z.— см. Фолеевский З.
Fonteyn M.— 214
Ford H.— 213
Foster R.— 209
Freeman G.— 209
Fulop-Miller R.— 212

Gangulee N.— 216
Gibian G.— 214
Gifford H.— 214
Ginsburg M.— 212, 215
Glad J.— 206, 214
Glenny M.— 210
Good R.— 208
Gorki M.— см. Горький М.
Grigson G.— 215
Graaff de, Frances — см. Граафф де Ф.
Graaff de, Francisca — 212
Guerny B.G.— 204

Haight A.— 214
Hare R.— см. Хэйр Р.
Harkins W.E.— см. Харкинс У.Е.
Harrison E.— 214
Hayward M.— см. Хэйвард М.
Hewitt R.M.— 204
Hingley R.— 214
Hippius Z.— см. Гиппиус З.Н.
Hirsch E.— 206
Holthusen J.— 213
Huddleston S.— 207
Hughes T.— 205

- Humensky A.— 213
Hurok S.— см. Юрок С.
Hyde J.M.— 206, 210
- Isadora — см. Дункан А.
Ivanov G.— см. Иванов Г.В.
Ivanov-Razumnik — см. Иванов-Разумник Р.В.
Ivnev R.— см. Ивнев Рюрик.
- Jankovsky G.— 208
Jefferies S.— 209
Johnson N.J.— 206
- Karlinsky S.— 206, 208, 213
Katz J.— 210
Kaun A.— см. Каун А.
Kern G.— 215
Kinell L.— см. Кинел Л.
King G.M.— 208
Kiparsky V.— 213
Kluev N.— см. Ключев Н.А.
Kruchenykh — см. Крученых А.Е.
Kunitz J.— 216
Kusikov A.— см. Кусиков А.Б.
- Labeledz L.— 211
Lamb R.— 209
Lavrin J.M.— см. Лаврин Дж.М.
Lawton A.— 212
Lenin V.— 212
Lindsay J.— 204
Lindstrom T.S.— 214
London K.— 212
Lord R.— 213
- MacAndrew A.R.— 215
Macdougall A.R.— см. Макдугалл А.Р.
MacMillan K.— 209
Magarshack D.— 209
Mandelstam N.— 213
Manning C.A.— см. Маннинг К.А.
Maquire R.A.— 213
Marshall H.— 210, 214
Marcov V.— см. Марков В.Ф.
Mariengof A.— см. Мариенгоф А.Б.
Matejka L.— 215
Mauny de, E.— 213
- Mayakovsky V.— см. Маяковский В.В.
Maynard J.— 212
McKay C.— см. Маккай К.
McVay G.— см. Маквей Г.
Merwin W.S.— 205, 216
Meyerhold — см. Мейерхольд В.Э.
Mihajlov M.— 213
Mihailovich V.D.— 213
Miller M.— 209
Milner-Gulland R.R.— 214
Milukov P.— 212
Mirsky D.S.— см. Мирский Д.С.
Moore H.T.— 214
Muchnic H.— см. Мучник Х.
- Nabokov N.— см. Набоков Н.Д.
Nekrasov A.N.— см. Некрасов А.И.
Nilsson N.A.— 213
- Obolensky D.— см. Оболенский Д.
- Pachmuss T.— 213
Parry A.— 214
Pascal P.— см. Паскаль П.
Pasternak V.— см. Пастернак Б.Л.
Patric J.Z.— см. Патрик Дж.З.
Peterkiewicz J.— 213
Phillips C.A.— 216
Pike C.— 215
Poggioli R.— см. Поджиоли Р.
Pomorska C.— 215
Ponomareff C.V.— см. Пономарев К.В.
Proffer E.— 214
Prokuchev Y.— см. Прокушев Ю.Л.
Pushkin — см. Пушкин А.С.
Pyman A.— 214
- Rasmussen M.J.— 212
Reavey J.— см. Риви Дж.
Reisz K.— 209
Rosemont F.— 217
Rottenberg D.— 210
Ruge G.— 212
Ruhle J.— 213, 217
Russel K.— 209
- Salisbury H.E.— 214

- Saunders G.— 214
 Scheffer P.— 212
 Schwartz M.— 208
 Schneider I.— см. Шнейдер И.И.
 Seroff V.— см. Серов В.И.
 Seymour-Smith M.— 215
 Shelly G.— 204
 Shcherenevich V.— см. Шершеневич В.Г.
 Shklovsky V.— см. Шкловский В.Б.
 Simmons E.J.— см. Симмонс Э.Дж.
 Slonim M.— см. Слоним М.Л.
 Smith H.— 214
 Solzhenitsyn A.I.— 212
 Soskice P.— см. Соскис П.
 Sparks M.— 205
 Squirre P.S.— 208
 Stalin — см. Сталин И.В.
 Stammler H.— 215
 Steegmuller F.— 214
 Steinberg S.H.— 214
 Stokes S — см. Стокс С.
 Stott N.— 205, 206
 Strauss E.— 207
 Strelsky N.— 214
 Struve G.— см. Струве Г.П.
 Styron R.— 205
 Swayze H.— 213
 Sylvester R.— 208
- Taborski B.— 209
 Tempest R.— 217
 Terry W.— см. Терри В.
 Thomson V.— см. Томсон Б.
 Thorlby A.— 215
 Thurley G.— 205, 206
- Tjalsma H.W.— 214
 Tsvetaeva (Svetaeva) M.— см. Цветаева М.И.
- Visson L.— см. Виссон Л.
 V.M.— см. Марков В.Ф.
- Wakeman J.— 215
 Wanshel J.— 209, 214
 Weiss D.— см. Вейсс Д.
 Weissbort D.— 205, 206
 Werner M.R.— 209
 Whelan D.— 206
 Williams D.— 209
 Williams R.C.— 213, 214
 Woroszylsky W.— см. Ворошильский В.
- Xlebnikov — см. Хлебников Велимир
 Xoregos Sh.— 209
- Yarmolinsky A.— см. Ярмолинский Авраам
 Yevtushenko Y.— см. Евтушенко Е.А.
- Zamyatin E.— см. Замятин Е.И.
 Zavalishin V.— см. Завалишин В.К.
 Zelinsky K.— см. Зелинский К.Л.
 Zoshchenko M.— см. Зощенко М.М.

С.Есенин. Кадр из документального фильма "Сергей Есенин" (1925 г.). Режиссеры П.Русанов и А.Карпов.

Магазин книгоиздательства товарищества И.Д.Сытина.

Народный университет им. А.Л.Шанявского, в котором учился С.Есенин. 1913 г.

Г.Панфилов, друг Есенина по Спас-Клепиковской школе. Фотография 1912—1913 гг.

1880-1885

TRULLEN

Руси.

*Тебѣ одной плету вѣнокъ,
Цвѣтами сыплю стежку стѣрую.
О Русь, покойный уголокъ,
Тебя люблю тебѣ и вѣрую.*

*Гляжу въ просторъ твоихъ полей,
Ты вся далекая и близкая.
Сродни мнѣ посвистъ журавлей
И не чужда тропинка склизкая.*

*Цвѣтетъ болотная купель,
Куга зоветъ къ вечернѣ длительной
И по кустамъ звенить капель
Росы холодной и цѣлительной.*

*И хоть сгоняетъ твой туманъ
Потокъ вѣтровъ крылато дующихъ,
Но вся ты смирна и ливанъ
Волхвова потайственно волхвующихъ.*

Сергѣй Есенинъ.

С.Есенин.
Фотография 1914 г.

Открытка "Кафе
поэтов" на
Тверской". 10-е годы
XX века.

Открытка с видом на
Москву 10-х годов
XX века.

Стихотворение
С.Есенина "Руси",
опубликованное в
журнале "Заря"
(Москва, 1916)

Неисходный часъ.

I.

О родина, счастливыи
И неисходный часъ.
Нѣтъ лучше, нѣтъ красивѣи
Твоихъ коровихъ глазъ.

Брожу по синимъ селамъ,
Такая благодать.
Отчаянный, веселый,
Но весь въ тебя я, мать.

Въ училищѣ разгула
Крѣпилъ я плоть и умъ.
Съ березоваго гула
Распеть твой вѣстий шумъ.

Люблю твои пороки
И пьянство и разбой,
И утрошь на востокъ
Терять себя звѣздой.

И всю тебя какъ знаю
Хочу измѣть и взятьъ...
И горько проклинаю
За то, что ты мнѣ мать.

II.

Свищеть въперъ подь крутивъ заборомъ
Прячется въ праву.
Знаю я что пьянцы и воромъ
Вѣкъ свой доживу.
Тонетъ день за красными холмами
Кличеть на межу.
Не одинъ я въ этомъ свѣтѣ шаяюсь,
Не одинъ брожу.
Размахнулось поле русскихъ пашень,
То права, то сѣбу.
Все равно, липинъ я иль чувашинъ,
Крестъ мой какъ у всѣхъ.
Вѣрю я, какъ ликамъ чудотворнымъ,
Въ мой потайный часъ.
Онъ придетъ бродягой подзаборнымъ
Нерушимъ Спасъ.
Но бѣтъ можетъ въ синихъ ключьяхъ дыма
Тайноводныхъ рѣкъ
Я проиду его съ улыбкой пьяной мимо.
Неузнавъ навѣкъ.
Не блеснетъ слеза въ моихъ рѣсницахъ,
Не всплыветъ мечту.
Только радость синей голубицей
Канетъ въ темноту.
И опять, какъ раньше, съ дикой злостью
Запоетъ тоска...
Пусть хопъ въперъ на моемъ погостѣ
Пляшетъ трепакъ.

Сергий Есенинъ.

Обложка "Свободного журнала", в котором было опубликовано стихотворение С.Есенина "Неисходный час"

Обложка сборника "Крылья свободы" (Ивано-Вознесенск, 1919 г.), где был опубликован отрывок из поэмы С.Есенина "Иорданская голубица".

Публикация стихотворения С.Есенина "Неисходный час" в "Свободном журнале".

Обложка
сборника "Харчевня
зорь", где была
опубликована поэма
С.Есенина "Кобыльи
корабли".

Обложка журнала "Зарево
заводов" (Самара, 1919 г.),
в котором была
опубликована "Кантата".

Авторская правка поэмы
"Кобылы корабли" в
сборнике "Харчевня зорь".

Где же те? где еще одинадцать
Что светильники сисек жгут?
Если хочешь поэт жениться
Так женись на овце в хлеву.

Причащайся соломой и шерстью,
Жуй твой хлеб и расти овес.
Славься тот, кто надеет перстень
Обручальный овце на хвост.

4.

В сад зари лишь одна стезя,
Черей с плеч только слов мешок
Все познать ничего не взять
В мир санний поэт пришел.

Он пришел целовать коров,
Слушать сердцем овсяный хруст.
Глубже, глубже серпы стихов!
Сыпь черемухой солнце-куст!

Сентябрь 1919 г.

С.Есенин и А.Дункан во время одной из зарубежных поездок. Фотография 1922 г.

Бакинский журналист Е.Гурвич. Фотография 1928 г.

Дом в Мардакянах (бывшая дача нефтепромышленника Мухтарова), где в 1925 г. жил С.Есенин. Фотография 1929 г.

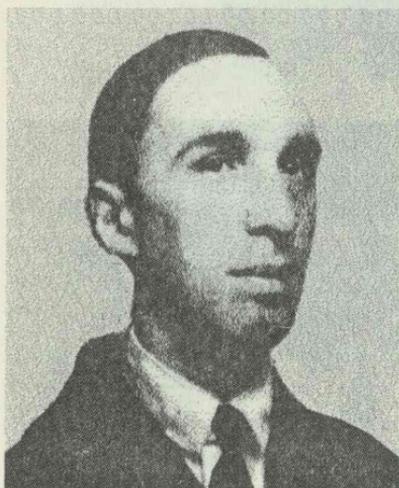

С. Есенин и А. Дункан во
время одной из зарубежных
1922 г.
Портрет А. Ширяевца.
Фотография 1913 г.
(Архив ИМЛИ)

А. Берзиль. Фотография
1920-х гг.

П. Радимов. Автопортрет.
Масло. 1928 г.
(Архив ИМЛИ).

Н.Оцуп. Г.Иванов

Г.Адамович С.Маковский

Фрагмент письма
П.Карпова, адресо-
ванного близкому
другу А.Ширяевца в
Ташкенте М.П.Нови-
ковой — Костеловой.

Москва

11/V 1924

Милостивый Государин.

Смерть А. В. Ширяева поразила
своей неожиданностью и неожиданностью
не только Вас, но и всех, знавших его
здесь, в Москве у него был обширный
круг знакомств среди писателей, му-
зыкантов, артистов, было несколько
близких друзей, которые, может быть
и не совсем точно считали отношения к
покойному при жизни, но теперь,
после его смерти одинаково горестно
оплакивают безвременную утрату
его и как выдающегося писателя,
как души, человека и как редкого
таинственного поэта-барда.

Я лично видел с покойным в одном
доме Терзена, даме в одной комнате
Вас впервые, от лета 1923. До конца
1924, мы ~~вместе~~ вместе читали, ~~мы~~
сидели за работами, каждый в своей
среде, обмениваясь взглядами на будущее,
можно сказать без преувеличения
радостные, иногда радостные и
печальные, одинокие печальные. И
когда я не слышал в речях его слова
отчаяния или уныния. Наоборот,
он очень был бодр, много работал, ~~и~~
иногда даже надолго, как песен-
ник. Не знаю, рожден он на собор-
ных условиях, не позволявших творить
доблесть и работать так, как
подобает, но это - рожден всех современ-
ных людей, приважен к творчеству.

Дине Абрамовне
Берзинь
с уважением
Сергей Есенин.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН
Милому поэту
Родичеву
Земляк другу
ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ
Поэт С. Есенин -

11/17/21

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ МОСКВА

ВЫ П И С К А

№ ПРОТОКОЛА ЗАКЛЮЧЕНИЙ БЮРО РИСО АН СССР

28 июня 1968 года

О. Об издании Собрания сочинений С. Соснина в 6-ти томах

Довладелец - чл. корр. АН СССР В. Г. Лазаров

1. В связи с приближением 75-летия /октябрь 1970 г/ со дня рождения С. А. Соснина, подготовить и издать академическое собрание сочинений и писем поэта в 6 томах, общим объемом 120 в.л.

1. Возложить подготовку издания академического собрания сочинений и писем С. А. Соснина на Институт русской литературы /Пушкинский Дом/

2. Просить Комитет по печати при СМ СССР дать указание "Союзпечать" открыть подписку на Собрание сочинений и писем С. Соснина в два объема.

3. Предложить Институту русской литературы /Пушкинский Дом/ подготовить и сдать в Издательство рукописи первых трех томов по времени объявления подписки

4. Издательству "Наука" совместно с Институтом русской литературы разработать график выпуска томов в течение 1971-72 гг., обеспечивая изданий востребованности.

5. Просить Отделение литературы и языка представить на рассмотрение Бюро РИСО состав редакционной академического собрания сочинений и писем С. Соснина.

И.п. Зам. Председателя РИСО
Ивадомин

А. А. Минин

Ученый секретарь

Е. С. Литвинцова

Разослано: Изд-во "Наука", 1/0 Изд-ва, ИЛИ, СЛ

Член диссертаций - Л. Л. Прокушева

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Бюро Отделения литературы и языка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

17 декабря 1968 года

§ 52. Утверждение редколлегии академического собрания сочинений и писем С.А.Есенина

Докладчик - член-корреспондент
АН СССР В.Г.Базанов.

Бюро Отделения литературы и языка АН СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Поддержать перед Редакционно-издательским советом АН СССР предложение Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР об утверждении редколлегии академического собрания сочинений С.А.Есенина в следующем составе:

- Шолохов М.А. - академик (Главный редактор)
Храпченко М.Б. - академик
Базанов В.Г. - член-корреспондент АН СССР (Зам. главного редактора)
Тимофеев Л.И. - член-корреспондент АН СССР
Прокушев Ю.Л. - кандидат филологических наук
Федоров В.Д. - поэт

И.п. академик-секретарь
Отделения литературы и языка АН СССР
академик - М.Б.Храпченко

Ученый секретарь Отделения - Е.Ф.Трущенко

Верно:

ВЫ П И С К А

из протокола заседания БЮРО РИСО АН СССР

29 января 1969 года

10. О составе редколлегия Собрания сочинений С.Есенина

Докладчик член-корр.АН СССР В.Г.Базанов

В дополнение к Решению Бюро РИСО от 1.УП.1968 г. утвердить редколлегию Академического Собрания сочинений С.А.Есенина в следующем составе:

академик М.А.Молохов - гл. редактор
академик И.Б.Хранченко
член-корр.АН СССР В.Г.Базанов - зам.гл.ред.
член-корр.АН СССР Л.И.Тимофеев
к.ф.н. О.Д.Прокушев
поэты И.В.Исаковский и В.Д.Федоров

П.п. Председатель
академик
Уч.секретарь

Б.М.Кедров

Е.С.Лихтенштейн

Лисав, Г-165,
Кудрязовские процессы 30/32 л.в. 316.
Ю. А. Прокушев

Документы Бюро Отделения языка и литературы АН СССР,
касающиеся подготовки к изданию Академического Собрания
сочинений С.Есенина (Архив Ю.Прокушева)

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	3
I. За круглым столом <i>Проблемы, взгляды, вопросы</i>	
Ю.Прокушев. Бессмертная душа России (<i>Есенин сегодня, завтра и всегда</i>)	5
Н.Шубникова-Гусева. "...Прелесть незабываемая, неотразимая..." (<i>Поэты русского зарубежья о Есенине</i>)	45
Е.Самоделова. Творчество С.А.Есенина и крестьянская свадьба	60
Л.Киселева. Цикл "Избанные песни" Н.А.Клюева в творческой биографии Сергея Есенина (<i>К постановке вопроса</i>)	95
С.Субботин. Есенин и Клюев (<i>К истории творческих взаимоотношений</i>)	104
Т.Савченко. Сергей Есенин и Иван Приблудный (<i>По неопубликованным материалам</i>)	121
II. Поиски, находки, открытия <i>Сообщения и публикации</i>	
В.Баранов. Московские адреса Сергея Есенина (<i>1912—1916 гг.</i>)	137
Н.Чистяков. В краю уединенном	148
В.Николюк. "Кобыльи корабли" Есенина (<i>Об одной из авторских правок поэмы</i>)	153
Г.Шипулина. "Ты вспомни меня и "Бакинский рабочий"	162
Ю.Паркаев. Они знали поэта	166
Г.Флор-Есенина. Современники Есенина о "Романе без вранья" Мариенгофа	180
С.Кошечкин. Песни Джаббара Карягды (<i>Из кавказских встреч поэта</i>).	186

III. На разных широтах и языках

Текстологические разыскания и библиографические обзоры

Г.Маквей. С.А.Есенин в культурной жизни англоязычных стран (<i>Обзор</i>)	193
Н.Юсов. Малоизвестные публикации стихов Есенина в периодике 1914—1918 гг.	218

IV. С думой о Есенине

Слово поэта

Валентин Сорокин. Белая выюга	226
Именной указатель	239
Альбом	248

Научное издание

О, РУСЬ, ВЗМАХНИ КРЫЛАМИ...

Есенинский сборник

Выпуск I

*Утверждено к печати
Институтом мировой литературы
им. А.М.Горького РАН*

Редактор *Т.Шеханова*

Технический редактор *Т.Мишутина*

ЛР № 04126 от 16.10.91

Оригинал-макет изготовлен
в компьютерном центре ИМЛИ им.Горького

Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура таймс.
Печать офсетная. Печ. л. 8.50 Тираж 2000 экз.

Специализированное издательско-торговое предприятие "Наследие"
121069, Москва, ул. Поварская, д.25а.

Отпечатано с оригинал-макета
в Московской типографии № 2 РАН
121099, Москва, Шубинский пер., б. 3. 2037.

7500e

